58 5/12

F 852

ПУТЕШЕСТВІЯ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

ПУТЕШЕСТВІЯ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Русскіе путешественники-изслѣдователи.
Путешествія
Н. М. Пржевальскаго.
Съ многими иллюстраціями
обработаны М. А. Лялиной
Изданіе А. Ф. Девріена
С.П.Б.
Н. Каразинъ

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

ПУТЕШЕСТВІЯ
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО
ВЪ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

ОБРАБОТАНЫ ПО ПОДЛИННЫМЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ

М. А. Лялиной.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФ. **Э. Ю. ПЕТРИ.**

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.— МОНГОЛІЯ И СТРАНА ТАНГУТОВЪ.— ЛОВЪ-НОРЪ.— ТИБЕТЪ, ВЕРХОВЬЯ И ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РѢКИ.

Съ 53 иллюстраціями и 2 картами.

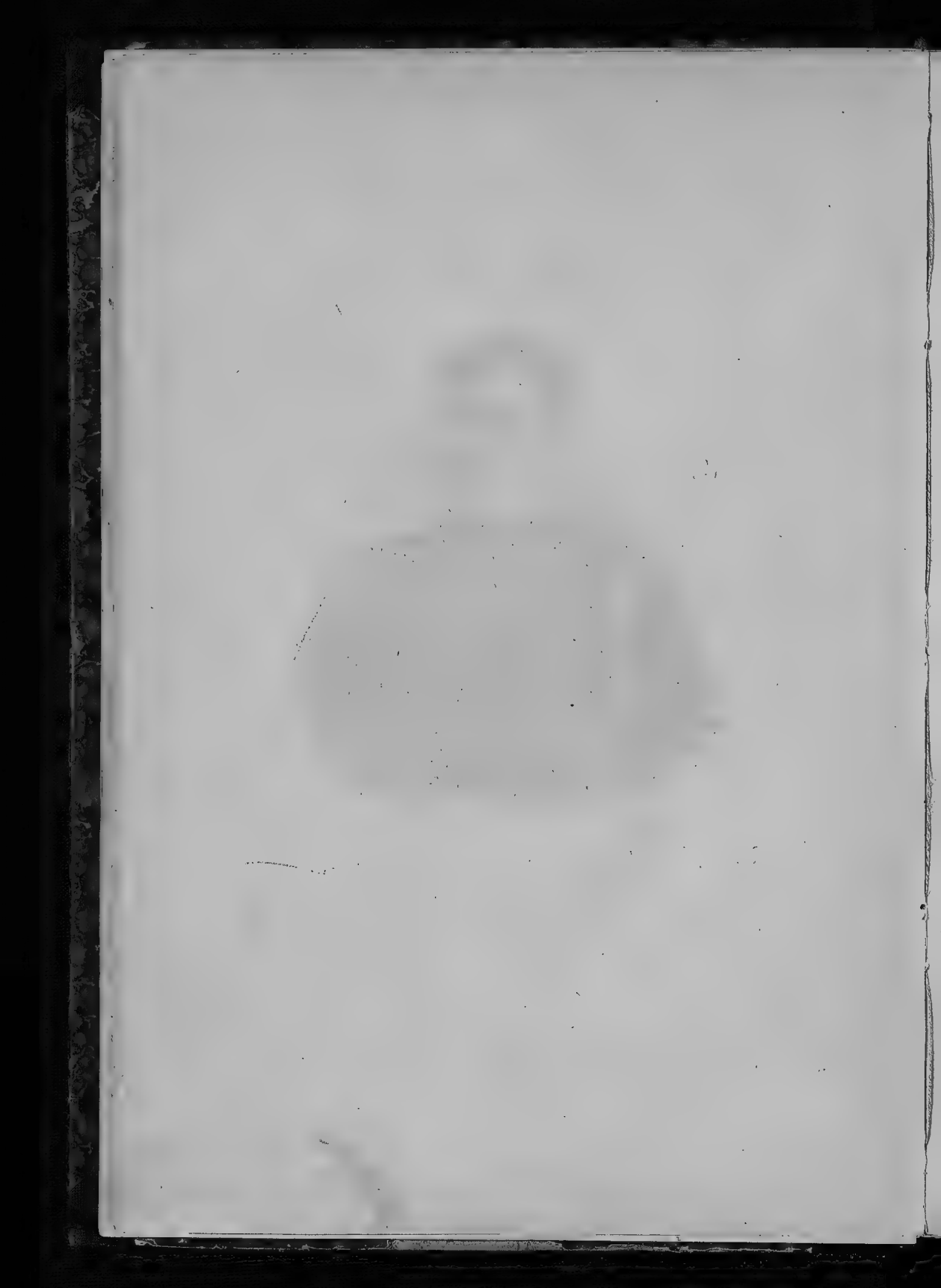
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Октября 1891 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
№ 296721
193 г.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Н. Пржевальскій



Нѣсколько словъ о значеніи Н. М. Пржевальскаго.

Въ исторіи человѣчества неоднократно чередуются періоды усиленнаго стремленія къ тому, чтобы расширить географическій горизонтъ, съ періодами охлажденія къ географическимъ открытіямъ. Такимъ періодомъ подъема, въ которомъ географическій матеріалъ разростался съ поразительною быстротою, была, напримѣръ, эпоха финикіянъ, походовъ Александра Великаго, завоеванія Римской Имперіи. Періодомъ же упадка географическаго интереса представляется намъ начало среднихъ вѣковъ, когда небо вновь оказалось тѣмъ хрустальнымъ сводомъ, который греческая наука воспѣвала въ раннюю эпоху своихъ зачатковъ, когда извѣстный реторъ Лактанцій поражаетъ географовъ вопросомъ о томъ: «какое значеніе для дѣла его спасенія можетъ имѣть то, что онъ откроетъ источники Нила или же изучитъ весь тотъ вздоръ, который ученые выдумали о небѣ?» Къ тысячному году всѣ познанія европейцевъ о дальнихъ странахъ ограничивались свѣдѣніями о Святой землѣ.

Но вотъ смѣлые путешественники и авантюристы внезапно расширили горизонтъ своихъ соплеменниковъ. Какъ бы магиче-

скою силою раздвинуты были и вслѣдъ затѣмъ распались средневѣковыя тѣсныя рамки. Передъ европейцами выступили новые міры, обладаніе которыми совершенно измѣнило весь ходъ и даже строй европейской жизни. Начинателями этого великаго движенія являются смѣлые піонеры, впервые проникнувшіе въ тѣ среднеазіатскія глухія дебри и пустыни, съ которыми связано имя нашего великаго путешественника, *Пржевальскаго*. Мы имѣемъ въ виду религіозныя посольства и путешествія *Плана Карпини, В. Рубрука* и др. На ряду съ носителями христіанства по кровавому слѣду крестоносцевъ проникали однако въ Азію и торгаши. Пиза, Генуа и Венеція вели постоянныя сношенія съ богатыми странами Азіи. Одинъ изъ смѣлыхъ сыновей царицы Адріи, Венеціи, пріобрѣлъ славу величайшаго изслѣдователя Азіи; это былъ *Марко Поло* «первый землепроходецъ всего міра и Индіи», какъ названъ онъ на портретѣ въ Римѣ. Но вліяніе этихъ и другихъ предтечей эпохи «великихъ географическихъ открытій» было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ переворотомъ, который совершили несчастнѣйшій и величайшій изъ героевъ этой эпохи генуэзецъ *Христофоръ Колумбъ*, португалецъ *Васко-де-Гама*, *Магеланъ* и др. Но надъ эпохою великихъ открытій тяжелою, кровавою тучею стоитъ воспоминаніе объ ужасахъ, совершенныхъ алчными испанцами и португальцами въ открытыхъ ими заатлантическихъ странахъ.

Предпослѣдняя эпоха великихъ открытій относится къ концу прошлаго вѣка и къ началу нынѣшняго. Она не имѣла ни того распространенія, ни той важности, какъ только что упомянутая эпоха, но за то она проникнута духомъ, чуждымъ грабежа, и поэтому болѣе достойна человѣчества. Первые шаги къ пробужденію географическаго интереса сдѣланы были въ эту эпоху опять таки въ земляхъ близкихъ намъ, на нашемъ дальнемъ сѣверѣ и на востокѣ. Мы говоримъ о такъ называемой «великой сѣверной экспедиціи» (1734—1743), которую извѣстный полярный

изслѣдователь *Норденшёльдъ* обозначилъ «какъ одну изъ величайшихъ географическихъ экспедицій, извѣстныхъ въ исторіи»; съ нею связаны имена *Мюллера, Фишера, Гмелина, Штеллера, Крашенинникова* и др.; къ нимъ уже впослѣдствіи примыкаютъ имена знаменитыхъ кругосвѣтныхъ плавателей *Кука, Форстеровъ, Крузенштерна, Коцебу* и др.

Въ настоящее время, наконецъ, мы несомнѣнно переживаемъ новую эру великихъ географическихъ открытій; она началась уже въ серединѣ настоящаго столѣтія и характеризуется еще большимъ преобладаніемъ научнаго интереса надъ матеріальными побужденіями и несравненно болѣе широкою постановкою задачъ научнаго путешественника. Главнымъ объектомъ современныхъ изслѣдователей-географовъ является Африка, связанная съ именами *Ливингстона, Стэнлея, Нахтигаля*, русскихъ ученыхъ *Швейнфурта, Юнкера* и др.

Но на ряду съ Африкою интересъ географовъ съ силою, все болѣе возрастающею, приковываетъ къ себѣ Азія и этому наука обязана главнымъ образомъ русскимъ именамъ. Благодаря трудамъ *Федченки, Сѣверцова, П. Семенова, Потанина* и многихъ другихъ, но конечно прежде всего благодаря *Н. М. Пржевальскому* карта Азіи совершенно измѣнилась. Не даромъ на памятникѣ Пржевальскаго будетъ красоваться смѣлая надпись «Первому изслѣдователю природы Средней Азіи»! Не даромъ Пржевальскій болѣе другихъ русскихъ ученыхъ съумѣлъ обратить вниманіе Запада на успѣхи науки въ Россіи и удостоился наивысшихъ научныхъ почестей! Пржевальскаго неоднократно сравнивали съ *Марко Поло*, но онъ неизмѣримо выше своего предшественника и по образованію, и по умѣнію наблюдать, и по идеальнымъ задачамъ своихъ путешествій. Его сравнивали съ знаменитѣйшимъ изслѣдователемъ Африки *Стэнлеемъ*, этимъ человѣкомъ неимовѣрныхъ успѣховъ и неимовѣрной энергіи. Но и это сравненіе далеко неудачно: Пржевальскій чуждъ той рекламы, той нена-

дежности въ сообщеніяхъ и научной неподготовленности, которая такъ умаляетъ значеніе работъ Стэнлея. Въ Пржевальскомъ мы имѣемъ передъ собою личность, открывшую густую завѣсу, которая до него застилала значительную часть Азіи, и ознакомившую насъ не только съ картою посѣщенныхъ имъ областей, но, благодаря замѣчательнымъ научнымъ коллекціямъ и наблюденіямъ, съ климатомъ, растительнымъ, животнымъ и человѣческимъ міромъ ихъ. Мы имѣемъ предъ собой человѣка, безкорыстно и съ энергіею, почти безпримѣрною, служившаго всю свою жизнь наукѣ и интересамъ своего отечества. На громадномъ разстояніи между меридіанами Пекина и Хотана и между параллелями Алвая и верховьевъ Голубой рѣки Пржевальскій среди величайшихъ опасностей и лишеній прошелъ около 30,000 верстъ; онъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ на пути къ новымъ открытіямъ. Мы восторгаемся не только дѣяніями подобныхъ людей, но и духомъ ихъ! Имя Пржевальскаго составитъ школу среди грядущихъ русскихъ путешественниковъ, но біографія этого великаго человѣка должна вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать общему подъему духа народнаго и будить сердца людей чуткихъ.—

Вотъ почему мы считаемъ распространеніе и популяризацію его сочиненій среди юношества дѣломъ въ высшей степени плодотворнымъ, и съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ прекрасной мысли Маріи Андреевны Лялиной, извѣстной тщательностью своихъ работъ, поставить во главѣ серіи разсказовъ о русскихъ путешественникахъ имя величайшаго изъ нихъ.

Проф. **Э. Ю. Петри.**

10 Октября, 1891 года
С.-Петербургъ.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго фамилію Пржевальскаго *).

Въ 1581 г. за мужество и храбрость Карнилу Пржевальскому пожаловано было Стефаномъ Баторіемъ дворянское достоинство.

Отецъ Николая Михайловича былъ восьмымъ потомкомъ храбраго запорожца по мужской линіи. Онъ служилъ въ военной службѣ, но по слабости здоровья рано вышелъ въ отставку. Женившись на Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, дочери сосѣда, Михаилъ Кузьмичъ Пржевальскій поселился въ имѣніи тестя, Кимборовѣ, Смоленской губерніи, гдѣ 31 марта 1839 г. у него родился сынъ Николай, а годъ спустя — сынъ Владиміръ.

Въ 1843 г. Пржевальскіе переселились въ собственную усадьбу «Отрадное», а въ 1846 г. Михаилъ Кузьмичъ умеръ.

Елена Алексѣевна была женщина энергичная и умная. Благодаря ея распорядительности, «Отрадное» стало давать доходъ, вполнѣ достаточный для тихой и скромной жизни. Восемь лѣтъ спустя послѣ смерти мужа, вдова Пржевальская вышла замужъ за Толпыго, человѣка добраго, сердечно относившагося къ пасынкамъ.

---

*) По польски: «прже» значитъ черезъ; валить — воевать.

Сыновей своихъ Елена Алексѣевна любила, но не баловала и за крупныя шалости строго наказывала. Николай Михайловичъ боготворилъ мать и до конца ея жизни съ ней переписывался.

Второю привязанностью Пржевальскаго, послѣ матери, была няня Макарьевна и затѣмъ дядя, Павелъ Алексѣевичъ, жившій въ имѣніи сестры.

Братья Пржевальскіе учились въ Смоленской гимназіи въ одномъ классѣ и до конца курса не разлучались.

Въ деревнѣ, за неимѣніемъ товарищей, Николай Пржевальскій сдружился съ дворовымъ мальчишкой Васькой, большимъ шалуномъ и головорѣзомъ. Мальчики продѣлывали вмѣстѣ разныя шалости, за которыя имъ крѣпко доставалось.

«Не мало розогъ досталось мнѣ въ ранней юности», пишетъ Николай Михайловичъ въ своей автобіографіи, «потому что я былъ препорядочный сорванецъ». Такому строгому наказанію подвергся Пржевальскій даже въ 6-мъ классѣ гимназіи. Однажды школьники порѣшили уничтожить списокъ, въ который ставились отмѣтки. Бросили жребій и онъ палъ на старшаго Пржевальскаго, который стащилъ списокъ и кинулъ его въ рѣку. Когда этотъ подвигъ обнаружился, героя хотѣли выключить, но мать попросила его высѣчь, что и было исполнено. Пржевальскій всю жизнь былъ благодаренъ за эту мѣру и всегда возставалъ противъ уничтоженія розогъ въ заведеніяхъ.

«Что было бы со мною», говорилъ Николай Михайловичъ въ товарищескихъ бесѣдахъ, «еслибъ меня не отодрали, а исключили изъ гимназіи. Навѣрно вышелъ бы изъ меня повѣса изъ повѣсъ».

Не будь этого случая, Пржевальскій могъ бы считаться образцовымъ ученикомъ. Моложе всѣхъ годами, онъ былъ выше всѣхъ въ классѣ по развитію; о необыкновенной памяти его сохранилось много разсказовъ его современниковъ и товарищей. То, что читалъ Пржевальскій, до того запечатлѣвалось въ его

мозгу, что стоило кому нибудь много лѣтъ спустя прочесть двѣ строчки изъ извѣстной ему книги и онъ досказывалъ все остальное, ни на шагъ не отступая отъ текста.

Сосредоточенный и вдумчивый, Николай Пржевальскій неохотно сближался съ товарищами, что не мѣшало ему пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Онъ былъ честенъ, правдивъ, вѣренъ данному слову, всегда защищалъ слабыхъ и бралъ подъ свое покровительство новичковъ, которымъ въ заведеніяхъ того времени, крѣпко доставалось.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали братья Пржевальскіе длинныхъ праздниковъ и въ особенности каникулъ, которые они проводили въ дорогомъ своемъ «Отрадномъ». Жили они съ дядей во флигелѣ и спали съ нимъ въ одной комнатѣ. Павелъ Алексѣевичъ былъ страстный охотникъ и эта страсть передалась Николаю Михайловичу. Цѣлые дни онъ проводилъ на охотѣ, доставляя много дичи для домашняго стола. На 12-мъ году онъ убилъ первую лисицу и съ торжествомъ принесъ ее матери. Дядя снабжалъ племянниковъ порохомъ и дробью, а у матери они выпрашивали свинцовую бумагу, въ которую завертывался чай и изъ нея отливали себѣ пули.

Николай Михайловичъ говорилъ не разъ, что постоянное общеніе съ природою благотворно повліяло на его характеръ. Дѣйствительно, изъ него выработался человѣкъ здоровый душою и тѣломъ, тонко наблюдательный и энергичный. Охота до того увлекала его, что онъ стремился къ намѣченной цѣли, не принимая въ разсчетъ препятствій.

Если случалось, въ погонѣ за звѣремъ или птицей, переплывать рѣку, онъ иногда забывалъ одѣваться и бѣжалъ за своей добычей въ природномъ одѣяніи. Однажды, во время польскаго мятежа, будучи уже офицеромъ, онъ былъ посланъ своимъ начальникомъ въ лѣсъ на развѣдки. Увлекшись охотой, Пржевальскій не замѣтилъ партіи повстанцевъ, которые непремѣнно

взяли бы его въ плѣнъ, еслибъ казакъ не подоспѣлъ на выручку.

Пржевальскій кончилъ курсъ гимназіи въ самый разгаръ севастопольской кампаніи. Понятно, что впечатлительный юноша рвался на войну и 4 сентября 1855 года онъ покинулъ «Отрадное», чтобы поступить въ полкъ вольноопредѣляющимся.

Не понравилась полковая жизнь молодому человѣку; кутежи и попойки были не въ его вкусѣ и офицеры про него говорили: «онъ не нашъ, а только среди насъ». Юноша очень скучалъ по дому и семьѣ и нерѣдко на охотѣ, въ лѣсу, вспоминая «Отрадное», плакалъ.

Пробывъ пять лѣтъ въ полку, Пржевальскій пришелъ къ убѣжденію, что съ жизнью фронтового офицера онъ никогда не сживется и задумалъ поступить въ академію генеральнаго штаба. Произведенный въ офицеры изъ юнкеровъ за выслугу, онъ вовсе не былъ знакомъ съ военными науками и ему много пришлось поработать, чтобъ приготовиться къ экзамену.

По 16-ти часовъ съ сутки Пржевальскій проводилъ за книгами и отдыхалъ только на охотѣ. При необыкновенной памяти онъ овладѣлъ научнымъ матеріаломъ очень скоро, но математика не давалась ему; съ ранняго дѣтства онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе. Тѣмъ не менѣе, проработавъ годъ, онъ рѣшился попытать счастья и поѣхалъ въ Петербургъ. Каково же было его разочарованіе, когда онъ узналъ, что на 90 вакансій явилось 180 конкурентовъ. Онъ ни мало не сомнѣвался, что ему предстоитъ провалиться и вернуться во свояси, но вышло иначе. Половина экзаменующихся явилась совершенно неподготовленною и Николай Михайловичъ поступилъ однимъ изъ первыхъ.

Въ академіи Пржевальскій сразу же обратилъ на себя вниманіе своей наружностью. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и очень симпатиченъ. Прядь бѣлыхъ волосъ на вискѣ при черныхъ волосахъ и смуглости лица, придавала этому послѣднему много оригинальности.

Время, свободное отъ занятій въ академіи, Пржевальскій посвящалъ изученію исторіи и естественныхъ наукъ, военными же предметами занимался мало, вслѣдствіе чего и вышелъ по второму разряду. Въ маѣ 1863 г. онъ отправился въ Польшу и поступилъ въ Полоцкій полкъ адъютантомъ.

Пристрастившись къ научнымъ занятіямъ, Николай Михайловичъ еще больше прежняго тяготился фронтовой службой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не было ни библіотекъ, ни музеевъ и Пржевальскій сталъ хлопотать о переводѣ его въ Варшавское юнкерское училище, куда и былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и географіи. Здѣсь онъ очутился въ своей сферѣ и сразу же занялъ выдающееся положеніе. Умный, честный и добрый, при томъ всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ сердца и былъ любимъ товарищами и юнкерами. Къ послѣднимъ онъ относился съ чисто отеческимъ дружелюбіемъ и много способствовалъ ихъ развитію, устроивъ библіотеку и руководя ихъ чтеніемъ. Лекціи его были увлекательны, такъ какъ помимо знанія предмета, онъ обладалъ даромъ слова и умѣлъ оживить лекцію ссылкою на какой нибудь блестящій примѣръ или геройскій поступокъ. Нерѣдко онъ приводилъ выдержки изъ какого либо сочиненія, декламируя на память цѣлыя страницы. Такіе пріемы увлекали юношей и пробуждали ихъ умственныя силы. Прочитанный отрывокъ заинтересовывалъ читателей и они невольно ощущали желаніе прочесть все сочиненіе.

Кромѣ занятій въ училищѣ и подготовкѣ для лекцій, Николай Михайловичъ не прекращалъ работы по самообразованію. Онъ вставалъ въ четыре часа и тотчасъ же садился заниматься. Отъ 8—12 онъ читалъ лекціи въ училищѣ и наскоро позавтракавъ гдѣ нибудь по дорогѣ, отправлялся въ музей, гдѣ закрѣплялъ пріобрѣтенныя изъ книгъ свѣдѣнія. Въ 3 часа онъ снова приходилъ въ училище и занимался перепискою, какъ правитель дѣлъ, и библіотекою. Онъ не любилъ ни общественныхъ увесе-

леній, ни театровъ, въ гости ходилъ рѣдко и то только къ сослуживцамъ; большую часть вечеровъ проводилъ дома. Иногда приходили къ нему юнкера, бесѣдовали, читали; въ случаѣ же, если хозяину нужно было заниматься, онъ не стѣсняясь уходилъ въ кабинетъ, а молодежь оставалась и проводила время за чтеніемъ. Деньщикъ угощалъ юнкеровъ чаемъ и закусками, приговаривая: «Шш. не шумите; Николай Михайловичъ этого не любятъ, когда занимаются».

Отдаваясь всей душой умственнымъ и педагогическимъ занятіямъ, Пржевальскій не переставалъ мечтать о путешествіи. Городская жизнь и кабинетныя занятія не удовлетворяли его; ему хотѣлось на просторъ, къ природѣ. Онъ задумалъ, было, идти по слѣдамъ Беккера для открытія истоковъ Бѣлаго Нила, но для этой цѣли нужно было много денегъ, которыхъ не имѣлось и Николай Михайловичъ направилъ свои взгляды на Азію, куда надѣялся получить командировку. Но и эта надежда осуществилась не сразу. Въ Петербургѣ ему прямо сказали, что прежде чѣмъ быть назначеннымъ въ экспедицію, требующую не малыхъ затратъ, нужно чѣмъ нибудь заявить себя. Находя подобный взглядъ вполнѣ основательнымъ, Пржевальскій сталъ хлопотать о переводѣ его на службу въ Сибирь и 17 ноября 1866 года послѣдовалъ приказъ о причисленіи его къ генеральному штабу, съ назначеніемъ для занятій въ Восточно-сибирскій округъ.

Ученики и товарищи съ грустью узнали о подобномъ назначеніи, но самъ Пржевальскій былъ въ восторгѣ. «Я радъ до безумія» писалъ онъ пріятелю своему Фатѣеву. «Мнѣ выпала завидная доля и трудная обязанность изслѣдовать мѣстность, въ большей части которой еще не ступала нога Европейца. Тѣмъ болѣе, что это будетъ первое заявленіе о себѣ ученому міру, слѣдовательно, нужно поработать усердно».

Путешествіе по Уссурійскому краю.

Глава I.

Въ концѣ марта 1867 года Пржевальскій прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ, въ ожиданіи назначенія, усиленно работалъ въ библіотекѣ Сибирскаго отдѣла географическаго общества, добросовѣстно изучая все, что только было написано объ Уссурійскомъ краѣ.

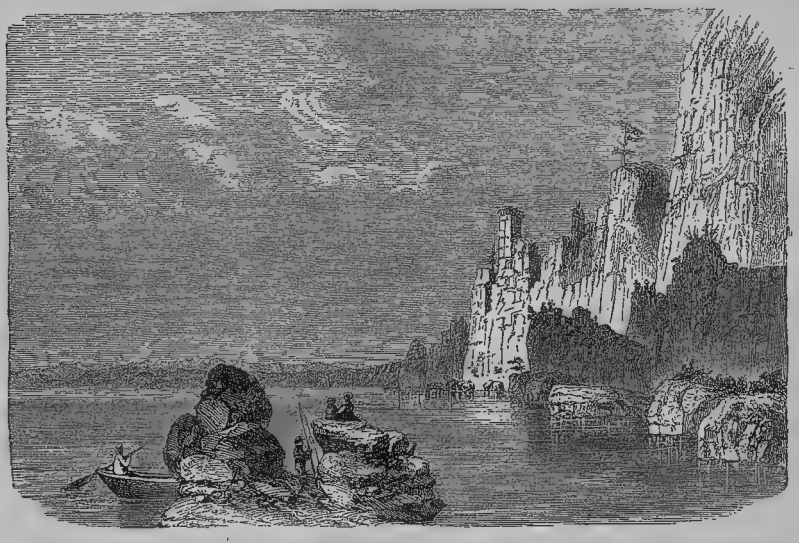
Въ началѣ Мая окончательно выяснилась цѣль его командировки въ эту мѣстность, а 26 Мая онъ уже двинулся въ путь.

Въ 60 верстахъ отъ Иркутска онъ увидалъ величественный Байкалъ, окаймленный высокими горами, на которыхъ, мѣстами, лежалъ еще снѣгъ.

Перерѣзавъ Байкалъ на пароходѣ, Пржевальскій съ спутникомъ своимъ, юношей Ягуновымъ, сѣлъ на почтовую тройку и отправился въ дальнѣйшій путь. Проѣхавъ безостановочно тысячу верстъ поперегъ всего Забайкалья, Пржевальскій 9 Іюня прибылъ въ селеніе Срѣтенское на р. Шилкѣ, откуда начиналось пароходное сообщеніе съ Амуромъ.

Проѣзжая по Забайкалью, Пржевальскій хотѣлъ наблюдать весенній перелетъ птицъ, но къ сожалѣнію, онъ еще не начался. Не смотря на конецъ Мая, весна была въ зачаточномъ состояніи; трава едва начинала зеленѣть и ночью случались порядочные

морозы. Изъ пернатыхъ можно было видѣть только утокъ, плавающихъ по степнымъ озеркамъ, да небольшія стаи дрофъ. Коегдѣ важно расхаживалъ одинокій журавль, да лебедь кликунъ



Утесистый берегъ Байкала.

заявлялъ о себѣ рѣзкимъ крикомъ. Зато жаворонокъ въ вышинѣ всласть заливался своею звонкою трелью и сильно оживлялъ безмолвныя степи.

Изъ животнаго царства попадались тарабаганы, небольшіе звѣрьки изъ породы грызуновъ, живущіе въ норахъ, устраиваемыхъ подъ землею. Большую часть времени эти звѣрьки проводятъ внѣ норокъ, добывая себѣ пищу, или грѣясь на солнцѣ. Застигнутый врасплохъ, тарабаганъ пускается бѣжать, что есть духу, и останавливается лишь у отверзтія норы, считая себя здѣсь въ безопасности; но, по природѣ, крайне любопытный, звѣрекъ не прячется въ нору, а привставъ на заднія лапки, съ удивленіемъ разсматриваетъ своего непріятеля. Въ эти минуты

убить его легко; но если онъ только раненъ, то немедленно забирается въ норку, гдѣ и умираетъ. Откопать же мертваго звѣрька очень трудно, такъ какъ норы идутъ извилинами и довольно глубоко подъ землей.

Русскіе не охотятся на тарабагана, но буряты и тунгузы промышляютъ имъ. Мясо они ѣдятъ, а жиръ продаютъ. Добываніе тарабагановъ производится различнымъ способомъ: ихъ стрѣляютъ изъ ружей, ловятъ въ петли, наконецъ, откапываютъ поздней осенью, когда уже звѣрьки предались зимней спячкѣ. Случается, что при откапываніи, промышленникъ нападаетъ на цѣлое общество и сразу забираетъ двадцать штукъ.

Отъ Срѣтенска, какъ уже сказано выше, пароходы отправляются внизъ по Шилкѣ къ Амуру. Вверхъ пароходы ходятъ верстъ на сто до Нерчинска и то лишь въ большую воду.

Девятаго Іюня Пржевальскій сѣлъ на пароходъ, который, отойдя немного, наскочилъ на камень, сдѣлалъ огромную пробоину и долженъ былъ остановиться для починки. Не предвидя конца этому сидѣнью, Пржевальскій съ товарищемъ рѣшился ѣхать на простой лодкѣ. Такое путешествіе имѣло свое преимущество, такъ какъ давало возможность поближе ознакомиться съ мѣстностью.

На всемъ двухсотверстномъ протяженіи своемъ, берега Шилки носятъ дикій характеръ. Эта рѣка, въ 70—100 сажень ширины, быстро стремится между лѣсистыми горами, которыя, въ иномъ мѣстѣ, вдвигаются въ нее голыми отвѣсными утесами и только изрѣдка образуютъ неширокія пади и долины.

Не смотря на половину Іюня, у береговъ, кое-гдѣ, встрѣчались толстые ледяные припаи, которые, какъ говорятъ, попадаются еще и въ Іюлѣ.

Мѣстами дорога шла обходомъ, по лѣсу, и стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону, чтобъ очутиться въ дѣвственномъ лѣсу, еще не тронутомъ рукою человѣка.

Видъ Шилки (по Мааку).

По пути, Пржевальскій занимался стрѣляніемъ птицъ и звѣрей. Ему посчастливилось даже убить кабаргу, которая переплывала Шилку. Въ этой мѣстности кабарги много и мѣстные жители охотятся за нею, излавливая ее въ западню. Кромѣ того, кабаргу и косулю можно приманивать на пищикъ, который подражаетъ голосу ея дѣтеныша. Хотя мясо кабарги и употребляется въ пищу, но оно не вкусно. Главнымъ образомъ цѣнится мускусъ, который помѣщается у этого звѣря въ мѣшочкѣ подъ животомъ.

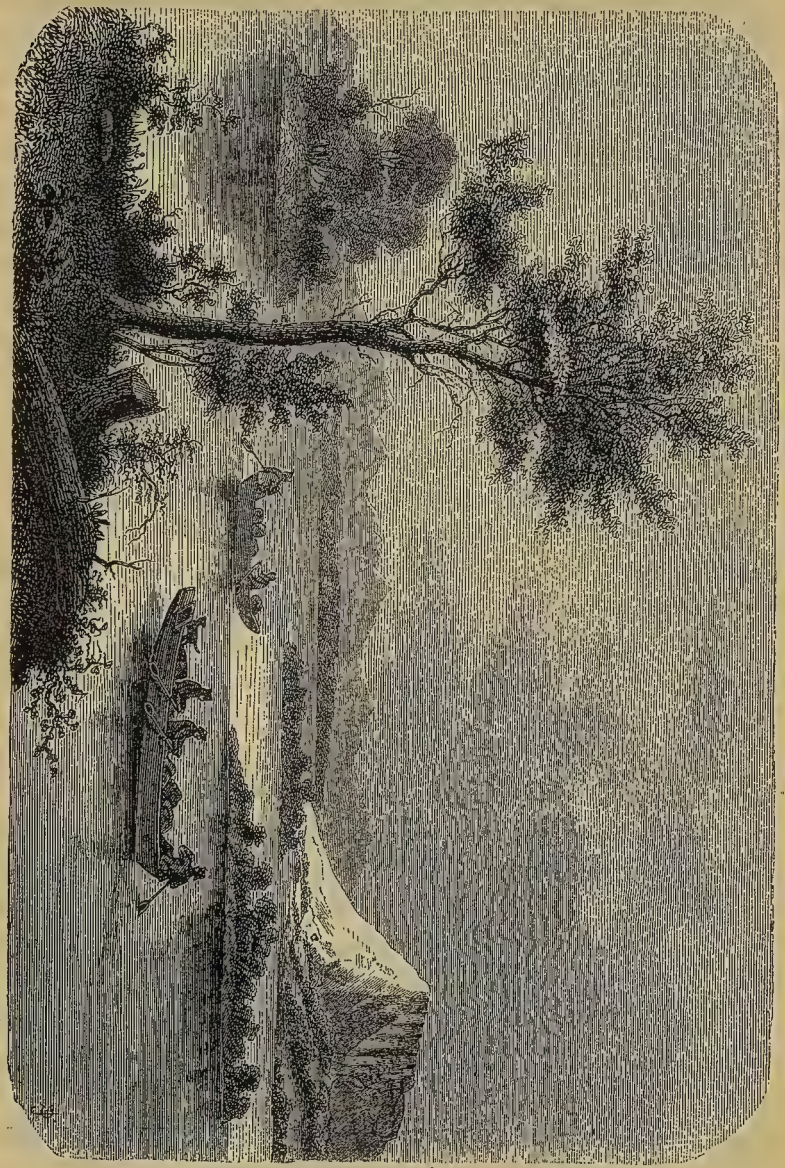
Быстрота теченія Шилки позволяла пловцамъ дѣлать по сту верстъ въ сутки и 14 Іюня Пржевальскій достигъ того мѣста, гдѣ Шилка, сливаясь съ Аргунью, даетъ начало великому Амуру.

Пробиваясь сквозь сѣверную часть Хинганскаго хребта, Амуръ, въ верховьяхъ своихъ, имѣетъ не болѣе 150 сажень ширины. Здѣсь находится казачья станица Албазинъ, замѣчательная тѣмъ, что въ XVII столѣтіи, небольшая горсть казаковъ отбила нападеніе многочисленнаго китайскаго войска, осаждавшаго станицу. Въ ней и до сихъ поръ видны остатки прежнихъ укрѣпленій, а на противоположномъ островѣ сохранились слѣды китайскихъ батарей.

Благодаря сосѣдству богатѣйшихъ золотыхъ розсыпей, станица процвѣтаетъ; въ ней насчитывается болѣе ста дворовъ.

За Албазиномъ, Амуръ дробится на множество рукавовъ, образующихъ очень живописные острова. Быстрота теченія такъ велика, что слышенъ шумъ гальки, которую катитъ рѣка по своему каменистому ложу. Горы, постепенно понижаясь, принимаютъ болѣе мягкій характеръ.

По всему лѣвому берегу Амура, вплоть до Благовѣщенска, поселены казаки, которыхъ насчитывается здѣсь до 7400 душъ обоего пола. Казаки живутъ въ станицахъ, занимаются земледѣліемъ и ежегодно выставляютъ на службу около 150 человѣкъ; а въ случаѣ нужды могутъ выставить и 800.



Амурскій пейзажъ (по Мааку).

Кромѣ казаковъ встрѣчаются на верхнемъ Амурѣ Орочены и Манегры, два племени кочующихъ инородцевъ, промышляющихъ охотою и рыбною ловлею. Продукты своего промысла они мѣняютъ у Русскихъ на нужныя для нихъ вещи. Проѣзжая на пароходѣ отъ Албазина до Благовѣщенска, путешественникъ можетъ видѣть этихъ дикарей, которые, заслышавъ шумъ пароходныхъ колесъ, выбѣгаютъ изъ своихъ берестяныхъ юртъ, толпятся на берегу и смотрятъ, розиня ротъ, на рѣчное чудовище. Пароходъ проходитъ и снова водворяется тишина.

Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ теплѣе становится воздухъ и роскошнѣе растительность. На лугахъ пестрѣютъ піоны, лиліи, касатики и другіе цвѣты; въ лѣсахъ появляются разнообразнѣйшія породы деревьевъ.

Миновавъ извѣстную излучину Улусъ-Миданскую, гдѣ Амуръ, сдѣлавъ крутую дугу въ 28 верстъ, снова подходитъ версты на двѣ къ прежнему мѣсту, Пржевальскій 20 Іюня прибылъ въ Благовѣщенскъ, центръ управленія всей Амурской области. Благовѣщенскъ — городишко ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ нѣтъ ни гостинницы, ни постоялаго двора и бѣдному путешественнику приходится ходить изъ дома въ домъ и просить пріюта какъ милости, хотя за эту милость въ грязной конурѣ какого нибудь солдата, обыкновенно, дерутъ втридорога.

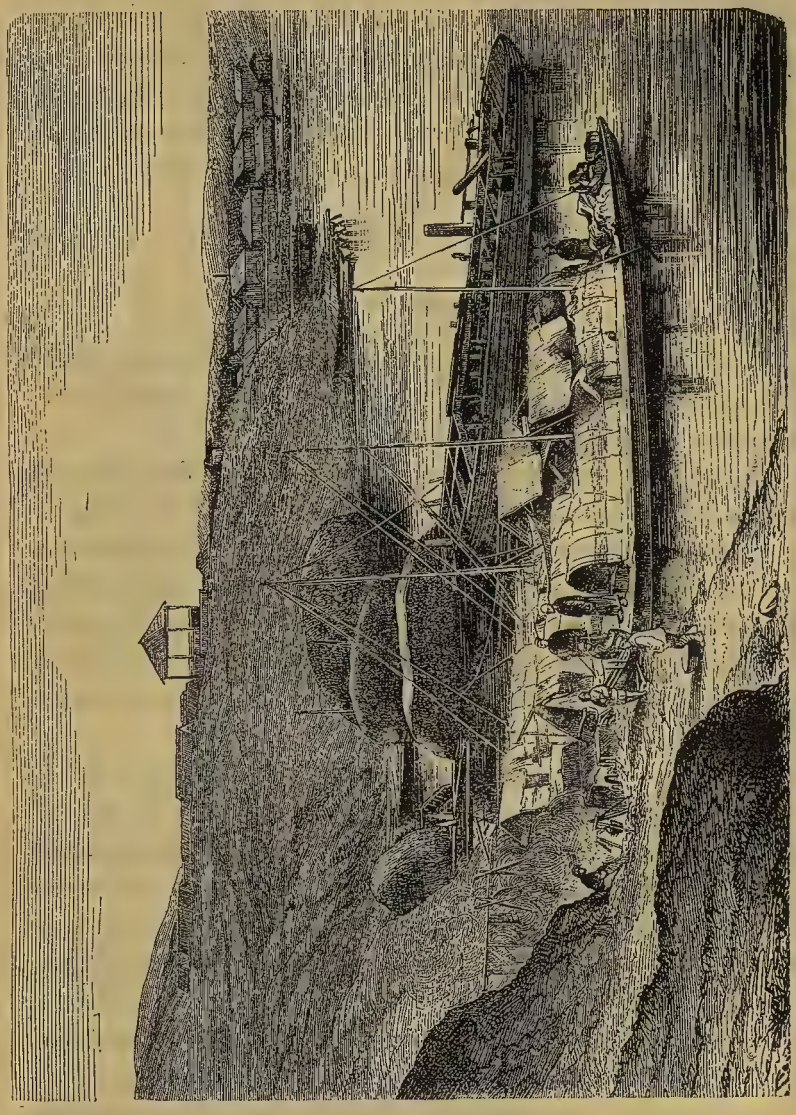
Версты за двѣ до Благовѣщенска въ Амуръ впадаетъ рѣка Зея, имѣющая здѣсь до двухъ верстъ ширины. Далѣе, къ Николаевску, берега Амура мѣняютъ характеръ. Горы, то отодвигаются въ сторону, то снова подступаютъ къ берегу. За Благовѣщенскомъ попадаются Манчжурскія селенія и Манчжурскій городъ Айгунъ, въ которомъ до 15,000 жителей. Посреди города—ограда изъ частокола, важно именуемая крѣпостью. Здѣсь живетъ Амбань, или губернаторъ Айгуна.

Кромѣ казацкихъ станицъ, по Амуру встрѣчаются русскіе крестьяне, выселившіеся сюда изъ Россіи.

Верстахъ въ 150 отъ Благовѣщенска, Амуръ снова сжимается горами, покрытыми лиственными лѣсами; тутъ уже попадаются породы, болѣе свойственныя южному климату. Буреинскія горы считаются границею между верхнимъ и среднимъ те-

Благовѣщенскъ.

ченіемъ Амура. Здѣсь, на протяженіи цѣлыхъ 70 верстъ, Амуръ съуживаетъ свое русло и безъ всякихъ рукавовъ, быстро и извилисто стремится между горами, представляя на каждомъ шагу великолѣпные ландшафты. Высокою, отвѣсною стѣною подходятъ горы къ самому берегу; такъ и кажется, что пароходъ ударится прямо въ скалу; вдругъ крутой поворотъ—и восхищенному взору представляется новая чудная панорама. Едва успѣетъ путникъ полюбоваться ея красотою, какъ появляются картины еще лучшія и такъ быстро смѣняютъ одна другую, что едва возможно удержать ихъ въ воображеніи.



Манчжурскія суда на Амурѣ.

По выходѣ изъ Буреинскихъ горъ, Амуръ разбивается на нѣсколько рукавовъ; главное же русло расширяется и, принявъ въ себя притокъ Уссури, достигаетъ трехверстной ширины.

Іюня 26, ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Иркутска, Пржевальскій высадился въ селеніи Хабаровкѣ, лежащемъ при устьѣ Уссури, откуда онъ и началъ свою научную экскурсію.

Глава II.

Уссурійскій край, пріобрѣтенный нами по Пекинскому договору въ 1860 году, граничитъ съ Манчжуріею и Кореею и захватываетъ побережье Японскаго моря.

Страна эта лежитъ на одной широтѣ съ Испаніею, Южной Франціею, сѣверной и средней Италіею и южной Россіею, но подъ вліяніемъ различныхъ физическихъ условій имѣетъ климатъ совершенно иного склада, чѣмъ вышеназванныя Европейскія мѣстности. Растительный и животный міръ Уссурійскаго края, при своемъ громадномъ богатствѣ, представляетъ въ высшей степени оригинальную смѣсь формъ, свойственныхъ, какъ сѣверу, такъ и югу.

На ряду съ березой и осиной встрѣчаются абрикосы, яблони, груши и даже димофрантъ — пальмообразное дерево южной, подтропической мѣстности. Характерную черту здѣшнихъ лѣсовъ составляетъ густой подлѣсокъ различныхъ кустарниковъ, между которыми попадается сирень, жимолость и рододендрумъ. Растительность особенно роскошна по горнымъ скатамъ и въ падяхъ, орошаемыхъ ручьями. Здѣсь, часто на небольшомъ пространствѣ, тѣснятся самыя разнообразныя породы деревьевъ и кустарниковъ, образующихъ густыя заросли, переплетенныя вьющимися растеніями. Въ такихъ мѣстностяхъ особенно роскошно развивается виноградъ, который то стелется по землѣ и покрываетъ ее

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

сплошнымъ зеленымъ ковромъ, то обвиваетъ, какъ ліаны тропиковъ, кустарники и деревья и свѣшивается съ нихъ роскошными гирляндами. Какъ то странно непривычному взору видѣть такое смѣшеніе формъ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ на ряду съ кедромъ и пихтою.

По изслѣдованіямъ доктора Регеля, на Уссури извѣстно до сихъ поръ 570 дикорастущихъ и 29 культурныхъ видовъ; въ дѣйствительности же ихъ гораздо больше. Характеръ страны гористый, но горы достигаютъ здѣсь лишь средней высоты и при мягкости своихъ очертаній вездѣ могутъ быть доступны. Орошеніе весьма обильно и рѣка Уссури составляетъ главную водную жилу страны. Къ за Уссурійскому краю слѣдуетъ отнести бассейнъ озера Ханка и южное побережье Японскаго моря, по которому тянутся отроги хребта Сихото-Алиня. Море образуетъ много заливовъ большихъ и малыхъ и полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, на которомъ стоитъ городъ Владивостокъ.

На правомъ берегу Уссури расположено 27 казачьихъ станицъ, находящихся на разстояніи 10—25 верстъ одна отъ другой. Всѣ онѣ выстроены на одинъ ладъ: вытянуты въ линію съ огородами позади строеній.

Живущіе здѣсь казаки переселены сюда въ періодъ 1858—1862 г. изъ Забайкалья. Они выбирались не по желанію, а по жребію; волей неволей должны они были бросить родину и идти въ невѣдомый край. При такихъ условіяхъ, казаки смотрѣли на себя какъ на ссыльныхъ и неохотно принимались за дѣло. Къ тому же большая часть изъ нихъ лишилась во время труднаго пути всего имущества: скотъ передохъ во время плаванія на баржахъ по Амуру, хлѣбъ и сѣмена подмокли, или совсѣмъ потонули; много добра пропало при перегрузкахъ. Словомъ — казаки явились на Уссури, въ полномъ смыслѣ, голышами. Неу-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
РСФСР
№ .....
«.....» ..... 193 г.

дачно начатое хозяйство не налаживается и до сихъ поръ и бытъ казаковъ нисколько не улучшается.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, какимъ образомъ люди могутъ бѣдствовать въ странѣ, гдѣ почва плодородна, воды кишатъ рыбою, а лѣса полны всякимъ звѣремъ; стоитъ только пойти съ ружьемъ, чтобъ убить козу или изюбря; забросить сѣть, чтобъ наловить сколько угодно рыбы. Живутъ же инородцы и имѣютъ возможность прокормить себя и семью. Но если вглядѣться поближе, причины такого явленія становятся понятны. Климатическія условія Уссурійскаго края совсѣмъ не похожи на тѣ, къ которымъ привыкли казаки на родинѣ. Рѣки часто выходятъ изъ береговъ и затопляютъ долины, наиболѣе удобныя для хлѣбопашества; на высокихъ же мѣстахъ ростетъ лѣсъ и корчевка его требуетъ большого труда и энергіи. Отъ влажности воздуха здѣсь чрезвычайное обиліе комаровъ и мошекъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «гнуса», отъ котораго скотъ бѣжитъ какъ съумасшедшій, ничего не ѣстъ и за лѣто худѣетъ, а не отъѣдается.

Конечно, съ такими трудностями бороться можно, что и доказываютъ китайцы, живущіе рядомъ съ казаками. Скотъ у Китайцевъ превосходный, такъ какъ они выгоняютъ его на пастбище во время, знаютъ гдѣ разложить дымокуры; а казаки выгоняютъ скотину куда и какъ попало, разсчитывая на русское «авось».

Также предусмотрительно поступаютъ китайцы и относительно хлѣбопашества. Русскіе сѣютъ хлѣбъ по привычкѣ, слишкомъ рано и онъ начинаетъ созрѣвать въ Іюлѣ, какъ разъ въ эпоху наводненій; между тѣмъ, осень въ Уссурійскомъ краѣ прекрасная и китайцы сѣютъ хлѣбъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы снять его въ Сентябрѣ и даже въ Октябрѣ. Поэтому вода заливаетъ ихъ хлѣбъ въ состояніи озими и приноситъ ему не вредъ, а пользу. Оттого и выходитъ, что русскіе свой хлѣбъ гноятъ, а

китайцы собираютъ обильную жатву. Кромѣ того, китайцы не лѣнятся разрабатывать возвышенности, куда вода достигнуть не можетъ. Еслибъ, при поселеніи казаковъ, имъ даны были опытные руководители, можетъ быть дѣло пошло бы иначе; но съ другой стороны, они не дѣти и еслибъ желали трудиться, то сосѣди китайцы могли бы служить имъ хорошимъ примѣромъ. Къ сожалѣнію, переселенцевъ губитъ лѣнь, апатія и неразлучные съ праздностью пороки.

Такое положеніе вещей отражается и на внѣшнемъ видѣ казаковъ: они блѣдны, худы, невысоки ростомъ и вообще тщедушны; даже дѣти здѣсь какія то вялыя, неигривыя.

Хабаровка живописно раскинулась на правомъ гористомъ берегу Уссури, при сліяніи ея съ Амуромъ. Она основана въ 1837 г. линейными казаками и считается центромъ мѣстной торговли. Главный товаръ составляютъ здѣсь соболи, которыхъ привозятъ до 20,000. Торгуютъ ими по большей части китайцы, пріобрѣтая ихъ отъ мѣстныхъ инородцевъ по дешевой цѣнѣ, или въ промѣнъ на предметы продовольствія и домашняго обихода.

Пробывъ нѣсколько дней въ Хабаровкѣ, Пржевальскій, чтобъ лучше ознакомиться съ краемъ, не поѣхалъ на пароходѣ, но купилъ лодку и нанялъ гребцовъ, посмѣнно, отъ станціи до станціи.

Плаваніе по Уссури отъ устья до послѣдней станицы Буссе (477 в.) совершилось въ 23 дня и во все это время шли сильные дожди, служившіе большою помѣхою для путешественника. Собранныя растенія и чучела птицъ сильно страдали отъ сырости; а большая вода на Уссури, поднявшаяся сажени на двѣ выше обыкновеннаго уровня, затопила луга и не давала возможности, иногда въ теченіи цѣлаго дня, выходить изъ лодки.

По лѣвому берегу Уссури, въ нижнемъ ея теченіи, вплоть отъ Амура тянутся необозримыя равнины, въ видѣ заливныхъ

Хабаровка на Амурѣ.

низменностей со множествомъ большихъ и малыхъ озеръ. Мѣстами, черезъ эти низины проходятъ узкіе и длинные увалы, по туземному — рёлки, идущія во всѣхъ направленіяхъ. Травы здѣсь богатыя. Весною, когда цвѣтетъ касатикъ, вся равнина залита лазоревымъ цвѣтомъ, осенью — розовымъ отъ розовыхъ цвѣтовъ мытника. На рёлкахъ — растительность еще разнообразнѣе: здѣсь уже растутъ деревья и кустарники. На правомъ берегу Уссури вздымается высокій хребетъ Хехцыръ, сплошь покрытый лѣсами самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ. Цвѣтущіе кустарники окаймляютъ, какъ бы гирляндой, темную зелень лѣса.

Среднее теченіе отличается обиліемъ горъ, которыя идутъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, подходя къ ней, то пологими скатами, то крутыми и отвѣсными утесами. Иногда же, береговыя горы отступаютъ немного въ сторону и оставляютъ мѣсто для неширокой долины.

Въ верхнемъ теченіи, снова появляются равнины, горы становятся ниже и уходятъ дальше. Чѣмъ выше, тѣмъ уже и мельче становится Уссури и за впаденіемъ рѣки Сунгачи, приносящей воды озера Ханка, перестаетъ быть судоходною.

Вверхъ по теченію, чрезвычайно быстрому, лодка двигалась медленно и Пржевальскій съ товарищемъ, гдѣ было можно, шли берегомъ, собирая растенія и стрѣляя птицъ. Казаки — гребцы находили подобныя занятія глупостью и ребячествомъ. Одни — смотрѣли на коллекціи презрительно; другіе, думая, что въ растеніяхъ заключается цѣлебная сила, просили открыть имъ секретъ. Станичные писаря и старшины, какъ люди болѣе образованные, зачастую предлагали такіе вопросы: «Какіе вы это, ваше Высокоблагородіе, климаты составляете?» Однажды, старикъ казакъ, видя, что Пржевальскій долго не ложится спать и все возится съ коллекціями, воскликнулъ: «Охъ, служба, служба царская; много она дѣлаетъ заботы и господамъ!»

Въ станицѣ Буссе, Пржевальскому пришлось остановиться въ той же квартирѣ, гдѣ въ 1860 году жилъ ботаникъ Максимовичъ. На разспросы о немъ, хозяинъ презрительно отвѣчалъ: «Богъ его знаетъ, травникъ какой то. Собиралъ травы, набивалъ звѣрьковъ и птичекъ, даже ловилъ мышей, червячковъ и козявокъ; словомъ — гнусъ всякій».

Разскажемъ словами Пржевальскаго его времяпровожденіе въ теченіи дня:

«Чуть свѣтъ, обыкновенно я вставалъ и наскоро напившись чаю, пускался въ путь. Въ тихое безоблачное утро, Уссури гладка какъ зеркало и только кой-гдѣ всплеснувшая рыба взволнуетъ на минуту поверхность воды. Природа уже проснулась и безпокойныя крачки снуютъ по рѣкѣ, безпрестанно бросаясь въ воду, чтобъ схватить намѣченную рыбу. Сѣрыя цапли важно расхаживаютъ по берегу; мелкіе кулички проворно бѣгаютъ по песчанымъ откосамъ и многочисленныя стаи утокъ перелетаютъ съ одной стороны рѣки на другую. Голубыя сороки и шрикуны неумолкая кричатъ по островамъ, гдѣ начинаетъ поспѣвать любимая ихъ ягода, черемуха. Изъ ближайшаго лѣса доносится голосъ китайской иволги, которая больше, красивѣе европейской и свиститъ громче. То тамъ, то здѣсь мелькнетъ украдкою какой нибудь хищникъ, а высоко въ воздухѣ носится большой стрижъ, который — то поднимается къ облакамъ, такъ что его почти не видно, то мелькнувъ какъ молнія, опускается до поверхности рѣки, чтобъ схватить мотылька. Дѣйствительно, этотъ превосходный летунъ едва ли имѣетъ соперника по быстротѣ; даже хищный соколъ не можетъ поймать его. Я видѣлъ какъ пролетало цѣлое стадо стрижей, а соколъ-чеглокъ преспокойно сидѣлъ на деревѣ, зная напередъ, что ему не догнать этихъ чудныхъ летуновъ.

Выплываемъ на узкую протоку (рукавъ рѣки), берега которой обросли какъ стѣною густыми зелеными ивами, и передъ

нами является голубой зимородокъ, который сидитъ какъ истуканъ на сухомъ, выдающемся надъ водою суку дерева и выжидаетъ мелкихъ рыбокъ, единственную его пищу. Потревоженный нашимъ появленіемъ, онъ вспархиваетъ и улетаетъ прочь.

Поднимается выше солнце, наступаетъ жара и утренніе голоса смолкаютъ. Зато оживаетъ міръ насѣкомыхъ и множество бабочекъ порхаетъ на песчаныхъ берегахъ рѣки. Между ними безспорно самая красивая «Papylio Maaki» въ ладонь величиной, превосходнаго голубого цвѣта съ различными оттѣнками. Но вмѣстѣ съ бабочками появляются тучи мучащихъ насѣкомыхъ: комаровъ, мошекъ и оводовъ, ни днемъ, ни ночью не дающихъ покою. Нечего и думать безъ дымокура присѣсть на Уссурійскомъ лугу. Мошки обсыплютъ человѣка какъ снѣжная пыль во время бури.

Сумерки наступаютъ здѣсь довольно быстро и въ темнотѣ начинаютъ мелькать, какъ звѣздочки, свѣтящіяся насѣкомыя. Дневныя птицы смолкаютъ и ихъ замѣняютъ ночныя въ весьма, впрочемъ, ограниченномъ количествѣ».

Глава III.

Въ 12-ти верстахъ выше станицы Буссе, Уссури принимаетъ рѣку Сунгачу, неширокое устье которой трудно даже и замѣтить въ густыхъ зарослях берегового ивняка. Эта рѣка, приносящая массу воды изъ озера Ханка, замѣчательна своимъ извилистымъ теченіемъ. По прямому направленію отъ ея истока до устья только 90 верстъ; протяженіе же рѣки равняется 250 верстамъ. Въ одномъ мѣстѣ, рѣка дѣлаетъ двѣ большія извилины, напоминающія цифру 8, отчего казаки и прозвали ихъ восьмерками. Такая извилистось сильно мѣшаетъ плаванію даже небольшихъ пароходовъ, которые, при крутыхъ поворотахъ, часто

наскакиваютъ носомъ на берегъ, или задѣваютъ за него своими колесами. Большая глубина рѣки отчасти искупаетъ это неудобство. Если бы прокопать узкую полосу земли между извилинами, путь сократился бы на половину.

Мѣстность, орошаемая Сунгачей, представляетъ равнину крайне однообразную. Но если взоръ путника томится отъ монотонности окружающей природы, то онъ бываетъ съ избыткомъ вознагражденъ созерцаніемъ Нелюмбіи, великолѣпнаго цвѣтка, покрывающаго во множествѣ береговыя части мѣстныхъ озеръ и заливы Сунгачи. Это водное растеніе родственно царственной гвіанской Викторіи и только ей уступаетъ по красотѣ.

Чудное впечатлѣніе производитъ озеро, сплошь покрытое этими цвѣтами. Огромные, болѣе аршина въ діаметрѣ, круглые кожистые листья, немного приподнятые надъ водою, сплошь закрываютъ ее своею зеленью; а надъ ними высятся, на толстыхъ стебляхъ, цѣлыя сотни розовыхъ цвѣтовъ, лепестки которыхъ доходятъ до 6 вершковъ въ діаметрѣ.

Плаваніе на пароходѣ послѣ утомительнаго передвиженія на лодкѣ показалось очень пріятно путешественникамъ. Пернатое населеніе рѣки, непривыкшее къ пароходамъ, съ тупымъ удивленіемъ смотрѣло на это чудовище и даже не пугалось его. Утки и цапли вылетали чуть ли не изъ подъ самыхъ колесъ; бакланы, эти осторожныя птицы, подпускали къ себѣ шаговъ на 50 и уже тогда тяжело поднимались съ воды; даже бѣлые китайскіе журавли, ходившіе парами по береговымъ болотамъ, не смотря на свою пугливость, только пристально смотрѣли на пароходъ, испуская свой рѣзкій крикъ, но не улетая прочь. Раза два, три случилось Пржевальскому увидать дикую козу, которая пришла напиться въ самую ту минуту, когда проходилъ пароходъ. При видѣ чудовища, она остановилась какъ вкопанная, не зная съ испугу, что дѣлать и только черезъ нѣсколько минутъ, словно опомнившись, принялась быстро скакать по высокой

травѣ. Однажды, шагахъ въ 200-хъ показался медвѣдь и поднявшись на заднія лапы, началъ смотрѣть на нарушителя спокойствія въ его владѣніяхъ; но пущенная пуля заставила Мишку убраться по добру по здорову.

Послѣ двухдневнаго плаванія по Сунгачѣ, пароходъ вошелъ въ озеро Ханка, огромное пространство мутной воды съ низкими болотистыми берегами. Озеро не глубоко и потому сильно нагрѣвается. Это обстоятельство способствуетъ развитію икры и озеро кишитъ рыбою до такой степени, что ее захватываютъ колеса парохода. Случается, что рыба заскакиваетъ въ лодки и даже на палубу парохода. По разсказамъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, однажды на Сунгачѣ, огромный сазанъ въ 18 Ф. вѣса, вскочилъ на палубу, прямо подъ столъ, на которомъ пассажиры пили чай.

Нѣкоторыя рыбы достигаютъ здѣсь громадныхъ размѣровъ, въ особенности калуга, которая попадается пудовъ въ 30, при длинѣ болѣе двухъ сажень. Мѣстные старожилы говорятъ, что есть экземпляры даже въ 50 пудовъ. Несмотря на баснословное обиліе рыбы, ловля ея производится въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Крестьяне, живущіе на западномъ берегу Ханка, занимаются этимъ дѣломъ только для своего обихода. Промышляютъ же рыболовствомъ китайцы, да нѣсколько отставныхъ солдатъ, живущихъ у истоковъ Сунгачи. Въ хорошій періодъ, эти люди ловятъ по нѣскольку осетровъ въ одинъ день; иногда попадаются и калуги. Икру въ прокъ приготовлять не умѣютъ и ѣдятъ ее свѣжею или свѣжепросольною. Икру же калуги, которой бываетъ отъ 3 — 4 пудовъ прямо выбрасываютъ. Между тѣмъ, въ Хабаровкѣ, за привозную изъ Москвы икру платятъ втридорога. Китайцы ловятъ рыбу главнымъ образомъ ради хряща (вязиги), за который ихъ соплеменники платятъ по 2 р. за фунтъ. Вынувъ хрящъ, китайцы немного варятъ его, чтобъ отстало мясо, потомъ чистятъ щеточками и сушатъ. Въ Уссури

и въ озерѣ Ханка ловится также очень много черепахъ довольно большихъ размѣровъ.

На западномъ, болѣе высокомъ, берегу Ханка расположены три русскія деревни: Турій рогъ, Троицкая и Астраханская. Почва здѣсь плодородная и на ней отлично родится хлѣбъ. Сѣютъ также крестьяне арбузы и дыни, но имъ сильно вредятъ бурундуки, которыхъ здѣсь множество. Эти звѣрьки прогрызаютъ въ дыняхъ и арбузахъ дырки и достаютъ сѣмена, до которыхъ они большіе охотники. Никакой караулъ не помогаетъ, такъ какъ звѣрекъ пробирается втихомолку, ночью, и самый зоркій глазъ не въ состояніи его замѣтить.

Жители деревни Турій рогъ къ новому мѣсту привыкли и по родинѣ не скучаютъ. «Что тамъ?» говорятъ они. «Земли мало, тѣснота, а здѣсь просторъ. Живи, гдѣ хочешь, паши гдѣ знаешь; лѣсу вдоволь, рыбы и всякого звѣрья множество. Чего же еще надо? Дастъ Богъ пообживемся, поправимся, такъ мы и здѣсь Рассею сдѣлаемъ».

Принявшись за устройство своего быта съ энергіею, крестьяне эти достигли хорошихъ результатовъ и могли бы служить примѣромъ казакамъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ деревень, на возвышенномъ юго-западномъ берегу Ханка лежитъ постъ Камень-Рыболовъ, гдѣ расположенъ штабъ 3-го линейнаго батальона.

Весь Августъ провелъ Пржевальскій на берегахъ Ханка, занимаясь научными изслѣдованіями. «По цѣлымъ часамъ», пишетъ онъ, «сидѣлъ я на песчаныхъ косахъ, выдающихся среди болотистыхъ береговъ и наблюдалъ жизнь пернатыхъ. Кулики и утки беззаботно бѣгали по песку. Вотъ изъ за тростника мелькнулъ, какъ молнія, соколъ и, схвативъ глупую беззаботную ржанку, быстро понесся къ берегу съ своею добычей. Изъ волнъ озера поднялась черепаха, осторожно оглянулась, медленно проползла нѣсколько шаговъ по песку и улеглась на немъ.

Тутъ же, неподалеку, нѣсколько воронъ пожирали только что выброшенную на берегъ мертвую рыбу и, по обыкновенію, затѣвали драку за каждый кусокъ. Этотъ пиръ не укрылся отъ зоркихъ глазъ орлана-бѣлохвоста, который парилъ въ вышинѣ и по праву сильнаго, вздумалъ отнять у воронъ ихъ вкусную добычу. Большими спиральными кругами началъ спускаться онъ изъ подъ облаковъ и сѣвъ спокойно на землю, тотчасъ унялъ споръ и драку, принявшись самъ доѣдать остатокъ рыбы. Обиженныя вороны сидѣли вокругъ, каркали, не смѣя подступить къ суровому царю и только изрѣдка урывали сзади небольшіе кусочки».

Налюбовавшись досыта этимъ зрѣлищемъ, Пржевальскій выстрѣлилъ. Мигомъ всполошилось все вокругъ. Утки закричали и поднялись изъ воды, кулички, съ разнообразнымъ пискомъ и свистомъ полетѣли на другія мѣста, черепаха опрометью бросилась въ воду и только одинъ орелъ, въ предсмертной агоніи бившійся на пескѣ, поплатился своею жизнью за право считаться царемъ пернатыхъ и своимъ величіемъ привлекать вниманіе охотника.

Въ началѣ Сентября, Пржевальскій покинулъ берега Ханка и направился къ побережью Японскаго моря.

Переѣздъ въ 539 в. по степной полосѣ, былъ сдѣланъ на почтовыхъ. Дорога довольно сносная, но лошади отъ гоньбы и дурного корма изнурены до такой степени, что проѣзжающіе часто идутъ пѣшкомъ, довольные и тѣмъ, что чуть живыя клячи везутъ ихъ поклажу.

Въ самой южной части степной полосы расположены еще двѣ русскія деревни, которыя также находятся на пути къ благосостоянію. Въ окрестностяхъ этихъ деревень нерѣдко попадаются грубыя изваянія идоловъ и разныхъ животныхъ. Въ одномъ мѣстѣ лежитъ высѣченное изъ краснаго гранита изображеніе черепахи 7 ф. въ длину, 6 въ ширину и 3 въ толщину. Эти из-

ванія даютъ поводъ предполагать, что въ этой мѣстности были когда то поселенія, а можетъ быть и города. Краснаго гранита, изъ котораго высѣчена черепаха, нѣтъ на мѣстѣ и онъ, вѣроятно, привезенъ издалека.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гористѣе становится мѣстность. Путь оканчивается плаваніемъ по рѣкѣ Суйфуну, впадающей въ Амурскій заливъ Японскаго моря. Бока Суйфунской долины обставлены горами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ. Растительность роскошная.

Глава IV.

Кромѣ русскихъ крестьянъ и казаковъ, Уссурійскій край населяютъ четыре народности: китайцы, гольды, орочи или тазы и корейцы. Первое мѣсто принадлежитъ китайцамъ или манзамъ, какъ они себя называютъ. Коренное ли это населеніе или пришлое — неизвѣстно; сами манзы объ этомъ ничего не знаютъ. Можетъ быть ихъ предки пришли сюда въ надеждѣ на скорую наживу. Здѣсь въ изобиліи водится соболь и дорогой корень Жень-Шень, цѣнимый въ Китаѣ на вѣсъ золота. На морскомъ побережьѣ растетъ морская капуста, очень любимая китайцами.

Въ настоящее время китайское населеніе края можно раздѣлить на постоянное и временное. Главнѣйшее занятіе осѣдлыхъ манзъ есть земледѣліе, которое доведено у нихъ до совершенства. Кромѣ различныхъ сортовъ хлѣба, они воздѣлываютъ Жень-Шень, приносящій доходу отъ 40 — 50 р. за фунтъ. Культивированный корень цѣнится дешевле дикаго, за который китайцы даютъ около 2000 р. за фунтъ на наши деньги.

Воздѣлываніе корня очень хлопотливо. Для него приготовляютъ гряды изъ просѣяннаго чернозема и устраиваютъ надъ ними навѣсъ, такъ какъ Жень-Шень не любитъ солнца. Землю часто взрыхляютъ и сорныя травы тщательно выпалываютъ.

Сборъ корня можно сдѣлать только три года спустя послѣ посадки; китайцы же держатъ его въ землѣ обыкновенно долѣе.

Корень Жень-Шень считается цѣлебнымъ отъ многихъ болѣзней и, между прочимъ, отъ чахотки. Исканіемъ его въ южной Манчжуріи занимаются тысячи народа, получающіе на таковой промыслъ дозволеніе и билеты отъ Правительства.

Кромѣ земледѣльческихъ фанзъ *), расположенныхъ преимущественно въ долинахъ рѣкъ, есть еще, такъ называемыя, фанзы звѣровыя, построенныя въ лѣсахъ. Ихъ обитатели занимаются звѣринымъ промысломъ. Впрочемъ, число звѣровыхъ фанзъ, принадлежащихъ манзамъ, не велико и этимъ промысломъ исключительно занимаются орочи и гольды, незнакомые съ земледѣліемъ.

Фанзы разбросаны большею частію въ одиночку, но иногда и по нѣскольку вмѣстѣ; тогда онѣ образуютъ нѣчто вродѣ деревни. Всѣ онѣ выстроены на одинъ ладъ, въ видѣ удлиненнаго четыреугольника съ крутопокатою крышей на обѣ стороны. Стѣны изъ плетня, обмазаннаго глиной. Въ окна, вмѣсто стеколъ, вставлена бумага, пропитанная жиромъ. Нѣкоторыя фанзы раздѣлены перегородками.

Внутри фанзы, по стѣнамъ, идутъ глиняныя нары, покрытыя весьма искусно сплетенными циновками. Въ углу печь, труба которой проходитъ подъ нарами и нагрѣвая ихъ, выходитъ наружу. Кромѣ того, посреди фанзы устраивается очагъ, на которомъ постоянно тлѣютъ уголья. Въ свободныя минуты, манзы сидятъ у очага, грѣются, курятъ трубки и попиваютъ чай или просто теплую воду. Потолка въ фанзѣ нѣтъ, а вмѣсто него положено нѣсколько жердей, на которыя навѣшаны для просушки овощи, одежда, обувь, отчего въ фанзѣ всегда ужасная вонь. Снаружи, устроены загородки для скота и различныхъ запасовъ,

*) Китайскіе дома.

а у иныхъ фанзъ — навѣсы съ жерновами, приводимыми въ движеніе быками. Усадьба обносится частоколомъ съ воротами для входа. Во дворѣ, при нѣкоторыхъ фанзахъ есть молельни въ видѣ маленькихъ часовенокъ, закрытыхъ рѣшетчатою дверью, сквозь которую виднѣется изображеніе божества съ лежащими передъ нимъ палочками, полотенцами и другими приношеніями.

Временное китайское населеніе приходитъ въ Уссурійскій край съ исключительною цѣлію наживы и потому семейства свои оставляетъ дома. Безсемейная жизнь и постоянная забота о томъ, чтобъ сколотить деньгу дѣлаютъ манзу мрачнымъ, грубымъ и непріятнымъ.

Безсемейные манзы живутъ обыкновенно по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и нерѣдко имѣютъ работниковъ. Образъ жизни вездѣ одинъ и тотъ же: встаютъ на разсвѣтѣ, топятъ печь и варятъ просо. Когда оно готово, его раскладываютъ въ глиняныя чашечки и манзы, сидя на нарахъ, ѣдятъ его съ помощью тоненькихъ палочекъ. Въ видѣ приправы къ просо, употребляется ѣдкій соусъ изъ стручковаго перцу. Въ богатыхъ фанзахъ приготовляются и другія кушанья: пельмени, булки, печеныя на пару, а также и различное мясо. Манзы ѣдятъ медленно и много, запивая ѣду самодѣльной водкой изъ ячменя, которую пьютъ изъ маленькихъ чашечекъ, немного болѣе наперстка.

Страсть къ картамъ сильно развита между китайцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены особыя фанзы, гдѣ игра производится день и ночь. Многіе китайцы приходятъ издалека, чтобъ играть и случается, что богатый хозяинъ за одну ночь проигрываетъ все свое состояніе и идетъ въ работники.

Управляются манзы выборными старшинами, подвластными одному главному старшинѣ, который судитъ важныя преступленія и можетъ наказывать даже смертью.

Однажды манзы играли въ карты и одинъ, замѣтивъ, что

другой сплутовалъ, всталъ и не говоря ни слова, всадилъ ножъ въ сердце сплутовавшаго. Убійцу тотчасъ же связали и послали за главнымъ старшиной, который явился съ другими манзами. Послѣ долгихъ разсужденій приговорили, наконецъ, закопать виновнаго живымъ въ землю и для болѣе удобнаго исполненія такого приговора рѣшили напоить его сначала пьянымъ.

Въ настоящее время принимаются мѣры къ ограниченію такого самоуправства. Главные старшины утверждаются русскими властями и могутъ судить только преступленія маловажныя.

Кромѣ добыванія Жень-Шеня пришлое населеніе занимается еще ловлей морской капусты. Это растеніе любитъ утесистые берега заливовъ, гдѣ нѣтъ сильнаго волненія и глубина не болѣе 2 — 3 сажень. На такой глубинѣ, въ чистой прозрачной водѣ видны мельчайшія раковины и между прочимъ названныя водоросли, которыя прикрѣплены къ камнямъ, раковинамъ и т. п. Китайцы достаютъ ихъ длинными вилами, сушатъ на солнцѣ, связываютъ въ пучки и продаютъ по рублю за пудъ. На одномъ и томъ же мѣстѣ ловля производится черезъ годъ, чтобы водоросли успѣли отрости.

Въ послѣднее время ловля эта организована на правильныхъ основаніяхъ. Торговыя фирмы нанимаютъ цѣлыя партіи китайцевъ, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ и поручаютъ особымъ надзирателямъ смотрѣть за ними. На эти промыслы приходитъ китайцевъ до 3 — 4 тысячъ. Въ вѣтряные дни ловля капусты не производится и китайцы охотятся за оленями, рога которыхъ очень дорого цѣнятся.

Вмѣстѣ съ капустой ловятся также трепанги. Въ прежнее время большую выгоду доставляло собираніе грибовъ, растущихъ на дубовыхъ стволахъ, подверженныхъ гніенію. Для этой цѣли, китайцы ежегодно рубили массу дубовъ, черезъ годъ собирали съ нихъ наросты, сушили въ нарочно для того устроен-

ной сушильнѣ, отвозили въ порты и продавали по 10—12 р. за пудъ. Этотъ промыслъ, ведущій къ истребленію лѣсовъ, запрещенъ нынѣ русскими властями. Запрещена также китайцамъ промывка золота.

Гольды.

Гольдовъ въ Уссурійскомъ краѣ еще болѣе, чѣмъ китайцевъ, отъ которыхъ они переняли очень многое, какъ въ одеждѣ, такъ и въ построеніи жилищъ. Гольдъ очень добродушенъ и хорошій семьянинъ. Онъ горячо любитъ своихъ дѣтей, которые ему пла-

Гольды.

тятъ тѣмъ же. Чтобы ни добылъ гольдъ, онъ непремѣнно подѣлится съ членами своей семьи большими и малыми. Трогательно видѣть, съ какою искреннею радостью семья встрѣчаетъ отца или брата, возвращающагося изъ отлучки. Старый и малый

бросаются къ нему на встрѣчу и каждый спѣшитъ поскорѣе поздороваться.

Старики, неспособные къ работѣ, безропотно прокармливаются дѣтьми, всегда оказывающими имъ полное уваженіе. Всѣ дѣла гольдовъ рѣшаются съ общаго согласія, но голосъ стариковъ, какъ людей болѣе опытныхъ, имѣетъ большое значеніе въ подобныхъ совѣщаніяхъ. При миролюбивомъ характерѣ гольдовъ большихъ преступленій у нихъ не бываетъ, даже воровство рѣдко.

Хлѣбопашествомъ гольды почти не занимаются; распространена только культура табака, который курятъ и мущины, и женщины, и даже дѣти.

Рыболовство лѣтомъ и звѣриный промыселъ зимою составляютъ главное занятіе этого народа и обезпечиваютъ его существованіе. Ловъ рыбы бываетъ особенно удаченъ весною и осенью, когда по рѣкѣ идетъ шуга — мелкій ледъ, отъ котораго рыба прячется въ заливы. Осенніе уловы, по изобилію рыбы, просто баснословны; случалось, что за одну тоню, неводомъ въ 90 саж. длины, вылавливалось по 20,000 штукъ бѣлорыбицы, сазановъ и тайменей. Ловля же рыбы отъ 7 — 12 штукъ заразъ — вещь обыкновенная.

Едва окончится ходъ льда, вверхъ по Уссури идетъ для метанья икры множества осетровъ и калугъ, которыхъ ловятъ съ помощью особыхъ снастей. Каждая снасть состоитъ изъ толстой веревки, къ которой прикрѣплено множество короткихъ веревочекъ съ крючьями и поплавками на свободномъ концѣ. Толстая веревка опускается на дно и удерживается тамъ съ помощью большого камня, тонкія же — всплываютъ на верхъ. На привязанные къ нимъ крючья легко ловятся осетры и калуги. Надо много сноровки, чтобы эту рыбину, пудовъ въ 20 — 30 вѣсомъ, благополучно вытащить на берегъ.

Въ теченіи лѣта гольды ловятъ рыбу острогою, которая

имѣетъ форму трезубца. Съ привязанною къ ней веревкою острога насажена на древко, но такъ, чтобы она могла соскочить, когда ударится въ рыбу. Пойманную рыбу вытаскиваютъ за веревку на берегъ. Хотя острога бросается на угадъ, но, при необыкновенномъ обиліи рыбы, по большей части попадаетъ въ добычу.

Проводя на водѣ большую часть жизни, гольдъ придумалъ для себя и особую лодку, такъ называемую оморочку. Длиною въ 2 — 3 сажени, эта лодка сдѣлана изъ тонкихъ жердей и обтянута берестой. Она легка какъ перышко, но надо особое умѣнье, чтобъ управлять ею. Подъ искусной рукой гольда, управляющаго однимъ весломъ, эта лодка летитъ какъ стрѣла. Съ измальства пріученные къ управленію оморочкой, гольды носятся на ней и въ сильный вѣтеръ.

Во время хода красной рыбы, что продолжается обыкновенно недѣли двѣ, гольды дѣлаютъ годовой запасъ для себя и для своихъ собакъ, которыхъ держатъ очень много, какъ для звѣринаго промысла такъ и для зимней ѣзды.

Приготовленіемъ рыбы впрокъ занимаются женщины. Рыбу потрошатъ и сушатъ на солнцѣ, не употребляя при этомъ соли. Такая рыба издаетъ очень непріятный запахъ. Русскіе рыбу солятъ и въ такомъ видѣ она вкусомъ напоминаетъ семгу. Казаки рыбнымъ промысломъ занимаются мало и запасовъ совсѣмъ не дѣлаютъ.

Когда замерзнетъ Уссури, мущины гольды отправляются на соболиный промыселъ, а оставшіеся старики и женщины ловятъ изъ прорубей рыбу на удочку, привязывая для приманки кусокъ козлиной шкуры или красный лоскутокъ. Въ счастливый день, сидя на льду отъ зари до зари, можно наловить пуда 2— 3 сазановъ и тайменей.

Казаки ловятъ рыбу иначе. Они перегораживаютъ плетнемъ какой нибудь узкій рукавъ, оставляя въ плетнѣ нѣсколько отверзтій, противъ которыхъ прикрѣпляютъ длинные мѣшки изъ

тальника, по мѣстному — морды́. Рыба, ударившись въ плетень, ищетъ выхода и попадаетъ въ морды́. Нѣсколько разъ въ день морды́ осматриваютъ, поднимая ихъ со дна съ помощью рычаговъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются у колодцевъ. При удачномъ уловѣ, на каждую морду́ приходится по пуду рыбы.

Какъ только нападетъ первый снѣжокъ, гольды изготовляютъ легкія саночки, нарты, кладутъ на нихъ свои снаряды и провизію и направляются на соболиный промыселъ въ горы, отдѣляющія Уссури отъ Японскаго моря. При этомъ, они незабываютъ взять съ собой своихъ боговъ или бурхановъ, которые представляютъ бумажное или деревянное изображеніе китайца, сильно размалеванное красной краской. Передъ отправленіемъ на промыселъ, бурхану усердно молятся, въ случаѣ же удачи приносятъ благодарственныя моленія, при чемъ брызгаютъ на него водкою, мажутъ саломъ, или варенымъ просомъ и вообще, стараются всячѣскимъ образомъ выразить свою признательность.

Пока снѣгъ не глубокъ, на соболя охотятся съ собакою, которая отыскиваетъ соболя и вогнавъ его на дерево, начинаетъ лаять до тѣхъ поръ, пока не придетъ промышленникъ. Соболь перескакиваетъ съ дерева на дерево, но собака ни за что не упуститъ его изъ вида и слѣдуя за нимъ съ лаемъ, указываетъ дерево, на которомъ онъ находится. Такимъ же точно образомъ охотятся и на бѣлку.

Случается, что соболь залѣзетъ въ дупло, нору, или спрячется подъ камни. Въ первомъ случаѣ, дерево срубаютъ, во второмъ — звѣрька откапываютъ или выкуриваютъ. Собаки часто попадаются въ когти тигровъ, которыхъ здѣсь множество.

Гольды страшно боятся тигра и даже боготворятъ его. Завидѣвъ звѣря хоть издали, гольдъ бросается на колѣни и молитъ о пощадѣ. Мало того, онъ поклоняется даже слѣду тигра, думая этимъ умилостивить свирѣпаго бога. Охотиться на тигра гольдъ

никогда не рѣшится; другихъ же звѣрей, какіе попадутся, бьетъ съ удовольствіемъ.

Когда выпадутъ большіе снѣга и охота съ собаками сдѣлается затруднительной, за соболями охотятся инымъ способомъ. У соболя есть странная привычка, встрѣтивъ въ лѣсу колоду, вскочить на нее и пробѣжать по ней. Этимъ пользуются промышленники и на концѣ колоды настораживаютъ обрубки, которые при прикосновеніи падаютъ и убиваютъ звѣрька. Такимъ образомъ ловятъ также енотовъ и зайцевъ.

Между всѣми соболиными промышленниками развита образцовая честность относительно добычи. Случается, что промышленникъ набредетъ на фанзу, хозяинъ которой ушелъ на охоту. Прохожій имѣетъ право войти, отдохнуть, сварить себѣ пищу, но онъ никогда не унесетъ ни провизіи, ни добычи, сколько бы ее тутъ ни было. Если же, паче чаянія, промышленникъ не воздержится и что-либо украдетъ, товарищъ по промыслу имѣетъ право убить его безъ пощады.

Число соболей также какъ и другихъ звѣрей изъ года въ годъ не одинаково. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, звѣри перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Бѣлки отправляются туда, гдѣ урожай на кедровые орѣхи, а за ними слѣдуетъ и соболь, ихъ главный истребитель.

Всѣхъ соболей гольды отдаютъ китайцамъ за забранный раньше товаръ, оцѣнивая ихъ, приблизительно, по рублю за штуку; китайцы же, въ свою очередь отдаютъ ихъ за товаръ русскимъ купцамъ. Гольдъ не имѣетъ права продать соболя на сторону, хотя бы ему давали въ десять разъ дороже.

Казаки занимаются соболинымъ промысломъ въ весьма ограниченномъ размѣрѣ; русскіе охотятся на этихъ звѣрьковъ только съ собаками и не болѣе какъ недѣли двѣ или мѣсяцъ.

Орочи или Тазы.

Это племя живетъ по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря и встрѣчается также на нѣкоторыхъ притокахъ Уссури. По образу жизни, оно дѣлится на бродячихъ и осѣдлыхъ. Первые представляютъ въ полномъ смыслѣ типъ дикарей-охотниковъ и цѣлую жизнь скитаются съ своими семействами, располагаясь въ шалашахъ изъ бересты. Обыкновенно, полунагая семья ютится вокругъ очага и жалкое жилище до того наполнено дымомъ, что

Палатка Орочей.

непривычному человѣку невозможно выдержать. Тутъ же валяется разная рухлядь и лежатъ охотничьи собаки. Появится незнакомецъ, всѣ разомъ забормочутъ, собаки залаютъ. Черезъ минуту—все стихаетъ; дѣти и собаки улягутся на прежнее мѣсто, взрослые примутся за прерванную ѣду или работу, не удостоивая пришельца дальнѣйшимъ вниманіемъ. Положительно можно сказать, что между цивилизованнымъ человѣкомъ и дикаремъ го-

раздо больше разницы, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и животнымъ.

Осѣдлые Орочи, по развитію, выше кочующихъ. Они живутъ въ фанзахъ и только лѣтомъ переселяются на берега рѣкъ, обильныхъ рыбою. Земледѣліемъ они, также какъ и гольды не занимаются. Зимою Орочи опять покидаютъ свои дома и идутъ на соболиный промыселъ, такъ что съ семьями они проводятъ изъ всего года очень мало времени.

Женщины Орочей красотой не отличаются, что не мѣшаетъ имъ имѣть большую претензію на щегольство. У каждой изъ нихъ въ правой ноздрѣ и ушахъ продѣты довольно толстыя кольца, на которыхъ висятъ мѣдныя или серебряныя бляхи, въ двугривенный величиною. Кромѣ того, на каждомъ пальцѣ надѣто по нѣсколько колецъ, а на рукахъ — браслеты. Голова и все платье украшено множествомъ побрякушекъ, бубенчиковъ, мѣдныхъ или желѣзныхъ пластинокъ, такъ что, при малѣйшемъ движеніи такой красавицы, раздается порядочный звонъ.

Всѣ инородцы Уссурійскаго края свободно объясняются по китайски и этотъ языкъ въ такомъ же ходу здѣсь, какъ французскій въ Европѣ.

Корейцы.

За послѣднія 25 — 30 лѣтъ въ наши предѣлы переселилось много Корейцевъ, образовавшихъ здѣсь колоніи. Густая населенность Корейскаго полуострова и развившаяся вслѣдствіе этого нищета, грубый деспотизмъ властей, наконецъ, близость нашихъ владѣній, богатыхъ плодородною нетронутою почвою, все это — заставило неподвижнаго азіата встрепенуться, отречься отъ преданій старины и бросивъ родину, искать себѣ лучшихъ условій жизни. Корейское правительство всѣми средствами старается помѣшать переселенію, употребляетъ самыя строгія мѣры, даже

разстрѣливаетъ тѣхъ корейцевъ, которыхъ удается захватить на пути. Но эти мѣры не удерживаютъ переселенцевъ. Втихомолку, ночью, они переправляются черезъ пограничную рѣку Тумангу и тамъ ужъ, подъ прикрытіемъ нашихъ солдатъ, могутъ считать себя въ безопасности. Разъяренный начальникъ пограничнаго города Кыгенъ-пу запретилъ жителямъ, подъ страхомъ смерти, продавать что либо русскимъ и приказалъ уничтожить всѣ лодки; но не смотря на это, корейцы все-таки находятъ способъ переправляться къ намъ; а зимою, по льду, ходятъ даже къ нашимъ казакамъ въ гости.

Корейцы живутъ усадьбами, отдѣленными другъ отъ друга полями, прекрасно обработанными. Полевыя работы производятся на быкахъ и коровахъ. Сѣютъ разный хлѣбъ, овощи и кунжутъ, изъ котораго приготовляютъ масло слѣдующимъ образомъ: измоловъ сѣмена кунжута, на нихъ наливаютъ немного воды, слегка кипятятъ и потомъ, сложивъ въ мѣшки, кладутъ подъ тяжелый прессъ. Кунжутное масло вкусомъ напоминаетъ подсолнечное и очень любимо Китайцами и Корейцами, которые никогда не употребляютъ молока.

Въ домашнемъ быту Корейцы отличаются трудолюбіемъ, чистоплотностью, въ противуположность Китайскимъ манзамъ, грязнымъ до нельзя. Самое одѣяніе Корейцевъ указываетъ на любовь къ чистотѣ. Мущины носятъ бѣлые холщевые халаты съ широкими рукавами, такіе же панталоны и башмаки; на головахъ — широкополыя шляпы съ узкими верхушками. Шляпы плетутся изъ волосъ съ ободкомъ изъ китоваго уса. Старики носятъ, даже дома, волосяной колпакъ. Женщины одѣваются въ бѣлыя кофты и юбки, съ разрѣзами по бокамъ. Мущины волосъ не брѣютъ, но собирая ихъ на маковкѣ, сплетаютъ въ видѣ столба. Женщины обвиваютъ волосы нѣсколько разъ вокругъ головы. Красота волосъ очень цѣнится и щеголихи носятъ фальшивыя косы, выдѣлка которыхъ доведена у нихъ до совершенства.

Въ общемъ — физіономія Корейцевъ довольно пріятна, хотя станъ, въ особенности у женщинъ, не можетъ назваться стройнымъ. Цвѣтъ лица у нихъ бѣлый; волосы и глаза черные. Бороду Корейцы не брѣютъ, но она у нихъ коротка и рѣдка.

Замѣчательно, что женщины у Корейцевъ именъ не имѣютъ, а зовутся: мать, тетка, сестра и т. д. У мущинъ же, сначала называется фамилія, потомъ имя.

Корейскій правитель живетъ во дворцѣ Пуханъ, изъ котораго есть подземный ходъ въ сосѣднюю крѣпость, Сеуль, столицу государства. Этотъ правитель считается меньшимъ братомъ китайскаго богдыхана, но совершенно независимъ отъ него, хотя, по заведенному, изстари, обычаю, одинъ разъ въ годъ онъ посылаетъ въ Пекинъ подарки, а въ отплату получаетъ новый календарь.

Каждый подданный, являющійся предъ лицо своего властителя, долженъ падать ницъ. Тоже дѣлаетъ простой народъ, относительно чиновниковъ государственной службы. Передъ начальствомъ, Кореецъ дрожитъ какъ осиновый листъ и даже тотъ, который перешелъ уже въ Русское подданство, при встрѣчѣ съ корейскимъ чиновникомъ, не можетъ отдѣлаться отъ чувства страха.

Въ Кореѣ, каждый городъ и деревня имѣютъ школу, гдѣ всѣ мальчики обучаются Корейскому языку, а болѣе способные и Китайскому, который употребляется здѣсь какъ языкъ оффиціальный.

Въ Кореѣ двѣ религіи: буддійская и религія духовъ, служителями которой являются шаманы и шаманши, живущіе при кумирняхъ и занимающіеся заклинаніями, въ силу которыхъ корейцы слѣпо вѣрятъ. Праздниковъ у Корейцевъ всего четыре въ году, но за то поминки по умершимъ справляются ежегодно въ день смерти и длятся съ утра до поздней ночи. При этомъ, много ѣдятъ и пьютъ нагрѣтую водку съ медомъ.

Нѣкоторые изъ перешедшихъ къ намъ Корейцевъ приняли христіанскую вѣру и стали называться русскими именами.

Въ нравственномъ отношеніи Корейцы стоятъ неизмѣримо выше Китайцевъ; они услужливы, вѣжливы, трудолюбивы и честны.

Пограничный городъ Кыгенъ-пу состоитъ изъ 300 — 400 фанзъ, налѣпленныхъ одна надъ другою по крутому склону горы, упирающейся въ рѣку отвѣснымъ утесомъ. Съ трехъ сторонъ городъ окруженъ стѣною съ вышкою на углу, гдѣ постоянно находится часовой. Тутъ же устроенъ казематъ для преступниковъ.

Задумавъ посѣтить городъ, Пржевальскій переѣхалъ на лодкѣ черезъ Тумангу и едва успѣлъ выйдти на берегъ, какъ тотчасъ же былъ окруженъ массою любопытныхъ, которые съ обычной назойливостью Азіатовъ, принялись его осматривать и ощупывать. Явились и полицейскіе. Когда Пржевальскій объяснилъ имъ, что желаетъ видѣться съ начальникомъ города, они отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, объявивъ, что начальникъ ихъ боленъ и никого не принимаетъ, и что если пойти и доложить ему, то за это отрубятъ голову. При этомъ солдаты требовали, чтобъ пріѣхавшіе тотчасъ же садились въ лодку и уѣзжали обратно.

Зная характеръ Азіатовъ, Пржевальскій началъ настойчиво и даже дерзко поддерживать свои требованія. Между тѣмъ, толпа увеличивалась все болѣе и болѣе и полицейскіе должны были пустить въ ходъ свои палки, въ видѣ линеекъ. Видя упорство пріѣзжихъ, полицейскіе спросили, есть ли у нихъ какой нибудь документъ. За неимѣніемъ такового, Пржевальскій показалъ Иркутскую подорожную, на которой красовалась красная печать; она то и возъимѣла надлежащее дѣйствіе. Солдатъ согласился доложить начальнику и повелъ пріѣзжихъ въ домъ для иностранцевъ. Этотъ домъ походилъ на открытую сцену, обнесенную съ

трехъ сторонъ стѣнами. На помостъ, покрытый циновками, вело нѣсколько ступенекъ, а внутри зданія, сквозь рѣшетчатую дверь, виднѣлась небольшая комнатка, предназначенная, вѣроятно, для спальни. Надъ дверью красовалась надпись, поучающая иностранцевъ, удостоенныхъ чести видѣть начальника Кыгенъ-пу, какъ вести себя.

Пока солдатъ ходилъ съ докладомъ, толпа все увеличивалась и, наконецъ, забралась подъ навѣсъ. Мальчишки дергали пріѣзжихъ за фалды, за панталоны, а сами прятались. Взрослые же ощупывали, обнюхивали или стояли, какъ вкопанные, не спуская съ пріѣзжихъ глазъ.

Принесли коверъ и постлали его на циновки; это значило, что начальникъ согласился на свиданіе. Вдругъ, изъ крѣпости послышалось пѣніе и показались носилки, которые несли четыре человѣка. Впереди шло нѣсколько полицейскихъ, разгонявшихъ народъ, потомъ четыре мальчика, исполнявшіе должность прислужниковъ; за ними ѣхалъ на плечахъ своихъ подданныхъ самъ начальникъ города; человѣкъ десять солдатъ заключали шествіе. Все это пѣло, или лучше сказать кричало во всю глотку, что дѣлается всегда, когда несутъ куда нибудь начальника. Самъ онъ сидѣлъ сложа руки и совершенно неподвижно на деревянномъ креслѣ, покрытомъ тигровой шкурою и придѣланномъ къ носилкамъ.

Шумная толпа, увидѣвъ шествіе, мигомъ отхлынула прочь и образовавъ проходъ, почтительно стала по сторонамъ; нѣсколько человѣкъ даже повергнись ницъ. Взойдя на ступеньки пріемнаго дома, носильщики опустили носилки и начальникъ, Юнь-Хабъ, красивый мущина лѣтъ 40, всталъ съ кресла и поклонившись Пржевальскому, пригласилъ его сѣсть на тигровую шкуру, которую сняли съ креселъ и постлали на циновки. Прежде чѣмъ сѣсть самому, Юнь-Хабъ снялъ башмаки и одинъ изъ мальчиковъ поставилъ ихъ въ сторонкѣ. У ковра положили

бумагу, тушь, кисточку и ящикъ, въ которомъ хранилась печать. Принесли ящикъ съ табакомъ, горшокъ съ угольями и двѣ трубки. Пржевальскій отказался отъ трубки и ее передали сопровождавшему его солдату переводчику, который, по его приказанію, усѣлся тутъ же. Всѣ же присутствующіе, въ томъ числѣ и высшіе чины, стояли по бокамъ и сзади. На вопросъ, обращенный начальникомъ къ Пржевальскому, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, ему пришлось ухватиться за первый попавшійся предлогъ и онъ сказалъ, что пріѣхалъ узнать не обижаютъ ли корейцевъ пограничные солдаты. Получился отвѣтъ, что не обижаютъ и начальникъ принялся разспрашивать гостя сколько ему лѣтъ и какъ его зовутъ; выразилъ удивленіе, что онъ русскій, вообразивъ почему-то, что онъ американецъ. Говорили о недавней войнѣ корейцевъ съ французами и Юнь-Хабъ серьезно увѣрялъ, что корейцы побили нѣсколько тысячъ враговъ, а сами потеряли только 6 человѣкъ. Принесли географическій атласъ корейской работы и Юнь-Хабъ, желая блеснуть ученостью, принялся называть различныя части свѣта и государства, причемъ вралъ и путалъ немилосердно. Карты были самой топорной работы и не отличались точностью. Пржевальскій нарочно прикидывался ничего не знающимъ, чтобы доставить корейскому вельможѣ удовольствіе поучать себя. Свѣдѣнія о Россіи оказались у Юнь-Хаба настолько обширны, что онъ даже зналъ о сожженіи Москвы французами. Когда эту фразу переводчикъ никакъ не могъ понять, Юнь-Хабъ взялъ пеплу изъ горшка для раскуриванія трубки, положилъ его на мѣсто, обозначавшее Москву и сказалъ: французы. Затѣмъ, разговоръ перешелъ на Корею; здѣсь Юнь-Хабъ выказалъ большую осторожность, даже подозрительность и на все давалъ уклончивые отвѣты. Одно только онъ объявилъ прямо и безъ околичностей, это требованіе, чтобы русскіе выдали всѣхъ переселенцевъ, которымъ тотчасъ же отрубятъ головы. Такое заявленіе было комично и не заслуживало вниманія.

Между тѣмъ принесли угощенье, состоявшее изъ большихъ, довольно вкусныхъ грушъ, чищеныхъ кедровыхъ орѣховъ и какихъ то пряниковъ. Въ перемежку съ ѣдой Юнь-Хабъ разсматривалъ вещи Пржевальскаго: штуцеръ, револьверы, подзорную трубу. Солдаты, въ сторонкѣ, какъ то ухитрялись бесѣдовать съ корейцами, даже боролись съ ними и показывали гимнастическіе фокусы. Корейцы были въ восторгѣ. Когда же одинъ изъ солдатъ проплясалъ въ присядку, то восхищеніе зрителей дошло до такихъ предѣловъ, что они рѣшились даже доложить объ этомъ своему начальнику. Юнь-Хабъ пожелалъ, чтобы солдатъ проплясалъ передъ нимъ и остался очень доволенъ. На прощанье, Юнь-Хабъ попросилъ Пржевальскаго выстрѣлить изъ штуцера. Когда поставленная для мишени доска была пробита и пуля поскакала рикошетомъ по полю, то вся толпа издала какой то громкій отрывистый звукъ, а Юнь-Хабъ тонко улыбнулся и вторично раскланялся съ Пржевальскимъ. Затѣмъ, усѣвшись на носилки, съ прежнею церемоніею и пѣніемъ онъ двинулся въ крѣпость. Пржевальскій же переправился обратно съ тѣмъ, чтобы начать дальнѣйшее изслѣдованіе Уссурійскаго края.

Глава V.

Южная часть принадлежащихъ намъ береговъ Японскаго моря представляетъ обширную впадину, извѣстную подъ общимъ именемъ залива Петра Великаго. Этотъ заливъ изрѣзанъ множествомъ другихъ меньшихъ заливовъ и бухтъ и изобилуетъ цѣлымъ архипелагомъ острововъ. Изъ всѣхъ заливовъ наиболѣе удобнымъ для стоянки судовъ считается заливъ Посьета съ бухтой Новгородскою, глубоко врѣзавшеюся внутрь материка.

Проведя около мѣсяца въ Новгородской гавани и купивъ 6 лошадей для перевозки коллекцій и охотничьихъ снарядовъ,

Пржевальскій, 16 Октября, двинулся съ товарищемъ и двумя солдатами въ южно Уссурійскій край.

Морское побережье носитъ довольно однообразный характеръ. Горы, составляющіе отроги пограничнаго хребта, обрываются въ море отвѣсными утесами футовъ въ 100 — 300 вышиною, а между ними открываются неширокія долины рѣкъ, оканчивающіяся у моря низменностями.

Морскіе вѣтры и сильные туманы побережья мѣшаютъ успѣшному росту деревьевъ и потому, береговая полоса покрыта роскошною травою, но бѣдна лѣсами.

Чѣмъ дальше во внутрь страны, тѣмъ гуще, величественнѣе становятся лѣса; кустарникъ достигаетъ роскошнаго развитія, а колючая акація, усаженная острыми шипами, образуетъ непроходимую чащу.

Навьюченныхъ лошадей Пржевальскій обыкновенно отправлялъ по указанному направленію, а самъ съ Ягуновымъ, а иногда только съ лягавою собакою уходилъ впередъ, занимаясь по дорогѣ охотою. Насколько усердно охотился онъ, видно изъ того, что въ полуторагодовую экспедицію онъ разстрѣлялъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, 12 пудовъ дроби и свинцу.

Случалось, что увлеченный охотою, Пржевальскій заходилъ далеко въ сторону и нагонялъ своихъ спутниковъ только на ночлегѣ. Здѣсь, живо разводился костеръ и путешественники, поужинавъ свѣжею дичью, или только что наловленной рыбой, ложились подъ великолѣпнымъ пологомъ яснаго звѣзднаго неба и засыпали подъ звуки лебединой пѣсни, или подъ шумъ буруна, если море находилось недалеко.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ горные хребты, водится множество дикихъ звѣрей: козъ, оленей или изюбрей, медвѣдей, кабановъ, енотовидныхъ собакъ, барсуковъ, куницъ, соболей, бѣлокъ, дикихъ кошекъ, рысей, а также тигровъ и барсовъ. Мѣстные жители добываютъ этихъ звѣрей посредствомъ ловли

въ ямы. Для этой цѣли, на извѣстномъ мѣстѣ въ лѣсу, гдѣ по наблюденію охотниковъ, любитъ бродить извѣстный звѣрь, устраивается изъ бревенъ и валежника засѣка, вдоль которой выкапывается нѣсколько ямъ съ отвѣсными краями. Яма покрывается хворостомъ, а передъ нею на небольшія рогульки кладется жердь для того, чтобъ животное сдѣлало прыжекъ и ввалилось въ яму. Такъ дѣйствительно и случается. Олень, коза или другой звѣрь, встрѣчая въ лѣсу засѣку, направляется вдоль нея, и увидавъ отверзтіе, а поперегъ жердь, перепрыгиваетъ черезъ нее и попадаетъ въ западню. Одному тигру такая западня не опасна, такъ какъ онъ тотчасъ же выскакиваетъ оттуда. Пойманнаго оленя или изюбря китаецъ приводитъ домой живымъ и кормитъ его до тѣхъ поръ, пока у него не спадутъ старые рога и не замѣнятся новыми — пантами. Тогда оленя убиваютъ, а за панты выручаютъ большія деньги.

Самую большую помѣху для ловли звѣрей ямами составляютъ медвѣди, которые достаютъ оттуда попавшихся звѣрей и съѣдаютъ, а иногда закусываютъ ими, сидя въ ямѣ. Замѣчательно, что мишка, не смотря на свою неуклюжесть, всегда съумѣетъ благополучно выбраться изъ ямы. Если она глубока, то звѣрь приноситъ бревно и взбирается по немъ, какъ по лѣстницѣ.

Кромѣ ямъ, китайцы и инородцы охотятся на звѣрей съ фитильными ружьями, въ которыя всыпаютъ зарядъ впятеро больше нашего. Отъ такого заряда отдача бываетъ очень сильна и почти всѣ мѣстные охотники ходятъ съ опухшею щекою.

Для облегченія охоты на звѣрей и для уничтоженія страшныхъ травяныхъ зарослей, успѣвшихъ образоваться лѣтомъ, туземцы осенью и весной производятъ палы, т. е. сжигаютъ сухую траву. Способъ распространенія паловъ самый легкій; стоитъ только зажечь одну былинку засохшей травы и пожаръ распространяется съ страшною быстротою. Показывается чер-

ное облако и впереди него бѣгутъ испуганные звѣри и летятъ стаи птицъ. Не легко иной разъ и человѣку спастись отъ пожирающей стихіи. Хорошо, если случится вблизи ручей или рѣчка, среди которой можно выждать пока пронесется огненная струя.

Ночью, горящіе палы представляютъ великолѣпную картину. Извиваясь змѣею, бѣжитъ огненная струя и вдругъ, встрѣтивъ массы высокой травы, вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и опять движется впередъ узкою лентою. Мѣстные жители нарочно уничтожаютъ траву вокругъ жилищъ и тѣмъ обезпечиваютъ себя отъ пожара.

Въ концѣ Октября, Пржевальскій прибылъ въ Владивостокъ, гдѣ и прожилъ съ недѣлю. Пользуясь выпавшимъ снѣгомъ, онъ отправился на оленью охоту и пройдя не болѣе двухъ верстъ отъ города наткнулся на цѣлое стадо. Въ сильномъ волненіи онъ выстрѣлилъ, но промахнулся и звѣри убѣжали. Тоже самое случилось и во второй разъ. Извѣстно, что излишняя горячность вредитъ всякому дѣлу и хладнокровіе есть первый залогъ успѣха. Собственная невыдержка такъ мучила Пржевальскаго, что онъ не могъ уснуть въ эту ночь и на утро, чѣмъ свѣтъ, отправился на охоту.

Почти до полудня проходилъ онъ не видавъ ничего, какъ вдругъ замѣтилъ двухъ оленей, шедшихъ прямо на него. Стараясь овладѣть собою, охотникъ подпустилъ ихъ ближе и спустилъ курокъ. На этотъ разъ пуля пронизала одного звѣря насквозь и уложила его на мѣстѣ. Другой олень, видимо озадаченный, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ и остановился за кустомъ, косясь на своего убитаго товарища. Пржевальскій выстрѣлилъ и по немъ, но неудачно. Звѣрь подпрыгнулъ и опять остановился. Дрожащими отъ волненія руками Пржевальскій досталъ патронъ и уже началъ надѣвать пистонъ, какъ вдругъ звѣрь, словно опомнившись, мелькнулъ какъ стрѣла, и исчезъ въ кустахъ.

При переправѣ черезъ рѣку Май-хэ за Владивостокомъ, случи-

лось приключеніе. Привязали лошадей къ лодкѣ и двинулись черезъ рѣку сажень въ 80 ширины. По рѣкѣ неслись огромныя льдины и одна изъ нихъ втерлась въ группу лошадей. Животныя испугались, сбились съ направленія и стали кружиться на одномъ мѣстѣ; трехъ лошадей оторвало и понесло въ море. Растерявшіеся солдаты не знали что дѣлать: спасать ли тѣхъ лошадей, которыя кружились по рѣкѣ, или бросаться за уплывавшими. Наконецъ, имъ удалось направить первыхъ къ мели, гдѣ онѣ и встали на ноги, послѣ чего можно было попробовать спасти и остальныхъ. Несчастныя лошади, въ борьбѣ съ волнами, страшно изнурились; одна утонула, а двѣ были подтащены къ отмели и выведены на берегъ.

Путешествіе совершалось по компасу, безъ проводника. Однажды, въ лѣсу, маленькая экспедиція набрела на фанзу, въ которой нашла посуду, и даже котелъ съ просомъ, свареннымъ и замерзшимъ, но ни одного живого существа въ фанзѣ не было: ни хозяина, ни кошки, ни собаки. Не рѣшившись войти въ чужой домъ, путешественники стали искать тропинки и нашли ихъ цѣлыхъ три. Пошли по одной, пришли къ ручью, гдѣ тропинка и кончилась; пошли по другой — уперлись въ полѣнницу дровъ; наконецъ третья повела въ лѣсъ, да тамъ и затерялась. Вернулись къ фанзѣ, развьючили лошадей и поставивъ ихъ въ стойло, гдѣ находилось сѣно, вошли въ фанзу и развели огонь. Посуда и провизія, въ видѣ проса и соли, были на лице, что же означало отсутствіе хозяина? Не задавилъ ли его тигръ, или не погибъ ли онъ какъ нибудь иначе?

Переночевавъ въ фанзѣ, путешественники двинулись дальше. Это было 11 Декабря. Осенній перелетъ птицъ уже кончился и на заливахъ, рѣкахъ и отмеляхъ не стало уже видно огромныхъ стай водяныхъ птицъ. Зато въ лѣсахъ встрѣчалось множество рябчиковъ и фазановъ, а масса воронъ положительно не давала покоя. Едва успѣютъ путешественники остановиться и развести

костеръ, какъ насядутъ кругомъ на деревьяхъ нахальныя птицы и ждутъ. Если путешественники расположатся ночевать, вороны съ наступленіемъ ночи улетятъ, а на утро прилетятъ опять Одинъ разъ онѣ украли нѣсколько фазановъ, а другой — выѣли бокъ убитому оленю. Зато много несносныхъ птицъ поплатилось жизнью за свою дерзость.

Въ одной фанзѣ, гдѣ Пржевальскому пришлось ночевать, онъ свелъ дружбу съ хозяиномъ довольно оригинальнымъ образомъ. Увидя у путешественника стеариновыя свѣчи, манза попросилъ кусочекъ и получивъ небольшой огарокъ тотчасъ принялся его ѣсть, откусывая по немногу, точно пряникъ и приговаривая: «шонгау, шонгау», т. е. «хорошо, хорошо». Увидѣвъ это, Пржевальскій далъ манзѣ кусочекъ мыла, который тотъ разрѣзалъ на нѣсколько частей и началъ ѣсть съ большимъ удовольствіемъ. Наконецъ, желая довершить наслажденіе, онъ положилъ въ ротъ мыла и стеарину и съѣлъ, не переставая расхваливать. Солдаты смотрѣли на эту картину и бранились, «Ишь тварь, ѣстъ всякую мерзость!»

Вообще казаки и солдаты всякаго инородца называютъ тварью, что не мѣшаетъ имъ, однако, брать отъ этой твари рыбу, водку, табакъ, а иногда и стянуть что нибудь.

Глава VI.

Изъ всѣхъ прибрежныхъ долинъ за Уссурійскаго края самая замѣчательная по плодородію и красотѣ—это долина Сучана, вытекающаго изъ главнаго хребта Сихото-Алиня и впадающаго въ заливъ Америка.

Рѣка Сучанъ судоходна только верстъ на 20 отъ устья; выше же — она камениста и быстра какъ всѣ горныя рѣки. Гигантскій, отвѣсный, какъ стѣна, утесъ, сажень въ 70 вы-

шины, обозначаетъ въ заливѣ Америка то мѣсто, гдѣ находится устье Сучана и откуда начинается его долина, съ трехъ сторонъ обставленная горами и открытая только къ югу. Горы высоки, лѣсисты и изрѣзаны глубокими падями, которыя въ различныхъ направленіяхъ сбѣгаютъ къ главной долинѣ.

Почва долины чрезвычайно плодородна и издавна живущіе здѣсь китайцы говорятъ, что это самый благодатный уголокъ изъ всего нашего побережья Японскаго моря. Недаромъ здѣсь скопилось густое населеніе китайцевъ душъ въ 500, тогда какъ русскихъ всего два поселенія душъ въ 50. Прискорбно видѣть какъ у китайцевъ всего въ изобиліи, а у русскихъ, тутъ же, рядомъ, нѣтъ иногда куска хлѣба.

Сучанская долина замѣчательна необыкновеннымъ обиліемъ фазановъ. Любимую пищу фазановъ составляютъ зерновые хлѣба и осенью можно видѣть цѣлыя стада этихъ птицъ, бѣгающихъ по полямъ или перелетающихъ съ скирды на скирду. Кромѣ хлѣба, фазаны ѣдятъ желуди и молодой картофель, который выкапываютъ изъ земли и проглатываютъ цѣликомъ.

Отправляясь на фазановъ, Пржевальскій съ улыбкой припоминалъ европейскія охоты, гдѣ зачастую охотнику приходится возвращаться съ пустымъ ягдташомъ. Впрочемъ, и здѣсь требуется сноровка, такъ какъ фазаны очень осторожны и не подпускаютъ къ себѣ на выстрѣлъ. Замѣтивъ опасность, они, или улетаютъ, или уходятъ въ густую траву. Приходится отыскивать ихъ съ собакою и тогда уже начинается не охота, а настоящая бойня. Въ густыхъ зарослях чернобыльника, которымъ обыкновенно обростаютъ здѣсь поля, собака находитъ фазановъ буквально на каждомъ шагу. Пальба идетъ безостановочно и часа черезъ 2—3 въ мѣшкѣ лежитъ уже отъ 25—35 фазановъ, которыхъ солдатъ едва въ силахъ дотащить до дому. Много раненыхъ уходитъ и потомъ появляются на поляхъ хромые, куцые и тому подобные инвалиды. Обиліе дичи до того

избаловало охотника, что онъ уже не ѣлъ мяса, а приказывалъ себѣ готовить супъ изъ фазаньихъ потроховъ; изъ мяса же вытапливался жиръ, предназначенный для замѣны масла во время пути.

Удалось Пржевальскому поохотиться и на тигра, но къ сожалѣнію, неудачно. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ этотъ случай: «Утромъ, 23 Ноября, на разсвѣтѣ, явился ко мнѣ русскій крестьянинъ изъ деревни Александровки и объявилъ, что по всей деревнѣ на снѣгу видны свѣжіе слѣды тигра. Наскоро одѣвшись, я пошелъ съ нимъ и дѣйствительно увидалъ характерные круглые слѣды, по которымъ можно было судить, что звѣрекъ не маленькій. Осмотрѣвъ штуцеръ, заткнувъ кинжалъ за поясъ, я взялъ съ собою солдата, вооруженнаго рогатиной и пустился по слѣду. Вскорѣ слѣдъ затерялся въ кустарникѣ, гдѣ приходилось идти очень осторожно, чтобы лютый звѣрь не бросился изъ засады. Пройдя такимъ образомъ шаговъ 300, мы наткнулись на мѣсто, гдѣ тигръ только что позавтракалъ утащенною изъ деревни собакой, которую съѣлъ всю до чиста съ костями и внутренностями. Невольно пріостановился я, увидѣвъ площадку, залитую кровью. Идя шагъ за шагомъ и ежеминутно озираясь, мы вышли изъ кустарниковъ и по слѣду направились въ горы. Три раза натыкались мы на мѣста, гдѣ тигръ отдыхалъ сидя или лежа. Вдругъ на небольшомъ холмѣ, шаговъ за 300 впереди, что то замелькало. Это былъ тигръ, который, увидавъ насъ, пустился бѣжать крупной рысью и вскорѣ скрылся за горою. Напрасно, удвоивъ шаги, пустились мы въ догонку; звѣрь былъ далеко впереди и мы, не догнавъ его, вернулись назадъ».

Посѣщеніе тигромъ Уссурійскихъ селеній случается почти каждую ночь и послѣ сумерекъ, по словамъ туземцевъ, опасно выходить изъ избы. Наглость этихъ звѣрей доходитъ до того, что они таскаютъ собакъ, привязанныхъ въ сѣняхъ.

По дорогѣ попадалось много кедровъ съ неопавшими еще

шишками. Сбивъ шишки пулею, Пржевальскій сушилъ ихъ на кострѣ и съ удовольствіемъ лакомился свѣжими орѣшками. Во всей Сибири кедровые орѣхи составляютъ одно изъ главныхъ лакомствъ и часто, собравшееся общество, за неимѣніемъ интересныхъ разговоровъ, проводитъ время въ щелканіи орѣховъ, которые и извѣстны здѣсь подъ мѣткимъ названіемъ «Сибирскихъ разговоровъ».

Тропинка, по которой шли путешественники, часто выходила на самый берегъ моря, гдѣ въ тихихъ пустынныхъ заливахъ удавалось иногда видѣть китовъ, пускающихъ фонтаны. Здѣсь же, на песчаныхъ отмеляхъ, валялись кости этихъ животныхъ и цѣлые черепа, рядомъ со множествомъ раковинъ и водорослей, среди которыхъ попадались морскія звѣзды и великолѣпныя медузы малиноваго цвѣта. Но несравненно величественнѣе являлись морскіе берега тамъ, гдѣ надъ самыми волнами висѣли высокіе отвѣсные утесы, у подошвы которыхъ вѣчно бьетъ бурунъ сердитаго океана.

По берегу изрѣдка встрѣчались жилыя фанзы, но еще больше было пустыхъ, въ которыхъ лѣтомъ живутъ промышленники морской капусты.

7 Декабря путешественники прибыли въ гавань Св. Ольги, гдѣ рѣшили отдохнуть. Въ окрестностяхъ расположены 4 русскія деревни, но крестьянскія поля находятся верстахъ въ 15, такъ какъ рѣка Ольга сильно разливается весною и затопляетъ близлежащія мѣстности.

Отдохнувъ въ гавани Св. Ольги и замѣнивъ сбитыхъ лошадей свѣжими, Пржевальскій 14 Декабря отправился къ бассейну Уссури (400 в.). Онъ избралъ путь дальнѣйшій съ цѣлью посѣщенія пунктовъ, густо населенныхъ Китайцами и Тазами.

Долина рѣки Тазуши не уступаетъ, по плодородію, долинѣ Сучана. Также какъ и послѣдняя, она обставлена высокими, лѣсистыми горами. Китайцы, населяющіе эту долину, живутъ очень

зажиточно. Ихъ фанзы расположены усадьбами на разстояніи ½ — 1 версты другъ отъ друга. Только китайцы занимаются земледѣліемъ, тазы-же охотою и соболинымъ промысломъ.

Съ рѣки Тазуши путешественники направились на рѣку Лифудинъ, для чего нужно было перевалить черезъ хребетъ Сихото-Алинь. На самой вершинѣ перевала стоитъ деревянный срубъ, съ грубо намалеваннымъ божествомъ: это часовня, у которой каждый проходящій манза непремѣнно посидитъ, покуритъ трубку, а пепелъ выбьетъ въ чугунный горшокъ, дѣлая такимъ образомъ приношеніе по пословицѣ: на тебѣ Боже, что мнѣ не гоже.

Первую ночь путешественникамъ пришлось провести въ лѣсу при 20 градусномъ морозѣ. Резгребли снѣгъ, развели костеръ и поужинавъ, улеглись, прикрывшись всѣмъ, чѣмъ было можно. Но сонъ на морозѣ тяжелъ и не освѣжаетъ человѣка. Отъ дыханія намерзаютъ сосульки на усахъ и бородѣ и растаявъ, непріятными, холодными каплями скатываются за рубашку.

На слѣдующій день маленькая экспедиція пришла на рѣку Лифудинъ, достигающую 15 — 20 сажень ширины. Дремучая тайга окаймляетъ верхнее теченіе рѣки и имѣетъ дикій первобытный характеръ. Сплошною стѣною тѣснятся столѣтнія деревья къ самому берегу, куда надвигаются то справа, то слѣва высокіе утесы, которые здѣсь часто покрыты растительностью. Прицѣпившись корнями къ разсѣлинамъ, растутъ ели, кедры и густой кустарникъ.

Пробѣжавъ верстъ около 70-ти, Лифудинъ сливается съ рѣкою Сандогу и принявъ Дауби-хэ, именуется уже Уссури.

Послѣ довольно труднаго пути, въ борьбѣ съ мятелями и снѣгами, Пржевальскій 7-го Января прибылъ въ станицу Буссе, чѣмъ и закончилась зимняя экспедиція, продолжавшаяся почти 3 мѣсяца.

Глава VII.

Изъ всего пребыванія въ Уссурійскомъ краѣ, самымъ лучшимъ временемъ, по свидѣтельству Пржевальскаго, были двѣ весны 1868 и 1869 г. г., проведенныя на берегу озера Ханка, при истокѣ Сунгачи. Въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ кромѣ нѣсколькихъ домиковъ, именуемыхъ постъ № 4, на сотню верстъ во всѣ стороны нѣтъ жилья человѣческаго, очень привольно живется безчисленнымъ птицамъ, которыя появляются здѣсь, какъ только пахнетъ весною. Никогда не тревожимыя человѣкомъ, онѣ живутъ, каждая по своему и представляютъ много интереснаго для наблюдателя.

Первыми вѣстниками появляются лебеди кликуны, а за ними бакланы — искусные рыболовы. Бакланъ очень долго можетъ оставаться подъ водою и вынырнетъ не иначе, какъ съ добычей. Въ случаѣ, если пойманная рыба велика и проглотить ее сразу трудно, то ближайшіе товарищи бросаются отнимать добычу; начинается шумъ и драка, которая не всегда оканчивается въ пользу праваго.

Случается и другая бѣда: проглотитъ бакланъ касатку, во множествѣ водящуюся въ Сунгачѣ и Ханка, а она распуститъ свои колючки въ горлѣ птицы и птица задыхается.

Забавно смотрѣть какъ бакланъ спасается отъ непріятеля: при видѣ опасности, онъ весь погружается въ воду, оставляя на поверхности одну только голову, которой вертитъ какъ винтомъ, слѣдя за движеніями врага. Улучивъ удобную минуту, онъ поднимается, взмахиваетъ крыльями и ударивъ ими по водѣ, быстро улетаетъ.

Вслѣдъ за водяными птицами появляются голенастыя съ японскимъ журавлемъ во главѣ. Эти журавли, небольшіе по

объему, имѣютъ обыкновеніе устраивать весною забавныя пляски для увеселенія своихъ подругъ.

Съ такой похвальной цѣлію, общество въ три или пять паръ выбираетъ среди болота сухое и гладкое мѣсто, удаленное отъ кустарниковъ, овраговъ и другихъ мѣстностей, могущихъ скрыть врага. Раннимъ утромъ и передъ вечеромъ, журавли слетаются на такое условное мѣсто и покричавъ здѣсь немного, принимаются за пляску. Для этого они образуютъ кругъ, внутри котораго находится собственно арена, предназначенная для танцевъ. Сюда выходитъ одинъ или два журавля, прыгаютъ, кивають головами, присѣдаютъ, подскакиваютъ вверхъ, машутъ крыльями и вообще, всякимъ манеромъ стараются показать свою ловкость и искусство. Остальные, образующіе кругъ, смотрятъ на нихъ и немного погодя смѣняютъ усталыхъ, которые въ свою очередь дѣлаются зрителями.

Такія пляски продолжаются часа два; наконецъ, предъ наступленіемъ сумерекъ, утомленные танцоры прокричатъ цѣлымъ хоромъ во все журавлиное горло и разлетаются на ночлегъ.

Вообще, журавль можетъ считаться однимъ изъ самыхъ любезныхъ супруговъ между своими длинноногими собратьями. Гуляя со своею супругою по болоту, онъ всячески старается занять ее; прискакиваетъ, вертится, между тѣмъ какъ болѣе положительная супруга занимается въ это время проглатываніемъ лягушекъ.

Привязанность японскихъ журавлей къ своей подругѣ и дѣтямъ замѣчательна. Однажды, Пржевальскій убилъ журавлиху. Оставшійся журавль долго леталъ вокругъ охотника, пока онъ несъ убитую птицу. Затѣмъ держался дня два возлѣ этого мѣста, часто и громко кричалъ; наконецъ, убѣдившись въ безполезности своихъ поисковъ, на третій день утромъ рѣшился покинуть долину, гдѣ жилъ счастливо, можетъ быть, въ теченіи многихъ лѣтъ. Долго онъ поднимался спиральными кругами кверху, поднялся

такъ высоко, что едва былъ замѣтенъ и, наконецъ, полетѣлъ по направленію озера Ханка. Не менѣе трогательна привязанность гуся и лебедя къ своимъ птенцамъ. Если выводокъ увидитъ собаку или человѣка, онъ, обыкновенно, спѣшитъ спрятаться въ густую траву. Отецъ же и мать нарочно летаютъ въ виду у непріятеля, чтобы привлечь на себя его вниманіе и спасти птенцовъ.

Почти одновременно съ японскимъ журавлемъ прилетаетъ другой его собратъ, громаднѣйшій журавль китайскій. Въ стоячемъ положеніи этотъ журавль имѣетъ до 5 Ф. вышины, $7^{1}/_{2}$ Ф. въ размахѣ крыльевъ и вѣситъ болѣе $^{1}/_{2}$ пуда. При томъ онъ очень красивъ, весь снѣжно бѣлый за исключеніемъ черной шеи и такого же цвѣта малыхъ маховыхъ и плечевыхъ перьевъ. Онъ очень остороженъ и убить его весьма трудно.

Вслѣдъ за первымъ прилетомъ, ежедневно появлялись новые виды, такъ что къ 9 Марту ихъ собралось уже до 22 видовъ. Чрезвычайно красивъ японскій ибисъ, родной братъ священной птицѣ древнихъ Египтянъ. Достигая въ размахѣ крыльевъ до 4 Ф. ибисъ имѣетъ спину, верхнюю часть шеи и хохолъ пепельно голубого цвѣта, низъ тѣла блѣдно розоваго, а крылья—огненно краснаго. Передняя часть головы и ноги кирпичнаго цвѣта, длинный же согнутый клювъ черный съ ржавчинно-краснымъ концомъ. Ибиса всегда можно видѣть въ сосѣдствѣ бѣлой цапли, которая, по необыкновенной чуткости своей, служитъ ему какъ бы сторожемъ. Поэтому убить ибиса еще труднѣе, чѣмъ журавля. Голосъ ибиса неблагозвученъ; онъ похожъ на карканье вороны.

Появленіе японскаго ибиса совпадаетъ съ валовымъ прилетомъ остальныхъ птицъ. 13 Марта, не смотря на сильную мятель, появилось большое стадо утокъ клоктуновъ. Низко, почти надъ самою землею, неслись онѣ съ юга и встрѣтивъ полынью на истокѣ Сунгачи, опустились на нее. Поплававъ немного, онѣ усѣлись на льду отдыхать. Къ нимъ безпрестанно присоединя-

лись другія пары и вскорѣ набралось ихъ тысячи три экземпляровъ.

Немного погодя, вся эта живая туча поднялась и полетѣла съ шумомъ бури, то сжимаясь въ одну большую кучу, то вытянувшись фронтомъ въ линію, то образуя уголъ, то разбиваясь на мелкія стаи, которыя слетались вновь.

Въ теченіи всего Марта клоктуны держались такою огромною стаею, что за одинъ выстрѣлъ Пржевальскій убивалъ ихъ по 5—7 штукъ, а одинъ разъ убилъ даже 14.

Такое обиліе птицъ привлекаетъ сюда всякихъ хищниковъ. Бѣлохвостые орланы усаживаются на высокихъ деревьяхъ по берегу рѣки, выжидая удобной минуты и зачастую, изъ подъ носа охотника уносятъ убитую или подстрѣленную птицу. Ястребъ тетеревятникъ, какъ хитрый разбойникъ, шныряетъ по кустамъ и ловитъ оплошныхъ птицъ. Соколъ бьетъ сверху и заставляетъ летящее стадо утокъ бросаться въ воду, чтобы тамъ искать спасенія.

Черный коршунъ паритъ широкими кругами въ вышинѣ и зорко высматриваетъ нѣтъ ли гдѣ остатковъ отъ обѣда орла, ястреба или сокола. Даже сороки и вороны держатся на берегу Сунгачи, поживляясь чѣмъ Богъ послалъ.

Для охотника здѣсь настоящій рай. Дичи такъ много, что можно стрѣлять ее, не сходя съ мѣста. Сидитъ, напримѣръ, Пржевальскій въ своемъ домикѣ на посту, за препаровкою птицъ или за писаньемъ дневника, вдругъ слышитъ клохтанье. Дикія утки плещутся въ лужѣ подъ окномъ. Тотчасъ же онъ беретъ ружье и въ открытое окно палитъ. Тоже дѣлали и казаки, употребляя, вмѣсто дроби, крупную соль. При такихъ условіяхъ, сильно разгоралась охотничья жадность и несчастныхъ птицъ настрѣливалось болѣе, чѣмъ было нужно.

Уходя на охоту, Пржевальскій, кромѣ ружья, бралъ еще и штуцеръ. Хоть и тяжело было ходить въ такомъ вооруженіи,

но за то можно было бить всякую птицу. Въ короткое время настрѣливалось столько дичи, что носить ее не было возможности. Приходилось зарывать ее въ снѣгъ, или развѣшивать на деревьяхъ, чтобы уберечь отъ хищниковъ. Послѣднее было самое лучшее, такъ какъ хищники, подозрѣвая, вѣроятно, ловушку, не рѣшались прикасаться къ развѣшанной дичи и только съ завистью на нее поглядывали.

Летъ птицъ начинается, обыкновенно, съ восходомъ солнца, потомъ все уменьшается и прекращается около 11 ч. дня. Въ это время перелетныя стаи садятся отдыхать. Однако, онѣ не дремлютъ и подкрасться къ нимъ можно развѣ только ползкомъ, среди сухой высокой травы.

Передъ закатомъ солнца, снова начинается летъ и продолжается уже до позднихъ сумерекъ. Раннимъ утромъ, въ ясные дни, птицы летятъ такъ высоко, что выстрѣлъ до нихъ не достигаетъ, вечеромъ же и въ особенности въ пасмурные дни, летъ бываетъ низкій, почти по самой землѣ. Въ это время обыкновенно и охотятся. Въ холодную же, и тѣмъ болѣе въ вѣтряную погоду лета почти не бываетъ.

Но не однѣми птицами наполняются весною Сунгачскія равнины. Съ первыхъ чиселъ Апрѣля начинается здѣсь ходъ дикихъ козъ, которыя, ежегодно, осенью и весною, совершаютъ періодическія переселенія изъ бассейна Уссури далѣе къ югу и обратно. Тутъ то и наступаетъ время для баснословной, оригинальной охоты, когда козъ можно бить цѣлыми десятками изъ засадокъ, устроенныхъ на пути слѣдованія этихъ звѣрей.

Засадки дѣлаются въ видѣ шалашей, гдѣ охотникъ сторожитъ звѣря. Коза плохо видитъ, но обоняніе у нея острое и потому необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы вѣтеръ дулъ не отъ охотника. Самая лучшая охота бываетъ на зарѣ; въ засадку надо приходить еще въ потемкахъ. Лишь только станетъ заниматься заря и начнутъ просыпаться птицы, привѣтствуя,

каждая по своему, наступающій день, — показывается стадо козъ. Шагомъ или тихою рысью идетъ оно, безпрестанно останавливаясь, прислушиваясь и пощипывая траву. Вотъ уже оно приблизилось шаговъ на двѣсти, раздается выстрѣлъ и громкимъ эхомъ перекатывается въ тишинѣ ранняго утра. Испуганное такою неожиданностью, стадо дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и, столпившись въ кучу, останавливается, такъ что можно успѣть зарядить и выстрѣлить въ другой разъ. Только послѣ второго выстрѣла козы, смекнувъ въ чемъ дѣло, начинаютъ скакать, что есть духу и вскорѣ исчезаютъ. Но это небольшая бѣда. Черезъ полчаса и даже менѣе, показывается другое стадо, потомъ третье, четвертое, десятое и съ каждымъ изъ нихъ, если только оно проходитъ вблизи засадки, повторяется таже исторія. Часамъ къ 9 — 10 утра ходъ оканчивается и охотникъ идетъ собирать свои трофеи. Чтобъ дать понятіе объ этихъ трофеяхъ, достаточно сказать, что одинъ гольдъ въ теченіи трехъ недѣль, убилъ 118 козъ. Какой охотникъ въ Европѣ не позавидуетъ такому обилію звѣрей и такой чудной охотѣ за ними, о какой ему и не снилось на родинѣ.

Есть еще и другой способъ охоты за козами. Эти животныя имѣютъ привычку идти всегда однимъ и тѣмъ же путемъ; въ одномъ и томъ же мѣстѣ переправляться черезъ рѣки. Такимъ обычаемъ пользуются охотники для своихъ цѣлей. Зная мѣста переправы звѣрей, они садятся въ засадки и ждутъ.

Сперва появляются старые вожаки. Долго ходятъ они по берегу, тщательно нюхая воздухъ и осматривая, нѣтъ ли опасности на противоположной сторонѣ рѣки. Тамъ все спокойно. Густою стѣною нависли ивы и въ ихъ темной чащѣ не видно ничего подозрительнаго; дикія утки полощутся въ водѣ, цапли важно расхаживаютъ по песчанымъ откосамъ. Помявшись немного, передовыя козы бросаются въ воду, а за ними и все стадо, головъ въ 10, 40, а иногда и въ 100. Трудно плыть по

быстрой, широкой рѣкѣ. Тяжело фыркаютъ молодыя, еще не привыкшія къ этому упражненію, козочки. Однако, все стадо довольно быстро подвигается впередъ. Вотъ оно уже близится къ желанному берегу. Вдругъ, какъ будто изъ воды выскакиваетъ оморочка, за ней другая, третья... Со всѣхъ сторонъ, изъ заливовъ, изъ подъ тальника, отовсюду несутся быстрые легкіе челноки и доселѣ безмолвный берегъ оглашается радостными криками гольдовъ, разсчитывающихъ на вѣрную добычу.

Озадаченное сразу, все стадо останавливается, не зная куда дѣться: плыть ли впередъ, повернуть ли назадъ. Еще мгновеніе, и оно рѣшается на такое, повидимому, единственное средство къ спасенію, дѣлаетъ крутой поворотъ и стремится къ прежнему берегу. Но, быстрѣе птицы летятъ гольдскія оморочки и путь отступленія отрѣзанъ.

Видя со всѣхъ сторонъ лодки и людей, пораженное ужасомъ стадо бросается въ разсыпную; однѣ козы силятся идти на проломъ, другія бросаются вверхъ, внизъ, словомъ — во всѣ стороны. Тутъ то и начинается бойня. Съ копьемъ въ рукѣ несется гольдъ къ плывущей козѣ и однимъ ударомъ пронзаетъ ей шею, норовя убить ее сразу; иначе она утонетъ и пропадетъ для него. Тѣмъ временемъ подплываютъ жены и дѣти гольдовъ и подтаскиваютъ убитыхъ козъ къ берегу. Пронизавъ одну козу, гольдъ бросается за другою, третьею и т. д.

Голоса людей, предсмертные стоны раненыхъ козъ, вода, обагренная кровью, лодки гольдовъ, несущіяся какъ птицы по волнамъ — все это представляетъ дикую оригинальную картину.

Только немногія счастливыя козы успѣваютъ въ суматохѣ выплыть на берегъ и скрыться въ кустахъ. Большая же часть достается охотникамъ, которые начинаютъ снимать шкуры, рѣзать и сушить на солнцѣ мясо, составляющее вмѣстѣ съ рыбою главную пищу гольда.

Съ половины Апрѣля, картина весенней жизни значительно

измѣняется. Начинаетъ показываться зелень, разливы исчезаютъ, на болотахъ не видно и 20-й доли прежняго населенія. Оставшіяся птицы принимаются вить гнѣзда и потому затихаютъ. Бѣлый орланъ вьетъ гнѣздо на высокихъ столѣтнихъ дубахъ, всего чаще на вершинѣ. Гнѣздо имѣетъ 5 — 6 футовъ въ поперечникѣ и дѣлается изъ довольно толстыхъ сухихъ сучьевъ, которыхъ орланъ натаскиваетъ цѣлый возъ. Внутренность гнѣзда устилается сухою травою. Какъ только вылупятся молодые, родители очень усердно заботятся о ихъ продовольствіи. Птенцы, не смотря на свое обжорство, не успѣваютъ съѣдать припасенной для нихъ провизіи и на краю гнѣзда нерѣдко можно видѣть довольно большихъ рыбъ, уже испортившихся и издающихъ зловоніе.

Бѣлые аисты также вьютъ гнѣзда на деревьяхъ, гдѣ, кажется, они должны бы были находиться въ безопасности; но на бѣду, тибетскіе медвѣди большіе охотники до яицъ и молодыхъ птенцовъ; притомъ же они отлично лазятъ по деревьямъ и легко достаютъ себѣ лакомую пищу. Аисты-родители держатся нѣкоторое время возлѣ раззоренныхъ гнѣздъ, производя трескотню клювомъ, словно разсуждая о случившемся несчастіи, но потомъ улетаютъ изъ этого мѣста.

Начинаютъ вить гнѣзда обыкновенно крупныя птицы, а вслѣдъ за ними и мелкіе пташки, что бываетъ обыкновенно въ Маѣ, когда уже совсѣмъ тепло.

Для птицъ, вьющихъ гнѣзда на землѣ, чрезвычайно опасны палы, о которыхъ говорено выше. Огонь гонитъ впереди себя стаи вспугнутыхъ птицъ, а вслѣдъ за ними летятъ вороны, коршуны и другіе хищники въ надеждѣ поживиться какой нибудь обгорѣлою мышью или гнѣздомъ. Гнѣзда истребляются въ страшномъ количествѣ и казаки, живущіе на постахъ, нарочно ходятъ на горѣлыя мѣста собирать яица, которыя испекаются, или лопнувъ отъ жару, превращаются въ яичницу. Болѣе всего погиба-

етъ гнѣздъ утиныхъ, свитыхъ въ сухой травѣ. Только мандаринская утка вьетъ гнѣздо въ дуплѣ дерева и такимъ образомъ оберегаетъ его отъ огня. Послѣ паловъ, утки и многія другія птицы дѣлаютъ новыя гнѣзда и выводятъ птенцовъ.

Глава VIII.

8 Мая Пржевальскій двинулся на западную сторону Ханка, чтобы изслѣдовать эту и южную часть Ханкскаго бассейна.

«Никогда не забуду я», пишетъ онъ, «эти три мѣсяца, проведенные среди дикой нетронутой природы, дышавшей всею прелестью весенней и лѣтней жизни. Я странствовалъ по лѣсамъ, горамъ и долинамъ, не зная въ теченіи многихъ недѣль кряду иного крова, кромѣ широкого полога неба; иной обстановки, кромѣ свѣжей зелени и цвѣтовъ; иныхъ звуковъ, кромѣ пѣнія птицъ, оживляющихъ собою луга, болота и лѣса. Это была чудная, обаятельная жизнь, полная самыхъ чистыхъ наслажденій. Часто вспоминаю я о ней и могу сказать, что человѣку, попробовавшему этой дикой свободы, невозможно позабыть о ней даже при лучшихъ условіяхъ дальнѣйшей жизни. Особенно отрадно было видѣть, послѣ Сунгачскихъ болотъ, лѣсистыя горы и сухія долины, одѣтыя въ самый пышный майскій нарядъ».

Въ полномъ убранствѣ цвѣтущихъ ландышей, желтыхъ лилій и другихъ цвѣтовъ красовалась живописная долина Сіянъ-хэ, окаймленная лѣсистыми горами, гдѣ среди разнообразнѣйшихъ породъ деревьевъ попадаются и абрикосы.

Желая хорошенько ознакомиться съ страною, Пржевальскій шелъ, обыкновенно, напрямикъ, куда глаза глядятъ. Отъ такихъ переходовъ особенно доставалось вьючнымъ лошадямъ, которымъ часто приходилось переправляться въ бродъ черезъ быстрыя рѣчки, или лазить черезъ крутые горные отроги, или вязнуть въ

болотѣ. По счастью, привычныя, мѣстныя лошади умѣло справлялись съ затрудненіями и шли себѣ напрямикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, неся на спинѣ вьюкъ въ 3—4 пуда. Одинъ человѣкъ велъ за поводъ переднюю, другой подгонялъ заднюю; среднія шли сами по себѣ.

Долина Сіянъ-хэ имѣетъ луговой характеръ и почву плодородную. Въ половодье, она, вѣроятно, затопляется, а потому нигдѣ не воздѣлана.

По окончаніи изслѣдованія бассейна Сіянъ-хэ, Пржевальскій приступилъ къ съемкѣ и промѣру рѣки Лэфу, впадающей въ южную оконечность Ханка. Нужно было рѣшить, возможно ли на этой рѣкѣ судоходство.

Эти занятія не мѣшали собиранію коллекцій и охотѣ. Въ обрывистомъ бурегу Лэфу гнѣздилось множество зимородковъ. Эта красивая птичка устраиваетъ себѣ гнѣздо въ отвѣсномъ берегу, выкапывая дыру въ 2—3 фута длины. Въ концѣ дыра эта расширяется и въ ней устраивается гнѣздо съ подстилкою изъ мелкихъ рыбьихъ косточекъ, которыми питается зимородокъ. На яицахъ сидятъ самецъ и самка поперемѣнно. Также дружно высиживаетъ птенцовъ и иволга.

Многія птичьи гнѣзда выстланы шерстью изюбря. Зная, что животныя теряютъ шерсть свою постепенно и гдѣ попало, Пржевальскій не могъ объяснить себѣ этого явленія, пока одинъ изъ мѣстныхъ охотниковъ не разсказалъ ему въ чемъ дѣло. Весною, онъ самъ видалъ, какъ нѣсколько сорокъ сидѣло на спинѣ пасшагося изюбря и рвало изъ нея шерсть цѣлыми клочьями. Незная, какъ избавиться отъ такихъ непрошенныхъ услугъ, изюбрь брыкался, моталъ головой и такъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, что охотникъ успѣлъ подкрасться и убить его.

Кромѣ птицъ, по Лэфу держится много звѣрей, которые приходятъ сюда для вывода дѣтенышей. На прибрежныхъ лугахъ, зачастую, встрѣчаются козы, которыя, лежа на травѣ, под-

пускаютъ къ себѣ шаговъ на 20 и потомъ вдругъ выскакиваютъ чуть не изъ подъ самого носа охотника. Молодые же козлята, по глупости, часто попадаются собакѣ въ зубы. Въ такомъ случаѣ погибаетъ и мать, прибѣгающая на крикъ козленка. Пржевальскому не разъ случалось, сидя за кустомъ съ козленкомъ, заставлять его пищать, дергая его за уши. Немедленно прибѣгала мать и тотчасъ же была убита. Убитую козу казаки выдаивали и добывали стакана два молока густого какъ сливки, но слащаваго и непріятнаго на вкусъ.

Покончивъ съ Лэфу, изслѣдованіе которой производилось на лодкѣ, Пржевальскій отправился вьюкомъ на рѣку Мо. Съ наступленіемъ жаркаго времени путешествіе сдѣлалось крайне тягостнымъ вслѣдствіе міріадовъ оводовъ и мошекъ, свирѣпствовавшихъ безъ перерыва. Несчастныя лошади до того ослабѣвали въ борьбѣ съ этими мучителями, что ничего не ѣли и отдыхали только на привалахъ, когда кругомъ устраивались дымокуры.

Немного легче было и человѣку; приходилось ежеминутно отмахиваться; купаться не было никакой возможности. Разнообразіе видовъ крылатыхъ мучителей было такъ велико, что ничего не стоило, сидя на мѣстѣ, собрать цѣлую коллекцію на себѣ самомъ.

Глава IX.

О млекопитающихъ Уссурійскаго края.

Та область, которая недоступна личному изслѣдованію естествоиспытателя, остается почти неизвѣданною. Туземцы недовѣрчивы, крайне неразвиты и кромѣ ближайшихъ своихъ интересовъ неспособны ничего понимать. Покажутъ туземцу шкуру любого звѣря, онъ начнетъ выгадывать какой изъ нея выйдетъ воротникъ и дальше знать ничего не желаетъ.

Въ общемъ, относительно млекопитающихъ описываемой страны, можно сказать, что здѣсь преобладаютъ хищныя, затѣмъ грызуны и жвачныя. Въ меньшемъ числѣ встрѣчаются насѣкомоядныя, рукокрылыя и толстокожія.

Уссурійскій тигръ водится по всему краю, изрѣдка забѣгаетъ въ Забайкалье и по льду пробирается на Сахалинъ. По силѣ и выносливости, онъ не уступаетъ тигру бенгальскому, но шерсть имѣетъ болѣе густую и длинную. Шкура его: черныя полосы на красновато-желтомъ полѣ — очень красива. Для вывода дѣтей тигрица выбираетъ мѣсто наиболѣе пригрѣтое солнцемъ. Главную пищу тигра составляютъ изюбри, пятнистые олени и кабаны. Послѣдніе, впрочемъ, дорого продаютъ свою жизнь и нерѣдко острыми клыками распарываютъ врагу брюхо.

Съ медвѣдемъ тигръ живетъ также не въ особенной дружбѣ. Охотники набрели, однажды, на мѣсто, гдѣ сражались эти два звѣря. По клокамъ шерсти, оставленнымъ на откосѣ, видно было, что они сцѣпились и покатились внизъ. Въ это время, звѣри, вѣроятно, грызли другъ друга и, наконецъ, тигръ задавилъ медвѣдя.

Тигръ очень остороженъ, пробирается въ кустарникѣ какъ змѣя, голову держитъ внизъ, обнюхивая почву. Намѣтивъ добычу, подкрадывается къ ней и дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ. Схвативъ попавшагося звѣря, онъ нерѣдко подбрасываетъ его и играетъ съ нимъ какъ кошка съ мышью. Голосъ тигра очень непріятенъ. Это рѣзкій отрывистый звукъ, повторяющійся иногда по нѣскольку разъ кряду.

Когда нападутъ большіе снѣга и добыча звѣрей сдѣлается затруднительной, тигры приближаются къ жилымъ мѣстамъ и таскаютъ домашнихъ животныхъ. При случаѣ, они не прочь полакомиться и человѣкомъ. Такъ, въ 1867 году, тигры задавили 21-го манзу и шестерыхъ ранили.

Наглость этихъ звѣрей доходитъ до того, что они, ночью, прямо врываются въ фанзу и таскаютъ спящихъ манзъ. Нѣко-

торыя фанзы даже брошены потому, что въ нихъ нѣтъ житья отъ тигровъ.

Однажды, тигръ, забравшись въ ограду фанзы, сначала задавилъ лошадь, но, неудовольствовавшись этимъ, вырвалъ бумагу, которою заклеено было окно и, схвативъ за руку манзу, спавшаго возлѣ этого окна, потащилъ его наружу. По счастію, китаецъ спалъ поперегъ окна и потому застрялъ. Проснувшись отъ такой неожиданности, онъ поднялъ крикъ и прибѣжавшіе товарищи выручили его.

Замѣчательно, что тигры, такъ часто нападающіе на китайцевъ и другихъ инородцевъ, почти не трогаютъ русскихъ. За все время нашего владѣнія Уссурійскимъ краемъ, только и были съѣдены два солдата. Можетъ быть тутъ дѣйствуетъ инстинктъ, заставляющій африканскаго льва предпочитать негра или араба бѣлому охотнику, а можетъ быть, просто паника, нагоняемая русскими ружьями. Въ свою очередь, манзы отплачиваютъ тигру за его продѣлки и хотя не отваживаются вступить въ открытый бой съ страшнымъ звѣремъ, но устраиваютъ особыя западни, въ которыя и ловятъ своего врага. Для этого, китайцы пристраиваютъ сбоку фанзы крытую загородь съ дверкой, которая ходитъ на шарнирахъ вверхъ и внизъ. У противуположной стѣны, въ маленькой загородкѣ, помѣщается собака или свинья для приманки.

Рыская ночью вокругъ фанзы тигръ вдругъ слышитъ хрюканье свиньи, или лай собаки. Привлеченный соблазнительными звуками, онъ ходитъ кругомъ загородки и увидавъ отверзтіе, однимъ прыжкомъ вскакиваетъ въ него. Рама опускается и входъ запертъ. Напрасно звѣрь неистовствуетъ; напрасно крѣпкими лапами скребетъ землю и старается разворотить частоколъ; онъ не поддается его усиліямъ. По страшному реву, китаецъ узнаетъ, что звѣрь попался, идетъ и застрѣливаетъ его сквозь отверзтіе въ загородкѣ. Замѣчательно, что, попавъ въ такую ло-

вушку, тигръ до того теряется, что никогда не трогаетъ животнаго, привязаннаго для приманки, хотя бы оно не было въ загородкѣ.

Тигровая шкура стоитъ отъ 25 — 30 р. Сверхъ того, китайцы дорого цѣнятъ жёлчь и кости этого звѣря. Жёлчь употребляютъ какъ лекарство, а кости толкутъ въ порошокъ и во время войны даютъ солдатамъ, для возбужденія въ нихъ храбрости. Инородцы ѣдятъ тигровое мясо для той же цѣли.

Хотя тигры не трогаютъ русскихъ, но они не прочь полакомиться ихъ скотиной. Въ Іюнѣ 1869 г., въ селѣ Троицкомъ, на берегу Ханка, тигръ въ теченіи мѣсяца задавилъ 22 коровы и лошади совершенно безнаказанно, такъ какъ не было никакой возможности подкараулить его. Зимою, въ 1868 г., тигръ пришелъ ночью въ постъ Раздольный и видя, что конюшня заперта, влѣзъ на крышу и оттуда проникнувъ къ лошадямъ, тотчасъ же задавилъ двухъ. Другія же лошади, перепуганныя нежданнымъ гостемъ, подняли такой шумъ, что солдаты, спавшіе въ сосѣдней казармѣ, проснулись и прибѣжали на выручку. Услыхавъ голоса, тигръ выскочилъ въ тоже самое отверзтіе, откуда пришелъ и исчезъ въ темнотѣ.

Не успѣли еще солдаты разойтись, какъ услыхали въ свинарникѣ страшный гвалтъ. Оказалось, что тигръ такимъ же путемъ проникъ и туда и задавивъ трехъ свиней, ушелъ вполнѣ благополучно. Ободренный такими удачными подвигами, тигръ приходилъ еще нѣсколько разъ ночью и таскалъ собакъ, но, наконецъ, былъ подкарауленъ охотниками и убитъ.

Однажды днемъ, тигръ посѣтилъ сосѣднюю телеграфную станцію, гдѣ въ это время находился одинъ только сторожъ. Послѣдній, услыхавъ, что кто-то подошелъ къ окну, оглянулся и увидалъ тигра, который спокойно лизалъ сосульки, намерзшія на стеклѣ. Перепугавшись до смерти, солдатъ спрятался въ печку; тигръ же забрался во дворъ, задавилъ находившуюся тамъ лошадь, наѣлся мяса и преспокойно удалился въ лѣсъ.

Зная привычку тигра возвращаться къ недоѣденной добычѣ, солдаты принялись его караулить. Дѣйствительно, ночью, звѣрь пришелъ и, перескочивъ черезъ заборъ, принялся доѣдать лошадь. Изъ полуоткрытой двери избы солдаты выстрѣлили и дали промахъ. Тигръ отскочилъ въ сторону, но увидавъ, что все благополучно, вернулся къ добычѣ. Такъ повторилось нѣсколько разъ и только седьмая пуля уложила звѣря на мѣстѣ.

Вотъ еще замѣчательный случай. У одного изъ солдатъ, живущихъ на пограничномъ съ Манчжуріею посту, была корова съ теленкомъ. Однажды ночью, тигръ, забравшись въ коровникъ, схватилъ теленка и началъ его душить на глазахъ чадолюбивой матери. Предсмертные стоны дѣтища побѣдили чувство страха и разъяренная корова начала бодать тигра. Прибѣжали разбуженные шумомъ солдаты и принялись стрѣлять. Тѣмъ временемъ тигръ бросилъ теленка и желая спастись, сдѣлалъ прыжокъ, но неудачно и корова снова бросилась на него. Раздался новый выстрѣлъ; тигръ растерялся и началъ бросаться какъ съумасшедшій, наконецъ, изловчился и перепрыгнулъ черезъ заборъ, а корова — побѣдительница возвратилась къ своему дѣтенышу, но нашла его уже мертвымъ.

Однажды, шестнадцать казаковъ отправились отыскивать тигра, натворившаго у нихъ много бѣдъ; для большаго удобства, они раздѣлились. Вдругъ, выскочилъ притаившійся за кустомъ звѣрь и бросившись на ближайшаго казака, началъ грызть ему руку. Бывшій съ нимъ товарищъ такъ испугался, что не могъ даже стрѣлять. На крикъ прибѣжали остальные и одинъ изъ казаковъ всадилъ штыкъ тигру между челюстей. Но могучій звѣрь, давнувъ зубами, сломалъ штыкъ и съ увязшимъ во рту обломкомъ скрылся въ лѣсу. На слѣдующій день, казаки снова отправились на поиски. Наученные горькимъ опытомъ, охотники шли теперь вмѣстѣ, да еще взяли съ собою нѣсколько собакъ, которыя вскорѣ и открыли звѣря. Тотъ пустился, было, на уходъ,

но преслѣдуемый собаками, остановился и началъ ловить ихъ. Въ это время, одинъ изъ казаковъ выстрѣлилъ, но промахнулся. Въ тоже мгновеніе, тигръ, не смотря на массу стоявшихъ тутъ людей, бросился на стрѣлявшаго и схватилъ его за руку, но не могъ ее прокусить, такъ какъ въ челюстяхъ у него сидѣлъ еще штыкъ. Казаки всѣ вмѣстѣ бросились на звѣря и едва, едва уложили его.

Любопытно, что тигры очень любятъ собачье мясо. Можетъ быть оно имъ просто нравится, а можетъ быть здѣсь играетъ роль вѣковѣчная вражда кошачьей породы съ собачьей.

Барсъ встрѣчается рѣже чѣмъ тигръ, живетъ въ дремучихъ лѣсахъ и почти не приближается къ людскому жилью. Туземцы очень боятся барса, отъ котораго нельзя спрятаться и на деревѣ, такъ какъ онъ отлично лазитъ.

Уссурійскіе *медвѣди* миролюбиваго нрава и только раненые бросаются на людей. Самъ Пржевальскій, однажды, чуть не сдѣлался жертвою такого звѣря. Вотъ какъ онъ разсказываетъ это приключеніе:

«Пробитый пулею на разстояніи 40 шаговъ, разъяренный звѣрь съ ревомъ бросился на меня. По счастію, въ штуцерѣ оставался заряженнымъ другой стволъ и быстро вскинувъ къ плечу ружье, я рѣшился подпустить чудовище какъ можно ближе, такъ какъ здѣсь стоялъ уже вопросъ быть или не быть. Конечно, это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенія не изгладятся изъ моей памяти. Цѣлую жизнь и черезъ много лѣтъ все также ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить оскаленную пасть, кровавый цвѣтъ языка и громадные зубы... Когда медвѣдь приблизился на разстояніе четырехъ шаговъ, я спустилъ курокъ и разъяренный звѣрь съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопъ, рухнулся на землю».

Вотъ и еще случай: «Во время Сучанской экспедиціи», пишетъ Николай Михайловичъ, «встрѣтилъ я двухъ огромныхъ

медвѣдей. Не смотря на то, что со мной былъ одинъ только штуцеръ и больше никакого оружія, я бросился на медвѣдей и прострѣлилъ ближайшаго насквозь, подъ лопатку. Раненый звѣрь сначала, было, кинулся на меня, но потомъ, видя, что другой его товарищъ пустился на уходъ, также бросился за нимъ. Пробѣжавъ шаговъ полтораста, оба звѣря залегли въ кустахъ. Зарядивъ свой штуцеръ, я побѣжалъ за ними и не успѣлъ подойти шаговъ на 50, какъ вдругъ въ кустахъ раздался страшный трескъ и раненый медвѣдь бросился на меня. Приложившись, я хладнокровно ждалъ его и подпустивъ шага на 4, посадилъ ему пулю между глазомъ и ухомъ. Медвѣдь былъ убитъ какъ перепелка и рухнувшись всѣмъ тѣломъ покатился внизъ съ горы. Не успѣлъ я еще вздохнуть свободно, какъ вдругъ на меня бросается другой медвѣдь. Я выстрѣлилъ въ него изъ другаго ствола и, вѣроятно, далъ промахъ. Медвѣдь шелъ прямо на меня, но, къ счастію, подъемъ былъ довольно крутъ, такъ что онъ не могъ быстро бѣжать. Инстинктивно я бросился на березу, бывшую въ двухъ шагахъ отъ меня, но не успѣлъ еще взобраться сажени на полторы, какъ медвѣдь уже былъ подъ моими ногами. Однако, онъ не полѣзъ на дерево, а увидавъ, что его убитый товарищъ катится съ горы, началъ опускаться потихоньку за нимъ. Поспѣшно зарядивъ свой штуцеръ я спрыгнулъ съ дерева и пустился въ догонку за звѣремъ. Подбѣжавъ шаговъ на 50, я пробилъ его пулею, такъ что и этотъ медвѣдь покатился туда же, куда и первый. Между тѣмъ стемнѣло и я, оставивъ обоихъ медвѣдей въ лѣсу, отправился ночевать къ ближайшему китайцу. На другой день съ разсвѣтомъ, я пришелъ на мѣсто боя и нашелъ только одного медвѣдя, убитаго. Раненый же, скатившись съ горы, пошелъ вдоль пади, оставляя широкій кровавый слѣдъ. Я слѣдилъ его около версты, но потомъ оставилъ, потому что долженъ былъ спѣшить къ своему отряду. Съ убитаго же снялъ шкуру».

Лѣтомъ, медвѣдь держится, обыкновенно, по долинамъ рѣкъ, въ рощахъ и перелѣскахъ. Онъ питается ягодами, кореньями, а иногда косулями и оленями и очень любитъ медъ.

Пчелы устраиваются цѣлыми колоніями въ дуплахъ деревьевъ, гдѣ они за лѣто запасаютъ болѣе пуда меду и чтобъ найти улей, медвѣдь ходитъ по лѣсу и прислушивается, гдѣ жужжатъ эти насѣкомыя. Иногда звукъ телеграфной проволоки до того обманываетъ простоватаго мишку, что онъ лазитъ на телеграфные столбы, въ надеждѣ найти тамъ улей. Когда же мишка дѣйствительно нападетъ на желанное дупло, онъ зубами и когтями разворачиваетъ его и съѣдаетъ медъ, не обращая вниманія на тучи осаждающихъ его пчелъ.

Шкура медвѣдя цѣнится отъ 3 — 5 р.; жёлчь охотно покупаютъ Китайцы, употребляющіе ее какъ лекарство, а сало служитъ цѣлебнымъ средствомъ отъ ранъ. Мясо ѣдятъ Гольды и Орочи.

Медвѣдь Тибетскій отличается прекраснымъ чернымъ мѣхомъ съ большимъ бѣлымъ пятномъ на груди въ видѣ фигуры V. Этотъ медвѣдь обитаетъ въ Гималаѣ, Китаѣ, Японіи и водится по всему Уссурійскому краю. Ловкій и вертлявый, онъ отлично лазитъ по деревьямъ, охотно сидитъ тамъ по нѣскольку часовъ и укрывается въ случаѣ опасности. Зимней спячкѣ онъ предается и въ берлогѣ и въ дуплѣ дерева. Случается, что дровосѣки повалятъ дерево, а оттуда вываливается мишка.

Барсукъ добывается промышленниками ради сала, котораго у иныхъ экземпляровъ бываетъ до 15 ф. На пищу барсукъ не разборчивъ: ѣстъ мышей, улитокъ, лягушекъ и всякую всячину. Охотятся на барсука съ собаками, которыя настигаютъ звѣря и душатъ; также ловятъ его въ западни.

Колонокъ, изъ породы хорьковъ, образомъ жизни походитъ на своего собрата. Также какъ и онъ, колонокъ забирается въ жилища и таскаетъ провизію и куръ. Мѣхъ его довольно кра-

сивъ: онъ однообразно желтаго цвѣта съ блестящей остью. Хвостъ цѣнится Китайцами, которые употребляютъ его на кисточки.

По многочисленнымъ рѣкамъ Уссурійскаго края во множествѣ водится *выдра*. За выдрой охотятся, подкарауливая ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она выходитъ изъ воды и пожираетъ пойманную рыбу. Нерѣдко, она попадается въ мордыѝ, поставленныя для ловли рыбы. Не имѣя возможности запастись свѣжимъ воздухомъ, она задыхается тамъ.

Лисица водится на Уссури въ большомъ количествѣ; добываютъ ее ружьемъ, собаками и отравою.

Послѣднимъ представителемъ хищныхъ въ Уссурійскомъ краѣ является *енотовидная собака*, по росту и по мѣху очень похожая на обыкновеннаго енота, подъ именемъ котораго и извѣстна мѣстнымъ жителямъ. Этотъ звѣрь живетъ въ земляныхъ норахъ, въ которыхъ проводитъ большую часть дня; на добычу же выходитъ только ночью.

Охота на енота съ собаками бываетъ особенно успѣшна осенью, когда звѣрь сильно отъѣдается и бѣгаетъ такъ тихо, что даже человѣкъ можетъ его поймать. За то этотъ злой звѣрь не даромъ продаетъ свою жизнь и обыкновенно вступаетъ въ драку съ собаками, которымъ, иногда, наноситъ глубокія раны зубами. Лягавая Пржевальскаго тоже поплатилась кускомъ лѣваго уха въ одной изъ подобныхъ свалокъ, до которыхъ она была большая охотница.

Замѣчательно, что енотовидная собака—единственный звѣрь собачьяго семейства, подверженный зимней спячкѣ. Случается, однако, что въ теплые дни звѣрь просыпается, выходитъ изъ норы и бродитъ по снѣгу. Если его неожиданно застанетъ мятель, онъ свертывается клубкомъ и засыпаетъ гдѣ попало. Его заноситъ снѣгомъ и онъ лежитъ до наступленія теплаго времени.

Нѣчто среднее между бѣлкою и сусликомъ представляетъ *полосатый бурундукъ*, который, какъ и сусликъ, приноситъ много

вреда полямъ. Наѣдаясь, животное откладываетъ запасы пищи въ защечные мѣшечки, откуда и достаетъ ихъ по мѣрѣ надобности.

Кабаны водятся здѣсь въ большомъ количествѣ и питаются желудями и кедровыми орѣхами. Осенью они дѣлаются до того жирными, что слой сала на спинѣ одного экземпляра достигаетъ двухъ вершковъ толщины. Въ случаѣ недостатка пищи, или слишкомъ назойливаго преслѣдованія, кабаны переселяются въ другія мѣстности, иногда на большое разстояніе. Зимою, во время сильныхъ морозовъ, кабаны устраиваютъ для себя въ глухихъ мѣстахъ тайги, изъ сухой травы и хвороста, особыя ложбища, въ которыя собираются на ночь всѣмъ стадомъ. Между охотниками считается большой удачей напасть на такое ложбище.

Кабанье мясо составляетъ лакомую пищу какъ русскихъ, такъ и инородцевъ; а потому этотъ звѣрь усердно преслѣдуется охотниками. На кабановъ настораживаются особымъ образомъ луки-самострѣлы, которые пускаютъ стрѣлу, лишь только звѣрь дернетъ за приводъ. Главнымъ же образомъ охота производится съ ружьемъ и собаками, которыя, выслѣдивъ кабана, забѣгаютъ впередъ и останавливаютъ его, а тѣмъ временемъ успѣетъ подойти и охотникъ. Охота на кабановъ и, въ особенности, на большихъ, такъ называемыхъ, сѣкачей, очень опасна; разъяренный звѣрь часто бросается на охотника и если послѣдній не успѣетъ вскочить на дерево или на камень, онъ можетъ поплатиться жизнью.

Изюбрь или олень водится въ большомъ количествѣ по всему Уссурійскому краю и составляетъ важный предметъ промысла туземцевъ. Главной приманкой лѣтней охоты за этимъ звѣремъ служатъ его молодые, наполненные кровеносными сосудами, рога, или панты, за которые Китайцы платятъ отъ 60 — 120 р. за пару. Въ Маѣ мѣсяцѣ, охотники уходятъ недѣли на двѣ или на три въ лѣса, соединяются тамъ партіями и дѣлаютъ облавы по

горнымъ падямъ, въ которыхъ держится изюбрь, избѣгая докучливыхъ насѣкомыхъ.

Послѣднія, и въ особенности, оводы, много портятъ качество пантовъ, кусая молодые рога изюбря, который, вслѣдствіе этого третъ ихъ о деревья и сдираетъ молодую кожицу.

Лѣтняя охота по густымъ, едва проходимымъ зарослямъ очень трудна, звѣрь остороженъ и потому количество добываемыхъ пантовъ очень невелико. За то иногда, одинъ счастливый выстрѣлъ приноситъ цѣлое состояніе бѣдному гольду и вознаграждаетъ его за всѣ труды и лишенія. Изъ пантовъ дѣлается лекарство, но отъ какихъ болѣзней — неизвѣстно. Китайцы тщательно скрываютъ это отъ русскихъ.

Способъ приготовленія пантовъ состоитъ въ томъ, что изъ нихъ вываривается родъ студеня, который и идетъ въ дѣло. Препарируются панты въ Пекинѣ, а чтобы они не портились, мѣстные Китайцы особеннымъ образомъ завариваютъ ихъ. Русскіе этого дѣлать не умѣютъ и потому должны отдавать панты Китайцамъ за что придется.

Зимою и осенью, охота на оленя производится ради шкуры и мяса, котораго иной звѣрь даетъ до 12 пудовъ. Надо быть очень опытнымъ охотникомъ, чтобы застрѣлить оленя на пастбищѣ. Гораздо удачнѣе охота съ собаками, особенно по насту, когда охотникъ преслѣдуетъ звѣря на лыжахъ, а тяжелый звѣрь, прорѣзая копытами настъ, вязнетъ въ снѣгу и легко дѣлается добычею своего врага. Однажды, четыре гольда, охотясь по насту, убили въ два дня 55 изюбрей, но такое варварство не пошло имъ въ прокъ. Снѣгъ растаялъ прежде, чѣмъ они успѣли перевезти оленей и звѣри сгнили. Впослѣдствіи, сами гольды раскаялись въ своемъ поступкѣ, такъ какъ лѣтомъ не могли добыть ни одного взрослаго оленя съ пантами.

Кромѣ вышеописанныхъ звѣрей водится здѣсь и множество другихъ, которыхъ перечислить нѣтъ возможности.

Однажды, Пржевальскій встрѣтилъ большую рѣдкость—чернаго зайца.

Заканчивая описаніе богатаго Уссурійскаго края, пожелаемъ ему скорѣйшаго заселенія и быстраго процвѣтанія. Что же касается инородцевъ, то большую пользу въ нравственномъ отношеніи могла бы имъ принести православная пропаганда. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить миссіонеры другихъ вѣроисповѣданій, безстрашно идущіе къ народамъ дикимъ и варварскимъ, чтобъ проповѣдывать слово Божіе. Недаромъ, миссіонерскія общества хранятъ, какъ святыню, портреты этихъ подвижниковъ, погибшихъ во время исполненія своихъ священныхъ обязанностей.

Монголія и страна Тангутовъ.

Глава I.

Въ Январѣ 1870 г., Пржевальскій вернулся въ Петербургъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ; двухлѣтнее путешествіе положило на него свой отпечатокъ. Оно пріучило его обдумывать свои дѣйствія и разсчитывать каждый шагъ. Общеніе съ природой и, въ особенности, охота выработали въ немъ гибкость и настойчивость въ преодолѣваніи препятствій. Онъ привезъ съ собою богатый научный матеріалъ и роскошныя коллекціи, въ которыхъ заключалось много новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ видовъ растеній и животныхъ. Академія Наукъ и Императорское Географическое Общество встрѣтили путешественника очень сочувственно. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, Николай Михайловичъ сдѣлалъ нѣсколько сообщеній въ собраніи географическаго общества объ Уссурійскомъ краѣ, его флорѣ и фаунѣ и объ инородческомъ населеніи. Взрывъ рукоплесканій послѣ каждаго чтенія краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о сочувствіи общества.

Занимаясь описаніемъ своего путешествія и печатаніемъ его, Пржевальскій въ тоже время подготовлялъ почву для новой экспедиціи. Заявивъ себя столь блистательно, онъ могъ разсчитывать на успѣхъ своего ходатайства, что и незамедлило совершиться. Представленный имъ планъ путешествія въ центральную

Азію былъ одобренъ, Высочайшее разрѣшеніе исходатайствовано, требуемыя суммы ассигнованы и Николай Михайловичъ сталъ собираться въ путь.

Молодой Ягуновъ, сопутствовавшій Пржевальскому въ путешествіи по Уссурійскому краю былъ помѣщенъ въ Варшавское

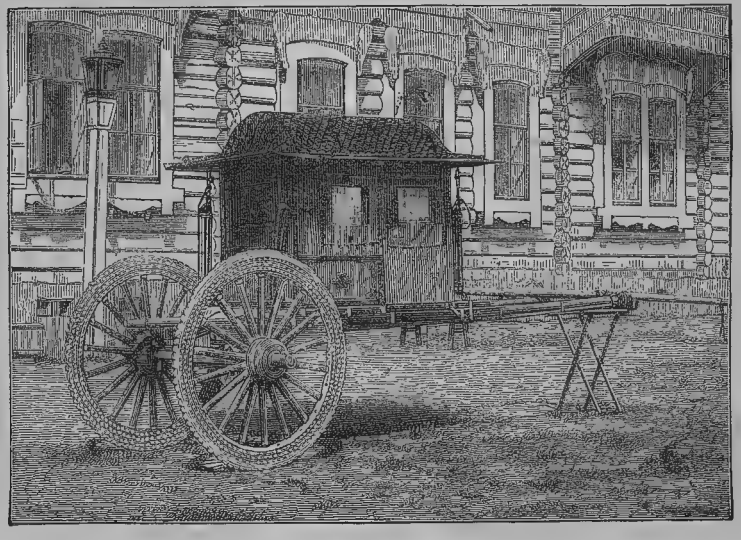
Г. Кяхта.

юнкерское училище. Отрывать его отъ занятій Николаю Михайловичу не хотѣлось и онъ выбралъ другого спутника, подпоручика Алексопольскаго полка, Пыльцова, бывшаго своего ученика.

По прибытіи Пыльцова въ Петербургъ, Пржевальскій двинулся въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать въ Кяхту и потомъ въ Пекинъ для полученія паспорта, безъ котораго, по мѣстностямъ, подвластнымъ Китаю, нельзя было сдѣлать ни шагу.

Уже въ Кяхтѣ, пограничномъ нашемъ городѣ, ясно обнаружились признаки иного склада жизни. По улицамъ тянулись вереницы верблюдовъ, двигались загорѣлые скуластые монголы и важно шествовали китайцы съ болтающимися по спинѣ косами.

Нанявъ монгола, который долженъ былъ перевезти путешественниковъ до Калгана въ 40 сутокъ, Пржевальскій, Пыльцовъ, казакъ и переводчикъ, бурятъ, двинулись изъ Кяхты 17-го



Китайская телѣга.

Ноября 1870 г. Вещи шли на семи верблюдахъ, а офицеры ѣхали въ мѣстномъ двухколесномъ экипажѣ, похожемъ на гробъ, который тащилъ верблюдъ. Въ подобномъ экипажѣ приходилось лежать и притомъ головою къ возницѣ, чтобы ноги не очутились выше головы. «Тряска въ такой телѣгѣ невообразимая», писалъ Пржевальскій, «маленькая кочка или камешекъ попадетъ подъ колесо, встряхнетъ такъ, что едва живъ останешься».

г. Урга.

Черезъ недѣлю по выѣздѣ изъ Кяхты, путешественники добрались до Урги, отстоящей отъ Кяхты на 300 верстъ.

Городъ Урга, главный пунктъ сѣверной Монголіи, имѣетъ до 30,000 жителей. Въ немъ нѣсколько кумиренъ и въ одной изъ нихъ, Майдари, помѣщается, на возвышеніи, идолъ, въ формѣ сидящаго и улыбающагося человѣка. Эта статуя сдѣлана изъ вызолоченной мѣди, имѣетъ до 5 сажень вышины и вѣситъ 8000 пудовъ.

Кутухта.

Въ Ургѣ и во всей Монголіи, вмѣсто денегъ, употребляется кирпичный чай, который для этой цѣли распиливается на мелкіе кусочки. Цѣна товара такъ и опредѣляется числомъ чайныхъ кирпичей, напр. баранъ стоитъ отъ 12 — 15 кирпичей, верблюдъ — отъ 120 — 150 и т. д. Разумѣется, употребляются и деньги, преимущественно китайскія, но они здѣсь рѣдки.

Въ Ургѣ, цѣлая треть населенія состоитъ изъ ламъ, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію. Здѣсь же живетъ Кутухта, земной представитель божества, нѣчто вродѣ Буддійскаго папы. Этотъ Кутухта, по Ламайскому ученію, ни-

когда не умираетъ, а только обновляется смертію. Душа его переходитъ въ новорожденнаго мальчика и является людямъ. Возрожденный Кутухта, обыкновенно, отыскивается по указанію Буддійскаго первосвященника, Далай-ламы, живущаго въ Тибетѣ, съ большимъ торжествомъ привозится въ Ургу и тщательно воспитывается ламами.

Урга — городъ чрезвычайно грязный; особенно отвратительны здѣсь кладбища, гдѣ трупы не зарываются, а бросаются на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. Ургинскія собаки до того привыкли къ подобной поживѣ, что въ то время, когда трупъ несутъ на кладбище, вмѣстѣ съ родственниками за покойникомъ непремѣнно слѣдуютъ и собаки, часто изъ его собственной юрты.

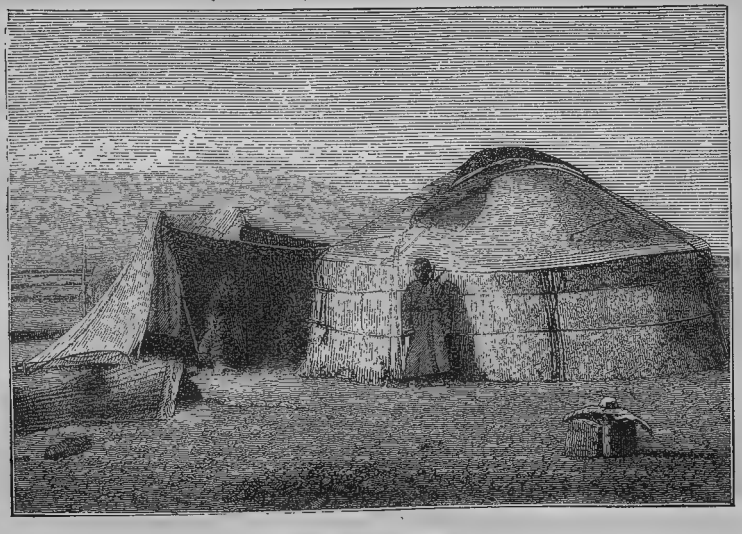
Мѣстность отъ Кяхты до Урги довольно живописна. Она покрыта лѣсистыми горами и богата водою. Эти лѣса знамениты тѣмъ, что въ нихъ охотился Канъ-хи, современникъ Петра Великаго, лучшій изъ Императоровъ Манчжурскаго дома, энергичный, любознательный, весьма уважавшій европейцевъ.

За Ургою начинается обширная пустыня Гоби, которая тянется до окраины Китая. Между лѣсистой мѣстностью и собственно пустыней, безводной и безплодной, лежитъ степная полоса, покрытая прекрасною травою. Здѣсь часто встрѣчаются юрты кочующихъ монголовъ; въ особенности много ихъ вблизи дороги. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что эти бѣдняки пользуются кое-чѣмъ отъ проходящихъ каравановъ.

Пустыня Гоби производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. На разстояніи тысячи верстъ отъ Урги до Калгана приходится видѣть одну и ту же желтоватую равнину, или черныя гряды скалъ. Рѣдкія юрты, замѣняющія станціи и при нихъ колодцы только и нарушаютъ однообразіе.

Путешественники дѣлали по 40 — 50 верстъ въ день, развлекая себя охотою. Въ особенности много перестрѣляли они

вороновъ. Еще за Кяхтою, Пржевальскій замѣтилъ, что вороны подлетали къ верблюдамъ, садились на вьюки и затѣмъ, отлетая въ сторону, что то тащили въ клювахъ. Оказалось, что эти нахалы расклевали мѣшокъ съ провизіею и оттуда таскали сухари. Спрятавъ добычу въ сторонѣ, вороны снова возвращались за поживою. Во время остановокъ, приходилось зорко слѣдить за хищниками. При малѣйшемъ недосмотрѣ, они таскали все, что попадалось: мясо, повѣшенное для просушки, съѣстные припасы



Монгольская юрта.

и даже шкурки птицъ, препарированныя для чучелъ. Такъ какъ шкурки препарируются съ помощью мышьяка, то вороны дорого поплатились за свою жадность.

На степной полосѣ Гоби водятся жаворонки — прекрасные пѣвуны. Китайцы очень любятъ ихъ пѣніе и держатъ въ клѣткахъ. Эти жаворонки имѣютъ ту особенность, что они отлично передразниваютъ другихъ птицъ и часто вставляютъ ихъ напѣвы въ строфы собственной пѣсни.

Изъ млекопитающихъ, свойственныхъ луговой части Гоби, интересны два характерныхъ вида: пищуха и дзеренъ. *Пищуха*, или *оготоно*, принадлежитъ къ породѣ грызуновъ, хотя ростомъ не больше крысы. Этотъ звѣрекъ чрезвычайно любопытенъ. Зачастую можно видѣть, какъ его головка высовывается изъ норки и разглядываетъ подходящаго человѣка или собаку. Подпустивъ къ себѣ шаговъ на десять, пищуха прячется въ норку, но скоро любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ и звѣрекъ снова показывается изъ норки. Оготоно очень запасливъ. Осенью онъ собираетъ траву, просушиваетъ ее и складываетъ въ стожки, вѣсомъ отъ 5—10 Ф.

Пустыня Гоби.

Этимъ сѣномъ онъ выстилаетъ свои норки и питается. Къ сожалѣнію, очень часто его труды пропадаютъ даромъ и монгольскій скотъ поѣдаетъ сдѣланные запасы. Въ такомъ случаѣ, бѣдный звѣрекъ долженъ всю зиму перебиваться изсохшею травою, которую находитъ вблизи своей норки.

Дзеренъ, изъ породы антилопъ, очень красивый, умный звѣрекъ, и до того, чуткій и быстрый, что побѣда надъ нимъ не легко достается охотнику. Монголы, у которыхъ нѣтъ порядочныхъ ружей, убиваютъ дзерена изъ засады, или дѣлаютъ изъ колючей травы, дырисунъ, родъ башмаковъ, которые и разбрасываютъ по степи. Попадая въ такой башмакъ, дзеренъ накалываетъ ногу и ему уже трудно убѣжать отъ охотника.

Развлекая себя охотою, путешественники достигли, наконецъ, того горнаго хребта, по которому тянется знаменитая китайская стѣна. Эта стѣна сложена изъ большихъ камней. Основаніе ея шире чѣмъ вершина, вышиною она сажени въ три. Верхъ стѣны украшенъ кирпичными зубцами, а на болѣе высокихъ пунктахъ сложены квадратныя башни. Великая стѣна тянется на 5000 верстъ и въ иныхъ мѣстахъ за нею идетъ еще внутренняя стѣна и даже двѣ. Со стороны Пекина выстроено еще три добавочныхъ стѣны, которыя лежатъ на разстояніи 3—4 верстъ одна отъ другой и боками своими примыкаютъ къ главной постройкѣ.

Переваливъ за великую стѣну, путники увидали подъ ногами своими роскошно воздѣланныя долины Китая. Можно было подумать, что они мгновенно перенеслись въ заколдованное царство, такъ много было разницы между тѣмъ, что они видѣли впереди и тѣмъ, что осталось позади. Скучная и безплодная Монголія съ жестокими морозами и холодными вѣтрами смѣнилась цвѣтущими долинами съ почти весенней погодой, не смотря на конецъ Декабря. Такая перемѣна только и объясняется тѣмъ, что Китай огражденъ съ сѣвера высокими горами. При выходѣ

изъ горъ въ равнину стоитъ городъ Калганъ. Онъ запираетъ проходъ черезъ Великую стѣну и составляетъ важный пунктъ торговли Китая съ Монголіею. Здѣсь живетъ много русскихъ коммиссіонеровъ, занимающихся транспортировкой чая въ Кяхту. Нѣкоторые китайцы, ведущіе торговыя сдѣлки съ русскими, коверкаютъ русскій языкъ. «Шибко твоя мастеръ стрѣляй еси; говорятъ они. Или: «Твоя люди—наши люди одали, хорошъ еси», Пэ-линъ, Фа-гуа худо еси». Это значитъ: твои соотечественники все равно что китайцы — хорошій народъ; англичане и французы худые, — похвала, едва ли пріятная для русскихъ.

Тотчасъ за стѣнами, ущелье Гуанъ-гоу расширяется и носитъ хотя и дикій, но очаровательный характеръ. Горные ручьи и водопады бьются здѣсь по камнямъ, а подъ нависшими скалами виднѣются фанзы, виноградники и фруктовые сады. Отъ города Нань-кэу, считается только 50 верстъ до Пекина.

Пекинъ не понравился Пржевальскому. «Грязь и вонь невообразимая», писалъ онъ на родину, «жители льютъ всѣ помои на улицу и здѣсь постоянно можно видѣть, идя по улицѣ, сидящихъ орловъ, то справа, то слѣва. Прибавьте ко всему этому, что здѣсь всѣхъ европейцевъ въ глаза и за глаза называютъ не иначе какъ «янъ-гуйза» т. е. «заморскій чортъ», такъ что, проходя по городу, обыкновенно слышишь громкія привѣтствія такого рода».

«Иначе какъ съ нагайкой ходить здѣсь невозможно», прибавляетъ Пржевальскій въ письмѣ къ матери. «Только симъ россійскимъ орудіемъ можно вразумить черезъ-чуръ навязчивыхъ нахаловъ, въ особенности нищихъ, которые всѣ ходятъ здѣсь совершенно нагіе».

Такъ описывалъ Николай Михайловичъ Пекинъ и единственно, что доставило ему удовольствіе, это то, что въ китайскомъ университетѣ читали географію по его курсу.

Глава II.

Запасшись китайскимъ паспортомъ, путешественники стали собираться въ дальнѣйшій путь. Чтобы не быть въ зависимости отъ туземцевъ относительно средствъ передвиженій, они купили 7 вьючныхъ верблюдовъ и двухъ верховыхъ лошадей. Кромѣ того, сдѣлали большой запасъ оружія и охотничьихъ снарядовъ. Послѣднее необходимо было не только ради личной защиты, но и ради продовольствія себя охотою, такъ какъ можно было предвидѣть, что туземцы нерѣдко будутъ отказывать ненавистнымъ европейцамъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ надеждѣ донять непрошенныхъ гостей голодомъ.

Принадлежности для препарированія чучелъ и растеній какъ то: пропускная бумага, доски для прессованія, пакля для набивки чучелъ, гипсъ, квасцы и проч. заняли 4 ящика. Рублей 300 было употреблено на мелкіе галантерейные товары въ томъ разсчетѣ, чтобы въ случаѣ надобности, можно было разыгрывать роль купцовъ. Провизія состояла изъ ящика коньяку, пуда сахару и двухъ мѣшковъ съ просомъ и рисомъ. Снарядившись такимъ образомъ и имѣя при себѣ ничтожную сумму въ 460 р., Пржевальскій пустился въ экспедицію рискованную и опасную. Онъ поставилъ себѣ цѣлію посѣтить столицу Далай-ламы Хлассу, куда не проникалъ ни одинъ европеецъ. Предполагалось пройти черезъ Куку-Хото въ Ордосъ и далѣекъ озеру Куку-Норъ.

25 Февраля 1871 года, маленькая экспедиція выступила изъ Пекина. Ровно черезъ мѣсяцъ, путешественники прибыли къ озеру Далай-норъ и въ ту же ночь могли любоваться великолѣпною картиною травяного пожара. Еще съ вечера замелькалъ огонекъ далеко на горизонтѣ и спустя часа два, три онъ разросся въ огромное пламя, быстро подвигавшееся по широкой степной равнинѣ. Небольшая гора, расположенная какъ разъ въ

срединѣ пожара, вся залилась огнемъ, словно громадное блестящее зданіе, выдвигающееся изъ общей иллюминаціи. Столбы дыма, освѣщенные пожаромъ, высоко поднимались къ мрачному небу и освѣщали его багровымъ свѣтомъ.

Такіе палы здѣсь, какъ и на Уссури, производятся для уничтоженія прошлогодней сухой травы.

Въ окрестностяхъ Далай-нора водится интересная птичка, бланжевый чекканъ, который подобно монгольскому жаворонку, передразниваетъ другихъ птицъ и передразниваетъ очень мило; то онъ пищитъ коршуномъ, то трещитъ сорокою, то поетъ жаворонкомъ; иногда даже пытается подражать ржанію лошади.

Монголъ и монголка.

Въ горахъ Сумахада, Пржевальскій впервые встрѣтилъ *аргали*, особый видъ дикой козы. Аргали

очень красивое животное, въ особенности когда оно стоитъ одиноко на сторожевомъ посту. Послѣ полудня, стадо, обыкновенно, ложится отдыхать и высылаетъ сторожа на возвышенность. Такъ какъ туземцы плохіе охотники, то аргали не напуганы. Они зачастую пасутся вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ и съ нимъ же ходятъ на водопой. Выстрѣлъ поражаетъ стадо ужасомъ. Оно со всѣхъ ногъ бросается въ противоположную сторону и немного отбѣжавъ, останавливается посмотрѣть, гдѣ опасность. Иногда животныя стоятъ такъ долго, что охотникъ опять успѣетъ зарядить ружье. Монголы говорили Пржевальскому, что если повѣсить какую нибудь принадлежность одежды, то звѣри долго будутъ стоять на мѣстѣ, разсматривая диковинку. И дѣйствительно, Пржевальскому удалось остановить убѣгавшее стадо, повѣсивъ на шомполъ, воткнутый въ землю, красную рубашку.

Аргали чрезвычайно ловокъ и крѣпокъ. Онъ прыгаетъ со скалы сажень въ 5 и становится прямо на ноги.

Одна изъ важныхъ задачъ путешествія, съемка мѣстности, производилась вездѣ съ большими затрудненіями. Недовѣрчивые туземцы враждебно смотрѣли на эти операціи и приходилось постоянно хитрить съ ними. Въ особенности надо было соблюдать осторожность по поводу картъ. Всѣ сдѣланныя въ теченіи дня съемки, Пржевальскій отмѣчалъ въ записной книжкѣ и уже ночью, въ палаткѣ, наносилъ ихъ на карту.

Проводнику, который былъ въ тоже время и шпіономъ, искусно втирали очки. Для этой цѣли, его познакомили съ биноклемъ и онъ, въ простотѣ душевной, не различалъ его отъ буссоли. Когда Пржевальскій наводилъ бинокль для производства съемокъ, проводнику говорили, что онъ высматриваетъ въ бинокль звѣрей и птицъ для охоты.

Кипяченіе воды для опредѣленія абсолютной высоты мѣстности производилось открыто и монголовъ увѣряли, что это молитвенный обрядъ русскихъ.

Однажды, Пржевальскому удалось прослыть пророкомъ. Онъ вспомнилъ, что въ концѣ Іюля бываетъ много падающихъ звѣздъ и возвѣстилъ собравшейся толпѣ, что сегодня съ неба будутъ летать звѣзды. Такъ какъ пророчество оправдалось, то Монголы этой мѣстности стали относиться къ Пржевальскому съ особеннымъ уваженіемъ и ему удалось, безъ помѣхи, дѣлать астрономическія наблюденія, необходимыя для опредѣленія мѣстности.

Пограничные съ Китайцами Монголы, народъ очень несимпатичный; они вороваты, пронырливы и корыстолюбивы. Нужно имѣть ангельское терпѣніе, чтобы вступать съ ними въ какую нибудь сдѣлку. Положимъ, необходимо купить барана — вещь, кажется, простая. Но если вы пойдете къ Монголу и сразу предложите вашу цѣну, хотя бы и хорошую, то изъ 10 разъ девять — не купите животнаго. Монголъ тотчасъ заподозритъ, что его хотятъ надуть и откажется отъ продажи. Необходимо вести дѣло по общепринятому порядку: сѣсть рядомъ съ продавцемъ, пить чай, разспросить о здоровьѣ его скота (первая вѣжливость) и выслушать длинный разсказъ о томъ, какъ нынче все худо и какъ, въ особенности, дороги бараны. Затѣмъ, выходятъ изъ юрты, покупатель ощупываетъ барана, потомъ возвращаются въ юрту и снова пьютъ чай. Въ антрактахъ идутъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, похвалы животному со стороны хозяина и критика со стороны покупщика. Часа черезъ два, торгъ кончается; продавецъ спускаетъ пониже рукавъ халата, покупатель засовываетъ туда руку и по условленному пожатію пальцевъ устанавливается цѣна товару.

Самая лакомая и цѣнная часть барана — это курдюкъ, который у хорошаго барана вѣситъ отъ 8 — 12 ф. Китайскіе князья и вельможи только эту часть и ѣдятъ. Спросить у человѣка сколько вѣситъ курдюкъ его барановъ, или у путешественника, на кого онъ оставилъ свое стадо — считается верхомъ любезности.

Монголы очень суевѣрны и всякихъ примѣтъ у нихъ безъ числа. Въ облачную погоду, напр., по ихъ повѣрьямъ, ничего нельзя продать и если монголка соблазнится деньгами и продастъ молоко, она проситъ вынести его изъ юрты подъ полою, чтобы небо не видало содѣяннаго преступленія. Впрочемъ, монгольское молоко можно пить только въ крайности, такъ какъ Монголы очень нечистоплотны, вымя коровъ и посуду никогда не моютъ и Пржевальскій видалъ не разъ какъ монголъ, привезшій молоко на рынокъ, замазывалъ крышку и носокъ кувшина свѣжимъ коровьимъ пометомъ, чтобы молоко не расплескалось.

Туземцы, какъ и всѣ Азіаты, назойливы и неделикатны. На остановкахъ, они врывались въ палатку, приставали съ разспросами и подъ предлогомъ желанія купить что-нибудь перерывали товаръ и ничего не покупали. Убѣдившись, что съ этимъ народомъ ласковое обращеніе ни къ чему не ведетъ и что оно принимается за слабость и трусость, Пржевальскій принялъ начальническій тонъ, довольно рѣзкій и нашелъ, что такой пріемъ гораздо скорѣе ведетъ къ цѣли. Иногда, впрочемъ, и это не помогало. Случалось, что туземцы такъ враждебно относились къ путешественникамъ, что не хотѣли показывать имъ дороги и экспедиціи приходилось плутать на удачу, дѣлая по нѣскольку десятковъ верстъ крюку.

Путешествіе по густо населенной мѣстности было очень непріятно. Въ деревняхъ поднималась суматоха, шумъ, гвалтъ. Одни лѣзли на заборы, другіе на крыши; собаки съ громкимъ лаемъ бросались на Фауста, собаку Пржевальскаго; испуганныя лошади брыкались, коровы мычали, свиньи визжали, куры съ кудахтаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ убѣгали на задворки. Если приходилось останавливаться, чтобъ разспросить дорогу, туземцы толпами окружали путешественниковъ, осматривали, ощупывали, надоѣдали вопросами, а сами толкомъ ни на что не отвѣчали.

Глава III.

Отъ хребта Сума-Хада, лежащаго въ 318 в. отъ Калгана, Пржевальскій и его спутники быстро прошли до Инь-шаня, который высокою отвѣсною стѣною тянется по берегу Хуанъ-хэ-Желтой рѣки. Лѣса Инь-шаня малорослы и корявы, но за то луга великолѣпны и видъ съ вышины удивительный. Желтая рѣка течетъ подъ самыми ногами, а далеко за нею виднѣются пески и степи Ордоса.

О происхожденіи Инь-шаня, по мѣстному: Муни-ула, туземцы разсказываютъ слѣдующую легенду: Лѣтъ тысячу тому назадъ, въ Пекинѣ жилъ Кутухта, который очень дурно себя велъ. Богдыханъ велѣлъ его арестовать, но Кутухта ушелъ изъ подъ ареста и отправился въ Тибетъ. Онъ дошелъ до Хуанъ-хэ, но здѣсь, Китайцы не согласились перевезти его на другую сторону. Разсвирѣпѣвъ, Кутухта ушелъ на Алтай и сорвавъ огромный кряжъ, привязалъ его къ стременамъ своей лошади и потащилъ къ Хуанъ-хэ, чтобъ бросивъ кряжъ въ рѣку, затопить всю окрестность. Будда заступился за жителей и приказалъ Кутухтѣ оставить привезенный кряжъ на берегу. Кутухта послушался, но перевернулъ кряжъ задомъ напередъ, такъ что сѣверная сторона стала южною и наоборотъ. Поэтому, на Муни-ула лѣсовъ больше на южномъ склонѣ, тогда какъ на другихъ горахъ они растутъ въ большемъ обиліи на сѣверной сторонѣ. Разсказываютъ еще, что въ этихъ горахъ есть окаменѣлый слонъ и гдѣ то зарыта большая куча ямбоваго серебра *), которая охраняется злыми духами и потому взять этотъ кладъ

*) Лучшее китайское серебро, изъ котораго отливаютъ слитки вѣсомъ въ 50 ланъ. Ланъ равняется нашимъ 7—8 золотникамъ. 11 ланъ составляютъ нашъ фунтъ. Десятая часть лана называется цянъ, $^1/_{10}$ цяна—фынъ. Есть еще чохи—мелкая монета изъ сплава мѣди съ цинкомъ.

невозможно. Серебро лежитъ въ огромной ямѣ, закрытой чугунною дверью съ небольшимъ отверзтіемъ, сквозь которое видѣнъ кладъ. Нѣкоторые смѣльчаки ухитрялись зимою опускать въ яму мясо для того, чтобы къ нему примерзли ямбы; но лишь только начинали тянуть за веревку, примерзшій слитокъ тотчасъ же отпадалъ и вытащить его изъ заколдованнаго мѣста не было никакой возможности.

По выходѣ изъ горъ, путешественники направились къ востоку долиною, лежащею между Инь-шанемъ и лѣвымъ берегомъ Хуанъ-хэ. Эта долина густо населена Китайцами и превосходно обработана.

Въ городкѣ Боуту пришлось вытерпѣть Пржевальскому не мало непріятностей. Мѣстныя власти тотчасъ же отобрали у него паспортъ и понесли показывать мандарину, а тѣмъ временемъ онъ и его товарищи не знали куда дѣться отъ назойливыхъ Китайцевъ, желавшихъ поближе разсмотрѣть невиданныхъ «янъ гуйзовъ». Наконецъ, вернулись чиновники и пригласили путешественниковъ къ мандарину, при чемъ отобрали оружіе. Мандаринъ, въ красномъ одѣяніи, ожидалъ ихъ въ дверяхъ фанзы. Переводчикъ Монголъ, увидавъ такого важнаго начальника, бросился на колѣни. Пржевальскій же и спутники его раскланялись по Европейски. Пригласивъ гостей въ свою фанзу, мандаринъ приказалъ подать чаю и началъ обычный допросъ и застращиванье. Зная, что въ Китаѣ безъ взятокъ нельзя ступить ни шагу, Пржевальскій подарилъ мандарину часы и тотчасъ же получилъ желаемый пропускъ. На возвратномъ пути отъ мандарина, толпа опять окружила путешественниковъ, не обращая вниманія на полицейскихъ, которые своими длинными косами, какъ плетью, стегали на обѣ стороны, чтобы очистить путь.

Переѣздъ на другую сторону Желтой рѣки совершился на плоскодонныхъ баркасахъ. Борты этихъ баркасовъ довольно высоки, а сходней не имѣется, такъ что люди и животныя должны

шагать черезъ этотъ барьеръ. Много было возни съ верблюдами. Трусливыя животныя ни за что не хотѣли идти въ воду, тѣмъ болѣе лѣзть на барку. Человѣкъ десять китайцевъ, вооруженные доской, упирали ее въ задъ животнаго и толкали его изо всѣхъ силъ. Другіе китайцы, стоя на баркасѣ, старались втащить веревками переднія ноги верблюда. Верблюдъ оралъ во все горло, плевался (признакъ сильнаго гнѣва), но все-таки попадалъ на баркасъ. Здѣсь его тотчасъ же укладывали и привязывали.

Переправившись черезъ Хуанъ-хэ, путешественники очутились въ Ордосѣ, обширной территоріи, лежащей внутри сѣвернаго изгиба рѣки. Въ древнія времена Ордосъ былъ добычею различныхъ завоевателей, смѣнявшихъ другъ друга. Въ настоящее же время онъ признаетъ надъ собою власть китайцевъ.

Въ Ордосѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, сохраняется память о Чингисъ-ханѣ. Интересны народныя легенды о встрѣчѣ Чингисъ-хана съ русскимъ и о будущемъ его воскресеніи.

Однажды, Чингисъ-ханъ, охотясь въ горахъ Муни-ула, встрѣтился съ русскимъ охотникомъ. «Давно ли ты охотишься, и много ли убилъ?» спросилъ Чингисъ-ханъ русскаго.—Охочусь я уже много лѣтъ, а убилъ только одного волка.—«Какъ такъ!» воскликнулъ завоеватель. «За это время я убилъ уже нѣсколько сотъ звѣрей».—«Но мой волкъ былъ особенный», отвѣчалъ русскій. «Онъ ежедневно съѣдалъ по десяти другихъ животныхъ и убивъ его, я сдѣлалъ больше пользы, нежели ты.—«Если такъ, то ты молодецъ», заключилъ Чингисъ-ханъ. «Пойдемъ въ мою юрту, я подарю тебѣ, что хочешь».

Однажды, Чингисъ-ханъ, воюя съ однимъ изъ монгольскихъ князей, увелъ въ плѣнъ его жену. Прекрасная невольница сильно тосковала о мужѣ и, улучивъ удобную минуту, ушла. На берегу Хуанъ-хэ, она насыпала холмъ и спряталась за нимъ; но погоня открыла ее и она, не видя средствъ къ спасенію, утопилась въ

Хуанъ-хэ, которая зовется также Хатунъ-голъ, т. е. барыня-рѣка.

Еще интереснѣе легенда о будущемъ воскресеніи Чингисъ-хана. Прахъ его, по словамъ монголовъ, лежитъ подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ посреди кумирни и покоится въ двухъ гробахъ: одномъ серебряномъ, другомъ — деревянномъ. Тутъ же находится и его оружіе. Чингисъ-ханъ лежитъ точно спящій, хотя никто изъ разскащиковъ этого не видѣлъ. Каждый вечеръ ему ставятъ жаренаго барана и къ утру онъ его съѣдаетъ. Со дня его смерти прошло 650 лѣтъ, а до воскресенія осталось 350. Умирая Чингисъ-ханъ опредѣлилъ время своего воскресенія черезъ тысячу лѣтъ послѣ смерти. Къ этому же времени въ Китаѣ воскреснетъ богатырь, съ которымъ Чингисъ-ханъ сразится, побѣдитъ и выведетъ свой народъ въ Халху, коренную родину монголовъ.

На южномъ берегу Хуанъ-хэ, путешественники встрѣтили одичавшій рогатый скотъ, брошенный монголами при нашествіи дунганъ *). Удивительно быстро эти, отупѣвшія отъ продолжительнаго рабства созданія, пріобрѣли привычки дикихъ животныхъ. Коровы лежатъ въ кустахъ, скрываясь отъ людей и только ночью выходятъ на пастбище. Замѣтивъ человѣка, или почуявъ его по вѣтру, стадо пускается удирать, безъ оглядки. Молодыя животныя, родившіяся на волѣ, отличаются рѣзвостью и ловкостью, незнакомою нашимъ телятамъ. Монголы полагаютъ, что такого скота въ Ордосѣ до 2000 головъ. Водились тутъ и одичалыя овцы, но теперь онѣ всѣ истреблены волками. Бродятъ также и одичалые верблюды, но въ небольшемъ числѣ. Владѣя скернымъ оружіемъ, монголы охотиться на этотъ скотъ не могутъ, но Пржевальскому удалось убить двухъ быковъ, что обезпечило его продовольствіе на долго. Пока сушилось нарѣзанное на длинныя

*) Дунгане — окитаившіеся магометане.

полосы мясо, путешественники занимались ловлею рыбы. Въ пересохшемъ рукавѣ Хуанъ-хэ уцѣлѣли омута, въ которыхъ держалось много рыбы и въ самое короткое время налавливалось пуда три карповъ и сомовъ. Выбравъ лучшіе экземпляры, остальную рыбу выпускали на свободу.

Августовскіе жары сильно утомляли путешественниковъ. Хотя они и вставали съ разсвѣтомъ, но укладка вещей, вьюченье верблюдовъ, приготовленіе и питье чаю отнимали часа два времени и приходилось двигаться въ путь, когда солнце уже порядочно поднималось на горизонтѣ. Около полудня оно жгло невыносимо; пустыня накалялась какъ печь, голова болѣла и кружилась, потъ лилъ градомъ. Казаки, большіе охотники до пѣсенъ, смолкали и весь караванъ, люди и животныя, шли, понуря голову, едва передвигая ноги. Если удавалось набрести на колодезь, путники останавливались на отдыхъ. Собравъ аргалу, (сухой верблюжій пометъ) разводили огонь и варили чай. Послѣ чая занимались собранными по дорогѣ растеніями, препарировали птицъ, а Пржевальскій, если позволяли обстоятельства, работалъ надъ картой. Тѣмъ временемъ варился супъ изъ дичи, настрѣленной по пути и часа черезъ два, путники съ волчьимъ аппетитомъ накидывались на обѣдъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали вечера, когда благодѣтельная прохлада спускалась на землю и можно было свободно вздохнуть. Варили кашу и чай, пригоняли лошадей и верблюдовъ и, утомленные трудами дня, засыпали богатырскимъ сномъ.

Глава IV.

Подъ именемъ Ала-шаня извѣстна южная часть нагорья Гоби, къ западу отъ средняго теченія Хуанъ-хэ. Это дикая безплодная пустыня, на сотни верстъ покрытая сыпучими песками. Только по мѣстамъ виднѣется скудная растительность, состоящая изъ

немногихъ видовъ уродливыхъ кустарниковъ и нѣсколькихъ породъ травъ. Изъ первыхъ замѣчательны: саксаулъ и сульхиръ. Саксаулъ растетъ на голомъ пескѣ деревомъ въ 10 — 12 футовъ. Древесина его дряблая и для подѣлокъ не годится, но канделяброобразныя вѣтви очень смолисты и отлично горятъ.

Трава сульхиръ можетъ быть, безъ преувеличенія, названа даромъ пустыни. Она также растетъ на голомъ пескѣ и ея мелкія сѣмена доставляютъ вкусную и питательную пищу. Урожай сульхира бываетъ хорошъ въ дождливое лѣто; въ засуху же онъ пропадаетъ и тогда Ала-шаньскіе монголы голодаютъ круглый годъ.

Для добыванія сѣмянъ, монголы собираютъ сульхиръ, обмолачиваютъ его, сѣмена поджариваютъ и мелютъ, получая, такимъ образомъ, вкусную муку, которую завариваютъ чаемъ. Траву скармливаютъ скоту, и онъ ее очень любитъ.

14 Сентября путешественники прибыли въ городъ Дынь-юанъ-инъ, резиденцію Ала-шаньскаго князя или амбаня. За цѣлый переходъ отъ города, на встрѣчу экспедиціи выѣхали три чиновника, которые спросили путешественниковъ: не миссіонеры ли они. Получивъ отрицательный отвѣтъ, чиновники начали дружески жать имъ руки и объявили, что миссіонеровъ князь ни за что не пуститъ въ городъ. При приближеніи къ городу высланы были другіе три чиновника, уже для почета, которые и проводили путешественниковъ въ отведенное для нихъ помѣщеніе.

Дынь-юанъ-инь лежитъ въ 15 вер. къ западу отъ средней части Ала-шаньскихъ горъ и въ 80 — отъ большого китайскаго города Нинъ-си въ провинціи Гань-су. Мѣстный князь владѣетъ Ала-шанемъ на правахъ средневѣкового феодала и состоитъ въ родствѣ съ богдыханомъ. По происхожденію, онъ монголъ, но совершенно окитаившійся. Это человѣкъ лѣтъ за сорокъ, довольно красивый, но очень блѣдный, вслѣдствіе куренія опіума. У него три взрослыхъ сына и только старшій, наслѣдникъ, но-

ситъ титулъ князя. Остальные сыновья — простые дворяне. Второй сынъ попалъ въ гыгены, т. е. святые (вторая степень послѣ кутухты), а младшій, Сія, не имѣетъ никакихъ занятій. Титулъ и имя гыгена, какъ онъ самъ написалъ въ дневникѣ Пржевальскаго очень трудно выговорить:

«Алаша-инъ Цинъ-ванъ Хошунъ-уонъ Саинъ Батаргулокчи Сумэ Номъ-онъ Ханъ Джамцуванджилъ».

Гыгенъ — красивый юноша 21 года съ живымъ пылкимъ характеромъ, но совершенно испорченный поклоненіемъ, которое обыкновенно воздаютъ гыгенамъ вѣрующіе.

Въ тоже время молодой принцъ очень утомляется ролью святого и ищетъ развлеченій. По цѣлымъ днямъ онъ ѣздитъ съ ватагою ламъ травить лисицъ въ окрестностяхъ города и въ загородномъ саду своемъ постоянно стрѣляетъ птицъ. Хотя подобное занятіе и не подходитъ къ сану гыгена, но подвластные ему ламы не смѣютъ и заикнуться объ этомъ. Даже въ отлучкѣ, бѣдный гыгенъ не имѣетъ покоя. Однажды, охотясь съ Пыльцовымъ, онъ просилъ прогнать всѣхъ своихъ поклонниковъ, которые ходили гурьбою и пугали птицъ. По случаю дунганскаго возстанія, гыгенъ сформировалъ изъ ламъ отрядъ въ 200 человѣкъ, вооружилъ ихъ англійскими ружьями, привезенными изъ Пекина и посылаетъ противъ разбойниковъ, которые часто грабятъ въ предѣлахъ Ала-шаня.

Сія очень похожъ на брата и даже удалѣе его. Онъ терпѣть не можетъ ни книгъ, ни научныхъ занятій и обожаетъ войну, охоту и верховыхъ лошадей. На охотѣ, которую устроили для гостей оба брата, Сія показалъ себя такимъ отличнымъ наѣздникомъ, что во время скачки за лисицей, далеко оставилъ за собою всѣхъ своихъ спутниковъ.

По монгольскому этикету, къ путешественникамъ прежде всего допущены были младшіе сыновья князя; черезъ пять дней наслѣдникъ, и только черезъ восемь дней они могли увидать са-

мого амбаня, да и то только потому, что они были «настоящіе» русскіе. Надо замѣтить, что монголы всѣхъ европейцевъ крестятъ русскими: русскій — французъ, русскій — англичанинъ и

Ала-шанскій князь Сія.

воображаютъ, что всѣ эти народы подвластны Цаганъ-хану, т. е. бѣлому Царю.

Всему семейству амбаня пришлось сдѣлать подарки; объ этомъ еще за городомъ спрашивали выѣхавшіе на встрѣчу чи-

новники. Пржевальскій подарилъ князю часы, наслѣднику — бинокль, двумъ младшимъ—разныя мелочи, въ томъ числѣ охотничьи принадлежности и порохъ. Князья, въ свою очередь, оказывали путешественникамъ много вниманія: посылали имъ цѣлые возы арбузовъ, яблоковъ и грушъ; однажды, прислали цѣлый китайскій обѣдъ, состоявшій изъ множества кушаній. Отвѣтные подарки были также довольно цѣнные. Амбань прислалъ пару лошадей, мѣшокъ ревеню и голову русскаго сахару, попавшаго сюда изъ Кяхты. Младшіе же князья, отъ себя, подарили Пржевальскому—серебряный браслетъ, а Пыльцову—золотое кольцо. Съ этими молодыми людьми путешественники часто охотились и проводили у нихъ цѣлые вечера, бесѣдуя иногда до глубокой ночи. Бесѣда, конечно, велась черезъ переводчика. Молодые князья вели себя совершенно непринужденно; смѣялись, шутили и дѣло доходило иногда до разныхъ игръ и гимнастическихъ упражненій. Гыгенъ и Сія съ лихорадочнымъ любопытствомъ разспрашивали о Европѣ, тамошней жизни, людяхъ, машинахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр. То, что они слышали, казалось имъ сказкою и пробуждало сильное желаніе все это видѣть собственными глазами.

Вмѣстѣ съ князьями, а иногда и одинъ, приходилъ къ Пржевальскому лама Сорджи. Этотъ лама, большой краснобай, разсказывалъ много интереснаго. Онъ сообщилъ, что у буддистовъ есть обѣтованная земля, какой-то сказочный Шамбалынь, въ который они всѣ со временемъ переселятся. Этотъ Шамбалынь лежитъ гдѣ-то на сѣверномъ морѣ и въ немъ очень много золота. Хлѣбъ родится тамъ необыкновенной величины; бѣдныхъ совсѣмъ нѣтъ. Со дня предсказанія о переселеніи прошло уже 2050 лѣтъ, осталось ждать всего 450 лѣтъ.

Есть гдѣ то, по словамъ Сорджи, счастливый гыгенъ, которому свыше дано право посѣщать Шамбалынь. Его конь стоитъ постоянно осѣдланный и въ одну ночь переноситъ своего госпо-

дина въ обѣтованную землю и обратно. Этому гыгену и предназначено перевезти буддистовъ въ Шамбалынь; только передъ этимъ ему предстоитъ еще много разъ возродиться. «Шамбалынь — это островъ», прибавилъ Сорджи, «и тамъ правитъ королева, послѣ смерти мужа». На замѣчаніе Пржевальскаго, что Англія тоже островъ и тамъ тоже правитъ королева, Сорджи заключилъ: «Ну, такъ это и есть Шамбалынь».

Передъ аудіенціей у князя, лама спросилъ Пржевальскаго, какъ они будутъ привѣтствовать его повелителя, по своему, или по монгольски, упадутъ на колѣни. Получивъ отвѣтъ, что привѣтствовать будутъ по европейски, лама сталъ просить, чтобы хоть одинъ казакъ преклонилъ колѣно, но и въ этомъ ему было отказано.

Свиданіе происходило въ 8 часовъ вечера въ фанзѣ амбаня. Въ красиво убранной пріемной амбаня горѣли стеариновыя свѣчи, поставленныя въ нейзильберскихъ подсвѣчникахъ и висѣло зеркало, пріобрѣтенное въ Пекинѣ за дорогую цѣну. Угощенье состояло изъ фруктовъ, орѣховъ, пряниковъ и русскихъ паточныхъ леденцовъ съ стихами на билетикахъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, амбань сказалъ, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Ала-шань, въ немъ не былъ еще ни одинъ русскій и что онъ самъ видитъ этихъ иностранцевъ въ первый разъ и очень радъ ихъ посѣщенію. Потомъ онъ началъ разспрашивать объ обычаяхъ, нововведеніяхъ, усовершенствованіяхъ. Онъ слышалъ, что для снятія фотографіи въ аппаратъ кладутъ жидкость человѣческихъ глазъ. Онъ увѣрялъ, что для этого миссіонеры выкалываютъ глаза китайскимъ дѣтямъ, почему народъ возмутился и умертвилъ ихъ. Пржевальскій раньше еще слышалъ, что народъ, подстрекаемый ламами, недовольными проповѣдью миссіонеровъ, вырѣзалъ 20 французовъ и трехъ русскихъ, подвернувшихся случайно. Предлогомъ къ рѣзнѣ послужила басня, которую князь принималъ за истину.

Во все время аудіенціи, младшіе князья стояли у дверей и пользуясь тѣмъ, что отецъ ихъ не видитъ, все время школьничали: дѣлали знаки, гримасничали и толкали казака и переводчика.

Аудіенція продолжалась около часа и амбань очень любезно простился съ путешественниками, предложивъ имъ поохотиться въ Ала-шаньскихъ горахъ. Онъ далъ и провожатыхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, было поручено наблюдать за иностранцами.

Пржевальскій былъ въ полномъ восторгѣ. Въ теченіи двухъ недѣль онъ убилъ оленя, трехъ горныхъ барановъ и кабаргу, не считая множества птицъ, среди которыхъ былъ замѣчательный экземпляръ ушастаго фазана.

Отъ Дынь-юанъ-ина до озера Куку-нора, предмета стремленій Пржевальскаго, оставалось всего 600 верстъ, т. е. 20 дней пути и тѣмъ не менѣе, Николай Михайловичъ не могъ туда идти за недостаткомъ средствъ. Девятимѣсячная экспедиція стоила уже 3,300 р., да 12 павшихъ верблюдовъ можно было оцѣнить въ 1000. Не смотря на бережливость, даже скупость, у Пржевальскаго, по приходѣ въ Ала-шань, оставалось менѣе 100 р. Хорошій барышъ дали привезенныя съ собою мелочи: иголки, зеркала, позументы и пр. Къ сожалѣнію, вещей этихъ взято было мало, а потому и вырученная сумма оказалась незначительною. Съ такими деньгами идти дальше было невозможно, приходилось вернуться въ Пекинъ и оттуда, уже съ новымъ запасомъ, пуститься далѣе.

Простившись очень сердечно съ молодыми князьями и давъ имъ на память свои карточки, Пржевальскій и Пыльцовъ съ спутниками покинули Ала-шань 15 Октября. До Калгана было 1200 в., которые приходилось дѣлать по нагорной Монголіи при морозахъ и вѣтрахъ столь обыкновенныхъ въ этой мѣстности, осенью. Вскорѣ по выходѣ изъ Ала-шаня, Пыльцовъ заболѣлъ тифомъ и къ довершенію всѣхъ золъ потерялись верблюды. Приш-

лось остановиться и посвятить нѣсколько дней на поиски, которые ни къ чему не привели, такъ какъ верблюды оказались украденными. Уцѣлѣлъ одинъ верблюдъ, больной, но и тотъ издохъ, что не помѣшало Китайцамъ соблазниться его мясомъ и дать за него 25 сноповъ хорошаго сѣна. Безъ этого сѣна издохла-бы и единственная лошадь, для которой ни за какія деньги нельзя было достать продовольствія.

Прикупивъ еще лошадь, Пржевальскій послалъ казака и монгола въ Куку-хото купить верблюдовъ и только послѣ прибытія послѣднихъ, экспедиція могла двинуться далѣе, потерявъ, при невольной стоянкѣ, 17 дней.

Какъ разъ наканунѣ новаго года, путешественники прибыли въ Калганъ, гдѣ были встрѣчены съ большимъ радушіемъ соотечественниками, русскими купцами. По собственному сознанію, Пржевальскій былъ похожъ на ребенка, такъ онъ всему радовался и чуть не плакалъ.

Оставивъ въ Калганѣ своихъ спутниковъ, Николай Михайловичъ поѣхалъ въ Пекинъ, чтобъ запастись средствами и новымъ китайскимъ паспортомъ.

«Десятимѣсячное путешествіе по пустынямъ Монголіи закончено», писалъ Пржевальскій на родину. «Мы обошли огромное пространство отъ озера Далай-норъ до рѣки Хуанъ-хэ и далѣе черезъ Ордосъ и Ала-шань до сѣверной границы провинціи Гань-су — всего болѣе 3500 в.».

Глава V.

Русскій посланникъ въ Пекинѣ, генералъ майоръ Влангалли, принялъ Пржевальскаго съ большой предупредительностью и оказалъ участіе и поддержку. Онъ выхлопоталъ ему прибавку, часть денегъ выдалъ авансомъ и Пржевальскій могъ снарядиться довольно прилично и запастись оружіемъ въ достаточномъ коли-

чествѣ. Кромѣ того, онъ купилъ руб. на 600 разныхъ мелочей, которыя надѣялся сбыть съ барышемъ въ Ала-шанѣ.

Упаковавъ и отправивъ въ Кяхту коллекціи, Пржевальскій написалъ отчетъ о своемъ десятимѣсячномъ путешествіи и сталъ собираться въ путь. Два ненадежныхъ казака были замѣнены новыми, изъ которыхъ Дондокъ Иринчиновъ, бурятъ, оставался вѣрнымъ спутникомъ Пржевальскаго во всѣхъ его путешествіяхъ.

Вернувшись въ Калганъ, Пржевальскій роздалъ новоприбывшимъ казакамъ оружіе и сталъ упражнять ихъ въ практической стрѣльбѣ. Китайцы никогда не видѣвшіе скорострѣлокъ, только покачивали головами, глядя на продѣлки «заморскихъ чертей». Иные разсыпались въ похвалахъ.

Наученный опытомъ, Пржевальскій, на этотъ разъ, снарядился гораздо лучше, чѣмъ прежде. Для караула, онъ купилъ монгольскую собаку Карзу, все время сопровождавшую экспедицію и оказавшую ей много услугъ. Только съ Фаустомъ никакъ не могла ужиться Карза и вообще замѣчено, что европейскія собаки никогда не дружатся съ монгольскими, какъ бы долго они ни жили вмѣстѣ.

Утромъ 5-го Марта 1872 г., Пржевальскій выступилъ изъ Калгана съ намѣреніемъ пробраться въ Тибетъ и дойти до Хлассы. Денегъ у него было всего 174 р., *) но онъ шелъ впередъ смѣло и не задумываясь.

Въ концѣ Мая, путешественники пришли снова въ Дыньюанъ-инъ и привезли князю и его семьѣ подарки: князю—большой двухсторонній пледъ и револьверъ, наслѣднику — такой-же пледъ и микроскопъ, младшимъ — по скорострѣльному пистолету съ тысячью патроновъ. Этими цѣнными подарками Пржевальскій надѣялся расположить въ свою пользу Ала-шаньскихъ владѣте-

*) Дубровинъ, стр. 147.

лей, отъ которыхъ вполнѣ зависѣло его дальнѣйшее слѣдованіе на Куку-норъ.

Дѣйствительность, однако, не оправдала ожиданій. Со стороны князя, путешественники делеко не встрѣтили такого радушія какъ въ предыдущемъ году. Амбань, подъ предлогомъ нездоровья, не захотѣлъ даже принять ихъ, а черезъ своего наперсника Сорджи всячески старался отклонить отъ предположеннаго путешествія.

Гыгенъ и Сія продолжали видѣться съ Пржевальскимъ. Его мундиръ генеральнаго штаба, привезенный изъ Пекина, произвелъ большой эффектъ. Они разсматривали этотъ мундиръ до мельчайшихъ подробностей и окончательно убѣдились, что Пржевальскій очень важный чиновникъ, довѣренное лицо самого Государя. Николай Михайловичъ не оспаривалъ этого мнѣнія такъ какъ оно было ему выгодно и съ титуломъ царскаго чиновника совершилъ остальное путешествіе.

Случайно узнавъ, что въ городѣ находится караванъ тангутовъ (соплеменниковъ тибетцевъ), которые идутъ въ кумирню Чейбсенъ, находящуюся въ пятидневномъ разстояніи отъ Кукунора, Пржевальскій очень обрадовался. Въ этихъ Тангутахъ онъ находилъ надежныхъ проводниковъ по невѣдомой мѣстности. Обрадовались и тангуты, узнавъ, что къ нимъ примыкаетъ партія людей хорошо вооруженныхъ. Но князь, почему то встревоженный этимъ соглашеніемъ, всячески пытался его разстроить, и только послѣ долгихъ проволочекъ, настойчивости со стороны Пржевальскаго и содѣйствія молодыхъ князей путешественникамъ удалось двинуться въ путь.

Вездѣ, по пути, встрѣчались слѣды Дунганскаго возстанія; деревни были раззорены, всюду валялись человѣческіе скелеты, даже въ колодцахъ.

«У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ», пишетъ Пржевальскій, когда я вспомню, какъ однажды, напившись чаю изъ по-

добнаго колодца, мы стали поить верблюдовъ и, вычерпавъ воду, увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка.

Отъ Дынь-юанъ-иня караванъ шелъ сперва на югъ, а потомъ повернулъ на западъ, на городъ Даджинъ, лежащій въ предѣлахъ провинціи Гань-су. Караванные тангуты сильно надоѣдали путешественникамъ своимъ любопытствомъ и безконечными разспросами, но приходилось вооружиться терпѣніемъ и отвѣчать имъ; иначе трудно было бы сохранить съ ними добрыя отношенія. Относительно научныхъ работъ, съемокъ и коллекцій, возбуждавшихъ подозрительность дикарей, приходилось всячески изворачиваться. О растеніяхъ, говорили, что они нужны для коллекцій, метеорологическія наблюденія производились будто бы за тѣмъ, чтобъ узнать погоду. Чрезвычайный эффектъ произвело предсказаніе Пржевальскаго о дождѣ, сдѣланное на основаніи непонятныхъ для дикарей показаній барометра.

Придя въ Даджинъ, путешественники крайне были удивлены привѣтствіемъ китайскихъ солдатъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: «здаластуй, како живешь»? Оказалось, что эти солдаты только что пришли изъ Манчжуріи, съ береговъ Амура. Въ Даджинѣ нашлась и другая рѣдкость: превосходныя булки, печеныя на дрожжахъ. Ни прежде, ни послѣ, такихъ булокъ не встрѣчалось, такъ какъ китайцы ѣдятъ прѣсный хлѣбъ. По слухамъ искусство печь булки также завезено съ Амура.

20 Іюня экспедиція и караванъ ушли изъ Даджина и поднялись на горы Гань-су, гдѣ встрѣтили обиліе лѣсовъ и роскошные луга. Караваннымъ тангутамъ вездѣ мерещились дунгане и ихъ опасенія разъигрались чрезвычайно смѣшнымъ эпизодомъ. Увидавъ небольшую кучку людей, тангуты приняли ихъ за дунганъ и, ободренные ихъ малочисленностью, погнались за ними и начали стрѣлять имъ вслѣдъ. Одного изъ нихъ удалось поймать и онъ оказался китайцемъ. Рѣшено было казнить плѣнника по приходѣ на мѣсто, а чтобы онъ не убѣжалъ, его привязали за косу къ

хвосту верблюда. Когда остановились на отдыхъ, китайца привязали къ вьюку и на глазахъ у него начали точить саблю, которою собирались рубить ему голову. Между ламами шелъ, тѣмъ временемъ, споръ: казнить плѣнника, или миловать. Когда же сварился чай, ламы принялись угощать имъ китайца, и онъ пилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кончилось тѣмъ, что его помиловали и отпустили на свободу.

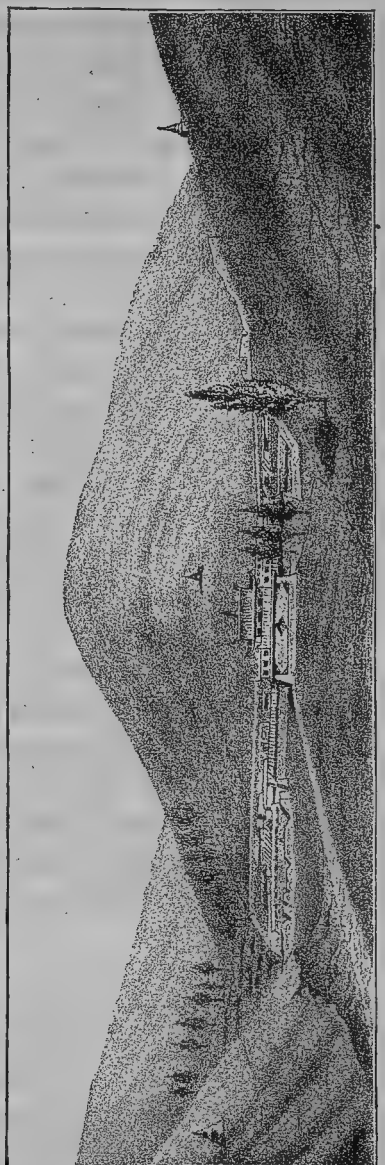
Въ области Гань-су, на берегу рѣки Тэтунгъ-голъ, путешественники впервые увидѣли стадо домашнихъ яковъ и черныя палатки Тангутовъ, по типу, похожихъ на цыганъ.

У кумирни Чертынтонъ путешественникамъ, по случаю болѣзни казака Чабаева, пришлось простоять пять дней и они принуждены были разстаться съ тангутскимъ караваномъ. Богатая растительность окрестныхъ горъ возбудила въ Пржевальскомъ желаніе поближе познакомиться съ этой мѣстностью и онъ рѣшилъ съѣздить въ кумирню Чейбсенъ за 70 верстъ, оставить тамъ лишній багажъ и вернуться для изслѣдованія горъ. Въ первыхъ числахъ Іюля, онъ прибылъ въ кумирню Чейбсенъ.

Эта кумирня, куда буддисты ходятъ на поклоненіе, расположена на холмистой площади, за рѣкою. Она состоитъ изъ главнаго храма и множества пристроекъ. Главный храмъ квадратной формы, сдѣланъ изъ кирпича; кровля, покатая на обѣ стороны, крыта золоченою мѣдью. Съ южной стороны находятся три двери и помостъ, куда ведутъ нѣсколько ступенекъ. Внутри храма, по срединѣ возсѣдаетъ Будда, изъ золоченой мѣди, въ двѣ сажени вышиною. Передъ кумиромъ постоянно горитъ лампа и стоятъ большіе томпаковые сосуды съ водою, водкою, рисомъ и ячменною мукою. По тремъ стѣнамъ кумирни, въ шкафахъ, помѣщается множество мелкихъ божковъ отъ 1—2 фут. Всѣ идолы дѣлаются въ городѣ Долонъ-норѣ и развозятся по кумирнямъ. Вокругъ зданія идетъ галлерея, росписанная грубыми изображеніями боговъ и героевъ. Здѣсь фантазіи нѣтъ конца: змѣи,

черти, различныя страшилища—все это перемѣшано во всевозможныхъ формахъ и положеніяхъ. На рѣшеткѣ, окружающей галлерею, разставлены небольшія желѣзныя урны, куда влагаются молитвы, писанныя на бумагѣ. Усердные вѣрующіе, не довольствуясь однимъ изустнымъ чтеніемъ молитвъ, въ тоже время вертятъ урны, чтобы вдвойнѣ умилостивить бога.

Оставивъ всю лишнюю кладь въ Чейбсенѣ и навьючивъ только самыя необходимыя вещи на муловъ и двухъ лошадей, Пржевальскій 10-го Іюля отправился обратно въ горы, лежащія по обѣ стороны средняго теченія рѣки Тэтунгъ-гола и доселѣ никѣмъ неизслѣдованныя.



Кумирня Чейбсенъ.

Благодаря обилію влаги, растительность здѣсь великолѣпная. Встрѣчается между прочимъ, особый видъ березы съ красною корою. Лѣтомъ эта кора отпадаетъ и виситъ клочьями. Она такъ

тонка, что туземцы употребляютъ ее для завертыванія, какъ бумагу. Кромѣ красной рябины, водится еще бѣлая, у которой ягоды—какъ алебастровыя. Изъ кустарниковъ замѣчательны: двухсаженный жасминъ, сплошь залитый пахучими цвѣтами, шиповникъ красный и бѣлый; крыжовникъ съ большими желтыми, но кислыми ягодами; жимолость, дающая продолговатыя, синія съѣдобныя ягоды; черная смородина, малина, кизиль и облепиха въ 15 ф. вышины. Разнообразіе видовъ такъ велико, что перечислить ихъ нѣтъ возможности. Между прочимъ, здѣсь ростетъ наша гусиная трава (potentilla anserina), доставляющая съѣдобный корешекъ, который отвариваютъ и ѣдятъ съ масломъ и рисомъ. По вкусу это что то среднее между фасолью и орѣхами.

На вершинѣ горы Гаджуръ, въ скалистой котловинѣ, лежитъ небольшое озеро, почитаемое святымъ. Много Тангутовъ ходитъ сюда на богомолье. Живущій тамъ гыгенъ разсказывалъ путешественникамъ, что однажды онъ видѣлъ, какъ изъ глубины озера поднялась сивая корова и, поплававъ на поверхности, снова опустилась въ глубину. Съ тѣхъ поръ озеро стало пользоваться еще большимъ почетомъ.

Въ теченіи мѣсячной экскурсіи въ горы, къ Пржевальскому нѣсколько разъ присылали гонцевъ изъ Чейбсена съ просьбою поскорѣй вернуться, чтобъ защитить населеніе отъ набѣговъ Дунганъ. И дѣйствительно, только что экспедиція вернулась въ Чейбсенъ, Дунгане исчезли, какъ будто ихъ и не было *).

По странѣ уже успѣли разнестись слухи, объ искусствѣ

*) Возстаніе магометанскаго племени Дунганъ охватило въ началѣ шестидесятыхъ годовъ всѣ западныя владѣнія Китая. Если бы инсургенты дѣйствовали умѣло, они могли бы надѣлать много вреда китайцамъ.

За три года до прихода Пржевальскаго, нѣсколько тысячъ дунганъ осадили кумирню Чейбсенъ и принялись ломать стѣну ломами. Когда приходило время пить чай, они преспокойно оставляли осаду и удалялись въ свой лагерь; а тѣмъ временемъ осажденные успѣвали поправить поврежденія и сходить за водой, находящейся въ ручьѣ внѣ ограды. Такъ осада и кончилась ничѣмъ.

Русскихъ въ стрѣльбѣ. Туземцы говорили другъ другу: «съ этими людьми не страшны и разбойники. Вотъ мы и съ двумя тысячами человѣкъ запираемся въ кумирнѣ, а они, четверо, стоятъ въ полѣ и никто не смѣетъ ихъ тронуть. Подумайте сами, развѣ простые люди могутъ это сдѣлать. Нѣтъ, Русскіе напередъ все знаютъ и ихъ начальникъ непремѣнно великій колдунъ или великій святой».

Только благодаря такой репутаціи можно было достать проводниковъ Монголовъ, которые всѣ ужасные трусы. Передъ отправленіемъ на Куку-норъ, эти проводники ни за что не хотѣли двинуться въ путь, пока Пржевальскій не погадаетъ, въ какой день лучше выступить. Николай Михайловичъ ухватился за этотъ случай, чтобы опредѣлить широту Чейбсена. Монголы смотрѣли на его операціи съ вытаращенными глазами и когда онъ объявилъ имъ, что надо подождать, они стали гадать по своему и также вышло, что не слѣдуетъ торопиться. Такая проволочка была на руку Пржевальскому, которому нужно было время, чтобъ отправить свои коллекціи въ Чертынтонъ, какъ мѣсто болѣе безопасное отъ Дунганъ. 23 Сентября, путешественники съ проводниками, наконецъ, двинулись въ путь.

Приходилось идти по горнымъ тропинкамъ, занятымъ Дунганами, со стороны которыхъ путешественники два раза подверглись нападенію, но благодаря храбрости, а главное превосходному европейскому оружію, разбойники были напуганы и обращены въ бѣгство. Наконецъ, 12-го Октября экспедиція дошла до Куку-нора, на берегу котораго и разбила свои палатки.

«Мечта моей жизни исполнилась», писалъ Пржевальскій. «То, о чемъ недавно только мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ купленъ цѣною многихъ тяжкихъ испытаній, но теперь всѣ пережитыя невзгоды были забыты и, въ полномъ восторгѣ, стояли мы съ товарищемъ на берегу великаго озера, любуясь на его чудныя, темно-голубыя волны».

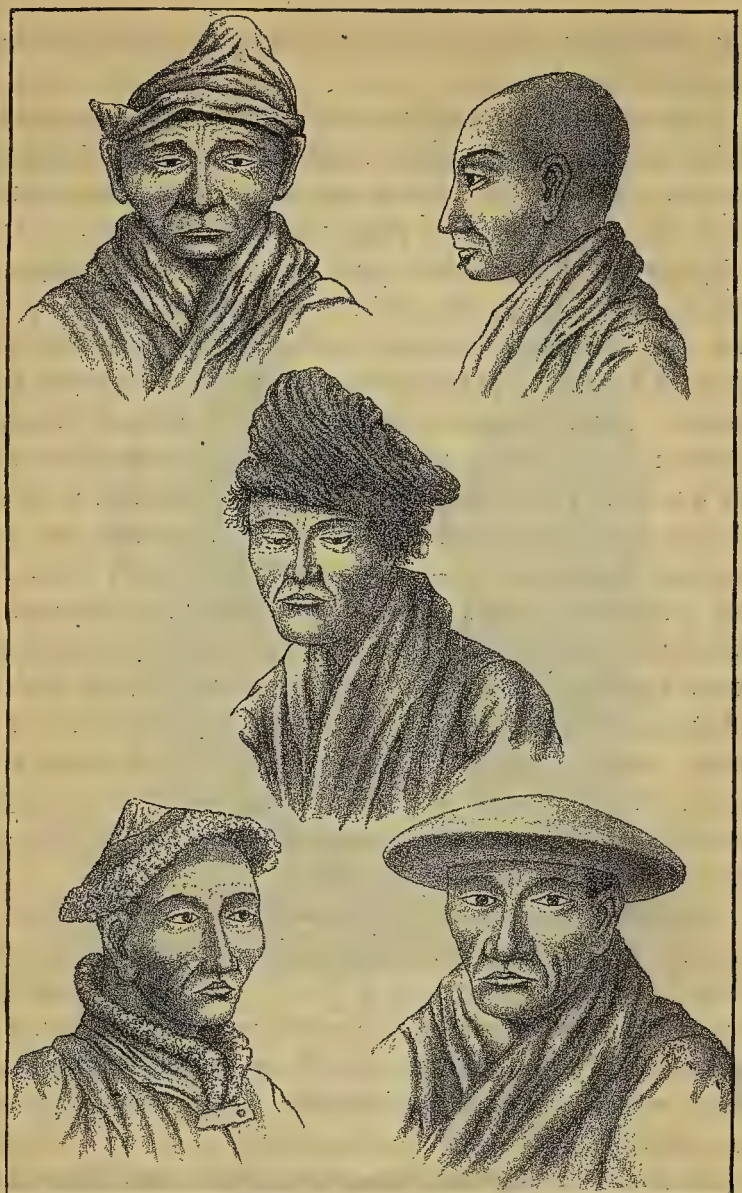
Глава VI.

Одноплеменные Тибетцамъ Тангуты, занимаютъ гористую область Гань-су, Куку-норъ, восточную часть Цайдама и бассейнъ верхняго теченія Хуанъ-хэ, распространяясь къ югу до Голубой рѣки. По своему наружному виду, Тангуты рѣзко отличаются отъ Китайцевъ и Монголовъ и какъ уже сказано, напоминаютъ цыганъ. Они высоки, широкоплечи; волосы, борода и усы у нихъ черные; глаза тоже черные и не косо прорѣзанные, носъ прямой, иногда орлиный, иногда вздернутый, лице продолговатое, смуглое, скулы мало выдающіяся. Мужчины брѣютъ голову, оставляя одну косу; женщины волосъ не брѣютъ, но раздѣляютъ проборомъ и заплетаютъ въ безчисленное множество косичекъ, вплетая въ нихъ ленты, бусы и другія украшенія. Кромѣ того женщины румянятся китайскими румянами, а лѣтомъ сокомъ земляники.

Одежда мужчинъ и женщинъ почти одинакова. Халатъ до колѣнъ изъ синей китайской дабы, сукна, или овчины, сапоги, а на головѣ — широкополая войлочная шляпа. Во всякое время года правый рукавъ непремѣнно спущенъ, такъ что рука и часть груди съ этой стороны голыя; бѣлья не полагается. Щеголи дѣлаютъ на халатахъ оторочку изъ барсовой шкуры и носятъ въ лѣвомъ ухѣ серьгу. Женщины спускаютъ на спину широкое полотенце, отдѣланное раковинами и носятъ бусы.

Живутъ Тангуты въ черныхъ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ рѣдкой, какъ сито, ткани, вытканной изъ шерсти яковъ. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, строятъ бревенчатыя избы самаго примитивнаго устройства.

Домашній скотъ Тангутовъ — яки и бараны. Владѣтели стадъ въ нѣсколько тысячъ головъ — не рѣдкость. Но и эти бо-



Хара-Тангуты (Си-фани) племени Ваншу-Таншу. (Въ срединѣ Шаманъ.)

гачи, по образу жизни, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ бѣдныхъ собратій.

Характернымъ животнымъ тангутской земли является длинношерстный якъ. Это животное требуетъ сочныхъ пастбищъ съ обиліемъ воды, такъ какъ оно любитъ купаться и хорошо плаваетъ. Переплыть быструю рѣку, ради собственнаго удовольствія, ему нипочемъ. Ростомъ якъ съ нашего быка, цвѣтомъ черный, иногда съ бѣлыми пятнами. Несмотря на вѣковое рабство, якъ сохранилъ достаточно буйный нравъ. Движенія его быстры и ловки. Въ раздраженномъ состояніи онъ опасенъ для человѣка. Какъ домашнее животное, якъ въ высшей степени полезенъ: онъ не только доставляетъ шерсть, превосходное молоко и мясо, но употребляется и для перевозки тяжестей. Правда, нужно большое искусство и терпѣніе, чтобы завьючить яка, но зато онъ, съ кладью въ 5 — 6 пудовъ, отлично идетъ по высокимъ и крутымъ горамъ и по самымъ опаснымъ тропинкамъ. Вѣрность и твердость его шага изумительна. Якъ лѣпится по такимъ карнизамъ, гдѣ едва бы могъ пробраться дикій козелъ или баранъ. Молоко яковъ превосходнаго вкуса и густо какъ сливки, масло желтаго цвѣта и по качеству, гораздо выше коровьяго. Тангуты ѣздятъ на якахъ даже верхомъ. Сквозь ноздри животнаго продѣвается толстое деревянное кольцо, за которое привязана веревка, замѣняющая узду.

Окружность озера Куку-норъ равняется 300—350 верстамъ, хотя эта цифра гадательна. Туземцы говорятъ, что нужно двѣ недѣли для обхода его пѣшкомъ и 7 — 8 дней для объѣзда на лошади. Берега извилисты, вода солона и негодна для питья. Въ западной части озера, верстахъ въ 20 отъ берега, лежитъ скалистый островъ, на которомъ построена кумирня и живутъ десять ламъ.

По преданію, это озеро находилось прежде въ Тибетѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Хласса и попало сюда слѣдую-

щимъ образомъ: Во времена очень отдаленныя, одинъ изъ тибетскихъ царей вздумалъ построить храмъ Буддѣ. Нѣсколько тысячъ людей трудились цѣлый годъ и вдругъ храмъ, почти уже достроенный, провалился. Такъ повторилось три раза. Испуганный царь обратился къ одному изъ гыгеновъ для разъясненія

Хара-Тангуты (Си-фани) съ оз. Кику-нора.

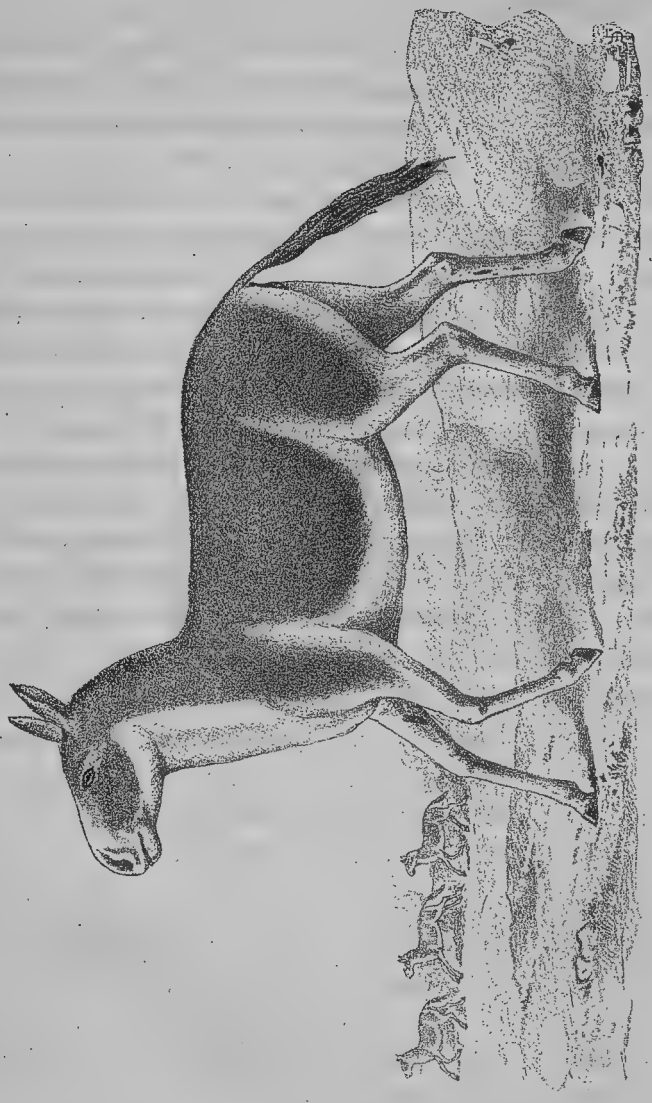
причины такого явленія. Гыгенъ объявилъ, что причина извѣстна только одному отшельнику, мѣстопребыванія котораго никто не зналъ. Искали, искали и наконецъ нашли сѣдого старика, который объявилъ, что храмы рушатся потому, что подъ этой мѣстностью находится подземное озеро. Разгнѣванный болтли-

востью отшельника, Будда излилъ свой гнѣвъ на него и на всю страну. Онъ перенесъ подземное озеро изъ Тибета и затопилъ всю окрестность. Много погибло людей и скота, но погибло бы и больше, еслибъ Будда не сжалился и не повелѣлъ огромной птицѣ принести утесъ и заткнуть имъ отверзтіе, изъ котораго вода лилась неудержимо. Эта скала и есть тотъ островъ, на которомъ стоитъ кумирня.

Въ куку-норскихъ степяхъ водится дикій оселъ или хуланъ, по монгольски — джанъ. Онъ походитъ на мула, но красивѣе его. Цвѣтъ шерсти его на спинѣ свѣтлокоричневый, на животѣ чисто бѣлый. Хуланы ходятъ стадами въ 10 — 15, а иногда и въ 50 головъ. Зрѣніе и чутье у нихъ превосходны, а потому убить ихъ весьма трудно. Хуланъ очень крѣпокъ на рану и съ перебитой ногой бѣжитъ очень долго.

Слухи о необыкновенномъ могуществѣ Пржевальскаго опередили его и успѣли уже достигнуть Куку-нора. Говорили, что появилось четверо какихъ то невиданныхъ людей и между ними одинъ великій святой, который идетъ въ Хлассу, чтобъ познакомиться съ великимъ святымъ востока. Въ особенности возросла слава Пржевальскаго, когда узнали, что онъ безстрашно проходитъ по мѣстностямъ, занятымъ разбойниками, куда въ тоже время не рѣшался проникнуть посланникъ, везшій подарки богдыхану, хотя его сопровождалъ большой конвой. Наибольшимъ уваженіемъ проникались тѣ, которые видѣли дѣйствіе европейскихъ ружей. Разсказы о могуществѣ русскаго святого переходили изъ устъ въ уста и достигали такихъ размѣровъ, что цѣлые толпы монголовъ и тангутовъ приходили поклониться не только путешественникамъ, но и ихъ ружьямъ; а мѣстные князья нѣсколько разъ привозили къ Пржевальскому своихъ дѣтей, прося его наложить на нихъ руки и этимъ знаменіемъ благословить на всю жизнь. Въ одномъ мѣстѣ, при проѣздѣ путешественниковъ, толпа человѣкъ въ 200 стала на колѣни по объ-

имъ сторонамъ дороги и молилась на нихъ. Множество народу



Хуланъ (Asinus kiang).

приходило погадать не только о предстоящей судьбѣ, но и о до-

машнихъ дѣлахъ: о пропавшей скотинѣ, объ украденной трубкѣ и о тому подобномъ.

Обаяніе Пржевальскаго было настолько велико, что харатангуты, постоянно разбойничавшіе на Куку-норѣ, не только не рѣшались напасть на его караванъ, но даже переставали грабить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ. Монгольскіе князья не разъ являлись съ просьбою защитить ихъ отъ разбойниковъ и приказать послѣднимъ возвратить награбленный скотъ. Уходя въ Тибетъ, путешественники оставили въ Цайдамѣ мѣшокъ съ дзамбою и мѣстный князь, принимая его на храненіе, говорилъ, что онъ будетъ стеречь его отъ грабителей. Дѣйствительно, когда спустя три мѣсяца, путешественники возвратились къ тому же князю, онъ подарилъ имъ двухъ барановъ въ благодарность за то, что въ теченіи этого времени въ его округѣ не показывался ни одинъ грабитель изъ боязни украсть что либо, принадлежащее русскимъ. Монголы тщательно подбирали всякій хламъ, выброшенный русскими и въ особенности листки старыхъ книгъ, которые они собирались показывать, какъ охранныя грамоты, полученныя отъ русскихъ.

Нелѣпѣйшимъ разсказамъ о всемогуществѣ русскаго святого не было конца. Говорили, что въ случаѣ нападенія, ему стоитъ сказать слово и тысячи солдатъ являются мгновенно, чтобъ сражаться за него. Увѣряли, что онъ можетъ нагонять бурю и снѣгъ, напустить болѣзни на людей и скотъ и т. д.

Отправляясь въ экспедицію, Пржевальскій захватилъ съ собою инструментъ доктора Баумштейна, состоящій изъ пучка иголокъ, дѣлавшихъ посредствомъ пружины уколы на кожѣ, смазываемыя какимъ то масломъ. Въ послѣдствіи онъ убѣдился, что это леченіе — шарлатанство, но на азіатскихъ дикарей такая машинка производила большое впечатлѣніе. На обратномъ пути, Пржевальскій подарилъ эту штучку одному монгольскому князю,

который сейчасъ же началъ упражняться, дѣлая операціи кровопусканія своимъ совершенно здоровымъ подданнымъ.

На Куку-норѣ путешественники познакомились съ тѣмъ самымъ посланникомъ, который везъ подарки отъ Далай-ламы богдыхану. Онъ оказался человѣкомъ очень любезнымъ, предлагалъ свои услуги въ Хлассѣ и увѣрялъ, что Далай-лама очень будетъ радъ видѣть русскихъ и окажетъ имъ самый радушный пріемъ. Съ грустью слушалъ Пржевальскій эти сладкія рѣчи, страшно сожалѣя, что не можетъ воспользоваться предлагаемыми услугами. Будь у него 1000 ланъ, а не сто и можетъ быть его завѣтная мечта стала бы дѣйствительностью.

Переваливъ черезъ невысокій кряжъ, составляющій отрогъ южно-куку-норскаго хребта, Пржевальскій вступилъ въ Цайдамскія равнины, гдѣ, послѣ непродолжительнаго отдыха, нанялъ проводниковъ и отправился за хребетъ Бурханъ-будда.

Равнины Цайдама ограничены съ сѣвера куку-норскими горами, съ юга тибетскимъ хребтомъ Бурханъ-будда. На западѣ же Цайдамскія равнины уходятъ безграничною гладью за горизонтъ и тянутся до самаго озера Лобъ-нора. Эти равнины, бывшія вѣроятно дномъ огромнаго озера, представляютъ сплошное болото, дно котораго до того пропитано солью, что эта соль мѣстами лежитъ толстою корою на подобіе льда.

Два съ половиною мѣсяца, (съ 23 Ноября 1872 г. по 10 Февраля 1873 г.) проведенные въ пустыняхъ сѣвернаго Тибета были однимъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ экспедиціи. Приходилось бороться съ морозами, непогодами и пыльными бурями, составляющими характерную черту тибетской зимы. Такія бури начинаются обыкновенно легкимъ вѣтромъ, который постепенно усиливается и наконецъ достигаетъ страшной напряженности. Небо начинаетъ сѣрѣть отъ поднятой вверхъ пыли, солнце заволакивается и наступаетъ такая тьма, что среди дня нельзя даже отличить очертанія горъ. Пыль, песокъ и мелкіе камешки кру-

тятся въ воздухѣ, точно снѣгъ во время мятели. Пыль залѣпляетъ глаза, а верблюды, отпущенные на покормку, не смотря на голодъ, возвращаются и ложатся.

Замѣчательно, что какъ бы ни сильна была буря, но къ закату солнца она вдругъ стихаетъ, точно подъ вліяніемъ сверхъестественной силы. Въ это время вся атмосфера кажется окрашенною въ желтый цвѣтъ.

10 Января экспедиція дошла до Голубой рѣки (Янъ-цзы-цзянъ), далѣе которой на этотъ разъ Пржевальскій не проникалъ во внутрь Азіи.

«Здѣсь, почти на каждомъ шагу», писалъ Николай Михайловичъ, «попадаются огромныя стада яковъ, дикихъословъ, антилопъ и горныхъ барановъ. Въ день можно убить 10, даже 20 крупныхъ животныхъ; но мы убили всего 76 звѣрей, потому что били ихъ для шкуры, или для ѣды, а не для счета. Притомъ же никогда не преслѣдовали раненыхъ, а брали только убитыхъ на повалъ. Да и изъ этихъ мы брали мясо только на одинъ день, такъ какъ здѣсь можно, когда угодно, убить какого угодно звѣря. Такимъ образомъ, убивъ буйвола вѣсомъ пудовъ въ 40, мы брали изъ него фунтовъ 15 мяса или иногда одинъ языкъ да почки, а остальное бросали».

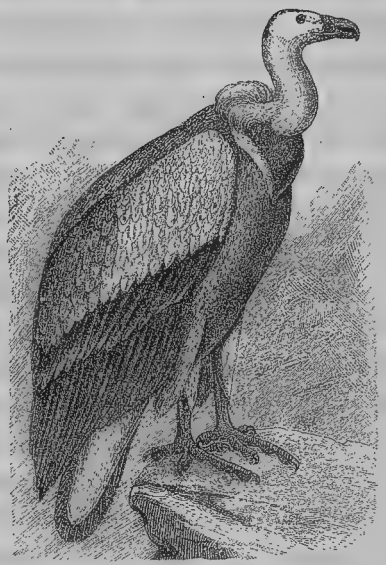
Глава VII.

Странствованіе по тибетской пустынѣ совершенно истомило верблюдовъ; трое пало, а остальные едва волочили ноги. Въ карманѣ у Пржевальскаго оставалось всего 10 р. и онъ рѣшился съ добытыми результатами идти обратно на Куку-норъ, Гань-су и Ала-шань.

Тяжело было возвращаться назадъ, не достигнувъ цѣли, которая была такъ близка; до Хлассы оставалось всего 27 дней пути.

Въ первой трети Февраля путешественники дошли до равнинъ Цайдама, гдѣ застали уже весну, а 15 Апрѣля прибыли въ Чайбсенъ.

Пржевальскій воспользовался пребываніемъ въ горахъ Гань-су, чтобъ убить для коллекціи снѣжнаго грифа. Эта мощная птица, нѣчто среднее между орломъ и коршуномъ, имѣетъ въ размахѣ крыльевъ почти 10 ф. Она одарена поразительно зоркимъ глазомъ и можетъ различить до мелочей все, что дѣлается на землѣ. Вотъ видитъ грифъ, что стая воронов, или коршуновъ копошится внизу въ долинѣ, возлѣ падали. Грифъ подтягиваетъ крылья и словно камень падаетъ изъ облаковъ на землю. Быстрота такого паденія страшная, даже слышенъ особый шумъ. Но птица очень ловко разсчитываетъ свои движенія; немного недолетая до земли, грифъ распускаетъ могучія крылья и тихо садится къ падали.



Снѣжный грифъ.

Другіе грифы, посящіеся въ облакахъ, замѣтивъ маневръ товарища, уже знаютъ въ чемъ дѣло и, подобно ему, камнемъ падаютъ на землю.

Вскорѣ возлѣ трупа собираются десятки огромныхъ птицъ и начинаются ссоры изъ за добычи. Грифы распускаютъ крылья и съ угрожающимъ видомъ наступаютъ другъ на друга, но дѣло рѣдко доходитъ до серьозной драки. Наѣвшись, грифы

отходятъ въ сторону и смотрятъ на пиръ вновь прибывающихъ собратовъ.

Коршуны, вороны, сороки не смѣютъ подступиться къ лакомой поживѣ и сидя по сторонамъ съ нетерпѣніемъ ждутъ, пока наѣдятся и улетятъ великаны.

Охотники приманиваютъ снѣжнаго грифа на падаль. Сидя въ засадѣ, охотникъ видитъ, какъ слетаются мелкіе хищники: коршуны, вороны, сороки. Долго они кружатся надъ падалью, не рѣшаясь усѣсться, но вотъ какая нибудь, смѣлая сорока урветъ кусочекъ и сама испугавшись своей храбрости, поспѣшно улетаетъ прочь. Одобренные примѣромъ, хищники опускаются одинъ за другимъ и вскорѣ усаживаются на падаль. Начинается шумъ, драка, пискъ. Но вотъ раздается дребезжащій шумъ и показывается грифъ. Облетѣвъ нѣсколько разъ вокругъ приманки, онъ садится на ближайшую скалу. Проходитъ добрый часъ; грифъ сидитъ на скалѣ, какъ статуя. Лихорадочная дрожь овладѣваетъ охотникомъ; онъ боится пошевельнуться, чтобъ не спугнуть осторожной птицы. Наконецъ грифъ слетаетъ къ приманкѣ и вся вороватая мелочь разлетается въ стороны. Грифъ идетъ переваливаясь, а иногда въ припрыжку и добравшись до добычи, начинаетъ рвать куски и жадно глотать ихъ. Тутъ то ему и капутъ. Гремитъ выстрѣлъ и птица падаетъ мертвою.

Монголы разсказывали Пржевальскому, что въ провинціи Гань-су водится будто бы человѣкъ-звѣрь, по мѣстному — хунъ-гурёсу. Разскащики увѣряли, что это животное ходитъ на двухъ ногахъ, имѣетъ лице человѣчье, а тѣло, покрытое густою черною шерстью; лапы звѣря вооружены огромными когтями и онъ обладаетъ такою силой, что въ той мѣстности, гдѣ онъ появляется, жители спѣшатъ поскорѣй убраться прочь. Пржевальскій обѣщалъ хорошую награду тому, кто укажетъ ему этого звѣря и наконецъ ему сообщили, что шкура чудовища находится въ одной изъ кумиренъ. Каково же было разочарованіе

Николая Михайловича, когда онъ, нарочно съѣздивъ въ указанную кумирню, нашелъ шкуру обыкновеннаго медвѣдя.

Въ концѣ Мая, путешественники отправились изъ Гань-су въ Ала-шань, и такъ какъ проводниковъ нанять было не на что, то они заблудились и значительно уклонились къ востоку. Такое уклоненіе въ безводной мѣстности могло быть очень пагубно. По счастью, Пржевальскій, поднявшись на возвышенность, узналъ настоящій путь и возвратился на него. Въ Дынь-юанъ-анѣ ни князя, ни сыновей его не оказалось; они уѣхали въ Пекинъ. За то путешественниковъ ожидали письма изъ Россіи, газеты и деньги. Легко себѣ представить, какъ они обрадовались, не имѣя, въ теченіе цѣлаго года никакихъ извѣстій съ родины.

Изъ Ала-шаня, Пржевальскій намѣревался возвратиться въ Ургу, но предварительно хотѣлъ отдохнуть и подробнѣе изслѣдовать Ала-шаньскія горы. Два съ половиною мѣсяца, проведенные въ горахъ, ознаменовались такимъ наводненіемъ, какого до сихъ поръ не видывали путешественники.

Утромъ, 1-го Іюля, вершины горъ начали окутываться облаками. Къ полудню, небо прояснилось и можно было ждать хорошей погоды; какъ вдругъ, часа въ три, облака стали садиться на горы и хлынулъ дождь, какъ изъ ведра. Палатка насквозь промокла; пришлось отводить воду нарочно вырытыми канавками. Цѣлый часъ длился проливной дождь. Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвою или удержаться на крутыхъ склонахъ горъ и вскорѣ, со всѣхъ ложбинъ, боковыхъ ущелій и даже отвѣсныхъ скалъ потекли ручьи, которые соединившись на днѣ главнаго ущелья, гдѣ именно и стояли путешественники, образовали потокъ, несшійся внизъ съ ревомъ и страшною быстротою. Глухой шумъ еще издали возвѣстилъ приближеніе потока, разростающагося съ каждой минутой. Мигомъ, глубокое дно ущелья наполнилось мутной водой, бурно стремившейся по крутому скату. Огромные камни и цѣлыя груды обломковъ нес-

лись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды каменныя глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя груды мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ; всѣ деревья были выворочены съ корнемъ, переломаны и перетерты въ мелкіе кусочки.

Между тѣмъ, проливной дождь не унимался и сила бушевавшей рѣки съ каждою минутою возростала. Вскорѣ, глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками лѣса, вода выступила изъ своего русла и понеслась по незатопленнымъ еще мѣстамъ. Не далѣе трехъ сажень отъ палатки Пржевальскаго, бушевалъ потокъ. Еще лишній футъ прибылой воды — чучела, коллекціи, труды всей экспедиціи, пропали бы безвозвратно. Бѣда казалась такою неизбѣжною, что, по словамъ Пржевальскаго, на него напалъ столбнякъ. Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ, съ какой то тупою покорностью ожидая катастрофы. По счастью, впереди палатки находился обрывъ, въ который волны начали швырять камни и вскорѣ нанесли ихъ такую груду, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды. Къ вечеру дождь уменьшился, потокъ сталъ быстро ослабѣвать и утромъ слѣдующаго дня, только маленькій ручеекъ струился тамъ, гдѣ наканунѣ бушевала цѣлая рѣка. Ясное солнце освѣтило картину разрушенія, которое до того сильно измѣнило прежній видъ ущелья, что его узнать было нельзя. Потокъ унесся въ пески и затерялся тамъ.

Послѣ такой катастрофы, экспедиція поспѣшила оставить горы, вернулась въ г. Дынь-юанъ-инъ, переснарядила свой караванъ и 14 Іюля двинулась срединою Гоби на Ургу. Путь этотъ лежалъ черезъ самую дикую часть Гоби и не былъ еще пройденъ ни однимъ европейцемъ. На протяженіи 1000 в. не было ни

одного ручья, ни одного озерка, а иногда на 50 — 60 верстъ не встрѣчалось и колодца. Путешественники сильно страдали отъ жаровъ, доходившихъ до 45° въ тѣни и не падавшихъ ниже 23 даже ночью. Когда дулъ вѣтеръ, то было еще хуже, такъ какъ онъ только колыхалъ раскаленные слои воздуха, не принося никакой прохлады. Сухость воздуха была такъ велика, что если случалось надъ степью заблудиться дождевому облачку, то капли дождя не достигали до земли, а встрѣтивъ раскаленные слои воздуха, снова превращались въ паръ. Грозы случались рѣдко; росъ совсѣмъ не было.

На пути, Пржевальскаго постигло большое горе: онъ потерялъ своего Фауста. Въ одинъ изъ переходовъ по безводной степи, когда въ теченіи 9-ти часовъ нельзя было найти воды, бѣдная собака истомилась и издохла. Монгольская собака, какъ болѣе привычная къ мѣстнымъ невзгодамъ, уцѣлѣла.

Голые пески Гоби чередуются съ пространствами, усыпанными галькою и эти мѣста представляютъ довольно любопытное явленіе. Лишь только пройдетъ порядочный дождь, какъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, дремавшіе ростки травы начинаютъ быстро пробуждаться и въ короткое время дикая пустыня украшается цвѣтущими оазисами. Тогда приходятъ сюда антилопы и дикія козы; монгольскій жаворонокъ запоетъ свою звонкую пѣсню, прикочуютъ Монголы со стадами и счастливый уголокъ закипитъ жизнью среди мертвечины. Но не надолго развертывается здѣсь жизнь. Жгучее солнце испаритъ мало по малу влагу, напоившую землю, пожелтѣетъ трава, укочуютъ Монголы, уйдутъ антилопы и пустыня останется по прежнему безмолвна какъ могила.

Тяжелы и безотрадны переходы по этой мѣстности; между тѣмъ, здѣсь, какъ нарочно, являются миражи, которые еще больше тревожатъ измученную душу путника. Сплошь и рядомъ

представляется волнующаяся поверхность воды и представляется до того ясно, что въ ней отражаются сосѣднія скалы.

Не однимъ людямъ тяжелы монгольскія пустыни. Множество перелетныхъ птицъ гибнетъ отъ безводія и безкормицы. Случалось, что обезсиленныя пташки залетали въ палатку Пржевальскаго и давали ловить себя руками. Многія валялись на пути мертвыми.

Чѣмъ ближе къ Ургѣ, тѣмъ замѣтнѣе измѣняется характеръ Гоби, которая мало по малу превращается въ роскошную степь. Особенно хороша она у подошвы хребта Гангынъ-дабанъ, за которымъ лежитъ богато орошенная часть сѣв. Монголіи и за нею бассейнъ Байкала.

Конецъ Августа ознаменовался крутымъ переходомъ отъ жаровъ къ холоду. Еще 27 термометръ показывалъ 26 въ тѣни, а на другой день, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ шла снѣжная крупа и термометръ опустился до точки замерзанія.

На протяженіи цѣлыхъ 1300 в. путешественники не видали ни рѣки, ни озера. Съ какою радостью привѣтствовали они рѣку Полу. 5 Сентября экспедиція прибыла въ Ургу, гдѣ встрѣтила самый радушный пріемъ.

«Не берусь описать», говоритъ Николай Михайловичъ, «впечатлѣніе той минуты, когда мы, впервые, услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ Европейскую обстановку. Намъ, уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки до мебели зеркалъ и проч. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя, спокойно спать и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ.

Результаты, добытые экспедиціею, были громадны. Въ теченіи почти трехъ лѣтъ (съ 17 Ноября 1870 г. по 19 Сент. 1873) пройдено было 11,100 в., при чемъ 5,300 в. сняты, глазомѣрно, бусолью. Собрано 238 видовъ птицъ, въ количествѣ 1,000 экземп. 42 вида млекопитающихъ въ числѣ 130 шкуръ; кромѣ того множество видовъ растеній, рыбъ и пресмыкающихся.

Отдохнувъ недѣлю въ Ургѣ, путешественники двинулись въ Кяхту, а оттуда въ Иркутскъ, куда Николай Михайловичъ прибылъ 9 Октября.

Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ.

Прибытіе Пржевальскаго въ Петербургъ было настоящимъ торжествомъ. Похвалы, поздравленія, награды сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Особенно дорого для него было вниманіе Императора Александра II, который, осмотрѣвъ коллекціи, такъ заинтересовался ими, что тутъ же призналъ необходимымъ купить ихъ для академіи наукъ за 10 т. рублей.

Труды путешественника оцѣнены были даже за границей и Парижское Географическое Общество, избравъ его почетнымъ своимъ членомъ, прислало ему дипломъ и медаль.

Почти три года провелъ Николай Михайловичъ на родинѣ, дѣля свое время между столицею и «Отраднымъ». Въ столицѣ, онъ писалъ свою книгу: Монголія и страна Тангутовъ; въ деревнѣ — отдыхалъ и охотился. Книга не была еще дописана, а уже Пржевальскій разработывалъ планъ второго путешествія въ Центральную Азію. Встрѣтивъ полнѣйшее сочувствіе со стороны Государя Императора и Августѣйшаго президента Географическаго общества В. К. Константина Николаевича, Пржевальскій уже не сомнѣвался въ успѣхѣ своего ходатайства и сталъ по немногу готовиться въ путь. Спутникъ его Пыльцовъ женил-

ся на дѣвицѣ Толпыго, сводной сестрѣ Николая Михайловича и вышелъ въ отставку, Ягуновъ утонулъ, купаясь въ Вислѣ; пришлось подумать кѣмъ замѣнить этихъ превосходныхъ товарищей. Выборъ Пржевальскаго палъ на вольноопредѣляющагося Эклона и портупей-юнкера Повало-Швыйковскаго, сына сосѣдки по имѣнію. Чтобы побольше сблизиться съ этими молодыми людьми, Пржевальскій пригласилъ ихъ лѣтомъ къ себѣ въ имѣніе, ходилъ съ ними на охоту, обучалъ стрѣльбѣ. При ближайшемъ знакомствѣ оказалось, что выборъ былъ сдѣланъ удачно и Николай Михайловичъ съ спокойнымъ сердцемъ сталъ снаряжаться въ путь.

Въ Іюлѣ 1876 года Пржевальскій и его спутники прибыли въ Кульджу. Багажъ въ количествѣ 130 пудовъ пришлось везти изъ Перми на пяти почтовыхъ тройкахъ по невообразимо скверной дорогѣ. При переправѣ черезъ одну изъ рѣкъ, возы опрокинулись и много вещей попортилось.

Въ Семипалатинскѣ къ экспедиціи прибавилось еще семь человѣкъ, въ томъ числѣ казаки Чабаевъ и Иринчиновъ, совершившіе съ Пржевальскимъ путешествіе по Монголіи.

Почти три недѣли употреблено было на сформированіе каравана, снаряженнаго съ цѣлію сходить на Лобъ-норъ и обслѣдовать это озеро и его окрестности.

12 Августа караванъ, состоявшій изъ 10 людей, 24 верблюдовъ и 4-хъ лошадей, двинулся изъ Кульджи вверхъ по рѣкѣ Или. Живописная Илійская долина густо заселена таранчами, сартами, киргизами и калмыками. Красивыя и чистыя деревни съ садами и высокими тополями почти сплошь слѣдовали одна за другою. Прекрасно обработанныя поля и большія стада рогатаго скота и лошадей свидѣтельствовали о зажиточности жителей. Различныхъ фруктовъ было такое множество, что путешественники наѣдались ими до пресыщенія. Особенно хвалилъ

Пржевальскій персики, изъ которыхъ иные были величиною съ доброе антоновское яблоко.

Въ 50 верстахъ отъ Кульджи путешественники переправились на лѣвый берегъ Или и пошли прямо на рѣку Текесъ. Перейдя эту рѣку, экспедиція вступила въ долину нижняго Кунгеса, богатую лѣсами. Растительность здѣсь, съ подлѣскомъ изъ цвѣтущихъ кустарниковъ и густыми вьющимися растеніями, очень напоминала растительность Уссурійскаго края. Въ лѣсахъ Кунгеса путешественники нашли становище, въ которомъ, въ 1874 г., въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, стояла русская казачья сотня. Тутъ еще уцѣлѣли сараи, кухня и баня, въ которой путешественники вымылись съ величайшимъ удовольствіемъ.

Лѣса Кунгеса изобилуютъ плодовыми деревьями, въ особенности абрикосами и яблонями. Экспедиція проходила какъ разъ во время созрѣванія послѣднихъ. Яблоки густо покрывали деревья и въ такомъ множествѣ валялись по землѣ, что мѣстами, цѣлую сотню шаговъ приходилось идти по яблочному помосту. Если человѣку не удается воспользоваться такой благодатью, такъ за него наслаждаются кабаны и медвѣди, которые наѣдаются до такой степени, что тутъ же подъ яблонью подвергаются рвотѣ.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе, по рѣкѣ Цанма, экспедиція очутилась въ виду хребта Наратъ, составляющаго сѣверную ограду обширнаго и высокаго плато, помѣщеннаго въ самомъ сердцѣ Тянь-шаня и извѣстнаго подъ именемъ Юлдуса. Эта горная равнина тянется отъ востока къ западу на нѣсколько сотъ верстъ и представляетъ собою обѣтованную землю для скотоводства. Здѣсь вездѣ превосходныя пастбища и отсутствіе комаровъ и мошекъ; всякихъ звѣрей множество. «Только бы и жить господамъ, да скотинѣ», говорили Пржевальскому туземцы.

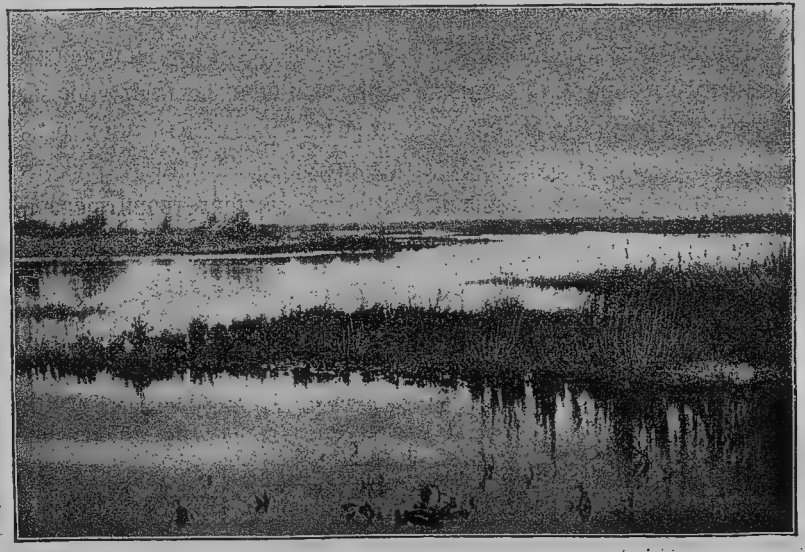
Вступленіе экспедиціи на Юлдусъ ознаменовалось для Николая Михайловича весьма непріятнымъ событіемъ. Онъ долженъ

былъ отправить на родину Повало-Швыйковскаго, а вслѣдъ за нимъ и проводника.

Населенія на Юлдусѣ нѣтъ вовсе, между тѣмъ, какъ лѣтъ одиннадцать тому назадъ, здѣсь насчитывалось до 10,000 кибитокъ тургоутовъ, которые во время Дунганскаго возстанія ушли въ другое мѣсто.

На Юлдусѣ путешественники пробыли около трехъ недѣль и удачно поохотились на тэковъ, аркаровъ и мараловъ. Маралы—это порода оленей огромнаго роста. Туземцы охотятся за ними ради ихъ пантовъ.

Съ Юлдуса путешественники направились черезъ южный склонъ Тянь-шаня въ долину Хайду-голъ. Здѣсь, въ урочищѣ Хара-мото они встрѣтили снова кочевья тургоутовъ. Разнесшійся слухъ о прибытіи русскихъ взволновалъ все мусульманское населеніе; увѣряли, что появился цѣлый отрядъ. Немудрено, что



Озеро Лобъ-норъ близъ деревни Уйтунъ.

источникомъ подобныхъ слуховъ была стрѣльба по фазанамъ, водившимся въ изобилiи въ этой мѣстности.

На третiй день по прибытiи путешественниковъ, въ Харамото, къ нимъ явились шесть человѣкъ мусульманъ, посланныхъ правителемъ города Корла, Таксобаемъ, узнать о цѣли ихъ прихода. Пржевальскiй отвѣчалъ, что идетъ на Лобъ-норъ и что на это путешествiе получилъ разрѣшенiе отъ Якубъ-бека (правителя Кашгара). Посланцы не удовлетворились этимъ отвѣтомъ и объявили, что Таксобой отправилъ гонца къ Якубъ-беку и что до тѣхъ поръ экспедицiя не можетъ двинуться далѣе.

Спустя 7 дней, пришло наконецъ разрѣшенiе идти на Лобъ-норъ черезъ городъ Корла. Разстоянiе отъ Хара-мото до Корла было пройдено въ три дня. Посланцы Таксобая сопутствовали экспедицiи подъ предлогомъ доставленiя ей всего необходимаго. На каждой станцiи они приводили барана и приносили фруктовъ, но въ тоже время зорко слѣдили за путешественниками.

Когда Пржевальскiй и его спутники пришли въ Корла, ихъ поселили внѣ города, приставили караулъ и не пускали въ городъ, льстиво говоря: «Вы наши гости дорогiе, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться; все, что нужно, будетъ доставлено». Такимъ образомъ путешественники были лишены возможности удовлетворить своей любознательности. На всѣ вопросы имъ отвѣчали уклончиво, или лгали.

При выступленiи изъ Корла къ экспедицiи присоединился одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека, Заманъ-бекъ, бывшiй когда то на Русской службѣ въ Закавказьѣ и хорошо говорившiй по Русски.

Онъ былъ ничто иное какъ шпiонъ, хотя и увѣрялъ, что ему поручено сопровождать и охранять экспедицiю. Эта охрана началась съ того, что путешественниковъ повели окольнымъ путемъ, черезъ поля и овраги, увѣряя нахальнѣйшимъ образомъ, что это

самая лучшая дорога. При Заманъ-бекѣ состояла цѣлая свита, которая гарцовала на борзыхъ коняхъ и мѣшала дѣлать научныя изслѣдованія и стрѣлять птицъ. Каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Заманъ-беку гонецъ, съ которымъ онъ и отправлялъ свои донесенія Якубъ-хану. Въ послѣдствіи, когда Заманъ присмотрѣлся къ своимъ спутникамъ, онъ сталъ довѣрчивѣе и бдительность его ослабѣла.

Вначалѣ же, притѣсненіямъ не было конца. Вели путешественниковъ по самымъ сквернымъ дорогамъ, заставляли переправляться вплавь черезъ большія и быстрыя рѣки. Морозъ былъ порядочный и отъ холодной воды сильно страдали вьючныя животныя, особенно верблюды. Убѣдившись, что такими мѣрами Русскихъ не удержишь, стали устраивать имъ переправы болѣе удобныя.

Направляясь изъ Корла къ югу, путешественники вышли на Таримъ, большую рѣку саж. въ 50—60 ширины.

Таримъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ течетъ по мѣстности значительно повышенной въ сравненіи съ окрестностью. Это даетъ возможность туземцамъ отводить воду въ искусственные прудки, куда попадаетъ множество рыбы. Когда рыба выловлена, вода понемногу испаряется, а на увлаженномъ мѣстѣ выростаетъ тростникъ, доставляющій хорошую пищу скоту.

Внизъ по Тариму начинаетъ встрѣчаться населеніе, образовавшееся изъ переселенцевъ съ Лобъ-нора и бѣглыхъ изъ различныхъ мѣстностей восточнаго Туркестана. Поэтому, нынѣшніе Таримцы отличаются крайнимъ разнообразіемъ физіономій. Здѣсь можно встрѣтить типы сартовъ, киргизовъ, тангутовъ. Иногда, передъ вами является чисто европейское лицо.

Жилища Таримцевъ дѣлаются изъ тростника, связаннаго кое какъ; для женщинъ устраиваются особыя отдѣленія. Рядомъ съ жилищемъ строятся загородки для скота. Таримцы живутъ обществами: 10 и болѣе хижинъ составляютъ деревню. Мѣста для деревень непостоянны и мѣняются по мѣрѣ надобности.

Если случится въ деревнѣ эпидемія, въ особенности оспа, которой туземцы очень боятся, вся деревня перекочевываетъ на новое мѣсто, оставляя больныхъ на произволъ судьбы. Если больной выздоровѣетъ, что случается очень рѣдко, онъ возвращается къ своимъ роднымъ; если же умретъ, то никто не заботится о его погребеніи.

Въ долинѣ Тарима въ изобиліи ростетъ кендырь, изъ котораго таримки приготовляютъ весьма сносный холстъ. Осенью и зимою собираютъ изсохшіе стебли кендыря, перетираютъ ихъ, чтобъ очистить отъ кострики, потомъ волокна варятъ и расчесываютъ. Корни кендыря, поджаренные, ѣдятъ вмѣсто хлѣба, которымъ удается весьма рѣдко полакомиться туземцамъ.

По берегу Тарима, узкою полосою, ростутъ лѣса тогрука. Это дерево достигаетъ 25 — 35 ф. вышины при 1 — 3 ф. толщины; внутри, оно пустое и расколовъ его, туземцы получаютъ готовые челноки, которые нужно задѣлать только въ концахъ. На этихъ челнокахъ туземцы перевозятъ поклажу, ловятъ рыбу, въ нихъ же хоронятъ своихъ мертвецовъ. Покойника кладутъ въ челнъ, покрываютъ другимъ и засыпаютъ землею или пескомъ. На могилѣ растягивается сѣть и втыкается шестъ съ привязаннымъ къ нему маральимъ рогомъ, или хвостомъ яка, или просто цвѣтной тряпочкой.

По всему было видно, что мѣстное населеніе заранѣе получило предписаніе во всемъ обманывать путешественниковъ. Эти дикари и сами по себѣ боялись новаго человѣка, а тутъ появились гости, которыхъ вели окольною дорогою и подъ конвоемъ; какъ же имъ было не смотрѣть на нихъ подозрительно. Туземцы прямо не вѣрили, чтобы можно было выносить трудности и лишенія только ради того, чтобъ посмотрѣть невѣдомыя страны и собрать массу вещей ни на что, по мнѣнію туземцевъ, не нужныхъ.

Для продовольствія экспедиціи, конвой доставлялъ барановъ,

которыхъ отбирали у туземцевъ даромъ. Денегъ, предложенныхъ Пржевальскимъ ни за что не хотѣли брать. Впослѣдствіи, Пржевальскій подарилъ жителямъ Лобъ-нора сто рублей; на Таримѣ же окончательно было запрещено брать деньги и мѣстный ахунъ объявилъ, что у него нѣтъ бѣдныхъ.

Въ теченіи 40 дней экспедиція прошла 500 верстъ по подножію Алтынъ-тага на огромной высотѣ въ безплодной мѣстности и при морозѣ, доходившемъ до 20° Цельзія. Лишенія, испытанныя путешественниками не пропали даромъ и изслѣдованія Пржевальскаго доставили много интереснаго для науки. Топографія мѣстности оказалась совсѣмъ не такою, какая была намѣчена на существовавшихъ ранѣе картахъ.

Пржевальскому давно хотѣлось добыть для коллекціи дикаго верблюда и проводники увѣряли, что въ горахъ Алтынъ-тага ихъ водится много. Дѣйствительно лѣтъ 20 тому назадъ, верблюдъ въ этой мѣстности не составлялъ рѣдкости. Но по мѣрѣ того, какъ прибавлялось населеніе, звѣрь уходилъ дальше и дальше въ недосягаемые пески и теперь только изрѣдка появляется на Лобъ-норѣ. Въ противуположность домашнему верблюду, у котораго трусость, тупость и апатія составляютъ преобладающія черты характера, дикій его собратъ отличается смѣтливостью, острымъ зрѣніемъ и слухомъ и чрезвычайно развитымъ обоняніемъ. Мѣстные охотники увѣряютъ, что, по вѣтру, верблюдъ можетъ почуять человѣка за нѣсколько верстъ.

Такъ какъ по пути не попалось ни одного дикаго верблюда, то Пржевальскій отправилъ двухъ проводниковъ въ горы, обѣщая за шкуры верблюдовъ по 100 р., цѣну впятеро большую той, которая существуетъ въ этихъ мѣстахъ.

Охотники вернулись съ трофеями. Они убили двухъ взрослыхъ верблюдовъ и одного дѣтеныша.

Въ первыхъ числахъ февраля экспедиція прибыла на Лобъ-норъ.

Относительно положенія Лобъ-нора между учеными географами существуетъ разногласіе. На старыхъ картахъ, это озеро обозначено западнѣе и вода въ немъ названа соленою. На этомъ пунктѣ особенно сильно настаиваетъ предсѣдатель берлинскаго географическаго общества Рихтгофенъ. Пржевальскій отрицаетъ справедливость этихъ словъ и утверждаетъ, что другого Лобъ-нора не существуетъ. Всего вѣроятнѣе, что въ прежнія времена озеро находилось именно тамъ, гдѣ оно показано на картахъ, но впослѣдствіи, Таримъ перемѣнилъ русло; прежнее русло высохло, а вслѣдъ за нимъ изсякло и озеро. По мнѣнію Пржевальскаго нынѣшній Лобъ-норъ есть ничто иное, какъ разливъ Тарима и скорѣй походитъ на тростниковое болото, чѣмъ на озеро. Только на южномъ берегу виднѣется узкая, чистая полоса воды и кое-гдѣ, между тростниками блестятъ какъ звѣзды чистыя водныя площадки. Берега озера солончаковые, лишенные всякой растительности.

Пользуясь ослабленіемъ надзора со стороны Заманъ-бека, Пржевальскій объѣздилъ на лодкѣ все озеро и посѣтилъ мѣстныя деревни.

«Живущіе здѣсь Кара-курчинцы», пишетъ онъ, «представляютъ такой же смѣшанный типъ какъ и обитатели Тарима. Ихъ жилища построены на болотѣ и зачастую можно видѣть, какъ дикіе гуси и утки полощутся у самого жилья, а въ одномъ мѣстѣ, между постройками, преспокойно рылся въ болотѣ старый кабанъ. Жилища выстроены изъ тростника, который, по угламъ, для большей устойчивости, связанъ въ снопы. На полу тоже настланъ тростникъ, а подъ нимъ болото и даже ледъ.

Вообще тростникъ оказываетъ неоцѣненныя услуги туземцамъ: онъ даетъ топливо, матеріалъ для построекъ; молодые побѣги употребляются въ пищу, а метелки идутъ на постели. Изъ этихъ же метелокъ вываривaютъ тягучую сладковатую массу, употребляемую какъ сахаръ.

Кара-курчинцы питаются почти исключительно рыбою. Ни хлѣба, ни баранины они не ѣдятъ, за неимѣніемъ того и другого. Ихъ непривычные желудки не способны даже переваривать мясо. По развитію своему, они ближе подходятъ къ звѣрямъ, чѣмъ къ людямъ.

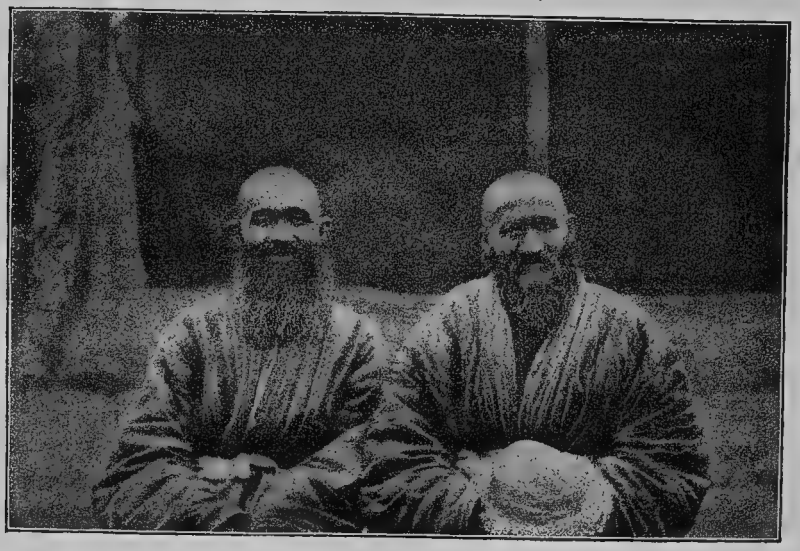
Въ одномъ ловокъ кара-курчинецъ, а именно, въ управленіи своей утлой ладьей. Челнокъ изъ тогрука очень валокъ и Пржевальскій, плавая въ немъ по Тариму, перекувырнулся. Кара-курчинецъ управляетъ имъ стоя и даже въ вѣтеръ и бурю не боится пускаться вплавь. Женщины не менѣе мужчинъ искусны въ управленіи лодками.

Природа для кара-курчинца не мать, а мачиха. Зимою бѣднякъ мерзнетъ въ своемъ сквозномъ жилищѣ, а лѣтомъ—страдаетъ отъ комаровъ и мошекъ, которые во множествѣ появляются здѣсь еще въ мартѣ и свирѣпствуютъ до глубокой осени.

Для охотника здѣсь раздолье. Въ періодъ наиболѣе сильнаго перелета птицъ, ихъ является не сотни, не тысячи, а цѣлые милліоны. На нѣкоторыхъ пунктахъ собираются такія массы утокъ, что между ними не остается ни на дюймъ свободнаго мѣста. Поднимаясь, они производятъ шумъ бури и на лету походятъ на густое облако. Путешественники настрѣливали столько утокъ, что ихъ некуда было дѣвать; каждый членъ экспедиціи съѣдалъ ежедневно по крайней мѣрѣ по три штуки; таковъ бываетъ аппетитъ у путешественника, для котораго при жизни на открытомъ воздухѣ и постоянномъ моціонѣ чужды всякія разстройства желудка равно какъ и безсонница.

Охота начиналась обыкновенно въ полдень, когда птицы, занятыя ѣдою, менѣе пугливы. Оглядѣвшись кругомъ, почти всегда можно было замѣтить нѣсколько стадъ, то на грязи, по берегамъ озеръ, то на льду. Сидя плотною кучею, стадо всегда глухо бормочетъ; на покормкѣ же, слышится издали щелканье клювовъ и шлепанье по грязи. Сообразивъ, къ которому стаду

удобнѣе подкрасться, охотникъ осторожно пробирается между камышами. Выглянетъ украдкой и сердце у него замретъ отъ охотничьей ажитаціи. Впереди, словно жидкая грязь, копошится множество утокъ; только торчатъ головы и бѣлѣютъ шеи въ этой безформенной массѣ. Грянетъ выстрѣлъ, стадо всполошится, вспорхнетъ вверхъ; грянетъ другой — и цѣлый десятокъ, а то и болѣе валится на ледъ или падаетъ на землю. Раненыя отле-



Жители Черчена.

таютъ въ сторону, но за ними не гонятся; ими полакомятся хищныя птицы.

Съ шумомъ бури поднимаются сосѣднія стада, но покруживъ немного, усаживаются часто на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Тѣмъ временемъ, охотникъ подберетъ убитыхъ, спрячетъ въ тростникъ и начинаетъ подкрадываться къ другому стаду.

Казалось бы, что съ прилетомъ такой массы пернатыхъ созданій, озеро должно было бы оживиться; но, странное дѣло! вся

эта куча перелетныхъ птицъ мало придаетъ жизни этимъ мѣстамъ. Ихъ пѣнія почти не слышно, точно они чувствуютъ, что здѣсь для нихъ временная станція и что имъ предстоитъ еще длинный и утомительный путь. Сидя на льду, стадо бормочетъ словно разсуждая о предстоящемъ отлетѣ. Только жаворонокъ пробуетъ заводить звонкую пѣсню, но и тотъ оказывается плохимъ мастеромъ своего дѣла.

Весь Февраль 1877 г. и $^2/_3$ Марта экспедиція пробыла на Лобъ-норѣ, занимаясь научными изслѣдованіями. Уже шестую весну проводилъ Пржевальскій въ Азіи, начиная отъ озера Ханка и до Лобъ-нора включительно.

Окончивъ съемку озера Лобъ-нора и собравъ для коллекцій все, что было можно, Пржевальскій и его спутники возвратились въ г. Корла.

На пятый день послѣ прибытія въ Корла, Пржевальскій былъ принятъ Якубъ-бекомъ, тогдашнимъ владѣтелемъ восточнаго Туркестана. Свиданіе происходило на дворѣ. Якубъ-бекъ былъ очень любезенъ и объявилъ, что онъ много видалъ европейцевъ, но никто ему такъ не нравился, какъ теперешніе его гости.

Дѣйствительность, однакоже, не подтверждала этихъ словъ. Путешественниковъ держали подъ строгимъ надзоромъ, не выпускали изъ отведенной имъ квартиры и не дозволяли никого принимать. Въ отплату на подарки Пржевальскаго, ему дали 10 скверныхъ верблюдовъ и 3 лошади.

Якубъ-бекъ не пользовался любовью своихъ подданныхъ и, зная это, былъ крайне подозрителенъ и всюду видѣлъ враговъ. Ктому же, ему угрожали сосѣди китайцы. По мнѣнію Пржевальскаго это была удобная минута, чтобъ закрѣпить за нами оба Юлдуса съ ихъ превосходными пастбищами.

Изъ Корла экспедиція пошла въ Тянь-Шань и въ горномъ ущельѣ Балгантай-голъ вытерпѣла страшную бурю, отъ кото-

рой пало 10 верблюдовъ. Зато въ Лобъ-норской экспедиціи, считая отъ выхода изъ Кульджи и до возвращенія, издохло 32 верблюда. Для поклажи не хватало вьючныхъ животныхъ; положеніе было критическое. Пришлось побросать и сжечь много вещей изъ такихъ, безъ которыхъ можно было обойтись.

Поднявшись на Юлдусъ, Пржевальскій послалъ гонцовъ въ Кульджу съ просьбою о помощи, а въ ожиданіи ихъ возвращенія развлекался охотою, которая была чрезвычайно удачна. Путешественники ежедневно имѣли свѣжую дичь и въ теченіи мѣсяца съѣли 440 штукъ *) звѣрей и птицъ.

Не смотря на всѣ невзгоды, Пржевальскій считалъ Лобъ-норскую экспедицію вполнѣ удавшеюся. Кромѣ Юлдуса въ Тянь-шанѣ, онъ изслѣдовалъ нижнее теченіе Тарима, озеро Лобъ-нора и лежавшія къ югу отъ него горы Алтынъ-шагъ. Если принять во вниманіе, что всѣ работы производились тайкомъ отъ приставленныхъ Якубъ-бекомъ наблюдателей, то результаты, добытые Пржевальскимъ, получатъ еще большую цѣну.

«Нельзя не сознаться», говоритъ Пржевальскій, «что счастіе вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось бы. Ранѣе, Якубъ-бекъ еще небоявшійся китайцевъ и не заискивавшій у русскихъ не пустилъ бы насъ далѣе Тянь-шаня. Теперь же, при тѣхъ смутахъ, которыя послѣдовали послѣ его смерти, о подобномъ путешествіи нечего и думать».

Вернувшись въ Кульджу въ началѣ Іюля, Пржевальскій занялся писаніемъ отчета и разборомъ своей богатѣйшей коллекціи. Въ ней было 2000 экземпляровъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, 500 птицъ и 25 шкуръ большихъ звѣрей, въ томъ числѣ

*) Изъ письма Пржевальскаго къ Пыльцову 16 Мая 1877 г.

три дикихъ верблюда, которыхъ не было ни въ одномъ изъ музеевъ цѣлаго свѣта.

Отправивши всѣ эти коллекціи, Николай Михайловичъ началъ снаряжаться въ Тибетъ. По совѣту сослуживца генеральнаго штаба, Пѣвцова, путешествовавшаго по Китаю, онъ избралъ путь въ Тибетъ черезъ города Гученъ и Хами, а оттуда въ Цайдамъ, на верховья Голубой рѣки и наконецъ въ Хлассу, завѣтную цѣль стремленій.

Англійскіе журналы сообщали, что остъ-индское правительство организуетъ экспедицію въ Хлассу, съ цѣлію открытія для англо-индійской торговли новаго рынка. Теперь предстояло рѣшить, кто первый проникнетъ въ Хлассу; Пржевальскому очень не хотѣлось уступить пальму первенства англичанамъ и онъ сталъ торопиться въ путь.

Снаряжая свой караванъ Пржевальскій и не подозрѣвалъ, что экспедиція не состоится и что цѣль его стремленій отодвинется на цѣлые два года.

28 Августа караванъ выступилъ изъ Кульджи и 4 Ноября прибылъ въ Гученъ. Мѣстныя власти не пустили путешественниковъ въ городъ и имъ пришлось за городомъ разбить юрту. Китайскіе солдаты вели себя въ высшей степени нахально и стоило только кому нибудь изъ членовъ экспедиціи попасться имъ на глаза, чтобы подвергнуться оскорбительнымъ ругательствамъ.

Трудно себѣ представить что-либо безобразнѣе китайскихъ солдатъ, говоритъ Пржевальскій. Во-первыхъ, они всѣ страшные лѣнтяи и трусы; притомъ, большинство изъ нихъ — курильщики опіума. Послѣдствіемъ этой пагубной привычки является разслабленіе физическое и нравственное. Эти несчастные до того ослабѣваютъ, что не могутъ носить даже оружія, кладутъ его на возы, а сами идутъ съ пустыми руками, какъ на прогулку. По приходѣ на мѣсто ночлега, солдаты тотчасъ же разсыпаются грабить жителей. Одинъ тащитъ курицу, другой — поросенка, тре-

тій—мѣшокъ муки; словомъ—расправляются съ земляками своими точно съ непріятелями. Офицеры не грабятъ, но не брезгаютъ брать награбленное отъ солдатъ. Вооруженіе солдатъ состоитъ изъ фитильныхъ ружей грубой работы. Пулю замѣняетъ камешекъ, облитый свинцомъ. Пыжемъ пуля не забивается и, при наклоненіи ружья внизъ выкатывается, а порохъ высыпается, и потому стрѣлять внизъ изъ такихъ ружей совсѣмъ нельзя. Въ дождь и вѣтеръ тоже стрѣлять нельзя, такъ какъ порохъ, насыпаемый на наружную полку сырѣетъ или сдувается. Порохъ зажигается фитилемъ и приготовленіе къ выстрѣлу занимаетъ много времени. Ружье надо сначала установить на сошки, самому встать на колѣни, вложить тлѣющій фитиль въ курокъ, снять покрышку съ полки, затѣмъ прицѣлиться и стрѣлять. Если же горящаго фитиля нѣтъ, то нужно высѣчь огонь изъ кремня и зажечь трутъ.

Куреніемъ опіума заражены многіе китайцы изъ разныхъ слоевъ общества. Правительство, желая положить предѣлъ гибельному пороку, закономъ запретило сѣять макъ, изъ котораго приготовляется опіумъ. Но Пржевальскому случалось видѣть огромныя поля маку, засѣяннаго среди густыхъ зарослей тростника, чтобы скрыть его отъ глазъ чиновниковъ. Послѣдніе, по большей части, плохіе исполнители закона и за взятки терпятъ всякія злоупотребленія.

Еще до прихода въ Кульджу, у Пржевальскаго появилась несносная болѣзнь, зудъ во всемъ тѣлѣ, происходившій отъ невыгодныхъ климатическихъ условій, а также отъ постоянной верховой ѣзды. Въ Кульджѣ болѣзнь почти прошла, а теперь опять возобновилась и съ такою силою, что ни днемъ, ни ночью не давала покою. Такою же болѣзнью заболѣли Эклонъ и два казака.

Несмотря на принятыя мѣры, болѣзнь не ослабѣвала, а напротивъ усиливалась и Пржевальскій долженъ былъ, скрѣпя

сердце, возвратиться въ Зайсанъ (570 в.), чтобы вылечившись и отдохнувъ, отправиться въ Тибетъ уже весною.

Болѣзнь туго уступала леченію; Пржевальскій пробылъ въ Зайсанѣ три мѣсяца и страшно скучалъ. Въ теченіи этого времени онъ получилъ извѣстіе о смерти любимой матери и сильно былъ потрясенъ этимъ горемъ. «Я любилъ свою мать всею душею», писалъ онъ въ дневникѣ. «Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества... Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу...»

Съ половины Марта Пржевальскій сталъ готовиться къ экспедиціи, но телеграммою изъ Петербурга неожиданно получилъ приказаніе отложить ее въ виду обострившихся нашихъ отношеній съ Китаемъ.

Не имѣя ни надобности, ни желанія оставаться въ Зайсанѣ на неопредѣленное время, Пржевальскій просилъ разрѣшенія возвратиться въ Петербургъ и получилъ его.

Въ четвертый разъ, писалъ онъ, я не могу попасть въ Тибетъ. Первый разъ, вернулся съ Голубой рѣки, второй—съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и наконецъ, въ четвертый разъ, экспедиція остановилась въ самомъ началѣ. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и я сознаю, что это самое лучшее при настоящемъ состояніи моего здоровья—все таки мнѣ крайне тяжело и грустно ворочаться назадъ. Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ».

Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки.

Глава I.

23 Мая 1878 г. Пржевальскій былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь его ожидала золотая медаль Парижскаго Географическаго общества, присужденная за прошедшую экспедицію и извѣстіе о присужденіи ему Берлинскимъ Географическимъ Обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Его брошюра о Лобъ-норѣ была встрѣчена весьма сочувственно за границею и переведена на нѣмецкій и англійскій языки. Замѣчательно, что въ то время, когда въ Англіи изданіе уже окупилось и стало давать чистый барышъ, въ Россіи было раскуплено всего 40 экземпляровъ.

Лѣто Пржевальскій провелъ въ деревнѣ, а зиму въ Петербургѣ, гдѣ онъ приводилъ въ порядокъ собранный имъ научный матеріалъ, читалъ лекціи и приготовлялся къ экспедиціи. Наконецъ послѣдовало разрѣшеніе Государя Императора на отпускъ суммъ, назначенныхъ на этотъ разъ весьма щедро и Пржевальскій могъ двинуться въ путь. 20 Января 1879 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Окончательное снаряженіе экспедиціи должно было совершиться въ г. Зайсанѣ, Семипалатинской области. Тамъ же соб-

рались и всѣ члены экспедиціи: Пржевальскій, пріѣхавшіе съ нимъ прапорщики Эклонъ и Роборовскій, три солдата: Егоровъ, Румянцевъ и Урусовъ, пять казаковъ: Иринчиновъ, Телешовъ, Калмыковъ, Гармаевъ, Аносовъ, препараторъ, унтеръ-офицеръ Коломейцевъ, переводчикъ тюркскаго и китайскаго языка Абдулъ-Басидъ-Юсуповъ и киргизъ проводникъ.

Значеніе чортовой дюжины не пугало Пржевальскаго. Онъ выбралъ людей ему подходящихъ и въ надлежащемъ числѣ. Предыдущій опытъ указалъ ему эту норму. Съ меньшимъ числомъ справиться было бы трудно; большее—потребовало бы увеличенія продовольствія и средствъ къ передвиженію, что затруднило бы экспедицію.

Продовольствіе состояло изъ барановъ, которыхъ гнали живьемъ, кирпичнаго чая и дзамбы — поджаренной ячменной муки. Мука эта заваривается чаемъ, съ прибавкою соли, бараньяго сала и замѣняетъ хлѣбъ. Дорогою, по мѣстамъ, покупали гороховый китайскій вермишель-финтяузу, и пшеничную муку, изъ которой дѣлали лепешки. Кромѣ того, взято было 7 пуд. сахару, пудъ прессованныхъ овощей, по ящику коньяку и хересу и два ведра спирту для коллекцій.

Консервовъ не брали, такъ какъ они портятся отъ сильныхъ жаровъ. Не запаслись и фильтрами, убѣдившись на опытѣ, что они безполезны. Самое лучшее питье въ такихъ путешествіяхъ—чай, особенно съ примѣсью клюквенной или лимонной кислоты.

Табаку ни Пржевальскій, ни его спутники не курили, что было чрезвычайно удобно для экспедиціи.

Чтобы не обремѣнять себя посудою, рѣшено было ѣсть изъ одной общей чаши. Въ послѣдствіи, растерялись ложки и пришлось замѣнить ихъ самодѣльными деревянными лопаточками. Одинъ изъ казаковъ назначался поваромъ, помѣсячно, и готовилъ неизмѣнный бараній супъ и жаркое изъ мяса или рыбы, смотря по тому, что случалось. Всѣ вмѣстѣ обѣдали и всѣ вмѣстѣ пили

чай; сахаромъ же лакомились одни офицеры; казакамъ и солдатамъ онъ выдавался только по праздникамъ.

Каждый изъ членовъ экспедиціи былъ вооруженъ берданкою и двумя револьверами. За поясомъ же имѣлся штыкъ и два патронташа съ 20-ю патронами въ каждомъ. Кромѣ того, при багажѣ было семь охотничьихъ ружей.

Много было взято инструментовъ для научныхъ работъ, матеріала для препаровки растеній и птицъ и особой конструкціи банки для пресмыкающихся.

Во время путешествія, офицеры носили лѣтомъ коломянковыя блузы, зимою полушубки. Мундиры же были взяты на случай представленія мѣстнымъ властямъ. Обуви запасено было много, такъ какъ въ дорогѣ она скоро изнашивается.

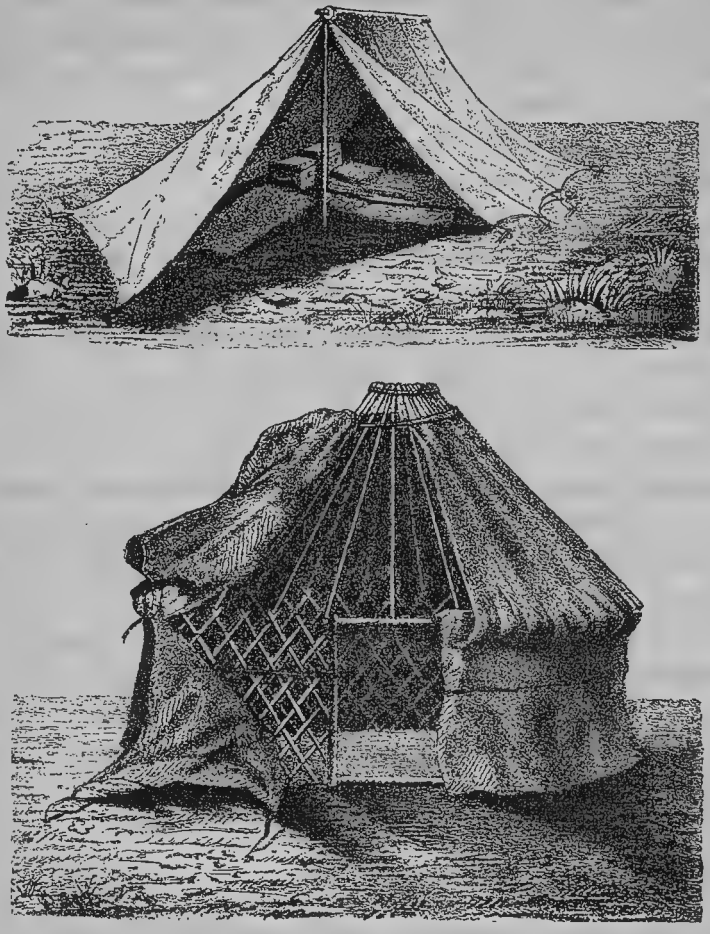
Постелью служили войлоки, а жилищемъ на стоянкахъ двѣ холщевыя палатки и юрта.

Для подарковъ туземцамъ куплены были въ Петербургѣ ружья, револьверы, органчики, часы, зеркальца, маленькія электрическія батареи и множество другихъ вещей.

Багажъ въ двѣсти пудовъ уложенъ былъ частью въ сундуки, частью въ кожанныя сумы. Куплено было 35 превосходныхъ верблюдовъ и 5 верховыхъ лошадей.

Въ продолженіи трехнедѣльной стоянки въ Зайсанѣ, казаки и солдаты усердно упражнялись въ стрѣльбѣ. «Умѣнье хорошо стрѣлять», говоритъ Пржевальскій, «въ глубинѣ азіатскихъ пустынь есть наилучшій изъ всѣхъ паспортовъ. Безъ этого, никогда не могли бы мы проникнуть во внутрь Тибета. Намъ не рѣдко приходилось идти на проломъ, не спрашивая позволенія и не слушая китайскихъ застращиваній и запрещеній. И еслибы наша маленькая экспедиція не уподоблялась ощетинившемуся ежу, способному наколоть лапы и большому звѣрю, то Китайцы нашли бы тысячу случаевъ затормозить нашъ путь и даже, можетъ быть, истребить насъ».

Путь, который начертилъ себѣ Пржевальскій, лежалъ мимо озера Улюнгура черезъ городъ Булунъ-Тохой, вверхъ по рѣкѣ



Походныя жилища Пржевальскаго.

Урунгу, а оттуда прямо на городъ Боркуль и Хами. Этимъ путемъ приходилось идти нѣсколько сотъ верстъ вдоль рѣки, избѣгая въ тоже время слишкомъ густого китайскаго населенія.

Раннимъ утромъ 21 Марта экспедиція выступила изъ Зайсана. Пржевальскій и Эклонъ ѣхали впереди каравана, Роборовскій позади. Тутъ же, подъ присмотромъ казака, двигалась живая провизія — стадо барановъ; наконецъ, волонтерами отправились изъ Зайсана нѣсколько собакъ, изъ которыхъ одна выходила всю экспедицію.

Очень интересной личностью оказался проводникъ, киргизъ Мирзашъ. Это былъ извѣстный баранташъ, т. е. конокрадъ. Такой промыслъ у Киргизовъ вовсе не считается постыднымъ. Напротивъ того, ловкій баранташъ слыветъ удальцемъ, заслуживающимъ прозванія «батырь» (богатырь). Батырь Мирзашъ, въ теченіи своей 53-лѣтней жизни, укралъ болѣе 1000 лошадей. Глубокій шрамъ на его лбу свидѣтельствовалъ, что эти подвиги обходились не всегда благополучно.

Мѣстность между Зайсаномъ и озеромъ Улюнгура довольно рельефно обрисована. На югѣ, высокою стѣною стоитъ хребетъ Сауръ, на сѣверѣ, вдали — видѣнъ Алтай. Между этими хребтами разстилается долина Чернаго Иртыша, изборожденная песчаными буграми, поросшими кустарникомъ.

Южный склонъ Саура безлѣсенъ, сѣверный — покрытъ лѣсами. Особенно богата растительность въ ущельяхъ, орошаемыхъ горными ручьями.

Озеро Улюнгура имѣетъ около 130 верстъ въ окружности. Первый, посѣтившій его европеецъ былъ монахъ Рубриквисъ, посланный въ 1253 г. Лудовикомъ IX къ великому хану монгольскому въ Каракорумъ.

За Улюнгура, путешественники пошли по берегу рѣки Урунги, обильной рыбою. Случалось, что въ одну тоню казаки вытаскивали отъ 5—6 пудовъ головней, что давало возможность имѣть отличную уху.

Берега Урунги довольно густо покрыты лѣсною и кустарною порослью, но звѣрей и птицъ здѣсь мало. Причиною тому бли-

зость пустыни, затрудняющей передвиженіе звѣрей и перелетъ птицъ.

Въ среднемъ теченіи Урунги, незадолго до прибытія экспедиціи, кочевали киргизы, убѣжавшіе изъ Семипалатинской области въ предѣлы Китая. Огромное пространство, верстъ на 100—150 по Урунгѣ, носило слѣды разрушенія. Не только трава была поѣдена и потоптана, даже тальникъ и молодой тростникъ были съѣдены до чиста. Мало того: киргизы обрубили сучья всѣхъ рѣшительно тополей, ростущихъ по берегу рѣки и повалили много деревьевъ, корою которыхъ кормили барановъ.

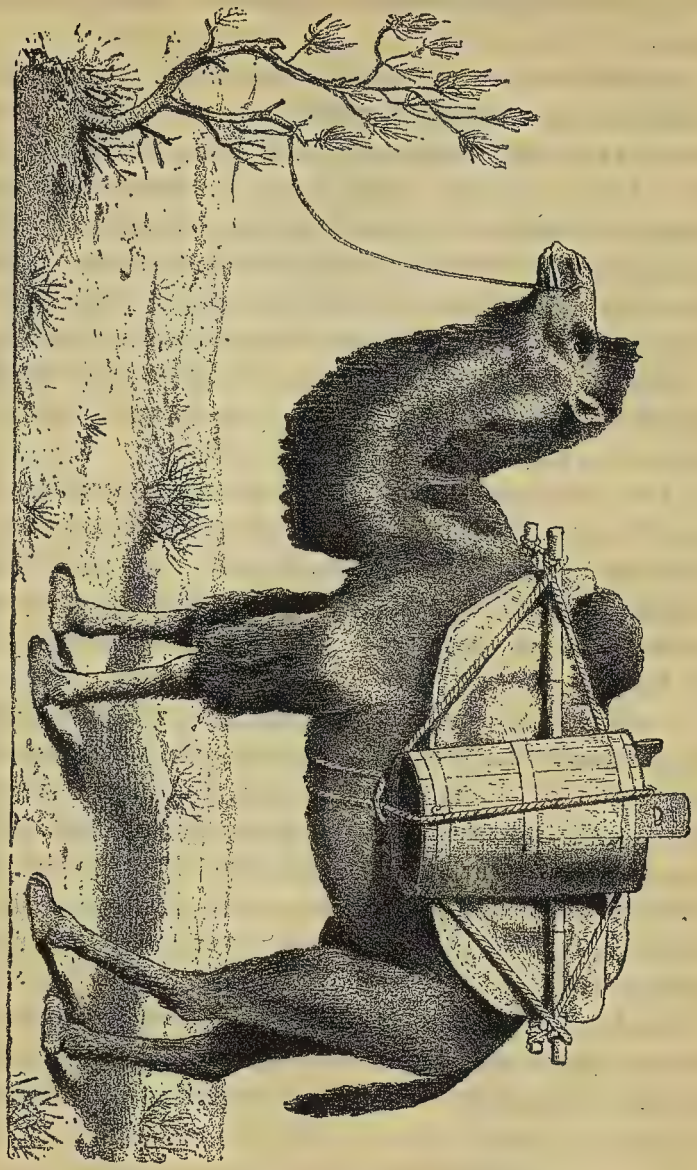
Отъ такой пищи скотъ издыхалъ во множествѣ и дохлыхъ барановъ валялось такъ много, что даже волки не могли ихъ съѣсть. Они портились и заражали воздухъ.

Такъ ознаменовали свой проходъ нѣсколько тысячъ кочевниковъ. Что же было, когда цѣлыя орды номадовъ шли изъ Азіи въ Европу? Когда всѣ эти Готы, Гунны и Вандалы тучами валили на плодородныя поля Галліи и Италіи. Какою карою Божіею должны были они тогда казаться культурнымъ народамъ западной Европы.

24-го Апрѣля экспедиція достигла до р. Булугуна, сдѣлавъ отъ Зайсана 616 верстъ. На всемъ этомъ пути жителей почти нѣтъ; мѣстность — безплодная пустыня. Не смотря на то, что былъ Апрѣль, путешественники терпѣли то отъ жары, то отъ холода. 8 Апрѣля, въ теченіи сутокъ, имъ пришлось испытать 4 времени года: утромъ была чисто весенняя погода, въ полдень— лѣтняя жара, къ вечеру—холодный осенній дождь и наконецъ, ночью — снѣгъ *).

На Булугунѣ путешественники удачно поохотились на кабановъ, въ обиліи державшихся по зарослямъ лозы и тростника. На зарѣ, отправлялись охотники въ обѣтованныя заросли и шли

*) Дубровинъ, стр. 281.



Верблюдъ завьюченный бочонками съ водою.

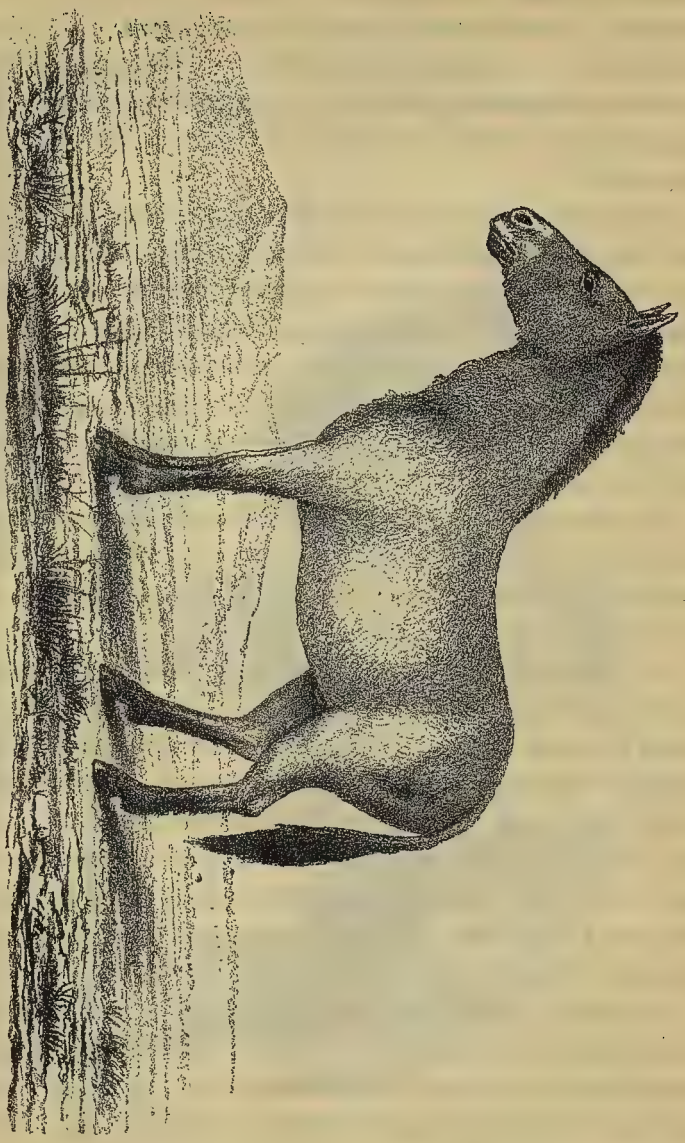
цѣпью, осторожно высматривая кабановъ. Послѣдніе, замѣтивъ опасность, принимались удирать, но въ паникѣ не разбирали направленія и натыкались на охотниковъ. Случалось, что такимъ образомъ наскакивало цѣлое стадо и охотники не знали въ какого звѣря стрѣлять. При такой суматохѣ, разумѣется, много было промаховъ.

Пржевальскій стрѣлялъ изъ штуцера Ланкастера, подаренаго ему офицерами Главнаго Штаба и имѣлъ болѣе удачи, чѣмъ его товарищи, вооруженные берданками. Малокалиберная пуля Бердана малоубойна и простръленный звѣрь уходитъ на дальнія разстоянія. Даже простръленная птица можетъ отлетѣть на нѣсколько сотъ шаговъ. Чтобъ помочь этому горю, охотники выдалбливали пули, наполняли ихъ смѣсью бертолетовой соли съ сѣрою и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ разрывными.

Во время пути по Булугуну нерѣдко встрѣчались войлочныя юрты тургоутовъ, стоящія въ одиночку, или по нѣскольку вмѣстѣ. Главное занятіе этого народа—скотоводство; земледѣліе же существуетъ только какъ исключеніе.

Въ пространствѣ, между Алтаемъ на сѣверѣ и Тянь-шанемъ на югѣ, разстилается обширная пустыня Чжунгарская, соединяющаяся на востокѣ съ Гоби. Въ древнія времена, Гоби была моремъ и Чжунгарская пустыня представляла собою огромный заливъ этого моря. Почва Чжунгарской пустыни лёссъ, особаго рода глина, при орошеніи почти такая же плодородная, какъ нашъ черноземъ. Изъ лёсса въ китаѣ возводятъ много построекъ, такъ какъ эта глина, смоченная, дѣлается весьма липкою, а высыхая, твердѣетъ какъ камень.

Деревьевъ въ Чжунгарской пустынѣ нѣтъ; кой гдѣ, вблизи колодцевъ ростетъ чахлый кустарникъ и трава дырисунъ. Дырисунъ ростетъ отдѣльнымъ кустомъ футовъ въ 5—9 вышины и у основанія своего представляетъ кочковатую массу фут. въ 1—3 въ діаметрѣ. Въ густой заросли дырисуна также легко



Дикая лошадь. (Equus Przewalskii n. sp.).

заблудиться какъ въ лѣсу. Для домашняго скота это растеніе представляетъ превосходный кормъ. Изъ него же дѣлаютъ шляпы и плетутъ циновки, которыми обставляютъ бока жилищъ.

Животное царство Чжунгарской пустыни также бѣдно какъ и растительное. Самое замѣчательное животное здѣсь, это дикая лошадь, экземпляръ которой подъ именемъ лошади Пржевальскаго (equus Przewalskii) находится въ Петербургской Академіи Наукъ. Это животное составляетъ какъ-бы переходъ отъ осла къ лошади, но имѣетъ гораздо болѣе признаковъ послѣдней. Грива у дикой лошади короткая и стоячая, чолки нѣтъ, хвостъ въ видѣ кисти. Цвѣтомъ она чалая, на нижнихъ частяхъ туловища почти бѣлая; ноги толстыя, бѣлыя, но книзу чернѣютъ и у копытъ совсѣмъ черныя. Шерсть довольно длинная и слегка волнистая.

Охота на дикую лошадь, по туземному «кэртагъ» очень затруднительна. Ее приходится отъискивать иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ и наткнувшись на стадо, преслѣдовать его десятки и сотни верстъ. Кэртаги очень чутки и чрезвычайно осторожны.

Переходъ по степи, трудный самъ по себѣ, усложнялся еще тѣмъ, что не было порядочныхъ проводниковъ. Мирзашъ былъ отправленъ домой, а мѣстный проводникъ, тургоутъ, безпрестанно надувалъ путешественниковъ, получивъ, вѣроятно, отъ китайскихъ властей предписаніе поступать такимъ образомъ. Наконецъ, пройдена была пустыня и 18 Мая караванъ вышелъ на обширную равнину и расположился бивуакомъ близъ китайской деревни Сянто-хауза въ 20 вер. отъ г. Баркуля.

Глава II.

Перенесемся мысленно въ центральную азіатскую пустыню и проведемъ сутки около бивуака экспедиціи, чтобы имѣть понятіе о ея образѣ жизни.

Ночь. Караванъ пріютился возлѣ небольшаго ключа въ пустынѣ. Двѣ палатки стоятъ невдалекѣ другъ отъ друга; между ними помѣщается вьючный багажъ, возлѣ котораго, попарно, спятъ казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка барановъ; вѣсколько въ сторонѣ, наарканены верховыя лошади. Утомившись днемъ, все отдыхаетъ. Лишь изрѣдка всхрапнетъ лошадь, тяжело вздохнетъ верблюдъ, или, во снѣ, забормочетъ человѣкъ.

Въ сухой, прозрачной атмосферѣ ярко, словно алмазы, сіяютъ звѣзды. Созвѣздія рѣзко бросаются въ глаза. Млечный путь отливаетъ фосфористымъ свѣтомъ. Тамъ и сямъ промелькнетъ по небу падучая звѣзда и исчезнетъ безслѣдно. А кругомъ — дикая необъятная пустыня; ни одинъ звукъ не нарушаетъ ночной тишины; словно все вымерло.

Но вотъ забрезжила заря на востокѣ. Встаетъ дежурный казакъ и прежде всего вѣшаетъ, въ сторонѣ, на желѣзномъ треножникѣ термометръ для измѣренія температуры на восходѣ солнца; затѣмъ, онъ разводитъ огонь и варитъ чай. Когда чай готовъ, поднимаются остальные казаки и офицеры. Пьютъ чай; казаки плотно закусываютъ дзамбой и начинается сѣдланье лошадей и вьюченье верблюдовъ. Когда всѣ вещи въ палаткахъ убраны, палатки складываются и тоже навьючиваются. Наконецъ все готово; путешественники вскидываютъ ружья, курильщики закуриваютъ трубки у потухающаго костра и усѣвшись, одни на лошадей, другіе на верблюдовъ, всѣ трогаются въ путь.

Когда привалы случались въ мѣстностяхъ населенныхъ, то обыкновенно появлялись туземцы, все распрашивали, разсматривали и страшно надоѣдали своей безцеремонностью. Не рѣдко ихъ угощали, но потомъ казаки заставляли гостей расплачиваться за угощенье, таскать воду, собирать аргалъ *), приго-

*) Сухой пометъ животныхъ для топлива.

нять пущенныхъ пастись верблюдовъ. Казаки почти всѣ знали монгольскій языкъ и свободно объяснялись съ туземцами.

Порою устраивались дневки, во время которыхъ приводились въ порядокъ коллекціи и организовались охоты въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водились звѣри.

Хамійскій таранча.

За Баркулемъ, экспедиція поднялась на Тянь-Шань, за которымъ лежалъ Хамійскій оазисъ.

Хребетъ Тянь-шань имѣетъ величественный характеръ: его гребень и вершины уходятъ въ облака за снѣговую линію, а

боковые скаты круто обрываются въ Хамійскую пустыню. Сѣверный склонъ покрытъ лѣсомъ, южный — безплоденъ.

Спустившись съ Тянь-шаня, Пржевальскій хотѣлъ передневать и обслѣдовать горы, но посланцы отъ хамійскаго амбаня стали упрашивать его поспѣшить и пришлось уступить имъ.

Въ знаменитый въ глубокой древности Хамійскій оазисъ экспедиція пришла въ концѣ Мая, сдѣлавъ отъ Зайсана 1067 верстъ.

Этотъ оазисъ, какъ и прочіе оазисы, образовался благодаря близости горъ. Съ горъ текутъ ручьи и наносятъ плодородную землю. Земля окапывается канавками, въ которые отводятся тѣже ручьи, дающія влагу, необходимую для растительности въ этомъ климатѣ. Безъ орошенія, здѣсь ничего не выростетъ и плодородная почва превратится въ безплодную пустыню. Сплошь и рядомъ можно видѣть, по одной сторонѣ арыка, прекрасныя хлѣбныя поля и фруктовые сады, а по другой, тутъ же рядомъ, оголенную почву, которой и конца не видно.

Оазисъ Хами простирается не больше какъ на 12 — 15 верстъ съ востока на западъ. Здѣсь еще свѣжи слѣды дунганскаго нашествія: деревьевъ почти нѣтъ, всѣ они вырублены. Видно, однакоже, что оазисъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и по всей вѣроятности вернется къ нему. Бѣжавшее населеніе начинаетъ возвращаться; садятся деревья и все, мало по малу, приходитъ въ порядокъ.

Хамійцы, или шаранчи, по религіи мусульмане, а по наружности напоминаютъ нашихъ казанскихъ татаръ. Они носятъ цвѣтной халатъ и особой формы шапку, на подобіе каравая, которую сдвигаютъ на затылокъ. Эта шапка шьется изъ яркаго сукна или бархата и вышивается цвѣтами. На вершинѣ прикрѣплена черная кисть. Такія же шапки носятъ и женщины, а вмѣсто халата надѣваютъ широкій балахонъ, а поверхъ него кофту безъ рукавовъ. Хамійки черноглазы, чернобровы и вообще довольно красивы. Зубы и волосы у нихъ великолѣпны, но къ

сожалѣнію, онѣ, по обычаю китаянокъ, румянятся. Покрывала онѣ не носятъ и вообще пользуются большой свободой, что встрѣчается очень рѣдко у мусульманскихъ народовъ.

Управляются таранчи наслѣдственнымъ княземъ 3-ей степени или ваномъ. Во время посѣщенія Хами экспедиціею, правительницею была вдова умершаго вана, женщина 54 лѣтъ. Китайское правительство ей платитъ жалованье, якобы на румяны, въ размѣрѣ 4000 р. въ годъ на наши деньги.

Собственно городъ Хами, въ военномъ отношеніи, составляетъ съ востока, т. е. со стороны Китая, ключъ ко всему восточному Туркестану и землямъ при Тянь-шаньскимъ. Онъ важенъ и въ торговомъ отношеніи потому, что черезъ этотъ оазисъ направляются товары, слѣдующіе изъ западнаго Китая въ восточный Туркестанъ. Вотъ причина, почему Пржевальскій, желая собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, остановился здѣсь на нѣсколько дней *).

Разбивъ свой бивуакъ въ полутораверстѣ отъ города на небольшой лужайкѣ, по которой протекалъ ручей, путешественники приступили къ устройству запруды, чтобъ имѣть возможность купаться.

Тотчасъ же явились китайскіе офицеры съ привѣтствіемъ отъ командующаго войсками, по туземному, чинъ-цая. Они освѣдомились, привезены ли подарки и сообщили, что чинъ-цай желаетъ, какъ можно скорѣе, увидать начальника экспедиціи. Пржевальскій верхомъ отправился въ городъ и былъ принятъ командующимъ весьма ласково. Чинъ-цай очень интересовался Европой, но вопросы его были до того ребячески наивны, что Пржевальскій не зналъ что и отвѣчать ему.

На другой день, чинъ-цай отдалъ визитъ и пригласилъ Пржевальскаго съ товарищами на обѣдъ въ свою загородную дачу. Приглашены были также китайскіе офицеры высшихъ чиновъ,

*) Дубровинъ, стр. 287.

такъ что собралось всего человѣкъ 30. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанье. Обѣдъ состоялъ изъ 60 блюдъ въ китайскомъ вкусѣ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли тутъ видную роль. Кромѣ того подавались и разныя тонкости китайской кухни: морская капуста, трепанги, ласточкины гнѣзда, плавники акулы и т. п. Обѣдъ начался сластями и окончился варенымъ рисомъ. Каждаго кушанья необходимо было хотя отвѣдать, но и этого было достаточно, чтобы изрядно испортить желудокъ. Вина не пили, по неимѣнію его у китайцевъ и замѣняли его водкой, которую китайцы пили съ удовольствіемъ изъ маленькихъ чашечекъ; при этомъ они играли въ четъ и нечетъ, игру, весьма распространенную въ Китаѣ. Проигравшій долженъ былъ пить. Неумѣнье русскихъ ѣсть палочками и особенно питье за обѣдомъ холодной воды ужасно смѣшили китайцевъ, которыя никогда не пьютъ сырой воды.

На слѣдующій день, чинъ-цай пріѣхалъ къ Пржевальскому, въ сопровожденіи цѣлой толпы офицеровъ. Эта свита держала себя крайне неприлично; увидавъ какую нибудь вещь, офицеры тотчасъ же просили ее продать или подарить. Поданныя для угощенья сласти и сахаръ, офицеры расхватали какъ школьники, пользуясь тѣмъ, что начальникъ, разговаривая съ Пржевальскимъ, ихъ не видитъ.

Не многимъ лучше оказался и самъ чинъ-цай, попросившій показать ему сперва ружье, потомъ револьверъ, потомъ часы. Путешественники, наученные опытомъ, припрятали нѣкоторыя вещи, но на бѣду адъютантъ видѣлъ эти вещи наканунѣ и сообщилъ о нихъ своему начальнику. Пришлось показать, что требовали. Послѣ отъѣзда генерала, Пржевальскій послалъ ему револьверъ, но посланецъ привезъ револьверъ обратно, объявивъ, что чинъ-цай желаетъ имѣть ружье. Зная по опыту, что уступчивость ведетъ къ безконечному попрошайничеству, Пржевальскій послалъ тотъ же ровольверъ съ заявленіемъ, что дареныя

вещи цѣнятся какъ память и что онъ самъ принялъ пару барановъ, вовсе не нуждаясь въ нихъ. На другой день, однакожъ, онъ послалъ этому сановнику несессеръ съ серебрянымъ приборомъ. Китаецъ видимо былъ сконфуженъ и, чтобъ чѣмъ нибудь загладить свой поступокъ, устроилъ второй обѣдъ.

Послѣ обѣда Пржевальскій, по просьбѣ присутствовавшихъ, показалъ имъ стрѣльбу своего отряда. Китайцы были поражены ловкостью стрѣлковъ «Гдѣ намъ воевать съ вами», сказалъ чинъцай, «Ваши 12 солдатъ разобьютъ нашихъ тысячу».—«Да намъ воевать не изъ за чего», отвѣчалъ Пржевальскій.

Восторгъ китайцевъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда Николай Михайловичъ сталъ стрѣлять въ воробьевъ на лету и въ подбрасываемыя куриныя яица. Хоть и жаль ему было даромъ тратить заряды, но онъ зналъ, что искусство въ стрѣльбѣ подниметъ его значеніе въ глазахъ китайцевъ.

Городъ Хами состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: двухъ китайскихъ, стараго и новаго и одного таранчскаго. Между ними расположены поля. Каждый городъ обнесенъ землебитною стѣною съ зубцами и сторожевыми башнями. Только въ таранчскомъ городѣ уцѣлѣли деревья и между прочимъ знаменитая ива Джуга-лунъ, т. е. дерево девяти драконовъ. Отъ корня этой ивы идутъ наклонно 9 дуплистыхъ изогнутыхъ стволовъ, которые, по мнѣнію туземцевъ, очень походятъ на драконовъ. Былъ и десятый стволъ, но его спилили и изъ него будто-бы потекла черная вода, образовавшая у корня дерева цѣлебный источникъ. Прежде, говорятъ, этотъ источникъ излечивалъ отъ всѣхъ болѣзней, нынче же помогаетъ только отъ лихорадки.

Осмотрѣвъ всѣ Хамійскія достопримѣчательности, Пржевальскій сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Этотъ путь лежалъ поперегъ пустыни, имѣющей 120 в. въ поперечникѣ до оазиса Са-чжеу, за которымъ стояли лѣсистыя горы Гань-су; далѣе находился Цайдамъ и сѣверный Тибетъ.

Чтобъ не терпѣть недостатка въ водѣ Пржевальскій велѣлъ завьючить два верблюда водою, количествомъ въ 25 ведеръ. Необходимая провизія пріобрѣтена была за большую цѣну и съ большимъ трудомъ, такъ какъ безъ спеціальнаго разрѣшенія чинъ-цая никто не хотѣлъ ничего продавать. Пришлось обратиться къ помощи мѣстныхъ властей и за ихъ сомнительное содѣйствіе наградить ихъ подарками.

1 Іюня, экспедиція выступила изъ Хами въ сопровожденіи почетнаго конвоя изъ одного офицера и 15 солдатъ. Такое количество очень стѣсняло Пржевальскаго и онъ просилъ офицера убавить это число. Только послѣ настоятельныхъ просьбъ офицеръ согласился оставить при себѣ шесть человѣкъ, а остальныхъ отправить обратно.

Верстахъ въ 40 отъ Хами, началась настоящая пустыня: ни растительности, ни животныхъ, ни даже ящерицъ не было видно. По дорогѣ валялись кости лошадей, муловъ и верблюдовъ. Жара стояла невыносимая; приходилось идти раннимъ утромъ и ночью. Ночные переходы утомительны и неудобны: научныхъ работъ производить нельзя и сильно одолѣваетъ дремота.

Около двухъ недѣль длились эти мученія и очень сильно изнурили путешественниковъ. Зато отъ жары шибко росли волосы на головѣ и бородѣ, а у молодыхъ казаковъ отросли усы.

Передъ выходомъ изъ пустыни, путешественниковъ настигла ужасная буря. Тучи соленой пыли и песку наполняли воздухъ и густою пеленою заслоняли солнце. Атмосфера сдѣлалась сначала желтою, но потомъ стало темно какъ въ сумерки. Между тѣмъ термометръ стоялъ очень высоко. Тѣло покрывалъ сильный потъ; соленая пыль залѣпляла глаза. Такъ продолжалось до самой ночи; подъ утро пошелъ дождь и освѣжилъ воздухъ.

Около половины Іюня, экспедиція пришла въ Са-чжеу, сдѣлавъ отъ Зайсана 1400 верстъ.

Глава III.

Оазисъ Са-Чжеу одинъ изъ лучшихъ въ Центральной Азіи. Онъ лежитъ въ южной окраинѣ Хамійской пустыни у подошвы громаднаго хребта Нань-шань и орошается быстрой рѣчкой, вода которой, отведенная арыками, оплодотворяетъ весь оазисъ. Населеніе — китайцы живутъ въ глиняныхъ фанзахъ подъ тѣнью ивъ и ильмовъ. Здѣсь множество садовъ съ фруктовыми деревьями. Такое обиліе деревьевъ — рѣдкость въ Азіатскихъ поселеніяхъ и ихъ зелень пріятно ласкаетъ глазъ.

Поля разбиты на правильные квадраты, окопаны арыками и обсажены деревьями; почва крайне плодородна. По словамъ туземцевъ, оазисъ Са-Чжеу, послѣ Илійскаго края, самый плодородный въ Центральной Азіи.

Чтобы избавиться отъ назойливости китайцевъ, путешественники расположились бивуакомъ довольно далеко отъ города. Зато посылаемые ежедневно за покупками два казака и переводчикъ испивали до дна чашу нахальнаго любопытства и грубаго обращенія китайцевъ.

Обыкновенно, съ первымъ же шагомъ посланцовъ въ городъ являлись зрители. Иные, завидя чужеземцевъ, забѣгали въ дома и давали знать о необыкновенномъ событіи. Отовсюду сбѣгались любопытные, толкались, давили другъ друга, лишь бы поближе взглянуть на заморскихъ дьяволовъ. Въ нѣсколько минутъ скоплялась громадная толпа, запружавшая улицу и двигавшаяся слѣдомъ за янъ-гуйзами. Мальчишки и даже взрослые забѣгали впередъ, останавливались, пристально смотрѣли, смѣялись и громко передавали свои впечатлѣнія. Но вотъ посланные останавливаются, слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ лавку. Толпа также останавливается. Болѣе назойливые начинаютъ ощупывать платье, обувь, руки, ноги и даже снимать фуражки съ головы.

Буря въ пустынѣ.

При этомъ, общій смѣхъ и различныя остроты. По временамъ, казакъ отмахивается то отъ одного, то отъ другого изъ лѣзущихъ на него китайцевъ — опять смѣхъ и остроты. Между тѣмъ, начинается покупка. Сначала торговецъ, увлеченный общимъ любопытствомъ, только смотритъ, вытаращивъ глаза на чужеземцевъ; потомъ смекаетъ, что отъ янъ-гуйзовъ можно поживиться и запрашиваетъ непомѣрную цѣну. Зрители, набившіеся въ лавку, кричатъ: проси больше; смотри, серебро у янъ-гуйзовъ нехорошее, вѣски малы. Но торговецъ и безъ дружескихъ совѣтовъ не преминетъ обмануть не только чужеземца, но и своего.

Въ Китаѣ нѣтъ ни монеты, ни кредитныхъ билетовъ. Кусочки серебра взвѣшиваютъ на ручныхъ вѣсахъ, вродѣ нашего безмѣна и чужеземца непремѣнно обвѣсятъ на 5 или даже на 10 процентовъ.

Власти Са-Чжеу отказались дать проводника въ Тибетъ, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ путь. Пржевальскій объявилъ, что пойдетъ безъ проводника и сталъ собираться въ путь. Онъ намѣревался идти въ сосѣднія части Нань-шаня и провести тамъ мѣсяцъ или полтора. Тамъ же онъ надѣялся найти проводника; но эти соображенія онъ оставилъ при себѣ, а китайскимъ властямъ сказалъ, что идетъ поохотиться въ горы и вернется обратно.

Китайцы пустили въ ходъ свои обычныя застращиванія, но настойчивость Пржевальскаго превозмогла и ему дали проводника до Нань-шаня.

Раннимъ утромъ 21 Іюня путешественники двинулись въ путь и скоро очутились въ виду исполинскихъ горъ, которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки и къ западу, мимо Лобъ-нора, къ Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны.

Верстахъ въ 12-ти отъ Са-чжеу, путешественники наткнулись на очень интересное мѣсто. Въ ущельѣ, подъ сѣнью ильмо-

выхъ деревьевъ протекалъ ручей, а кругомъ, въ горахъ, виднѣлось множество пещеръ. Пещеры выкопаны людскими руками въ громадномъ обрывѣ и расположены въ два неправильныхъ яруса; ближе къ южному концу прибавленъ 3-й ярусъ. Нижніе ряды сообщаются съ верхними посредствомъ лѣсенокъ. Эти сооруженія тянутся съ версту. Нѣкоторыя пещеры разрушены частью дунганами, частью временемъ и помѣщавшіеся въ нихъ идолы стоятъ наружу.

На южной сторонѣ выстроена кумирня, гдѣ живетъ монахъ, охраняющій эту святыню. Отъ него узнали путешественники, что пещеры сдѣланы очень давно и что онѣ стоили большихъ денегъ. Дѣйствительно, работы тутъ гибель. Каждая пещера внутри оштукатурена, а своды и стѣны покрыты изображеніями божковъ, словно шашками. Мѣстами же нарисованы болѣе крупныя лица боговъ и различныя картины.

Каждая изъ малыхъ пещеръ имѣетъ отъ 4 — 5 сажень въ ширину и сажени 4 въ вышину. Противъ входа, въ углубленіи помѣщенъ, въ сидячемъ положеніи крупный идолъ — самъ Будда; по бокамъ стоятъ по три меньшихъ идола. Лица и позы ихъ не одинаковы.

Большія пещеры вдвое обширнѣе малыхъ; въ нихъ и идолы крупнѣе; иные въ два раза выше человѣческаго роста. Стѣны и потолокъ отдѣланы еще старательнѣе.

Въ особомъ помѣщеніи находятся два самыхъ большихъ идола. Да-фу-янъ имѣетъ 12 сажень вышины и 6 толщины. Длина ступни его 3 сажени, разстояніе между ступнями 6 саженъ. Въ двухъ пещерахъ есть идолы въ лежачемъ положеніи; одинъ изъ нихъ изображаетъ женщину. Идолъ Ши-фу-янъ окруженъ своими дѣтьми въ количествѣ 72 штукъ. Голова этого идола, кисти рукъ, сложенныя на груди и босыя ноги вызолочены; одѣяніе же выкрашено въ красный цвѣтъ. Всѣ идолы сдѣланы изъ глины съ примѣсью тростника.

Передъ входомъ въ главныя пещеры, а иногда внутри нихъ, помѣщены глиняныя изображенія національныхъ героевъ съ

Идолъ Да-фу-янъ.

ужасно звѣрскими лицами. Въ рукахъ у нихъ мечи, змѣи и т. п. устрашающіе предметы. Въ одной пещерѣ есть плита, изрѣзан-

ная какими то письменами, только не китайскими. При нѣкоторыхъ пещерахъ висятъ чугунные колокола, внутри же особые барабаны. Все это употребляется при богослуженіи.

Въ таинственномъ полумракѣ пещеръ, идолы выглядятъ очень внушительно и вѣроятно производятъ сильное впечатлѣніе на воображеніе неразвитого народа.

Проводникъ, данный китайцами, оказался никуда не годнымъ. Сдѣлавъ нѣсколько переходовъ, онъ остановился и объявилъ, что не знаетъ дороги. Это была очевидная ложь, сдѣланная съ цѣлью остановить путешественниковъ и заставить ихъ вернуться. Но расчетъ оказался ошибочнымъ; Пржевальскій прогналъ проводника и рѣшился идти одинъ, на удачу.

За неимѣніемъ проводника, приходилось самимъ отъискивать дорогу и съ мѣстъ стоянокъ посылать разъѣзды. Въ одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, произведенныхъ самимъ Пржевальскимъ въ сопровожденіи унтеръ-офицера Урусова, имъ попались два конныхъ монгола, имѣвшихъ, каждый, по запасной лошади. Испугавшись неожиданной встрѣчи, монголы хотѣли, было, удрать, но путешественники стояли ужъ возлѣ нихъ и ласковымъ словомъ старались ободрить ихъ. Монголы продолжали дрожать и норовили увернуться, но это не удалось имъ. Пржевальскій хотѣлъ волей, или неволей заставить ихъ проводить экспедицію въ Цайдамъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что они знали туда дорогу. Имъ предложили деньги, обѣщали подарки, но видя, что ничего не помогаетъ, пригрозили, что въ случаѣ бѣгства, будутъ стрѣлять по нимъ. Монголы по неволѣ должны были покориться. На бивуакѣ ихъ накормили и они понемногу ободрились. «Гдѣ вашъ начальникъ?» спросили они и крайне удивились узнавъ, что человѣкъ въ парусинной блузѣ, который ихъ велъ, самъ начальникъ и былъ. Увидавъ, что имъ не отвертѣться, они согласились показать дорогу въ Цайдамъ.

Караванъ выступилъ вверхъ по р. Куку-усу, лѣвому при-

току Данъ-хэ и, спустя нѣсколько дней, вышелъ на тропинку, ведущую въ Цайдамъ. Забравшись въ Нань-шань, Пржевальскій счелъ возможнымъ отпустить монголовъ во свояси, щедро наградивъ ихъ.

Открытымъ въ 1876 г. громаднымъ хребтомъ Алтынъ-тага, близъ Лобъ-нора, опредѣлилась неизвѣстная до тѣхъ поръ связь между Куэнь-лунемъ и Нань-шанемъ и выяснилось положеніе сѣв. ограды всего Тибетскаго нагорья.

Нань-шань тянется къ западу отъ верхняго теченія Хуанъ-хэ и состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ кряжей. Хребетъ Нань-шаня дѣлится на нѣсколько поясовъ: альпійскій, орошаемый горными ручьями и богатый альпійской растительностью, каменистый и снѣговой. Какъ въ климатѣ, такъ и въ растительности восточнаго и западнаго Нань-шаня существуетъ поразительная разница. Восточный Нань-шань покрытъ густыми лѣсами, разнообразнѣйшихъ древесныхъ породъ; въ горахъ же Са-чжеускихъ нѣтъ ни одного дерева. Такая же разница и въ животномъ царствѣ, особенно относительно птицъ и рыбъ. Въ рѣчкахъ восточныхъ есть рыба, въ западныхъ—ее совсѣмъ нѣтъ. Вообще, эти двѣ части Нань-шаня такъ различны во всѣхъ отношеніяхъ, что можно подумать будто это горы двухъ различныхъ системъ, удаленныя другъ отъ друга на тысячи верстъ.

Путешественники расположились бивуакомъ на прелестной лужайкѣ, орошаемой ручьемъ, названнымъ Пржевальскимъ «ключемъ благодатнымъ». Травы и тѣни здѣсь было вдоволь. Такіе уголки въ Центральной Азіи рѣдкость и потому производятъ особенно пріятное впечатлѣніе. Путешественники рѣшили отдохнуть здѣсь подольше, а тѣмъ временемъ послали переводчика и двухъ казаковъ въ Са-чжеу взять оставленныя вещи и запастись продовольствіемъ на 4 мѣсяца, т. е. на все время пути черезъ г. Тибетъ. Чтобы китайцы не вздумали мѣшать осуществленію этого плана, посланцамъ приказано было сказать

что экспедиція вернется въ Са-чжеу. Для большей убѣдительности заказано было на 5 ланъ дзамбы и деньги заплочены впередъ.

Пребываніе экспедиціи въ горахъ Нань-шаня чуть было не ознаменовалось печальнымъ событіемъ. Потерялся унтеръ-офицеръ Егоровъ, отправившійся на охоту за дикимъ якомъ. Пять дней его искали верстъ на полтораста въ окружности, но Егорова не было и слѣдовъ. Особенно безпокоило его товарищей то обстоятельство, что онъ ушелъ въ одной рубашкѣ, а въ альпійской области ночные морозы были довольно сильны. Всѣ члены экспедиціи сжились какъ одна семья и гибель Егорова, казавшаяся несомнѣнною, тяжелымъ камнемъ легка на сердце каждаго изъ нихъ.

Оставаться дольше не было цѣли и экспедиція двинулась въ дальнѣйшій путь. Всѣ ѣхали молча, точно на похоронахъ. Вдругъ казакъ Иринчиновъ, обладавшій острымъ зрѣніемъ, остановился и началъ всматриваться вдаль. Съ противоположной крутизны ползло что то, не то звѣрь, не то человѣкъ. Оказалось, что это и былъ, считавшійся уже въ мертвыхъ, Егоровъ. Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему на встрѣчу и черезъ полчаса Егорова обнимали товарищи и плакали отъ радости.

Несчастный Егоровъ едва держался на ногахъ. Взглядъ у него былъ дикій, волосы всклокочены, лице исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и ротъ распухли и покрылись болячками. Въ ужасномъ видѣ былъ и костюмъ: одна рубашка прикрывала его тѣло: фуражки и панталонъ не имѣлось; ноги обернуты были въ грязныя тряпки.

Тотчасъ дали Егорову немного водки для возбужденія силъ, одѣли, обули въ валенки, посадили на верблюда и повезли до мѣста, удобнаго для бивуака. Здѣсь его накормили, обмыли израненныя ноги, обложивъ ихъ корпіею съ арникой, дали 5 гранъ хины и уложили спать. Отдохнувъ, Егоровъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ слѣдующее. Преслѣдуя дикаго яка, онъ незамѣтно

заблудился. Между тѣмъ наступила холодная, вѣтряная ночь. Всю ее на пролетъ проплуталъ Егоровъ и на разсвѣтѣ очутился на равнинѣ, вдали отъ горъ. Видя, что зашелъ не туда, Егоровъ повернулъ назадъ и трое сутокъ колесилъ кругомъ да около безъ всякой пищи, кромѣ кислыхъ листьевъ ревеню, которые онъ сосалъ, чтобы освѣжить пересохшую гортань. Плохая самодѣльная обувь истрепалась и Егоровъ разорвалъ панталоны, чтобы обернуть ими ноги. Тряпки, конечно плохо защищали ноги отъ острыхъ камней и скоро пятки несчастнаго покрылись ранами. Застрѣливъ зайца, Егоровъ шкурою его обернулъ ноги, но это мало помогало; ноги сильно болѣли, въ особенности послѣ сна. Проснувшись, Егоровъ нѣкоторое время не могъ ступить на ноги и долженъ былъ ползти на четверенькахъ. Къ ночи, Егоровъ старался забраться подъ выступъ скалы и разводилъ огонь, употребляя куски фуражки вмѣсто трута. Но поддерживать огонь всю ночь было невозможно: одолѣвали усталость и дремота. Вотъ тутъ то и начиналось мученье: ноги болѣли невыносимо, а морозъ пронизывалъ до костей. Чтобъ не замерзнуть совершенно, Егоровъ набивалъ себѣ за пазуху и за спину сухого помета яковъ и свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ. Пропотѣвшая днемъ рубаха примерзала къ помету, но по крайней мѣрѣ не касалась своею ледяной корою голаго тѣла. Послѣ шестой ночи, проведенной такимъ образомъ, Егоровъ страшно ослабѣлъ. Собравъ послѣднія силы онъ потащился отъискивать ключъ, чтобъ вымыть въ немъ рубаху и въ чистомъ бѣльѣ умереть. Но судьбѣ угодно было иначе. Онъ случайно встрѣтилъ экспедицію и былъ спасенъ.

Глава IV.

Цайдамомъ называется страна, лежащая на передовомъ, сѣверномъ уступѣ Тибетскаго нагорья, къ западу отъ озера

Куку-норъ. За исключеніемъ небольшого числа тангутовъ, обитающихъ въ восточномъ Цайдамѣ, населеніе этой страны составляютъ монголы изъ племени олютовъ. Иногда попадаются китайскія физіономіи. Относительно характера и нравственныхъ качествъ цайдамскихъ монголовъ мало можно сказать хорошаго. Лѣнивые и апатичные, какъ всѣ ихъ собраты, они, сверхъ того, плуты и обманщики, въ особенности тѣ, которые находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ китайцами. Одѣваются цайдамскіе

Монголки Цайдама.

монголы какъ мущины, такъ и женщины, въ халаты изъ самодѣльнаго войлока, зимою въ овчинные панталоны и шубы, которыя, обыкновенно съ праваго плеча спускаются. Впрочемъ въ присутствіи старшихъ такая вольность не практикуется.

Главное занятіе населенія—скотоводство; разводятъ барановъ, лошадей, рогатый скотъ, также верблюдовъ и яковъ. Лѣтомъ, стада угоняются въ горы, гдѣ нѣтъ ни комаровъ, ни

оводовъ, осенью перегоняются на равнины, въ болотистые луга, гдѣ откармливаются выросшею за лѣто травою. Кой гдѣ монголы занимаются земледѣліемъ, но въ весьма ограниченномъ размѣрѣ.

Цайдамцы не мало страдаютъ отъ частыхъ набѣговъ харатангутовъ и голыковъ съ верховьевъ Желтой рѣки. Эти разбойники, по туземному, оронгыны, отнимаютъ у монголовъ скотъ, хлѣбъ и разное имущество. Для защиты отъ разбойниковъ цайдамцы построили во многихъ мѣстахъ загороди, обнесенныя глиняными стѣнами. Въ эти загороди, которыя носятъ громкое названіе хырмы, т. е. крѣпости, складываются лишніе пожитки и хлѣбъ, а при нападеніи оронгынъ, если ихъ успѣютъ во время замѣтить, загоняется и скотъ. Въ каждой хырмѣ живутъ, поочередно, человѣкъ 20—30 монголовъ, вооруженныхъ саблями, пиками и изрѣдка фитильными ружьями. Въ такія хырмы оронгыны не проникаютъ.

Конечно не всѣ обитатели округа могутъ воспользоваться защитою хырмы. Живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ зарываютъ лишніе запасы въ землю, а скотъ загоняютъ въ заросли. Но у оронгынъ волчье чутье; они отлично умѣютъ розыскивать спрятанное, въ особенности скотъ, который и угоняютъ во свояси.

Слово «оронгынъ» сдѣлалось у цайдамцевъ браннымъ словомъ. «Хоть бы оронгынъ тебя укралъ» говорятъ упрямой лошади. Напавъ на дурную мѣстность, говорятъ, что тутъ бы жить только оронгынамъ. Дѣтей пугаютъ тоже оронгынами.

Сыртынскіе монголы (Сыртынъ — равнина въ сѣвер. Цайдамѣ) приняли путешественниковъ довольно радушно, принесли молока, продали барана и масла и согласились дать проводника, но не прямо въ Тибетъ, какъ желалъ того Пржевальскій, а окружнымъ путемъ черезъ стойбище Курлыкскаго князя, которому они были подвластны. Очень вѣроятно, что сыртынцы, безъ разрѣшенія своего владыки, не смѣли проводить путешественниковъ

въ страну Далай-ламы, а можетъ быть, съ другой стороны, они желали подслужиться своему князю, показавъ ему новыхъ людей, да еще такихъ, отъ которыхъ можно поживиться.

13 Августа явился проводникъ, по имени Танъ-то, весьма приличной наружности, даже франтъ. Вопреки своимъ собратьямъ, онъ каждый день умывался, чистилъ зубы и носилъ опрятную одежду. Впослѣдствіи, Пржевальскій въ числѣ подарковъ, сдѣланныхъ Танъ-то, включилъ и туалетныя принадлежности, зеркало, мыло, ножницы и т. п.

Проходя по равнинѣ, путешественники снова увидѣли миражъ, столь обыкновенный въ пустыняхъ Монголіи. Передъ ними волновалось озеро, въ которомъ отражались сосѣднія скалы. Передняя рамка берега обозначалась рѣзко, но вдали призрачная вода сливалась съ горизонтомъ. Если миражъ появляется недалеко, то ближайшіе предметы кажутся висящими на воздухѣ. Съ перемѣною положенія каравана, измѣняется положеніе и очертаніе обманчиваго озера; оно, то убѣгаетъ, то появляется вновь сзади, или съ боковъ, то наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Миражи чаще всего бываютъ весною и осенью; рѣже лѣтомъ и еще рѣже — зимою.

Пройдя отъ Сыртына 305 верстъ, путешественники добрались 25 Августа до озера Курлыкъ-норъ, на восточной сторонѣ котораго находится мѣстопребываніе князя. Здѣсь они увидали, принадлежащія князю, обширныя поля, засѣянныя злаками, преимущественно ячменемъ. Путешественники попали въ самый разгаръ жатвы. Мужчины и женщины срѣзали хлѣбъ серпомъ безъ зазубринъ, тутъ же молотили его и складывали въ ямы, утрамбовывая ихъ такъ, что развѣ одинъ хозяинъ могъ узнать мѣсто, гдѣ находится зерно.

Окрестности Курлыкъ-нора изобилуютъ хармыкомъ, котораго нѣтъ ни въ Тибетѣ, ни по Тариму, ни на Лобъ-норѣ. Этотъ кустарникъ, изъ породы крушиновыхъ, даетъ сладко-соленую

ягоду краснаго, вишневаго, чернаго, розоваго и палеваго цвѣта. Эти ягоды монголы сушатъ и въ вареномъ видѣ прибавляютъ къ дзамбѣ. Хармыкъ любятъ также животныя и птицы. Медвѣди ежегодно осенью спускаются съ Тибета и въ теченіи одного или двухъ мѣсяцевъ откармливаются ягодами хармыка. Другое растеніе Цайдама,—тамарискъ, есть древовидный кустарникъ яркозеленаго цвѣта. Въ Іюнѣ онъ покрывается метелками ярко розовыхъ цвѣтовъ, скученныхъ на вершинѣ кустарника. Издали, эти заросли походятъ на садъ. Тамарискъ доставляетъ хорошее топливо, а его вѣтви охотно ѣдятъ верблюды и эта пища имъ очень полезна, особенно при кашлѣ.

Курлыкъ-бейсе *) не пожелалъ, чтобъ путешественники пріѣхали къ нему и явился самъ. Невдалекѣ отъ бивуака ему поставили юрту, гдѣ онъ переодѣлся въ красное платье съ погремушками и явился въ сопровожденіи свиты, человѣкъ въ десять. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 30, неумытый и грязный. На пальцахъ у него было множество колецъ, но самые пальцы были грязнѣе грязнѣйшаго сапога. Свита князя была подъ стать своему повелителю.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ о благополучіи пути, Пржевальскій завелъ разговоръ о баранахъ, верблюдахъ и проводникахъ, но бейсе на все отвѣчалъ отказомъ. Ему предложили подумать и съ тѣмъ разстались.

Немного погодя, Пржевальскій отправился отдать визитъ князю, который вышелъ къ нему на встрѣчу и ввелъ его въ свою дырявую юрту. Когда они усѣлись на красномъ войлокѣ, имъ подали чай съ дзамбою, а возлѣ князя поставили грязную баранью требушину съ масломъ, которую онъ бралъ пальцами и клалъ въ чай себѣ и приближеннымъ. Предложено было такое угощенье и гостю, но тотъ отказался.

*) Князь.

Пржевальскій возобновилъ переговоры, но и на этотъ разъ они не привели ни къ чему. Зато на другой день, когда явился бейсе, онъ былъ выгнанъ съ угрозою, что если онъ не уступитъ добровольно, то его заставятъ уступить. Пржевальскій по опыту зналъ, что съ азіатами такимъ только путемъ и можно чего нибудь добиться. И дѣйствительно: прогнанные изъ палатки курлыкъ-бейсе и его приближенные, усѣлись въ нѣкоторомъ отдаленіи въ кружокъ, посовѣтовались и объявили, что они согласны исполнить требованія начальника, но что проводника они могутъ дать только до хырмы Дзунъ-засака, у котораго Пржевальскій уже былъ въ 1872 и 1873 годахъ. Скрѣпя сердце пришлось согласиться. На другой день, путешественники купили барановъ, ячменя, при чемъ князь явился въ новой роли торгаша, стараясь обмануть насколько возможно. Когда онъ выбиралъ барановъ и мѣрялъ зерно, казаки хохотали до упаду и безъ церемоніи стыдили его, но онъ ни мало не стѣснялся, а послѣ торжища пригласилъ казаковъ къ себѣ въ юрту, угощалъ ихъ чаемъ и въ тоже время вышрашивалъ у нихъ табакъ. Казаки тоже не стѣснялись. Одинъ изъ нихъ запѣлъ русскую пѣсню, чѣмъ привелъ князя въ такой восторгъ, что онъ самъ подносилъ запѣвалѣ чай и заставлялъ своихъ приближенныхъ раскуривать ему трубку. На прощанье казакъ подарилъ князю горсть табаку, серебряный гривенникъ и случайно найденный въ карманѣ завалявшійся кусочекъ сахару. Разстались полными друзьями.

Не смотря, однакоже, на неожиданно разгорѣвшуюся дружбу съ казакомъ, князь бралъ за все крупныя цѣны, а верблюдовъ и совсѣмъ не пожелалъ продать. Присланный проводникъ оказался идіотомъ и, вѣроятно, нарочно былъ выбранъ такой, который не могъ бы ничего разсказать русскимъ. Такихъ идіотовъ вожаковъ путешественники не разъ получали и въ послѣдствіи.

До хырмы Дзунъ-засака было 120 в. Не смотря на 1 Сентября жаръ былъ довольно сильный, но ночью температура охла-

ждалась и иной разъ шелъ даже снѣгъ. Бывали частые вихри, по высотѣ и причудливости формъ чрезвычайно напоминавшіе Исландскіе гейзеры. Въ дневникѣ Пржевальскаго записанъ на этомъ переходѣ характерный случай. Около полудня, къ нему на руку сѣла большая муха и ни за что не хотѣла улетать, хоть онъ и сгонялъ ее нѣсколько разъ. Онъ плюнулъ на руку. Муха съ жадностью выпила слюну и улетѣла. Видно и насѣкомымъ, подчасъ, жутко приходится въ безводной пустынѣ.

Сдѣлавъ 42-хъ верстный безводный переходъ, экспедиція вышла на р. Булунгира, потомъ на рѣку Баянъ-голъ и достигла хырмы Дзунъ-засака.

Въ трехъ верстахъ отъ хырмы, въ мѣстахъ, уже знакомыхъ, экспедиція разбила свой бивуакъ, разсчитывая пробыть здѣсь 6 дней, чтобы заняться окончательнымъ снаряженіемъ въ Тибетъ. Дзунъ-засакъ принялъ путешественниковъ очень недружелюбно и прямо отказался дать проводника подъ предлогомъ, что его люди не знаютъ дороги. Пржевальскій понималъ, что это чистая ложь, такъ какъ ему было извѣстно, что изъ Тибета въ Хлассу ежегодно ходятъ караваны богомольцевъ и торговцевъ и что мѣстные монголы служатъ имъ проводниками. Не теряя времени на переговоры онъ объявилъ, что если князь не дастъ проводника, то ему самому придется вести экспедицію. Напуганный князь пригласилъ на совѣщаніе сосѣда своего, князька Барунъ-засака и они рѣшили дать проводника, но при этомъ заявили, что Тибетцы получили извѣстіе о томъ, что русскіе хотятъ украсть Далай-ламу и выставили большой отрядъ у подошвы горъ Танъ-ла. Пржевальскій не обратилъ вниманія на это заявленіе и получилъ проводника, которому обѣщано было за услуги 150 р. на наши деньги. Тутъ же ему было объявлено, что если онъ вздумаетъ обманывать и заведетъ куда не слѣдуетъ, его немедленно разстрѣляютъ.

Для облегченія экспедиціи, часть багажа оставлена была въ хырмѣ.

Глава V.

Съ восходомъ солнца 12 Сентября, бивуакъ у хырмы Дзунъ-засака былъ снятъ и караванъ въ 34 верблюда и 5 верховыхъ лошадей двинулся къ Тибету. Обогнувъ хребетъ Бурханъ-Будда, экспедиція близъ урочища Дынсы-обо, поднялась на Тибетское плато. Высокое нагорье, извѣстное подъ именемъ Тибета, представляетъ собою огромную столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря на страшную высоту отъ 13—15000 фут. и окруженную разрѣженнымъ воздухомъ, въ которомъ «мускулы человѣка отказываются служить какъ слѣдуетъ» *).

Такое колоссальное горное плато почти нигдѣ въ мірѣ не встрѣчается. За исключеніемъ немногихъ мѣстностей, эта страна неизслѣдована и совсѣмъ неизвѣстна для науки. Въ общемъ, весь Тибетъ по различію своего топографическаго характера, равно какъ и органической природы можетъ быть раздѣленъ на три, рѣзко между собой разнящіяся части: южную, къ которой относятся высокія долины Инда, Сетледжа и Брамапутры; сѣверную, представляющую сплошное столовидное плато; и восточную—заключающую въ себѣ альпійскую страну, спускающуюся уступами во внутрь Китая.

Тибетскій климатъ подверженъ очень рѣзкимъ перемѣнамъ: лѣтомъ—здѣсь много влаги, въ остальныя времена года—сушь. Зимніе и весенніе морозы при безснѣжіи, частыя бури, скудная почва и наконецъ разрѣженный воздухъ дѣлаютъ сѣвер. Тибетъ неудобнымъ для осѣдлой жизни человѣка. Зато здѣсь такое обиліе звѣрей, что монголы прозвали страну эту «звѣринымъ царствомъ».

«Мы, говоритъ Пржевальскій, вступили словно въ иной міръ, въ которомъ прежде всего поражало обиліе крупныхъ звѣрей

*) дневникъ Пржевальскаго.

почти вовсе не страшившихся человѣка. Невдалекѣ отъ нашего стойбища паслись табуны хулановъ, лежали и въ одиночку расхаживали дикіе яки, въ граціозной позѣ стояли оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькія антилоппы-ады. Не было конца удивленію и восторгу моихъ спутниковъ, впервые увидѣвшихъ такое количество дикихъ животныхъ».

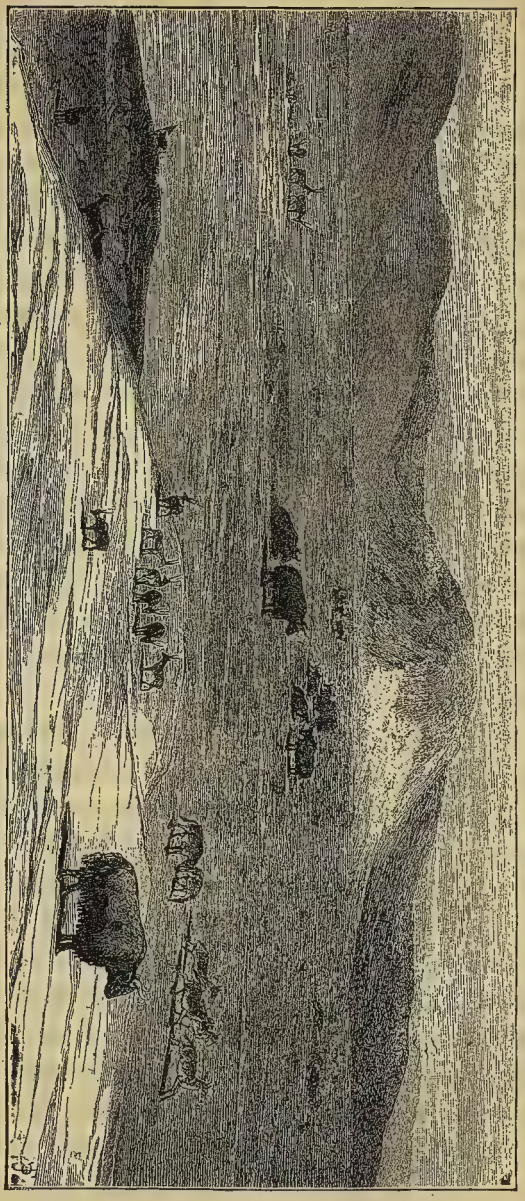
При видѣ этой картины воображеніе невольно переносило путниковъ въ тѣ первобытныя времена, когда животныя всего міра также мало были знакомы съ царемъ природы и съ его разрушительной силой.

Помимо отсутствія людей, привольная жизнь животныхъ обусловливается еще обиліемъ воды. Скудость же подножнаго корма вознаграждается обширностью страны, по которой травоядныя животныя кочуютъ съ одного пастбища на другое.

Перелетныя птицы, не встрѣчая на Тибетѣ лѣсовъ, здѣсь не останавливаются. Журавли однимъ махомъ переносятся черезъ Тибетъ, мелкія пташки облетаютъ нагорье и слѣдуютъ инымъ путемъ. Зато здѣсь огромное количество хищниковъ, выжидающихъ добычи.

Если вѣрить китайскимъ источникамъ, то Тибетъ не совсѣмъ безлюденъ. Внутри сѣвернаго плато кочуютъ небольшія орды номадовъ; а на берегахъ озера Дангра-юмъ-чо есть даже осѣдлое населеніе, воздѣлывающее ячмень на высотѣ 15,200. Китайскія лѣтописи разсказываютъ также о царствѣ амазонокъ, существовавшемъ въ сѣверномъ Тибетѣ въ VI и VII вѣкѣ христіанской эры.

Появился царь природы и мирная жизнь четвероногихъ была нарушена. На другой же день убито было 13 крупныхъ звѣрей. Шкуры взяли въ коллекцію, часть мяса для ѣды, а остальное бросили. Тутъ то начался пиръ волковъ, вороновъ и грифовъ; въ нѣсколько часовъ отъ крупныхъ животныхъ не осталось и слѣда. Въ помощь четвероногимъ и пернатымъ хищ-



Животная жизнь въ сѣв. Тибетѣ.

никамъ явился какой-то монголъ, видавшій подвиги экспедиціи въ предыдущее путешествіе. Онъ сообразилъ, что будетъ побито много звѣрей и что ему удастся поживиться. Монголъ прятался за скалами и, подобно грифу, слѣдилъ за охотой. Лишь только охотники, взявъ шкуры и часть мяса уходили, монголъ вмѣстѣ съ волками и грифами набрасывался на добычу, рѣзалъ мясо, таскалъ его въ ближайшее ущелье и пряталъ подъ большіе камни. Онъ бралъ также бедряныя кости, чтобъ полакомиться мозгомъ. Наѣвшись, онъ ложился отдыхать. Тутъ то и наткнулся на него одинъ изъ казаковъ. Вообразивъ, что это воръ, казакъ притащилъ его дрожащаго и перепуганнаго къ бивуаку, гдѣ разъяснилась вся суть дѣла. Монголъ былъ отпущенъ и могъ уже открыто раздѣлять трапезу волковъ и грифовъ.

При такомъ обиліи звѣрей значительно ослабѣваетъ интересъ охоты. Охотникъ только сначала зарится на добычу, но убивъ десятка два, три, дѣлается совершенно равнодушнымъ. Дикіе яки еще прельщаютъ отчасти тѣмъ, что звѣрь этотъ иногда бросается на охотника; слѣдовательно здѣсь является интересъ борьбы. Что же касается охоты за аркарами и медвѣдями, то она, по трудности своей, всегда интересна. На одной изъ дневокъ Пржевальскій набилъ цѣлую кучу куку-ямановъ, почти не сходя съ мѣста. Вотъ какъ это случилось.

Въ ночь на 26 Сентября выпалъ порядочный снѣжокъ и покрылъ всю мѣстность бѣлою пеленою. Часовъ въ 8 утра Пржевальскій съ тремя товарищами отправился на охоту. Товарищи пошли въ степь за антилопами, Пржевальскій — въ горы, за куку-ямanами. Блескъ снѣга на солнцѣ былъ такъ ослѣпителенъ, что почти невозможно было смотрѣть вдаль. Притомъ скаты горъ сдѣлались отъ снѣга весьма скользкими. Побродивъ немного, Пржевальскій хотѣлъ уже повернуть назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ на вершинѣ одной изъ скалъ куку-ямана. Загорѣлась охотничья страсть. Позабывъ о скользкости скалъ, Пржевальскій

сталъ ползти вверхъ и изъ за выступа скалы выстрѣлилъ въ звѣря. Куку-яманъ кубаремъ полетѣлъ въ ущелье. Взобравшись на крутизну, съ которой видно было ущелье, охотникъ взглянулъ внизъ и обомлѣлъ отъ восторга. Подъ самыми ногами, недалѣе полусотни шаговъ толпилось стадо головъ въ 40. Едва переводя дыханіе, Пржевальскій выстрѣлилъ и убилъ еще одного. Звѣри, не понимая въ чемъ дѣло, сдвинулись плотнѣе. Второй выстрѣлъ уложилъ еще куку-ямана, который также полетѣлъ въ ущелье. Ошеломленное стадо сдѣлало нѣсколько прыжковъ и остановилось. Охотникъ послалъ 3-ю, 4-ю, 5-ю пулю... Послѣ каждаго выстрѣла, куку-яманы, все еще не замѣчая врага, только прыгали на одномъ мѣстѣ. Наконецъ звѣри бросились вдоль скалы, на другой поворотъ ущелья. На вершинѣ, гдѣ стоялъ Пржевальскій, ему стоило только повернуться, не двигаясь съ мѣста. Опять посыпались пули и, наконецъ, обезумѣвшее отъ страха стадо, кинулось въ разсыпную, а счастливый охотникъ отправился къ бивуаку, взялъ четырехъ товарищей и вернулся опять, чтобы снять шкуры съ убитыхъ животныхъ; ихъ оказалось восемь.

Незамѣтно подымаясь вверхъ, экспедиція достигла перевала черезъ хребетъ Шуга, въ 15,200 ф. высоты и затѣмъ спустилась въ долину рѣки того же имени. Эта долина, совершенно безплодная, замѣчательна тѣмъ, что пролегая между двумя высочайшими хребтами, она тянется на протяженіи болѣе ста верстъ въ прямомъ направленіи, словно корридоръ пятиверстной ширины.

Переваливъ черезъ могучее нагорье Чюмъ-чю, путешественники застигнуты были мятелью, снѣгомъ и морозами. Вьючныя животныя не могли найти себѣ корма и верблюды съѣли другъ на другѣ нѣсколько сѣделъ, набитыхъ соломою. Отъискать аргалъ подъ снѣгомъ было очень трудно, тотъ который находился, былъ мокрый и плохо горѣлъ. Приходилось путешественникамъ сидѣть въ дыму, или вовсе безъ огня мерзнуть при 9-ти градус-

номъ морозѣ. Проводникъ отказывался вести далѣе и повторялъ плаксивымъ голосомъ: «Худо впереди будетъ, худо!» Предполагая, что онъ говоритъ такъ, по внушенію Дзунъ-засака, Пржевальскій приказалъ его наказать и повторилъ угрозу о разстрѣляніи. Но на этотъ разъ проводникъ кажется не обманывалъ, а дѣйствительно не зналъ дороги; хоть и проходилъ онъ тутъ лѣтъ 15 тому назадъ.

Между тѣмъ погода разъигрывалась; снѣгъ продолжалъ идти и морозы достигли 23°. Мимо бивуака проходили цѣлые стада звѣрей, направлявшіяся въ южную и теплую долину Муръусу; стало быть они предчувствовали зиму и уходили отъ нея. Проводникъ увѣрялъ, что если экспедиція не вернется въ Цайдамъ, она непремѣнно погибнетъ, но Пржевальскій и его спутники не хотѣли ничего слушать и, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили идти впередъ. Но куда? Сначала, Пржевальскій хотѣлъ было идти по слѣдамъ звѣрей, но послѣ передумалъ и рѣшилъ направиться на юго-западъ къ горамъ Куку-шили, виднѣвшимся впереди каравана.

Двинулись въ путь. Отъ невыносимо блестѣвшаго снѣга у людей и животныхъ разболѣлись глаза. Одинъ баранъ совсѣмъ ослѣпъ и его пришлось зарѣзать безъ особой нужды въ мясѣ. Верблюдамъ промывали глаза крѣпкимъ чаемъ и спринцовали свинцовою примочкою. Казаки завязали себѣ глаза черною тряпкою, офицеры надѣли синіе очки, но они мало помогали; свѣтъ проникалъ съ боковъ. Монголъ повязалъ себѣ лице хвостомъ дикаго яка.

Небольшими переходами, въ три дня добрались путешественники до горъ Куку-шили. Здѣсь появились благопріятные признаки: медвѣди еще не ложились въ зимнюю спячку, ящерицы шмыгали по оттаявшимъ прогалинамъ; попадались даже перелетныя птицы.

Вскорѣ обнаружилось, что проводникъ завелъ экспедицію не

туда, куда слѣдуетъ. Шли по кочковатымъ болотамъ, поднимаясь и опускаясь по крутымъ скатамъ. Верблюды и лошади спотыкались, падали и наконецъ, караванъ уперся въ новыя горы, замыкавшія долину. Преднамѣренно ли проводникъ поступалъ такимъ образомъ, или дѣйствительно заблудился — рѣшить было трудно; во всякомъ случаѣ онъ былъ безполезенъ и Пржевальскій прогналъ его, рѣшившись разъискивать дорогу разъѣздами.

На сотни верстъ вокругъ не было ни одного человѣческаго жилья, ни одной души человѣческой. Только небольшая горсточка русскихъ смѣльчаковъ, сильныхъ волею, съ упованіемъ смотрѣла на будущее и бодро шла впередъ.

Размысливъ хорошенько, Пржевальскій рѣшилъ идти на югъ, на р. Муръ-усу, вверхъ по которой проходила караванная дорога въ Хлассу. Къ общей радости, экспедиціи очень скоро удалось выбраться изъ горъ на равнину, за которою стоялъ хребетъ Думбуре. Посланные въ разъѣздъ казаки привезли извѣстіе, что по направленію къ горамъ Думбуре мѣстность очень удобна для движенія каравана, и экспедиція двинулась туда.

Шли два дня совершенно благополучно, только на небольшой рѣчкѣ случилась задержка; ледъ не держалъ верблюдовъ и пришлось прорубать въ немъ каналъ, стоя по колѣна въ водѣ.

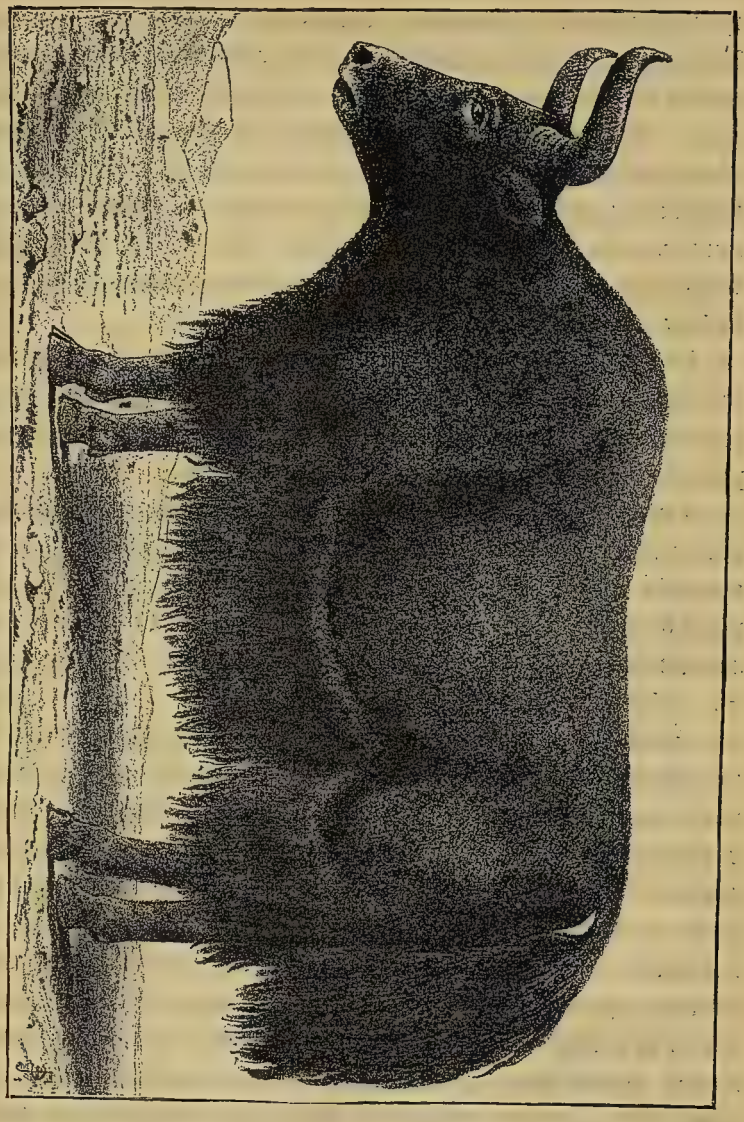
Въ горахъ Думбуре убиты были два великолѣпныхъ медвѣдя, изъ которыхъ одинъ красуется нынѣ въ Петербургской Академіи Наукъ. Сало поступило въ число продовольственныхъ запасовъ и употреблялось съ дзамбою вмѣсто масла. Мяса же добывалось и потреблялось вдоволь, несмотря на увѣренія монголовъ, что на тибетскихъ высотахъ подобная пища вредна. Наоборотъ, при постоянныхъ трудахъ въ пути, она прямо необходима. Оттого монгольскіе богомольцы нерѣдко и умираютъ на пути въ Тибетъ, что, при врожденномъ малосиліи, еще постятся.

Въ горахъ Думбуре, Куку-шили и Цаганъ-обо, также и на промежуточныхъ равнинахъ попадались слѣды караванныхъ бивуаковъ. Найдены были также слѣды человѣка въ видѣ высѣченныхъ на камнѣ надписей и т. п. Сообщенія китайскихъ лѣтописей оправдались. По наведеннымъ справкамъ впослѣдствіи обнаружилось, что въ этихъ мѣстностяхъ нѣкогда кочевало отдѣлившееся отъ тангутовъ племя голыковъ, которыхъ лѣтъ 70 тому назадъ, сильно нобили китайскія войска. Съ тѣхъ поръ, небольшое число семействъ, избѣгшихъ истребленія, бродитъ по Тибету и влачитъ жалкое существованіе.

Переваливъ черезъ главный хребетъ Думбуре и его отроги, экспедиція спустилась въ долину р. Муръ-усу, составляющей верховье знаменитой голубой рѣки (Янъ-цзы-цзяня), оплодотворяющей лучшую половину собственнаго Китая.

Тамъ, гдѣ черезъ Муръ-усу проходитъ караванная дорога, рѣка уже довольно широка; но дальше, она еще шире и послѣ впаденія рѣки Напчитай, ширина ея достигаетъ 108 с. Теченіе рѣки быстрое, вода голубоватая, прозрачная. По берегамъ отличныя пастбища, по которымъ бродятъ огромныя стада звѣрей, въ особенности дикихъ яковъ.

Дикій якъ, извѣстный древнимъ подъ именемъ «поэфагусъ» водится въ Тибетѣ въ большомъ количествѣ. По величинѣ, якъ послѣ верблюда, занимаетъ первое мѣсто, а по красотѣ—значительно превосходитъ его. Шерсть у него черная, подъ брюхомъ длинная, въ видѣ бахромы; на хвостѣ—пушистая кисть. У молодыхъ экземпляровъ тянется вдоль спины серебристая полоса. На покормкѣ, стадо ходитъ въ разсыпную, на отдыхѣ же ложится плотною кучею. Точно также оно сплачивается, замѣтивъ опасность, при чемъ телята становятся внутри, а старѣйшіе экземпляры выдвигаются впередъ и стараются разузнать въ чемъ дѣло. При первомъ выстрѣлѣ, все стадо пускается на уходъ крупной рысью, а иногда и галопомъ. При бѣгѣ, животныя на-



Дикій якъ (Poëphagus mutus, n. sp.)

клоняютъ голову впередъ, хвосты задираютъ кверху и мчатся безъ оглядки. Вообще же якъ лѣнивъ и неповоротливъ, только нужда заставляетъ его передвигаться. Наѣвшись, онъ лежитъ или стоитъ неподвижно, точно истуканъ; даже голова остается въ одномъ и томъ же положеніи по цѣлымъ часамъ; одно пережевываніе жвачки свидѣтельствуетъ въ это время, что звѣрь живъ.

Мѣста пастбищъ и отдыха яковъ, всегда сплошь покрыты пометомъ, который составляетъ единственное топливо въ здѣшнихъ мѣстахъ. Не будь помета дикихъ животныхъ и верблюдовъ, путешествіе по азіатскимъ пустынямъ было бы невозможно.

Въ теченіи двухдневной стоянки на Муръ-усу, путешественники отлично поохотились. Въ этомъ много помогали имъ двѣ собаки, слѣдовавшія за ними изъ Зайсана. Не смотря на свою непородистость, собаки эти такъ напрактиковались для охоты за звѣрями, что умѣли различать выстрѣлъ дробью по птицѣ отъ выстрѣла пулею по звѣрю. Въ первомъ случаѣ, собаки, всегда слѣдовавшія за караваномъ, настораживали уши и продолжали идти спокойно. Но лишь только раздавался отрывистый, словно щелкнувшій орѣхъ выстрѣлъ берданки, собаки въ одно мгновеніе выбѣгали впередъ и неслись за убѣгавшими звѣрями. Раненыхъ антилопъ онѣ ловили очень удачно, но хулановъ не любили, такъ какъ этотъ звѣрь быстръ и поймать его трудно. Сильно усердствовали онѣ въ погонѣ за тяжелымъ якомъ, хватали его за хвостъ, за длинныя лохмы волосъ, или съ лаемъ забѣгали впередъ, стараясь всѣми силами остановить звѣря, что имъ и удавалось. Испуганный и разсвирѣпѣвшій якъ останавливался съ поднятымъ хвостомъ и наклоненными рогами, бросался, то на ту, то на другую изъ собакъ, а тѣ очень ловко увертывались и оставались невредимыми. Тѣмъ временемъ подоспѣвалъ охотникъ и утвердивъ свою винтовку на сошкахъ, начиналъ палить.

Якъ очень выносливъ на рану и свалить его съ ногъ весьма трудно. Охотникъ видитъ, какъ пуля попадаетъ ему въ кожу и

Охота за дикимъ яком'ъ съ собаками.

выбиваетъ изъ нея пыль, но якъ долго остается равнодушнымъ къ посылаемой ему закускѣ. Наконецъ онъ приходитъ въ ярость и бросается на охотника, но такъ нерѣшительно, что охотникъ всегда имѣетъ возможность увернуться. Нѣсколько разъ якъ принимаетъ боевую позу, пока не падаетъ, ослабѣвъ отъ ранъ и потери крови. Собаки накидываются на мертваго звѣря и теребятъ его пока ихъ не отгонятъ.

Однажды, охотясь за яками, Пржевальскій попалъ въ серьозную опасность. Встрѣтивъ стадо яковъ и выстрѣливъ нѣсколько разъ, онъ увидѣлъ какъ одинъ изъ нихъ упалъ и покатился по крутому снѣжному скату горы. Такъ звѣрь катился шаговъ сто, затѣмъ остался лежать неподвижно. Полагая, что онъ мертвъ, Пржевальскій подошелъ къ нему, но звѣрь вскочилъ и побѣжалъ по долинѣ. Махнувъ на него рукой, охотникъ вернулся къ раньше убитому яку, отрѣзалъ ему хвостъ и заткнувъ его за поясъ, отправился съ этими трофеями къ бивуаку, но по пути, встрѣтилъ раненаго яка, который залегъ на равнинѣ. Увидавъ охотника, звѣрь всталъ и сперва шагомъ, а потомъ рысью побѣжалъ прямо на него. Между тѣмъ у Пржевальскаго оставалось только два патрона, которыми онъ и пустилъ въ яка. Звѣрь принялъ угрожающую позу и пробѣжавъ немного, остановился съ задраннымъ хвостомъ и наклоненными рогами прямо противъ охотника. Будь звѣрь поумнѣе, онъ бы безъ всякаго труда могъ уничтожить своего врага. Якъ былъ такъ близко, что Пржевальскій могъ разглядѣть его глаза, раны на груди и капавшую изъ нихъ кровь. Онъ не на шутку испугался; на всякій случай вытащилъ изъ за пояса яковый хвостъ и повернулъ берданку такъ, чтобы, въ случаѣ нападенія звѣря, ударить его по головѣ. Но что могъ сдѣлать подобный ударъ гигантскому черепу, который не пробиваетъ штуцерная пуля! Минуты двѣ враги стояли неподвижно другъ противъ друга, но вотъ якъ поднялъ голову и опустилъ хвостъ. Заключивъ по этимъ признакамъ, что воз-

бужденіе звѣря прошло, Пржевальскій сталъ отступать и, отойдя шаговъ на двѣсти, побѣжалъ, что было мочи, давъ себѣ слово не ходить на звѣриную охоту безъ достаточнаго числа патроновъ.

Монголы страшно боятся дикаго яка и караванъ богомольцевъ, встрѣтивъ въ узкомъ ущельѣ лежащаго звѣря, останавливается и ждетъ, пока онъ уйдетъ. Но такъ какъ животное доставляетъ много мяса (въ среднемъ 25 пуд.), обжорливость монголовъ пересиливаетъ ихъ трусость и они отправляются на охоту за якомъ цѣлыми партіями. Намѣтивъ звѣря, они стрѣляютъ въ него залпомъ и прячутся. Такимъ образомъ повторяютъ по нѣскольку разъ. Звѣрь, пронизанный пулями, наконецъ издыхаетъ. Мясо яка вкусно, но оно грубѣе, чѣмъ мясо быка, или яка домашняго. Кромѣ мяса, монголы берутъ сердце и кровь, которыя они считаютъ лекарствомъ отъ внутреннихъ болѣзней; кожу продаютъ, а изъ длинныхъ волосъ хвоста вьютъ веревки.

Глава VI.

За Муръ-усу экспедиція шла довольно долго по торной караванной дорогѣ, разсчитывая, что такъ пойдетъ и дальше. Но эти надежды не оправдались. Дорогу замело пескомъ и пришлось снова дѣлать разъѣзды. Путь былъ очень труденъ. Отъ разрѣженнаго воздуха чувствовалось головокруженіе, сердцебіеніе и сильный упадокъ силъ. Не легче было и животнымъ: четыре верблюда издохли, издохла и одна лошадь, а остальныя едва волочили ноги. Пришлось четыре вьюка съ звѣриными шкурами спрятать въ одну изъ пещеръ Цаганъ-обо, гдѣ они благополучно и пролежали до возвращенія экспедиціи.

Тибетъ давалъ себя чувствовать негостепріимствомъ своей природы; нерѣдко встрѣчались кости людей и верблюдовъ, а въ одномъ мѣстѣ путешественники наткнулись на трупъ монгола богомольца, вѣроятно пѣшкомъ пробиравшагося въ Хлассу, или

можетъ быть покинутомъ караваномъ по случаю болѣзни. Возлѣ трупа лежали: посохъ, дорожная сума, глиняная чашка и мѣшечекъ съ чаемъ. Пройдетъ немного времени и трупомъ поживятся хищники пустыни, а кости засыплютъ пески и ничто не будетъ напоминать новымъ богомольцамъ о печальной судьбѣ ихъ собрата.

Вообще, лѣтнее путешествіе по Тибету затруднительно, какъ по случаю разлитія большихъ рѣкъ, такъ и по неимѣнію топлива. Аргалъ, смоченный дождями, негоденъ, а другого матеріала не имѣется. По этому всѣ караваны проходятъ здѣсь лишь осенью или зимою, а отъ Марта до Сентября движенія между Сининомъ и Хлассою почти не бываетъ.

Подвигаясь довольно медленно впередъ, караванъ снова напалъ на дорогу и поднялся на возвышенное и покрытое снѣгомъ плато Танъ-ла, окаймленное снѣговымъ хребтомъ того же имени. Вслѣдствіе своего крайне высокаго положенія это плато находится еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ другія, болѣе низкія части Тибета и тѣмъ не менѣе, оно служитъ обиталищемъ человѣка. Здѣсь кочуютъ егран, принадлежащіе вмѣстѣ со своими собратьями голыками къ тангутской породѣ.

Длинные черные косматые волосы, падающіе на плечи, жидкіе усы и бородка, очень смуглая угловатая физіономія, при этомъ — грязная одежда, сабля за поясомъ, фитильное ружье за плечами, пика въ рукахъ и верховой конь — вотъ что прежде всего бросилось въ глаза путешественникамъ. Въ противуположность приниженнымъ монголамъ, егран выглядятъ самоувѣренно, даже нагло, хотя они такіе же трусы, какъ и всѣ азіаты. Живутъ егран въ черныхъ палаткахъ, которыя стоятъ попарно или по нѣскольку вмѣстѣ. Грабежи карамановъ составляютъ спеціальное и весьма выгодное занятіе егранъ. Они караулятъ перевалъ черезъ Танъ-ла и отобравъ у путешественниковъ часть денегъ и вещей, отпускаютъ ихъ по добру по здорову. Если же

Ёграй.

караванъ многочисленъ и хорошо оберегается, егран, или удаляются, или сговариваются съ голыками, приходящими съ Голубой рѣки для совмѣстнаго нападенія. Такъ, въ 1874 г. эти разбойники, въ числѣ 800 человѣкъ, напали на караванъ китайскаго резидента, возвращавшагося изъ Хлассы въ Пекинъ и везшаго, кромѣ разныхъ вещей, 300 пудовъ золота. Не помогъ резиденту и конвой въ 200 солдатъ. Однихъ разбойники убили, другихъ — разогнали, резидента обобрали, а въ наказаніе за сопротивленіе, сломали его носилки и несчастный долженъ былъ продолжать путешествіе верхомъ, не имѣя о верховой ѣздѣ ни малѣйшаго понятія.

Голыки такіе же разбойники какъ и егран, но поле дѣятельности ихъ шире. Въ поискахъ добычи они доходятъ до Цайдама; караваны на ихъ пути попадаются чаще, а потому и пожива для нихъ легче.

Увидавъ путешественниковъ, нѣсколько егравъ подскакали къ нимъ, принявъ ихъ за богомольцевъ. Но по дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, разбойники убѣдились, что это люди совсѣмъ иной породы, да еще такіе, которые ихъ не боятся. Вслѣдствіе этого, они не только не сдѣлали нападенія, но еще очень любезно показали дорогу, за что получили отъ казаковъ нѣсколько щепотокъ табаку.

На слѣдующій день опять встрѣтились егран, но эти, вѣроятно, были предупреждены товарищами, потому что удивленія не выказывали, а напротивъ того, вели себя очень нахально, просили показать имъ ружья и что то между собою бормотали.

На самой вершинѣ перевала стоитъ буддійское «обо» — мѣсто молитвы, кругомъ унизанное веревочками съ прикрѣпленными къ нимъ разноцвѣтными тряпочками. Вѣтеръ колеблетъ тряпочки и въ это время, по мнѣнію туземцевъ, повторяются написанныя на нихъ молитвы. На кучахъ камней валяются головы дикихъ и домашнихъ яковъ. Каждый буддистъ, проѣзжая

здѣсь, считаетъ долгомъ оставить какое нибудь приношеніе: камень, кость, прядь волосъ отъ коня или верблюда. Путешественники положили на «обо» пустую бутылку, которой, впослѣдствіи, тамъ не оказалось.

Достигнувъ перевала на абсолютной высотѣ 16,700 Ф., путешественники сдѣлали залпъ изъ берданокъ и прокричали «ура». Они искренно радовались своему успѣху. Семь слишкомъ мѣсяцевъ они шли отъ Зайсана сюда, боролись со всевозможными невзгодами, одни безъ проводника и все таки попали на настоящій путь, не сдѣлавъ при этомъ крупныхъ отклоненій.

День перевала 7 Ноября 1879 г. ознаменовался весьма крупнымъ событіемъ, а именно — нападеніемъ егpаевъ. Егpаи, однакожъ, не сразу рѣшились напасть на невиданныхъ путешественниковъ, но малочисленность послѣднихъ ободрила ихъ и они приступили къ дѣлу. Семь или восемь человѣкъ верхами слѣдовали за караваномъ, и увидѣвъ, какъ путешественники разбили свой бивуакъ, проѣхали мимо него и исчезли. Немного погодя, пріѣхало къ бивуаку человѣкъ 15, подъ предлогомъ продажи масла. Пока шла торговля, одинъ изъ егpаевъ укралъ у переводчика Абдула складной ножъ. Когда Абдула сталъ требовать свой ножъ обратно, егpай ударилъ его по рукѣ саблей, но просѣкъ только шубу, не поранивъ руки. Другой егpай бросился на Абдулу съ копьемъ, но прапорщикъ Роборовскій успѣлъ схватить это копье и сломать его. Нѣсколько человѣкъ вступили въ рукопашную съ казаками, остальные полѣзли на скалу, чтобы оттуда стрѣлять въ путешественниковъ. Все это сдѣлалось такъ быстро, что путешественники едва успѣли схватить свои винтовки. Пржевальскому не хотѣлось стрѣлять по дикарямъ, но когда на отрядъ посыпались камни, ловко пущенные изъ пращей и просвистѣло нѣсколько пуль, приказано было сдѣлать залпъ, который не замедлилъ произвести желаемое дѣйствіе. Егpаи разбѣжались, потерявъ четырехъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

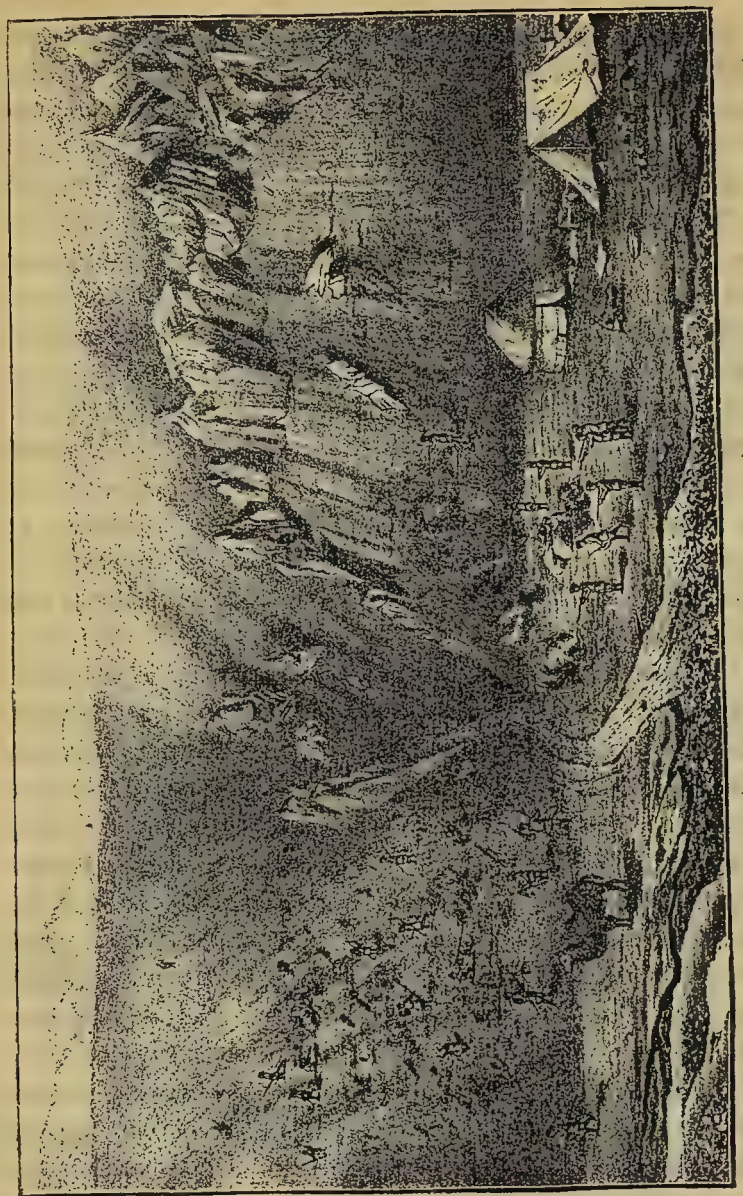
Къ ночи путешественники устроили себѣ родъ укрѣпленія и выставили караульныхъ. Они видѣли какъ егран ѣздили по бли-

Обо.

жайшимъ гребнямъ горъ и слышали ихъ воинственные крики; очевидно готовилось отмщеніе. Незавидно было положеніе путешественниковъ: горсточка европейцевъ въ 12 человѣкъ противъ цѣлой орды дикарей! Грубая физическая сила на сторонѣ послѣднихъ; у европейцевъ — сила нравственная; она то и побѣдила.

На слѣдующій день, лишь только взошло солнце, экспедиція привела себя въ боевую готовность и двинулась въ путь. Впереди лежало ущелье, которое заняли конные егран, а нѣсколько стрѣлковъ усѣлись на скалахъ. Все это отлично было видно въ полевой бинокль. Другая конная партія расположилась на скатѣ горы, противъ только что снятаго бивуака, третья — сгруппировалась сзади, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы напасть на экспедицію съ тыла или отрѣзать ей отступленіе. Послѣднее было совершенно лишнее, такъ какъ сзади, со стороны Цайдама, лежалъ путь въ 700 верстъ и пройти его съ усталыми верблюдами было немыслимо для экспедиціи. Ей оставалось только двигаться впередъ; другого исхода не было.

Лишь только караванъ тронулся, егран, которыхъ было человѣкъ 60 — 70, пришли въ движеніе. Версты двѣ они ѣхали на одной линіи съ караваномъ, все приближаясь. Когда они подвинулись шаговъ на 700, Пржевальскій скомандовалъ: пли! и 12 пуль ударились въ ближайшую кучку егранвъ. Не успѣли они опомниться, какъ прилетѣлъ другой залпъ, а за нимъ третій. Разбойники бросились въ гору въ разсыпную и слѣзли съ коней вѣроятно для того, чтобы ими прикрыться. Тѣмъ временемъ отрядъ прицѣлилъ берданки и пустилъ залпъ въ партію, стоявшую при входѣ въ ущелье. Однако, пули не долетѣли до егранвъ и взрыли песокъ впереди ихъ лошадей. Слѣдующій залпъ былъ удачнѣе и разбойники пустились на уходъ. Надо было воспользоваться благопріятной минутой и спѣшить пройти ущелье; некогда было разсчитывать сколько погибло непріятелей.



Нападеніе Ёгдаевъ.

Посланы были солдаты осмотрѣть гребни, но они никого не нашли. Партія, засѣвшая на скалахъ, не пожелала, вѣроятно, испытать на себѣ силу европейскихъ ружей и убралась по добру по здорову. Пройдя короткое ущелье, путешественники вышли на равнину, гдѣ могли считать себя въ безопасности.

Вскорѣ, по выходѣ изъ ущелья, отрядъ напалъ на цѣлую группу минеральныхъ ключей. Самый сильный изъ нихъ выходитъ изъ подножія скалы, внутри которой слышится постоянный глухой шумъ, клокотанье и мѣрные удары какъ бы молотомъ. Сбоку лежитъ отверзтіе вродѣ трубы, откуда выходитъ удушливый паръ. Ключи здѣсь довольно многочисленны и разнообразны. Одни бьютъ фонтаномъ фута на 3 или на 4 вверхъ, другіе выходятъ маленькими струйками, третьи съ шипѣніемъ вырываются изъ земли, или клокочутъ въ ямѣ, словно въ чашѣ. Прежде, говорятъ, сюда собирались больные и устраивали стойбища, но егран и голыки всѣхъ разогнали и пріѣздъ на минеральныя воды прекратился.

Спустившись съ Танъ-ла и переправившись черезъ рѣку Санъ-чю, путешественники встрѣтили монгола Дадая, стараго знакомаго изъ Цайдама, который сообщилъ имъ, что тибетцы рѣшились не пускать къ себѣ русскихъ. Прошелъ слухъ, что русскіе хотятъ похитить Далай-ламу и этому слуху всѣ повѣрили. По словамъ Дадая, возбужденіе въ Хлассѣ было страшное; и старъ и малъ кричали: не пустимъ русскихъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ и потомъ уже войдутъ въ городъ. Вездѣ выставлены были пикеты, а на границѣ Далай-ламы собрана милиція. Туземцамъ, подъ страхомъ смерти, запрещалось входить въ переговоры съ путешественниками и продавать имъ что бы то ни было. Дадай и сопровождавшіе его ламы состояли при депутаціи изъ китайскихъ чиновниковъ, которымъ поручено было снять допросъ съ путешественниковъ. Эти чиновники, прибывшіе вслѣдъ за конвоемъ, держали себя очень вѣжливо и вошли

въ юрту только по приглашенію. На ихъ разспросы Пржевальскій отвѣчалъ, что цѣль экспедиціи чисто научная, что русскіе никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣютъ и что самъ богдыханъ согласился пустить ихъ въ Тибетъ. При этомъ Пржевальскій показалъ пекинскій паспортъ и прибавилъ, что удерживать его никто не имѣетъ права. Не смотря на всѣ эти объясненія, чиновники объявили, что непремѣнно должны послать гонца въ Хлассу и экспедиціи волей неволей пришлось дожидаться. Этотъ отдыхъ, впрочемъ, былъ не лишній, какъ для людей, такъ и для животныхъ. Экспедиція осталась на мѣстѣ, а чиновники уѣхали въ ближайшую деревню Напчу, чтобы тамъ ожидать отвѣта изъ Хлассы.

Глава VII.

У подошвы горы Бумза, на берегу ручья Ніеръ-Чунгу, экспедиція расположилась бивуакомъ. Въ окрестностяхъ кочевало много тибетцевъ и путешественники могли познакомиться съ ними на сколько позволяло незнаніе мѣстнаго языка. По наружному виду тибетцы походятъ на тангутовъ, но сильно разнятся отъ монголовъ и китайцевъ. Ростъ мущинъ средній, лишь изрѣдка высокій, грудь впалая, сложеніе, вообще, не сильное. Цвѣтъ кожи немного смуглый, лобъ плоскій, носъ прямой, переносица вдавленная, скулы выдающіяся. Глаза большіе, черные прямо прорѣзанные и не глубоко посаженные, уши средней величины, губы толстыя, зубы некрасиво выдаются впередъ; усы и борода растутъ тихо и обыкновенно выдергиваются. Волосы на головѣ черные, длинные, сбитые клочковыми прядями словно хвосты яковъ. Нѣкоторые носятъ косу, которую наставляютъ шелковою плетенкою, украшенною кольцами, бусами, бирюзою, мѣдными и костяными бляхами. Въ лѣвомъ ухѣ вдѣта большая серьга, а на пальцахъ кольца. Ламы брѣютъ всю голову. Опи-

Типы тибетцевъ.

сываемый типъ, впрочемъ, относится къ кочевникамъ сѣвернаго Тибета; въ южной части онъ можетъ быть иной, а въ Хлассѣ, по слухамъ, лица высшаго сословія также красивы, какъ европейцы.

Тибетскія женщины малорослы и некрасивы. Волосы онѣ заплетаютъ во множество мелкихъ косичекъ и разложивъ ихъ по плечамъ, скрѣпляютъ повыше плечъ и на самыхъ концахъ двумя лентами, украшенными, смотря по состоянію, кораллами, бирюзою, монетами. Такая прическа напоминаетъ пелерину, или капюшонъ, спускающійся съ головы. Отъ средины верхней ленты спускается сзади, почти до полу, широкая, иногда тройная лента, тоже изукрашенная. Какъ мущины, такъ и женщины носятъ лѣтомъ халаты, зимою шубы и подвязываютъ ихъ такъ, чтобы спереди образовался мѣшокъ; бѣлья не знаютъ. Обувь шьютъ изъ грубой шерстяной матеріи, украшая ее разноцвѣтными полосками. На головѣ носятъ бараньи или лисьи шапки, иногда же повязки изъ шерстяной матеріи. Часто, даже въ большой морозъ, голова остается непокрытою. За поясомъ, у мущинъ, торчитъ сабля, съ очень плохимъ клинкомъ, но зато снаружи, она зачастую богато отдѣлана; кромѣ того, заткнуты ножъ, трубка и мѣшечекъ съ разными мелочами. За пазуху кладется чашка, кисетъ съ табакомъ и иногда даже носовой платокъ.

Нѣкоторые мущины носятъ на правомъ плечѣ лоскутки, украшенные бирюзою и кораллами. Это полученные отъ ламъ талисманы, предохраняющіе отъ разныхъ болѣзней и бѣдъ.

Живутъ тибетцы въ черныхъ палаткахъ, по срединѣ которыхъ на глиняномъ очагѣ всегда горитъ огонь. Огромные запасы аргала, въ видѣ небольшого валика сложены вдоль внутреннихъ стѣнъ палатки. Сюда, какъ на полку, кладется домашній скарбъ и одежда. Съ наружной стороны устроена загородка для скота, обложенная также стѣнкой изъ аргала. Около десятка и болѣе палатокъ образуютъ стойбище.

Главную пищу кочевниковъ составляетъ баранье и яковое мясо, которое часто ѣдятъ сырымъ. Свѣжему человѣку трудно смотрѣть на эту трапезу безъ отвращенія. Обыкновенно, хозяинъ рѣжетъ мясо и бросаетъ куски присутствующимъ, словно собакамъ. Получившій свою порцію, вынимаетъ ножъ и начинаетъ съ жадностью ѣсть окровавленное мясо. Кромѣ того, тибетцы варятъ иногда похлебку изъ сухихъ толченыхъ костей, считая ее очень полезною для здоровья.

Чай пьютъ съ сушенымъ творогомъ, называемымъ «чурою»; иногда подбавляютъ молока или масла. Любимымъ блюдомъ служитъ «тарыкъ» — кипяченое и скисшееся молоко. Тибетцы, также какъ и всѣ номады, нечистоплотны.

Домашній скотъ номадовъ состоитъ изъ барановъ и яковъ. О коровахъ здѣсь не имѣютъ понятія. Тибетскіе бараны породы совсѣмъ особенной. Они велики ростомъ, дики нравомъ; шерсть у нихъ длинная, бѣлая, голова же, совсѣмъ черная. Бараны эти служатъ также вьючными животными и съ кладью въ 25 фунтовъ проходятъ тысячи верстъ. Тибетскія лошади не велики, но очень выносливы и не разборчивы на пищу. Онѣ довольствуются самымъ скуднымъ кормомъ, ѣдятъ чуру и сырое мясо. Вообще, скотоводство у тибетцевъ процвѣтаетъ и на это есть три причины: обиліе соли въ почвѣ, отсутствіе лѣтнихъ кусающихъ насѣкомыхъ и просторъ выгоновъ, по которымъ скотъ гуляетъ круглый годъ, не зная зимней неволи нашихъ странъ.

По религіи, тибетцы буддисты. Они очень усердны въ исполненіи обрядовъ; всегда и всюду бормочутъ молитвы, смысла которыхъ непонимаютъ и зачастую вертятъ въ рукѣ маленькій цилиндръ съ написанными на немъ молитвами. Вліяніе ламъ на народъ безгранично.

Нравственный уровень тибетцевъ очень низокъ: они негостепріимны, корыстолюбивы и лживы. «Душа у нихъ черна какъ сажа», говорятъ о нихъ монголы. Они любопытны и словоохот-

ливы; льстивы съ высшими, заносчивы съ низшими; они энергичнѣе монголовъ, но такіе же трусы какъ и послѣдніе.

При встрѣчѣ и прощаньѣ другъ съ другомъ, младшій снимаетъ шапку и наклоняетъ немного голову, высовывая при этомъ языкъ. Въ знакъ удивленія, они дергаютъ себя за щеку; въ разговорѣ, дѣлаютъ условныя движенія пальцами: большой палецъ означаетъ одобреніе вещи, о которой говорятъ, мизинецъ —на оборотъ. Всѣ мущины, нерѣдко и женщины курятъ табакъ, но водки не пьютъ. При посѣщеніи другъ друга, оставляютъ, на подобіе нашихъ визитныхъ карточекъ, лоскутки матеріи. Качество и величина лоскутка зависятъ отъ состоянія владѣльца и степени знакомства. Каждый тибетецъ имѣетъ для ѣды особую чашку; принимать пищу изъ чужой посуды, особенно отъ иностранца, почитается большимъ грѣхомъ.

Когда умираетъ тибетецъ, ламы, какъ древніе египетскіе жрецы творятъ надъ нимъ судъ и рѣшаютъ какъ онъ долженъ быть погребенъ: сожженъ ли, брошенъ ли въ рѣку, закопанъ ли въ землю или отданъ на съѣденіе звѣрямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, покойника отвозятъ въ степь и здѣсь, во время чтенія молитвъ, рѣжутъ на куски и бросаютъ грифамъ. Память умершихъ свято почитается.

18 сутокъ пришлось простоять экспедиціи близъ горы Бумза въ ожиданіи отвѣта изъ Хлассы. Ближайшія окрестности были всѣ изслѣдованы и отъ бездѣйствія путешественники страшно скучали. За неимѣніемъ звѣрей, единственнымъ развлеченіемъ была охота за ягнятниками. Птица эта, никогда не преслѣдуемая человѣкомъ, напротивъ того, получающая постоянно подачку въ видѣ мертвыхъ тѣлъ, до того неосторожна, что подлетаетъ къ самому жилью. «Странно было видѣть», пишетъ Пржевальскій, «какъ эта громадная птица, имѣющая больше 10 футовъ въ размахѣ крыльевъ, пролетала почти надъ нашими головами и тутъ же садилась на землю. Стрѣлять дробью въ такую махину

казалось какъ-то стыдно и ягнятника убивали пулею изъ берданки. Снѣжные грифы вели себя осторожнѣе и ихъ убить было трудно. Попробовали отравить ихъ, посыпавъ внутренности убитаго барана синеродистымъ кали. Грифы тотчасъ замѣтили приманку, но сразу же заподозрили что-то недоброе. Часа два или три кружились птицы надъ соблазнительною ѣдою, садились возлѣ нея на землю, опять поднимались, но всетаки не трогали. Тѣмъ временемъ успѣли уже отравиться два ягнятника и это обстоятельство еще болѣе усилило подозрительность снѣжныхъ грифовъ; цѣлая стая кружилась надъ приманкою, красиво пестрѣя на голубомъ фонѣ неба. Вдругъ одинъ, быть можетъ еще неопытный, или наиболѣе жадный, стремглавъ спустился къ приманкѣ и началъ ѣсть. За нимъ бросилась цѣлая стая; но не успѣли они коснуться земли, какъ снова поднялись и полетѣли прочь. Оказалось, что шесть грифовъ уже отравились и упали мертвыми, что испугало остальныхъ.

Тибетцы, кочевавшіе въ окрестностяхъ бивуака, сначала сильно чуждались путешественниковъ; но увидавъ, что они ничего дурного не дѣлаютъ, по немногу свыклись и стали приносить на продажу масло и чуру, запрашивая за все непомѣрную цѣну. Вмѣстѣ съ мущинами приходили и женщины, которыхъ влекло главнымъ образомъ любопытство. Когда же путешественникамъ случалось заходить въ палатки туземцевъ, они ихъ поспѣшно выпроваживали и никогда ничѣмъ не угощали.

О проходѣ экспедиціи черезъ сѣверный Тибетъ безъ проводника и о побѣдѣ надъ егряями всѣ уже знали и передавали эти событія съ прикрасами. Увѣряли, что европейцы трехглазые, чему поводомъ послужили кокарды на фуражкахъ, что ихъ ружья убиваютъ на разстояніи необычайномъ и стрѣляютъ сколько угодно разъ; сами же владѣльцы ихъ неуязвимы; что они все знаютъ наперед, и настолько сильны въ волшебствѣ, что даже

серебро ихъ есть ничто иное какъ заколдованное желѣзо, которое со временемъ приметъ свой настоящій видъ.

Изъ отряда, выставленнаго на границѣ владѣній Далай-ламы, пятеро солдатъ поперемѣнно находились при экспедиціи, якобы для охраны, въ сущности же для того, чтобы наблюдать. Они сообщили, что дѣйствительно въ Напчу собранъ цѣлый отрядъ и что солдатамъ, подъ страхомъ смертной казни, приказано драться съ европейцами. «Но что мы сдѣлаемъ, противъ вашихъ ружей и вашей смѣлости, жалобно говорили они. При первомъ вашемъ выстрѣлѣ мы побѣжимъ, а тамъ пусть будетъ что будетъ. Да и начальники наши трусятъ не меньше насъ; они постоянно молятъ Бога, чтобъ бѣда миновала».

Тибетскій солдатъ.

Позднѣе, путешественники узнали, что въ столицѣ Далай-ламы прибѣгали даже къ различнымъ гаданіямъ и шаманству въ особой кумирнѣ, гдѣ избранные ламы творили заклинанія, разрубая при этомъ собачьи черепа. Предполагалось, что отъ подобныхъ заклинаній ненавистные европейцы непремѣнно должны умереть.

Вообще, заклинанія у ламъ въ большой модѣ и служатъ для нихъ значительнымъ источникомъ дохода. Существуютъ заклинанія противъ всякихъ бѣдъ и даже противъ ружейныхъ пуль. Одинъ изъ переводчиковъ при экспедиціи обладалъ подобнымъ талисманомъ и хотя вполнѣ вѣрилъ въ его чудодѣйственную силу, но не хотѣлъ сдѣлать на себѣ опытъ, какъ предлагали ему казаки. Рѣшено было испытать талисманъ на одномъ изъ купленныхъ барановъ. Грязный, исписанный листъ повѣсили на грудь несчастному животному и выстрѣлили. Разумѣется, волшебная бумага была прострѣлена насквозь, а баранъ убитъ на повалъ. Но монголъ не сдался и сталъ объяснять, что бумага была вѣроятно фальшивая, самимъ Далай-ламой не подписанная.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ столицѣ Далай-ламы насчитывается постоянныхъ жителей около 20,000; а съ пріѣзжими торговцами и богомольцами вдвое болѣе. Мѣстопребываніемъ Далай-ламы служитъ монастырь Буддала, построенный на скалистомъ холмѣ; лѣтомъ же Далай-лама живетъ въ кумирнѣ Норбуланка, невдалекѣ отъ Буддалы. Въ Хлассѣ и окрестностяхъ множество кумиренъ, изъ которыхъ многія очень богаты. Число ламъ во владѣніяхъ Далай-ламы доходитъ до 50,000.

По ученію буддистовъ, Далай-лама представляетъ собою воплощеніе Будды, главнаго покровителя Тибета. Вслѣдъ за нимъ, по святости, идетъ Банчинъ-Ирембучи, тоже воплощеніе великаго святого и затѣмъ уже Ургинскій кутухта. Далай-лама, также какъ и кутухта не умираетъ, но переходитъ изъ одного тѣла въ другое. Далай-лама въ тоже время и гражданскій государь Тибета, нѣчто вродѣ римскаго папы. Но въ дѣла государственныя онъ не вмѣшивается, ими завѣдуютъ высшія правительственныя лица, выбираемыя изъ ламъ; воля этихъ правителей служитъ закономъ. По смерти Далай-ламы, высшіе кутухты

Тибета собираются на конклавъ и отъискиваютъ ему преемника. Этимъ преемникомъ долженъ быть младенецъ, родившійся въ день его смерти. Съ 4-лѣтняго возраста Далай-лама вступаетъ въ исправленіе своихъ обязанностей, а съ 18-лѣтняго считается совершеннолѣтнимъ и получаетъ, съ разрѣшенія богдыхана, желтые носилки и печать для веденія духовныхъ дѣлъ. Тибетскій полубогъ возсѣдаетъ въ кумирнѣ на престолѣ, къ подножію котораго подходятъ богомольцы; на ихъ головы Далай-лама кладетъ свою руку. Удостоиться такого рукоположенія считается величайшей благодатью, для полученія которой вѣрующіе нерѣдко тратятъ послѣдніе гроши и выносятъ всѣ трудности далекаго пути. Видѣть Далай-ламу въ кумирнѣ можно только заплативъ не менѣе 5 ланъ. Кромѣ того богатые богомольцы дѣлаютъ большія приношенія. Вообще, въ казну Далай-ламы поступаютъ значительныя суммы, которыя идутъ на украшеніе кумиренъ и содержаніе ламъ.

Жизнь Далай-ламы крайне не завидна. Чтобы имѣть на него больше вліянія, правители, ради своихъ выгодъ воспитываютъ его въ невѣжествѣ и всячески мѣшаютъ его умственному развитію. Энергичный и развитой Далай-лама не долго бы просуществовалъ на ламайскомъ престолѣ; его же приближенные извели бы его.

Глава VIII.

На 16-й день стоянки у горы Бумза, а именно 30 Ноября, пріѣхали чиновники и объявили, что въ Напчу прибылъ изъ Хлассы посланникъ, но заболѣлъ дорогой и видѣться съ русскими не можетъ. На вопросъ Пржевальскаго, какъ объ этомъ думаетъ китайскій резидентъ, чиновники заявили, что они знаютъ свое начальство и что до китайцевъ имъ дѣла нѣтъ. Тогда Пржe-

вальскій объявилъ, что онъ желаетъ непремѣнно видѣться съ посланникомъ и что если въ теченіи трехъ дней посланникъ къ нему не пріѣдетъ, то онъ самъ пойдетъ къ нему въ Напчу. Эта угроза очень испугала чиновниковъ и они умоляли Пржевальскаго не двигаться впередъ, обѣщая исполнить всѣ его требованія. Дѣйствительно, дня черезъ два прибылъ посланникъ и остановился въ палаткѣ, разбитой для него не далеко отъ бивуака. Переодѣвшись въ богатую соболью шубу, мѣхомъ наружу, онъ явился къ Пржевальскому въ сопровожденіи намѣстниковъ трехъ важнѣйшихъ кумиренъ и представителей 13-ти аймаковъ (провинцій) Далай-ламскихъ владѣній. Послѣ обычныхъ привѣтствій, посланникъ повелъ длинную рѣчь о томъ, что русскіе никогда не бывали въ Хлассѣ, что туда ходятъ только монголы, тангуты и китайцы, и что наконецъ правители, на совѣтѣ, твердо рѣшились не пускать русскихъ въ Хлассу. Всѣ доводы Пржевальскаго не привели не къ чему; посланникъ стоялъ на своемъ, при чемъ, какъ онъ, такъ и приближенные складывали руки на груди и самымъ униженнымъ образомъ просили путешественниковъ не ходить далѣе. Они предлагали даже заплатить всѣ расходы по путешествію, если только экспедиція вернется назадъ. Послѣднее предложеніе Пржевальскій отвергъ съ негодованіемъ, какъ недостойное русской чести.

Очень тяжело было отказаться отъ завѣтной мечты, когда она была такъ близка къ осуществленію, но дѣлать было нечего. Путь отъ Напчу въ Хлассу возможенъ былъ только на якахъ и богомольцы обыкновенно оставляли верблюдовъ въ Напчу и нанимали яковъ. Для путешественниковъ это было невозможно потому, что туземцамъ запрещалось входить съ ними въ сношенія. Всѣ эти обстоятельства, а главное фанатизмъ цѣлаго народа, ставили неодолимую преграду, сломить которую нечего было и думать. Пржевальскій объявилъ посланнику, что согласенъ вернуться, но потребовалъ, чтобы посланникъ далъ ему бумагу, въ

которой объяснялось бы, почему они не допускаются въ столицу Далай-ламы.

Попросивъ дозволенія обсудить это предложеніе, тибетцы вышли изъ юрты и усѣвшись въ кружокъ, стали совѣщаться. Вернувшись, посланникъ сказалъ, что онъ не можетъ дать такой бумаги, такъ какъ на это не уполномоченъ. Тогда Пржевальскій категорически объявилъ, что пойдетъ въ Хлассу.

Снова началось совѣщаніе между уполномоченными и наконецъ они объявили, что дадутъ такую бумагу, но должны составить ее совмѣстно и потому имъ необходимо вернуться въ Напчу. «Ужъ если за это отрубятъ намъ головы», заключили они, «то пусть рубятъ всѣмъ».

Пржевальскій сказалъ имъ, что нигдѣ не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, какъ въ Тибетѣ, и что онъ повѣдаетъ о томъ всему свѣту. Что рано или поздно къ нимъ все равно придутъ европейцы и Далай-Лама съ своими сановниками должны быть къ этому готовы. Посланцы не возражали, весьма довольные тѣмъ, что пока отдѣлались отъ ненавистныхъ иностранцевъ; о мнѣніи же цивилизованнаго міра они мало заботились.

На слѣдующій день тибетская депутація привезла бумагу и началось чтеніе ея и переводъ съ тибетскаго языка на монгольскій и съ монгольскаго, черезъ казака Иринчинова на русскій. Вотъ подлинный текстъ бумаги, какъ его воспроизвелъ профессоръ Васильевъ:

«Такъ какъ Тибетъ страна религіи, то случалось, что въ него прежде и послѣ приходили извѣстные люди изъ внѣшнихъ странъ. Но тѣ, которые издавна не имѣли права приходить, по единогласному рѣшенію князей, вельможъ и народа не принимаются, и велѣно, не на животъ, а на смерть охранять, о чемъ испрошено черезъ живущаго въ Тибетѣ амбаня высочайшее утвержденіе. Теперь же, въ мѣстности Помъ-бунъ-чунъ въ странѣ

Напчу въ 10-й лунѣ 13 числа явились, съ намѣреніемъ идти въ Тибетъ Чаганъ-хановъ *) амбань **), Николай Шибалисики, тусулакчи Акэлонь ***), тусулакчи Шивійковсики ****) съ десятью слугами и солдатами. По извѣщеніи объ этомъ отъ мѣстныхъ начальниковъ, многіе тибетцы отправлены были для разспросовъ и когда они (т. е. русскіе) оставались на мѣстѣ 20 дней, посланные изъ кумиренъ Сэра, Брайбона и Галдана со многими тибетцами и свѣтскими просили воротиться и при личномъ свиданіи объяснили тщательно вышесказанныя обстоятельства, что въ Тибетъ нельзя приходить отвѣчали, что если вы всѣ дадите письменное скрѣпленное удостовѣреніе, что нельзя приходить, вернемся, иначе, завтра же отправимся въ Хлассу. Почему мы и просили воротиться какъ издревле кто бы ни пришелъ изъ неимѣющихъ права приходить. Подписали: намѣстникъ Брайбунскій Лобзанъ-Дондоръ; намѣстникъ въ Сэраскомъ храмѣ великой Яны, Геньдунъ-Чайрагъ; намѣстникъ въ храмѣ великаго побѣдоносца въ Галданѣ, Ринченъ-Санбо; тибетскій степной управителъ всѣхъ свѣтскихъ малый ханбо, Чжагмедъ-Чайчжаръ и еще нѣсколько такихъ же неудобопроизносимыхъ именъ. Въ концѣ значилось: годъ земли и зайца 10 луна, 13 число».

Скрѣпя сердце, Пржевальскій объявилъ, что уходитъ и велѣлъ готовиться въ путь. Когда караванъ двинулся, тибетцы долго смотрѣли ему вслѣдъ, какъ будто желая удостовѣриться, точно ли онъ уходитъ. Конечно успѣхъ переговоровъ будетъ приписанъ чудодѣйственной силѣ ламайскихъ заклинаній и всемогуществу самого Далай-ламы.

И такъ, всѣ труды и усилія энергичнаго и неутомимаго изслѣдователя не привели къ желаемому результату. Еще разъ не

*) Чаганъ или Цаганъ-ханъ, на языкѣ монголовъ значитъ Бѣлый Царь.
**) Генералъ.
***) Помощникъ Эклонъ.
****) Швыйковскій значился въ пекинскомъ паспортѣ.

удалась попытка проникнуть въ Хлассу. Пробравшись въ самую глубь центральной Азіи, экспедиція должна была повернуть обратно, недойдя лишь 250 верстъ до столицы Тибета. Разсчитывая на лучшее будущее, Пржевальскій рѣшилъ вернуться въ Цайдамъ и посвятить весну и лѣто изслѣдованію Желтой рѣки, гдѣ, какъ извѣстно, не бывали еще европейцы.

Тяжелъ и скученъ былъ обратный путь. Помимо упадка духа вслѣдствіе неудавшагося предпріятія, явились еще разныя опасенія, вполнѣ основательныя. Наступила зима, угрожавшая снѣжными бурями и недостаткомъ корма. Животныя были сильно изнурены, запасы продовольствія скудны. Съ трудомъ удалось добыть 5 пудовъ дзамбы, нѣсколько барановъ и полпуда скверная чая, который сами туземцы называютъ «деревяннымъ» «мото-цай». Заваренный, онъ очень похожъ вкусомъ на вѣникъ. Кромѣ того, съ большимъ вѣроятіемъ можно было ожидать на Танъ-ла нападенія еграевъ, имѣвшихъ достаточно времени, чтобъ собраться съ силами. Приходилось снова учредить ночныя дежурства и самимъ спать, не раздѣваясь, съ оружіемъ подъ бокомъ. Одно утѣшеніе было у путниковъ: Дадай согласился быть ихъ проводникомъ. Хотя цѣну онъ взялъ хорошую, но на него вполнѣ можно было положиться; восемь разъ онъ ходилъ изъ Цайдама въ Хлассу и отлично зналъ дорогу. При его содѣйствіи оказалось возможнымъ прикупить четырехъ лошадей и добавить продовольствія и сверхъ того, онъ обѣщалъ повести экспедицію по новому пути и обогнуть Танъ-ла. Къ сожалѣнію, послѣдняго проэкта нельзя было привести въ исполненіе, такъ какъ на обходную дорогу можно было попасть только изъ Напчу, куда двинуться было неловко въ виду того, что тибетцы отрядили пикеты, которые должны были слѣдить за путешественниками, пока тѣ не перевалятъ черезъ Танъ-ла.

Пошли по старой дорогѣ, но къ удивленію, нигдѣ не встрѣтили еграевъ. Только дважды замѣтили въ горахъ нѣсколько

всадниковъ, которые быстро исчезли. Стало ясно, что егpаи не только не рѣшались вновь напасть на караванъ, но даже откочевали въ сторону, опасаясь, вѣроятно враждебныхъ дѣйствій. При переходѣ черезъ Танъ-ла Дадай разсказалъ, что въ давнія времена, жилъ здѣсь злой духъ, напускавшій всякія бѣды на караваны. Умилостивить его было невозможно никакими жертвами. Одинъ изъ тибетскихъ святыхъ, ѣхавшій изъ Хлассы въ Пекинъ, донялъ таки его своими молитвами, злой духъ сдѣлался буддистомъ и болѣе не безпокоитъ проѣзжающихъ. Еще сообщилъ Дадай, что много лѣтъ тому назадъ халхасскій ханъ задумалъ похитить Далай-ламу и перевезти его въ свои владѣнія. Тибетцы не могли съ нимъ сладить, но ихъ святые наслали на непріятеля каменный градъ, который побилъ много войска. Этотъ градъ, окаменѣвшій и до сихъ поръ лежитъ на сѣверномъ склонѣ Танъ-ла. Дѣйствительно, на берегу одной рѣчки путешественники видѣли большія кучи каменныхъ шариковъ, величиною съ грецкій орѣхъ. Шарики эти оказались обыкновенными известковыми стяженіями, вѣроятно вымытыми изъ почвы большой водой. Пройдохи ламы продаютъ эту святыню за большія деньги.

По пути путешественники развлекались охотою на уллара или тибетскую куропатку. Эта птица, величиною съ европейскаго глухаря, замѣчательна своими семейными добродѣтелями. Мать и отецъ всегда вмѣстѣ охраняютъ птенцовъ. При опасности, они загоняютъ ихъ между камней и сами подставляютъ свое тѣло врагу. Когда опасность миновала, они снова скликаютъ птенцовъ. Позднею осенью, нѣсколько выводковъ соединяются въ одну стаю, которая живетъ дружно до весны и имѣетъ общій ночлегъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Утромъ, лишь только забрезжитъ заря, уллары поднимаются съ ночлега и улетаютъ на покормку, иногда очень далеко. Всего лучше идти за ними вдвоемъ, предварительно высмотрѣвъ, гдѣ залегла птица. Ул-

лары, замѣтивъ охотника, обыкновенно пускаются бѣгомъ въ гору. Если же человѣкъ покажется вверху, то они не бѣгутъ внизъ, а перелетаютъ на другое мѣсто. Вверхъ же, птицы непремѣнно отправляются пѣшкомъ. Зная эту уловку, охотники и располагаются въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, чтобы подгонять птицъ другъ къ другу.

Но всего интереснѣе бываетъ охота, если подкарауливать улларовъ на мѣстѣ ночлега. Правда, приходится сидѣть на высотѣ, превышающей вершину Монблана, сидѣть при морозѣ, иногда еще съ вѣтромъ, но зато интересъ минуты искупаетъ всѣ невзгоды. Мѣстомъ своего ночлега уллары выбираютъ одинокія скалы на высокихъ труднодоступныхъ горныхъ вершинахъ. Подъ этими скалами, на землѣ, въ защитѣ отъ вѣтра, залегаютъ они плотною кучею. Судя по количеству помета, котораго здѣсь можно собрать нѣсколько десятковъ возовъ, мѣста для ночевокъ служатъ улларамъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Непуганный улларъ прилетаетъ на ночлегъ тотчасъ по закатѣ солнца, но тамъ, гдѣ эти птицы испытали преслѣдованіе человѣка, они являются только въ позднія сумерки. Охотнику нужно забраться въ засаду раньше солнечнаго заката, одѣвшись какъ можно потеплѣе.

«Сидишь себѣ въ такой засадѣ», разсказываетъ Пржевальскій, «и съ нетерпѣніемъ смотришь на солнце, которое, какъ то лѣниво, прячется за горы. Нижнія долины уже въ тѣни, а вершины горъ все еще освѣщены. Наконецъ солнце уходитъ и багровая заря разливается на мѣстѣ заката. Нетерпѣніе увеличивается; прислушиваешься къ каждому звуку. Вотъ стая клушицъ усѣлась ночевать на ближайшей скалѣ. Вотъ соколъ пустельга прилетѣлъ туда же; но улларовъ все еще нѣтъ. Наконецъ раздается вдали крикъ желанныхъ птицъ и огромная стая, обогнувъ дальнія скалы, быстро несется вверхъ, затѣмъ опускается невдалекѣ отъ мѣста ночлега. Встряхнувшись, уллары тотчасъ

же бѣгутъ къ знакомому уголку. Еще нѣсколько мгновеній — и вся стая длинною вереницею, подбѣгаетъ къ охотнику на разстояніе выстрѣла. Желанная минута! Въ темнотѣ сумерекъ блеснутъ разъ за разомъ два огонька и загремитъ по ущельямъ эхо двухъ выстрѣловъ. Уллары поражены неожиданностью... Однако, не желая разстаться съ ночлегомъ, они не улетаютъ, а отбѣгаютъ въ сторону. Тѣмъ временемъ, охотникъ спѣшитъ зарядить свое ружье, не показываясь изъ засады. Проходитъ нѣсколько минутъ и уллары, никого не видя, снова бѣгутъ къ ночевкѣ, но уже съ противуположной стороны. Съ замираніемъ сердца вглядываешься въ темноту, различаешь бѣгущее стадо... опять гремятъ два выстрѣла и опять уллары убѣгаютъ прочь. Между тѣмъ уже стемнѣло; вѣрно прицѣливаться невозможно. Тогда охотникъ выходитъ изъ засады, собираетъ добычу и отправляется къ своему бивуаку, огонекъ котораго, словно маякъ, блеститъ внизу, въ ближайшей долинѣ.

Спускъ съ крутой горы, по каменной розсыпи, да еще съ тяжелою ношею на плечахъ, очень труденъ; скользишь, спотыкаешься и падаешь. Но когда вернешься къ стойбищу и обогрѣешься у огня въ юртѣ, тогда позабудешь всѣ невзгоды и останется только отрадное воспоминаніе объ оригинальной охотѣ, насладиться которою можно только лишь въ далекихъ пустыняхъ центральной Азіи».

Охотясь за улларами по ближайшимъ скаламъ, Эклонъ случайно вспугнулъ съ зимней лежки медвѣдя. Стрѣлять онъ не могъ, такъ какъ ходилъ съ дробовикомъ. На слѣдующее утро съ Эклономъ отправились Пржевальскій и два казака. Медвѣдя на прежнемъ мѣстѣ не оказалось. Рѣшили розойтись въ разныя стороны и идти на удачу. «Для себя я выбралъ», пишетъ Пржевальскій, «лучшій районъ и полѣзъ вверхъ по розсыпи. Подъемъ былъ чрезвычайно крутой и приходилось черезъ каждые 10—12 шаговъ отдыхать. Холодный вѣтеръ и морозъ довершали

трудности. Мѣстами, на скудныхъ лужайкахъ кормились уллары, какъ нарочно подпускавшіе къ себѣ очень близко, но теперь на эту мелочь не обращалось вниманія; всѣ помыслы устремлены были на отыскиваніе медвѣдя. Однако звѣря нигдѣ не оказывалось, хотя я лазилъ во всѣ попадавшіяся пещеры и осматривалъ ихъ. Такъ прошло часа два, три, пока я поднялся на самый гребень горъ. Здѣсь выскочило стадо куку-ямановъ, въ которыхъ я пустилъ двѣ пули. Стадо побѣжало на скалы, лежавшіе еще выше; за нимъ полѣзъ и я. Оттуда я началъ осматривать открывшееся передо мною ущелье и сразу замѣтилъ, шагахъ въ 50 ниже, лежавшаго подъ скалою медвѣдя, вылѣзшаго изъ своего логовища въ пещерѣ, чтобъ погрѣться на солнцѣ. Радостно забилось мое сердце при такомъ открытіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилось опасеніе, чтобы звѣрь не ушелъ ранѣе, чѣмъ я успѣю къ нему подойти. Мѣстность же не позволяла сдѣлать обходъ; приходилось спускаться по розсыпи на глазахъ медвѣдя. Такъ я и сдѣлалъ. Держа штуцеръ на готовѣ, я полѣзъ книзу, по противуположной сторонѣ ущелья. Камни съ шумомъ катились при каждомъ моемъ движеніи; но медвѣдь, никѣмъ не пуганный и быть можетъ никогда еще не видавшій человѣка, продолжалъ спокойно лежать, изрѣдка только поворачивая голову въ мою сторону. Наконецъ, я спустился съ того мѣста, откуда могъ направиться къ звѣрю незамѣтно, пользуясь скалою, стоявшею между мною и имъ. Добравшись до этой скалы, я осторожно выглянулъ изъ за нея и увидалъ, что медвѣдь лежитъ на прежнемъ мѣстѣ, въ разстояніи, однакоже, болѣе 200 шаговъ. Ближе подкрасться было невозможно и я рѣшился стрѣлять отсюда. Положивъ штуцеръ на выступъ скалы, я хорошенько прицѣлился и спустилъ курокъ. Грянулъ выстрѣлъ, другой, и медвѣдь былъ убитъ на повалъ. Пославъ еще два выстрѣла и замѣтивъ, что звѣрь не шевелится, я направился къ нему все по той же розсыпи, по которой, при всемъ нетерпѣніи, скоро идти было

невозможно. Наконецъ, я добрался до пещеры, у входа въ которую лежалъ убитый медвѣдь, оказавшійся великолѣпнымъ экземпляромъ. Подоспѣлъ Эклонъ и мы вмѣстѣ сняли шкуру, которую присоединили къ нашей коллекціи. Вскорѣ мнѣ посчастливилось убить огромнаго дикаго яка, но шкурой его, къ сожалѣнію, не пришлось воспользоваться. Взять его съ собой я не могъ, а за ночь его растерзали волки».

На томъ же пути, только позднѣе, Пржевальскому удалось убить еще двухъ яковъ и препарировать ихъ шкуры.

Дойдя до горъ Цаганъ-обо, экспедиція свернула влѣво и направилась по тайджинерской дорогѣ. Этотъ путь представлялъ ту выгоду, что на протяженіи 500 верстъ караванъ шелъ новыми мѣстами и скорѣе попадалъ въ Цайдамъ. Спѣшить было необходимо, такъ какъ верблюды слабѣли съ каждыхъ днемъ, а запасы истощались, за исключеніемъ мяса, которое, въ изобиліи доставляла охота.

Новый 1880 годъ экспедиція встрѣтила въ сѣверной окраинѣ хребта Думбуре въ сосѣдствѣ дикихъ звѣрей и далеко, далеко отъ всего цивилизованнаго міра.

Ради новаго года казакамъ дано было по полуимперіалу; офицеры же ѣли консервы, варенье и фрукты въ сахарѣ, предназначенные для Далай-ламы, но къ нему не попавшіе.

Отпраздновавъ новый годъ, экспедиція, черезъ хребетъ Гурбунайджи, спустилась на рѣку Найджинъ-голъ. Здѣсь было довольно тепло и оказалось возможнымъ снять теплое платье, въ которомъ путешествовать было очень тяжело.

«Назадъ, на Тибетъ», говоритъ Пржевальскій, «страшно было посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и вѣроятно бушевала непогода».

На стоянкѣ у Найджинъ-гола съѣдена была послѣдняя дзамба и сварена въ супѣ послѣдняя горсть рису. По счастію невдалекѣ кочевали тайджинерскіе монголы и у нихъ путешественники

могли купить дзамбы, молока, масла, нѣсколькихъ барановъ и домашняго яка, мясо котораго оказалось превосходнымъ.

Простоявши здѣсь два дня, экспедиція отдохнула и поправилась. Такъ какъ изъ 34 верблюдовъ уцѣлѣли только 12, то Пржевальскому пришлось для поклажи принанять шесть яковъ. Удивительною выносливостью отличались лошади. Цѣлыя тысячи верстъ выходили онѣ на весьма скудномъ кормѣ. Случалось, что за неимѣніемъ такового, онѣ ѣли сухой хуланій аргалъ, выносили продолжительную жажду и при этомъ мало худѣли.

31 Января караванъ прибылъ въ знакомую хырму Дзунъ-засакъ, откуда 4 мѣсяца тому назадъ отправился въ Тибетъ, сдѣлавъ взадъ и впередъ 1700 верстъ.

Глава IX.

Въ Дзунъ-засакѣ Пржевальскій съ неудовольствіемъ узналъ, что оффиціальная его корреспонденція не была отправлена въ Сининъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Пекинъ. Въ послѣдствіи оказалось, что эта проволочка послужила поводомъ къ распространенію ложныхъ слуховъ о гибели экспедиціи въ Тибетѣ.

Въ газетѣ «Голосъ» № 176 было категорически заявлено, что Пржевальскій находится въ плѣну у китайцевъ. Въ Петербургѣ всѣ вѣрили этимъ слухамъ и сожалѣли о Пржевальскомъ, какъ о безвременно погибшемъ.

Вещи, оставленныя на храненіе у Дзунъ и Барунъ-засаковъ оказались всѣ въ цѣлости, за что князья получили подарки.

Двухдневная стоянка у хырмы посвящена была просушкѣ и укладкѣ собранныхъ въ Тибетѣ звѣриныхъ шкуръ, заготовкѣ продовольствія для дальнѣйшаго пути и найму верблюдовъ.

Теперь уже Дзунъ-засакъ, въ рвеніи своемъ поскорѣй выпроводить путешественниковъ, не только не дѣлалъ имъ никакой задержки, но еще торопился доставить все необходимое и изъ

собственнаго стада велѣлъ пригнать 8 верблюдовъ за хорошую, разумѣется, цѣну. Данъ былъ также и проводникъ.

Караванъ выступилъ тѣмъ же путемъ, по которому шелъ въ 1872 — 73 гг. Проходя по равнинѣ Цайдама, путешественники ожидали встрѣтить извѣстную уже имъ назойливость монголовъ, но къ удивленію ихъ, ничего подобнаго не случилось. Вѣроятно, монголамъ запрещено было якшаться съ иностранцами.

Достигнувъ Куку-нора, Пржевальскій оставилъ здѣсь караванъ подъ надзоромъ прапорщика Эклона, а самъ съ Роборовскимъ, переводчикомъ Абдулою и тремя казаками отправился въ Сининъ, отстоявшій отъ бивуака всего на 70 верстъ.

Верстахъ въ 25 отъ города Донкыра, путешественники были встрѣчены отрядомъ въ 15 человѣкъ солдатъ при офицерѣ. Солдаты несли свернутыя знамена, которыя они, при входѣ въ городъ Донкыръ, развернули, что привлекло массу зѣвакъ. Старъ и младъ, мущины и женщины, выбѣгали на улицы, толкались и давили другъ друга. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, шумъ, брань, пискъ; суматоха стояла невообразимая. Наконецъ путешественники вошли во дворъ приготовленной для нихъ квартиры и за ними заперли ворота. Но на улицѣ все время продолжала стоять толпа и лишь только показывался кто нибудь изъ пріѣзжихъ, повторялась таже исторія.

Утромъ слѣдующаго дня путешественники выѣхали въ Сининъ въ сопровожденіи новой смѣны китайскихъ солдатъ и по прежнему со знаменами. Конвой этотъ увеличился многочисленными добровольцами и образовалась такая свита, что пришлось на минуту остановиться, чтобы разогнать ее. Взамѣнъ зѣвакъ, на второй половинѣ пути, начали появляться посланцы Сининскаго амбаня, каждый съ небольшою свитою. Лишь въ сумерки добрались усталые путешественники до Синина и помѣстились въ той квартирѣ, гдѣ передъ этимъ стоялъ венгерскій путешественникъ графъ Сечени.

Весь сининскій районъ и прилегающая къ нему мѣстность густо населена китайцами, дунганами, тангутами, далдами, монголами и киргизами. Преобладающій элементъ составляютъ китайцы, занимающіеся преимущественно земледѣліемъ и отчасти торговлею. Вслѣдъ за ними, по многочисленности, идутъ дунгане, т. е. окитаившіеся магометане, извѣстные у китайцевъ подъ общимъ именемъ Хой-хой. Типомъ дунгане совсѣмъ не напоминаютъ китайцевъ и скорѣй походятъ на нашихъ татаръ. Они разсказываютъ, что 400 лѣтъ тому назадъ ихъ привелъ изъ окрестностей Самарканда имамъ Раббане и поселилъ тутъ. Въ настоящее время они сохранили лишь свою вѣру; въ образѣ же жизни и одѣяніи ничѣмъ не отличаются отъ китайцевъ. Нѣкоторые впрочемъ, поверхъ бритой головы, носятъ ермолку. Родной языкъ они забыли и говорятъ по китайски. Богослуженіе совершается на арабскомъ языкѣ.

Другіе магометане этой мѣстности, киргизы, тоже забыли родной языкъ. По ихъ разсказамъ, они пришли сюда лѣтъ 200 тому назадъ, въ числѣ 500 семействъ, сопровождая какого то Тайджи ахуна и уже назадъ вернуться не могли.

Тангуты или Си-фани, подраздѣляемые китайцами на желтыхъ и черныхъ, представляютъ по числу своему весьма крупную цифру населенія. Они живутъ осѣдло въ фанзахъ, смѣшанно съ китайцами или далдами и занимаются земледѣліемъ.

Полуосѣдлые тангуты, живущіе въ Тэтунгскихъ горахъ, строятъ себѣ деревянныя избы и занимаются скотоводствомъ, хара-тангуты, вполнѣ кочевники, живутъ въ черныхъ палаткахъ.

Недалеко отъ Синина на сѣверъ, обитаетъ интересный народъ «далды». Далды живутъ отчасти въ городахъ, отчасти въ деревняхъ, смѣшанно съ китайцами. Мущины походятъ на китайцевъ и типомъ, и прическою, и одеждою. Женщины же совершенно отличаются отъ китаянокъ и напоминаютъ нашихъ крестьянокъ, въ осо-

бенности головнымъ уборомъ. Послѣдній состоитъ изъ большого кокошника съ бахромою спереди, закрывающею лобъ. Сзади ко-

Женщины племени Далды.

кошникъ покрытъ кускомъ синей матеріи, опускающейся до поясницы. Поверхъ матеріи съ кокошника спускается толстая

прядь красныхъ шнурковъ, проходящая черезъ большія кольца и падающая на шею. Эта часть украшена кораллами и бусами. Сверхъ того, на шеѣ носится большое желѣзное кольцо, обшитое красною матеріею и унизанное костями и фарфоровыми бляхами. Волосы напереди далдянки раздѣляютъ проборомъ, который покрываютъ тесьмою; изъ переднихъ прядей дѣлаютъ бандо, а заднюю наматываютъ на деревяшку, что образуетъ родъ шиньона. Иныя носятъ тангутскую прическу со множествомъ косичекъ. Одежда женщинъ состоитъ изъ безрукавки, рубашки съ цвѣтными рукавами, синихъ панталонъ и китайскихъ башмаковъ. Безрукавки подпоясываются кушаками съ разноцвѣтными концами. Женщины далды красивѣе мущинъ; они сохранили арійскій типъ.

Языкъ далды состоитъ изъ смѣси монгольскихъ, тангутскихъ, китайскихъ и собственныхъ словъ; вѣра буддійская. По характеру — далды трудолюбивы и нрава веселаго.

О происхожденіи этого народа разсказываютъ слѣдующую легенду: Чингисъ-ханъ во время пребыванія своего въ Ордосѣ, имѣлъ отличнаго коня, на которомъ онъ, въ однѣ сутки, ѣздилъ на Куку-норъ для охоты за звѣрями. Однажды, онъ взялъ съ собою какого то богатыря, который заблудился и остался на жительство близъ Синина. Отъ него то и пошли далды, которыхъ ордосцы называютъ «цаганъ-монголъ», т. е. бѣлый монголъ.

Число монголовъ, обитающихъ въ сининскомъ округѣ, очень незначительно. Они живутъ полуосѣдло возлѣ кумиренъ Алтынъ и Чайбсонъ.

Въ однодневномъ пути отъ Синина на югъ, находится знаменитая кумирня Гумбумъ, откуда вышелъ великій реформаторъ буддизма Дзонъ-коба. Нынѣ тамъ 2000 ламъ, но до дунганскаго возстанія, раззорившаго эту кумирню, ихъ было вдвое больше.

На другой день по прибытіи въ Сининъ, Пржевальскій былъ принятъ мѣстнымъ губернаторомъ - амбанемъ. Свиданіе было

очень парадное и происходило въ яманѣ — присутственномъ мѣстѣ, въ воротахъ котораго выстроены были солдаты со знаменами. Когда Пржевальскому дали знать, что власти собрались и пріѣхалъ амбань, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ яманъ, въ сопровожденіи Роборовскаго, переводчика и двухъ казаковъ. Огромная толпа сопровождала всадниковъ до самыхъ воротъ. Сойдя съ лошадей, путешественники вошли во дворъ и только вступивъ во внутреннюю ограду, встрѣтились съ амбанемъ, который принялъ ихъ вѣжливо, но холодно.

Несмотря на довольно свѣжій день, свиданіе происходило въ открытой фанзѣ. Амбань усѣлся по срединѣ и пригласилъ Пржевальскаго сѣсть рядомъ. Остальныя же власти, въ томъ числѣ и Роборовскій размѣстились вдоль стѣнъ фанзы. Переводчикъ стоялъ возлѣ Пржевальскаго, казаки остались на дворѣ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, амбань спросилъ Пржевальскаго, куда онъ намѣренъ идти? Получивъ отвѣтъ, что экспедиція намѣрена посѣтить верховья Желтой рѣки и пробыть тамъ мѣсяца три или четыре, онъ воскликнулъ:

«Не пущу туда! Я получилъ приказъ изъ Пекина выпроводить васъ отсюда».

Пока переводчикъ передавалъ эти слова, амбань пристально смотрѣлъ на Пржевальскаго, какъ бы наблюдая, какое впечатлѣніе произведетъ его рѣшительный отказъ.

«На Желтую рѣку», съ улыбкою отвѣчалъ Пржевальскій, «мы пойдемъ и безъ позволенія».

Тогда амбань прибѣгнулъ къ застращиванію. «Знаете ли», началъ онъ, «на верхней Хуанъ-хэ живутъ разбойники тангуты, которые сговорились васъ убить въ отмщеніе за побитіе егра-евъ. Тангуты народъ не только храбрый, но можно сказать отчаянный. Я самъ не могу съ ними справиться, не смотря на то, что у меня много солдатъ и все отличные воины. Если не вѣрите мнѣ, спросите у другихъ здѣшнихъ чиновниковъ».

Присутствующіе начали кивать головами и что то бормотать, а одинъ изъ нихъ всталъ и почтительно заявилъ, что на верхней Хуанъ-хэ водятся даже людоѣды.

Но и этотъ послѣдній тяжеловѣсный доводъ не возъимѣлъ желаемаго дѣйствія. Пржевальскій повторилъ, что пойдетъ туда непремѣнно и даже безъ проводника, если нельзя иначе. Тогда амбань сталъ торговаться относительно времени, которое путешественники должны будутъ провести на Желтой рѣкѣ, но Пржевальскій и тутъ не уступилъ и только согласился дать росписку, что весь рискъ экспедиціи онъ беретъ на свою отвѣтственность.

Вернувшись на квартиру, Пржевальскій послалъ амбаню подарки, но къ его великому удивленію, амбань взялъ только нѣкоторыя вещи, а отъ другихъ отказался. Взамѣнъ, онъ прислалъ провизіи и ведро крѣпкой китайской водки, которая пригодилась для коллекцій.

Ворота дома, гдѣ стояли путешественники, были постоянно осаждаемы любопытными. Не чужды были этой слабости и солидные китайцы, они подкарауливали казаковъ и предлагали имъ самые нелѣпые вопросы. Правда ли, напримѣръ, что Пржевальскій видитъ на 40 сажень вглубь земли и можетъ отыскать тамъ сокровища.

Вообще, росказнямъ не было конца, но всего забавнѣе мѣстная легенда, очень напоминающая легенду о построеніи Дидоною Карѳагена.

«Во времена весьма давнія, пришелъ будто бы на границу Тибета какой то янъ-гуйза съ тѣмъ, чтобы пробраться внутрь страны, но его туда не пустили. Тогда онъ попросилъ, чтобъ ему продали кусокъ земли, равный бычачьей шкурѣ. Тибетцы согласились на это, заключили формальное условіе и взяли деньги. Янъ-гуйза изрѣзалъ кожу на тонкіе ремешки и обвелъ ими боль-

шое пространство земли, которое оспаривать у него никто не могъ. Съ тѣхъ поръ тибетцы стали бояться хитрыхъ европейцевъ.

Въ Сининѣ Пржевальскій оставался три дня, чтобы закупить провизіи и муловъ, необходимыхъ для путешествія по лѣсистымъ горамъ верхней Хуанъ-хэ. Въ это время пришелъ караванъ изъ Ала-шаня, чему Николай Михайловичъ очень обрадовался, такъ какъ въ слѣдованіи на Желтую рѣку его сильно затруднили бы коллекціи. Нанявъ десять верблюдовъ, онъ отправилъ эти коллекціи прямо въ Ала-шань.

Купивъ въ Сининѣ 14 муловъ, Пржевальскій возвратился къ своему каравану. Верблюды, не смотря на двухнедѣльный отдыхъ совсѣмъ не поправились; пришлось сдать ихъ на пастьбу. Лишнія вещи, юрта и теплая одежда отправлены были вмѣстѣ съ коллекціями въ Ала-шань и экспедиція выступила на мулахъ, заранѣе наслаждаясь прелестью весны въ лѣсистыхъ горахъ. Былъ уже конецъ Марта. Въ Сининской равнинѣ наступила весна и жители принялись за полевыя работы. Вездѣ на поляхъ рабочіе копошились словно муравьи; на каждомъ шагу чувствовалось, что находишься въ предѣлахъ густо населеннаго Китая. Населеніе стало рѣдѣть по мѣрѣ того, какъ дорога пошла въ гору.

Отъ бивуака до Желтой рѣки было всего 57 верстъ. Караванъ сначала поднялся на юго-восточную окраину Куку-норскаго плато, потомъ перевалилъ черезъ два хребта и съ южнаго склона Балекумъ-гоми увидѣлъ Желтую рѣку, широкою лентою, извивавшуюся въ темной каймѣ кустарниковъ и обставленную гигантскими обрывами на противоположномъ берегу *).

*) Дубровинъ, стр. 339.

Глава X.

Первыя 30 верстъ экспедиція шла по хорошей дорогѣ, потомъ пришлось идти по глубокимъ пескамъ, въ которыхъ мулы вязли по колѣна и затѣмъ начался подъемъ въ горы. Отличительною чертою бассейна верхняго теченія Хуанъ-хэ служатъ безчисленные, чрезвычайно глубокіе корридоры или траншеи съ отвѣсными стѣнами, достигающими въ иныхъ мѣстахъ необычайной вышины. Корридоръ, по которому течетъ Хуанъ-хэ, возвышается надъ уровнемъ рѣки на 1600 ф. при ширинѣ въ 6 — 7 верстъ. Въ такихъ же траншеяхъ болѣе или менѣе глубокихъ текутъ и другія рѣчки, образуя по временамъ водопады. Издали, эти щели совсѣмъ не замѣтны и только подойдя близко, глазъ измѣряетъ глубину этой пропасти и человѣкъ содрогается невольно.

«Идешь по луговому плато», пишетъ Пржевальскій *), «совершенно гладкому, какъ вдругъ подъ самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой, обыкновенно, течетъ рѣчка, обросшая лиственными деревьями. Въ подобныя пропасти ведутъ тропинки, проложенныя си-фанями. Но вы можете себѣ представить, каково вьючнымъ муламъ карабкаться по тропинкѣ, имѣющей на 3 — 4 версты протяженія 1500 ф. паденія; притомъ съ боковыхъ стѣнъ постоянно грозятъ обвалы».

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти стѣны состоятъ изъ лёссовыхъ наносовъ, онѣ представляютъ самыя причудливыя очертанія. Вы видите башни, столы, пирамиды и тому подобное. Тамъ, гдѣ лёссовые обрывы нѣсколько отступаютъ, попадаются заросли облепихи и лозы.

Къ трудностямъ пути присоединилось еще враждебное настроеніе туземцевъ хара-тангутовъ или си-фаней. Какъ только

*) Въ письмѣ повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ.

экспедиція вошла въ ихъ предѣлы, прискакалъ какой то всадникъ, и крикнувъ, что на днях путешественники всѣ будутъ перебиты, ускакалъ. Пришлось опять перейти на военное положеніе, спать съ оружіемъ на готовѣ и выставлять караулъ. Впослѣдствіи оказалось, что хара-тангуты и не думали приводить свою угрозу въ исполненіе; они слишкомъ были напуганы раздѣлкою съ еграями на Танъ-ла. Вскорѣ, они перемѣнили свои враждебныя отношенія на болѣе мирныя и пріѣзжали даже съ предложеніями мяса и барановъ.

Хара-тангуты — населеніе кочевое, занимающееся скотоводствомъ, преимущественно разведеніемъ барановъ и яковъ. Нравъ у нихъ угрюмый и разбойничій; почти никогда не видно улыбки на ихъ лицѣ; даже ихъ дѣти не рѣзвятся и не играютъ. Помимо скотоводства, главное занятіе хара-тангутовъ состоитъ въ грабежѣ. Они то и извѣстны у монголовъ подъ именемъ оронгынъ. Своихъ они однако не грабятъ и называютъ другъ друга «ордо», что значитъ: товарищъ. Умершихъ своихъ не хоронятъ, а прямо бросаютъ на съѣденіе псамъ и дикимъ звѣрямъ. Только ламъ сожигаютъ.

Не смотря на свой разбойничій нравъ, хара-тангуты усердные богомольцы. Сплошь и рядомъ можно видѣть здоровыхъ мущинъ съ четками въ рукахъ, бормочущихъ, походя молитвы. Ламы встрѣчаются въ каждой палаткѣ; кумирни также не рѣдки, даже въ самыхъ дикихъ горахъ. Въ эти кумирни отдается часть награбленной добычи на отпущеніе грѣховъ. Суевѣріе и колдовство развито у си-фаней въ высшей степени. Колдовствомъ занимаются шаманы, принадлежащіе къ сословію ламъ. Эти шаманы отличаются особымъ головнымъ уборомъ, состоящимъ изъ волосъ утопленниковъ или вообще людей, погибшихъ неестественною смертію. Волосы свиты въ видѣ веревокъ и уложены въ формѣ чалмы.

Шаманы, по мнѣнію тангутовъ, имѣютъ власть надъ стихіями. Пржевальскому разсказывали, какъ шаманъ заговорилъ

градъ. Онъ поставилъ передъ собой чашку съ водой, распустилъ волосы и сталъ полоскать ими въ чашкѣ, пока не расплескалъ ее всю. Потомъ, онъ опрокинулъ чашку и ударяя по дну, выкрикивалъ «бухъ». Этимъ онъ пугалъ градъ. Вся эта церемонія продолжалась съ четверть часа, градъ, падающій, обыкновенно, не

Лама.

долго, пересталъ; всѣ же присутствующіе были убѣждены, что шаманъ отговорилъ его.

Шамановъ вездѣ принимаютъ съ большимъ почётомъ и о чудесахъ ихъ разсказываютъ разныя небылицы, напримѣръ: одинъ тангутъ укралъ у шамана корову и только что сталъ ва-

рить ея мясо, какъ оно превратилось въ грибы (грибовъ тангуты не ѣдятъ). Однако, воръ съ своимъ семействомъ съѣлъ и грибы, послѣ чего заболѣла и умерла его жена, потомъ дѣти и наконецъ онъ самъ. Отрѣзанная же голова украденной коровы возвратилась къ хозяину.

Туземцамъ, очевидно, было приказано слѣдить за экспедиціей. Въ одномъ мѣстѣ, вечеромъ, на береговыхъ обрывахъ, загорѣлось нѣсколько костровъ. Это былъ, вѣроятно, сигналъ, извѣщающій, что янъ-гуйзы двигаются далѣе.

По дорогѣ, путешественники охотились за ушастыми фазанами, разновидностью довольно рѣдкой и очень красивой. Любимая пища фазановъ — корни травъ, которые они выкапываютъ своими крѣпкими ногами. Держится ушастый фазанъ больше на землѣ и ходитъ мѣрною поступью, съ хвостомъ, поднятымъ кверху. На деревья взлетаетъ только для ночевки, или для того, чтобы пощипать ягодъ. Вообще онъ летаетъ плохо и въ минуту опасности больше надѣется на свои ноги.

Охота за ушастымъ фазаномъ очень затруднительна по самому характеру мѣстности, въ которой онъ держится; помощь собаки здѣсь не можетъ имѣть мѣста. Высмотрѣть птицу въ густой заросли очень трудно, подкрасться къ ней еще труднѣе. Притомъ фазанъ, благодаря своему густому оперенію очень выносливъ на рану. Туземцы ловятъ фазана въ петельки, главнымъ образомъ изъ за его хвоста, которымъ украшаются шляпы китайскихъ сановниковъ.

«Отправились мы вечеромъ, верхомъ», разсказываетъ Пржевальскій, «Роборовскій, Телешовъ, Коломейцевъ и я, версты за четыре отъ стойбища. Захватили войлоки и одѣяла для ночевки, чайникъ для варки чая и кусокъ баранины на жаркое; словомъ, снарядились съ извѣстнымъ комфортомъ. Передъ закатомъ солнца добрались до мѣста охоты и оставивъ лошадей съ казакомъ на полянкѣ у ручья, пошли въ ближайшій кустарникъ караулить

фазановъ на ихъ ночевкѣ. Выбрали для этого большія, въ разсыпную стоящія ели, подъ которыми имѣлись несомнѣнные признаки частаго пребыванія здѣсь описываемыхъ птицъ. Усѣлись и ждемъ. Солнце опустилось за горы и мало по малу птицы начали помышлять о ночлегѣ. Стая голубыхъ сорокъ прилетѣла къ ключу близъ елей, покопошилась нѣсколько минутъ на землѣ и съ своимъ обычнымъ трещаньемъ отправилась въ густой кустарникъ. Большіе дрозды, одинъ за другимъ, начали прилетать съ разныхъ сторонъ, гонялись другъ за другомъ съ чоканьемъ и трещаньемъ, перелетая съ одного дерева на другое. Одинъ изъ нихъ громко пѣлъ на вершинѣ дерева. Чѣмъ болѣе надвигались сумерки, тѣмъ неугомоннѣе становились дрозды; наконецъ, смолкли всѣ разомъ. Замолкли и мелкія пташки. Стало все тихо кругомъ, словно въ лѣсу не было ни одного живого существа. Луна появилась на востокѣ, заря догорала на западѣ и мы не дождавшись фазановъ, которые, вѣроятно, остались ночевать въ другомъ мѣстѣ, спустились къ нашему бивуаку. Здѣсь горѣлъ огонь. Казакъ сварилъ чай, зажарилъ на вертелѣ баранину и мы поужинали съ большимъ аппетитомъ. Затѣмъ, на мшистой почвѣ разостлали войлоки, положили въ изголовья сѣдла и улеглись спать. Не спалось мнѣ! Великолѣпно хороша была тихая весенняя ночь. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было читать. Вокругъ чернѣлъ лѣсъ, впереди и позади насъ, словно гигантскія стѣны, высились отвѣсные обрывы ущелья, по дну котораго съ шумомъ бѣжалъ ручей. Рѣдко выпадали намъ во время путешествія подобныя ночевки и тѣмъ сильнѣе чувствовалось наслажденіе въ данную минуту. То была радость тихая, успокаивающая, какую можно встрѣтить только среди матери природы. Наконецъ дремота одолѣла и я, закутавшись въ теплое одѣяло, заснулъ сладкимъ сномъ. Къ утру похолодѣло; луна ушла за горы. Была пора вставать и идти на засадки. Казакъ уже всталъ и кипятилъ чай. Быстро сбросили мы теплыя одѣяла, надѣли

охотничьи платья и, проглотивъ по чашкѣ горячаго чая, отправились на засадки, боясь упустить золотое время. Но оно еще не наступило. Все спало въ лѣсу и намъ пришлось ждать съ добрые четверть часа.

Но вотъ хрипло прокричала куропатка и послышалось трещанье голубыхъ сорокъ, ночевавшихъ въ ближайшихъ кустахъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался громкій крикъ ушастаго фазана, въ отвѣтъ на который закричали другія пары изъ разныхъ уголковъ лѣсныхъ ущелій. Радостно забилось сердце охотника и минуты ожиданія стали казаться слишкомъ долгими.

Между тѣмъ уже порядочно разсвѣло и голоса проснувшихся птицъ огласили лѣсъ; но ушастые фазаны кричали лишь изрѣдка, тихо подвигаясь изъ лѣса на поляны. Наконецъ, вдали мелькнула одна птица, на дальній обрывъ выбѣжала цѣлая пара, но всѣ онѣ были внѣ выстрѣла. Досада и чуть не отчаяніе начали овладѣвать мною. Нѣсколько разъ меня подзадоривало встать изъ засадки и идти искать фазановъ въ лѣсу, но я рѣшился выдержать до конца, хотя и продрогъ порядочно на ночномъ морозѣ. Настойчивость эта была наконецъ вознаграждена. Послѣ того какъ уже взошло солнце, пара фазановъ показалась изъ кустовъ, шагахъ въ сорока отъ моей засадки. Красивыя птицы шли мѣрнымъ шагомъ, не подозрѣвая опасности. Первымъ выстрѣломъ я убилъ одного, вторымъ — ранилъ другого, но онъ успѣлъ убѣжать. Съ своей добычею я отправился къ мѣсту ночлега, гдѣ товарищи, убившіе также одного фазана, ожидали меня съ осѣдланными лошадьми. Впослѣдствіи, охоты за ушастыми фазанами были удачнѣе и въ теченіи трехъ недѣль, мы добыли для своей коллекціи 26 экземпляровъ этой великолѣпной птицы».

Весь бассейнъ верхней Хуанъ-хэ изобилуетъ лекарственнымъ ревенемъ. Иные корни вѣсятъ 26 фунтовъ сырые и 12 — сухіе. Китайцы въ эти горы не проникаютъ, а тангуты добычею ревеня

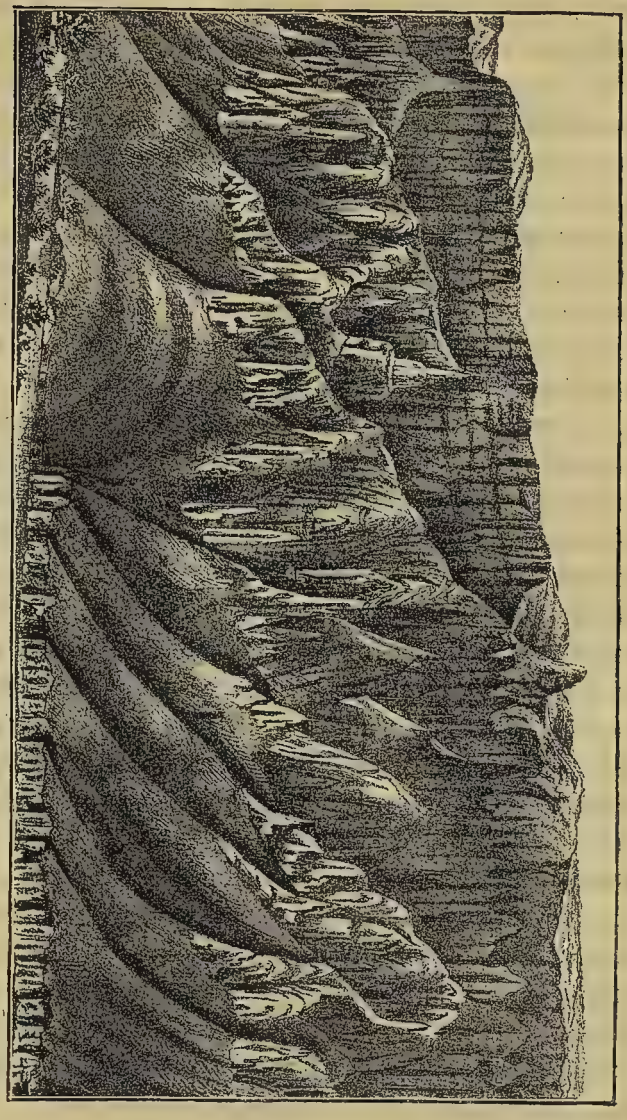
не занимаются. Въ иныхъ мѣстностяхъ добываніе ревеня даетъ хорошій доходъ. Поднимаясь все выше и выше, путешественники вступили на возвышенное плато, по которому предстоялъ большой безводный переходъ. Мѣстами, не было даже травы для покормки. Мулы, вышедшіе изъ Синина крѣпкими и игривыми, теперь едва тащили ноги и даже, пущенные на отдыхъ, бродили, повѣся носъ.

Такимъ образомъ шли путешественники, ни мало не подозрѣвая, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ — райскій уголокъ. Незамѣтно подошли они къ обрыву и остановились въ изумленіи. Передъ ними открылась страшная пропасть, на днѣ которой былъ иной міръ и растительный и животный. Наверху, безводная, лишь кое-гдѣ покрытая травою степь, внизу — шумящая рѣка, зеленѣющій лѣсъ, лѣсные птицы и звѣри... Такую разницу можно встрѣтить развѣ на тысячеверстномъ разстояніи, а тутъ — стоило только спуститься, чтобы насладиться богатыми дарами природы.

Спускъ въ эту чудную страну былъ однако не безопасенъ. Приходилось сползать почти по отвѣсной стѣнѣ наноснаго песку, гальки и мелкихъ валуновъ. Потревоженные камни сыпались со всѣхъ сторонъ и легко могли попасть въ голову. Мѣстами, въ обрывѣ выдавались конусы, или огромныя глыбы, которые еле держались и можно было ожидать, что все это рухнетъ внизъ, что здѣсь и случается.

Внизу была полнѣйшая весна; листья на деревьяхъ уже развертывались и весенніе цвѣты распустились. На рѣкѣ Чурмынъ, въ лѣсу, путешественники устроили свой бивуакъ. Свѣжая листва деревьевъ, неумолкаемое пѣніе птицъ, а по утрамъ и вечерамъ токованье фазановъ производили отрадное и успокаивающее впечатлѣніе. Тепло было какъ настоящимъ лѣтомъ; май принялъ пришельцевъ дѣйствительно по майски.

На Чурмынѣ кочуютъ тангуты — племени лунъ-чу, но въ это



Обрывы берега Хуанъ-хе.

время они уже перебрались въ горы и въ окрестномъ ущельѣ никого не было. Кочевники не замедлили провѣдать о прибытіи экспедиціи и привезли на продажу масла. Затѣмъ явились пятеро посланцевъ отъ Сининскаго амбаня съ извѣстіемъ, что изъ Пекина получены бумаги и письма. Амбань удержалъ посылку, опасаясь, будто бы, грабежа. Но въ дѣйствительности, онъ хотѣлъ побудить путешественниковъ вернуться въ Сининъ. Они, однакоже, не попались въ эту ловушку. Пржевальскій отправилъ посланцевъ обратно съ просьбою оставить бумаги до его возвращенія.

Покинувъ живописное ущелье, экспедиція снова поднялась на горное плато, чтобы спуститься въ другое ущелье, по которому течетъ Хуанъ-хэ. Не смотря на страшную глубину ущелья, спускъ въ него былъ удобенъ, такъ какъ тянулся зигзагами на протяженіи 5 верстъ. Желтая рѣка имѣетъ здѣсь сажень 40 — 50 ширины и не менѣе сажени глубины. Въ теченіи 4 сутокъ путешественники искали броду, но его нигдѣ не встрѣчалось. Предполагалось идти по Хуанъ-хэ до ея истоковъ, но это оказалось не возможнымъ. Горы поднимались почти подъ самыя облака, страшныя ущелья встрѣчались на каждомъ шагу; преодолѣть эти препятствія съ вьючными животными и безъ проводника нечего было и думать. Сообразивъ все это, Пржевальскій рѣшилъ посвятить наступающее лѣто изслѣдованію оазиса Гуй-дуй, озера Куку-норъ и восточнаго Нань-шаня.

Глава XI.

11 Мая караванъ двинулся въ Балекунъ-Гоми, поднялся на сосѣднее плато, потомъ спустился въ ущелье Бага-горги и пришелъ въ горы Сянь-си-бей. Въ Балекунъ-Гоми путешественники взяли своихъ пять верблюдовъ, оставленныхъ на пастьбу, но такъ какъ они нисколько не поправились, то пришлось воспользоваться

только тремя, а остальныхъ броситъ. При спускѣ въ глубокую долину Хуанъ-хэ, путешественники натерпѣлись большихъ мученій. Шедшій въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ дождь до того размочилъ лёссовую почву ущелій, что не только верблюды, но и мулы скользили и падали; къ ногамъ людей налипали огромные куски лёсса. По счастью непогода длилась недолго. Дождь пересталъ, выглянуло солнце и часа черезъ три вездѣ было почти совсѣмъ сухо.

Спустившись по ущелью рѣки Тагалынъ, гдѣ мѣстами приходилось идти то по крутымъ глинистымъ скатамъ, то по узкимъ, словно мостики, перешейкамъ, образуемымъ разрушеніями лёсса, путешественники достигли сначала урочища Ха-Гоми и далѣе Доро-Гоми, лежащаго на самой Хуанъ-хэ. Въ обоихъ живутъ осѣдло хара-тангуты въ числѣ 70 семействъ. Ихъ поля прекрасно обработаны и окружены арыками. На поляхъ растутъ большіе ивы и тополи, которые даютъ прохладу и украшаютъ мѣстность. Отъ ивы здѣсь, какъ и вездѣ въ Китаѣ, получаютъ постоянное топливо. Стволъ, на сажень отъ земли, срубаютъ и замазываютъ глиной. Срѣзанныя вѣтви употребляютъ какъ топливо, а изъ ствола выростаютъ новыя вѣтви и дерево получаетъ красивый шарообразный видъ.

Немного ниже Доро-Гоми, Хуанъ-хэ подходитъ къ обрывамъ своего лѣваго берега. Необходимо подняться вверхъ на высоту 600 — 700 ф. и затѣмъ спуститься къ рѣкѣ, миновавъ ея недоступную излучину. Тропинка идетъ сначала на разстояніи полуверсты глубокимъ корридоромъ съ совершенно отвѣсными боками; мѣстами, этотъ корридоръ до того узокъ, что мулы, навьюченные ящиками, не могли пройти. Мѣстный тангутскій старшина, вѣроятно по приказанію Сининскаго амбаня, въ свою очередь получившаго внушеніе изъ Пекина, благодаря хлопотамъ русскаго посольства, выслалъ въ ущелье цѣлую сотню мущинъ и женщинъ, чтобы дѣлать выбоины въ глиняныхъ стѣ-

нахъ и расширить путь. Эту работу могли бы справить 10—20 человѣкъ, но въ Китаѣ ни время, ни люди не цѣнятся. Тамъ, гдѣ достаточно двухъ трехъ, наряжаются цѣлые десятки. Конечно, работаетъ только нѣсколько человѣкъ, а остальные смотрятъ, совѣтуютъ и приказываютъ.

Невдалекѣ отъ Гуй-дуй экспедиція переправилась на другую сторону Хуанъ-хэ въ огромной баркѣ, въ два пріема. Плаваніе внизъ по рѣкѣ, которая очень быстра, производится на особаго рода плотахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ надутыхъ воздухомъ бараньихъ шкуръ, скрѣпленныхъ тонкими жердями и настланныхъ тростникомъ. Такая посудина быстро несется по волнамъ и нужно большую ловкость, чтобъ управлять ею.

Оазисъ Гуй-дуй лежитъ въ 65 верстахъ ниже Балекунъ-Гоми и образуется небольшими, впадающими въ Хуанъ-хэ, рѣчками: «Муджикъ-хэ» и «Дунъ-хо-дзянъ». Весь этотъ оазисъ состоитъ изъ небольшого областного города Гуй-дуй и нѣсколькихъ сотъ фанзъ, разсыпанныхъ по берегамъ названныхъ рѣчекъ.

Описываемый оазисъ очень плодороденъ и населенъ до крайности. Городскіе жители занимаются торговлею, деревенскіе — земледѣліемъ. Между тѣми и другими много страдающихъ зобомъ, калѣкъ, изуродованныхъ оспою или покрытыхъ язвами. Тоже поражало путешественниковъ и въ синиискомъ округѣ.

Около бивуака путешественниковъ толпилось, какъ всегда, множество любопытныхъ. Особенно поражало туземцевъ, что начальникъ экспедиціи и товарищи его офицеры ходятъ на охоту, носятъ простую одежду и постоянно заняты работою. По понятіямъ азіатовъ, чѣмъ выше чиновникъ, тѣмъ лѣнивѣе слѣдуетъ ему быть. Достоинство сановника непремѣнно должно, по ихъ мнѣнію, выражаться неподвижностью.

Послѣ дневки въ оазисѣ, караванъ направился въ окрестныя горы Муджикъ и Джахаръ. По пути Пржевальскій пополнялъ свои коллекціи. Въ данной мѣстности водится въ изобиліи голу-

бой чекканъ, очень красивая птица, ростомъ съ пѣвчаго дрозда. Крылья и хвостъ у него черные, всѣ же остальныя перья — цвѣта прекраснаго, ярко голубого шелка. Чекканъ держится на высокихъ горахъ, вблизи снѣговой линіи; по этой причинѣ, охота за нимъ трудна. Приходится взбираться высоко, сидѣть въ облакахъ и дожидаться, когда птицы прилетятъ на покормку. Чарующее впечатлѣніе производитъ эта птичка, сидящая на лугу, или порхающая по скаламъ. «Жаль стрѣлять въ милое, довѣрчивое созданіе», говоритъ Пржевальскій. И всякій разъ, убивъ голубого чеккана, сначала нѣсколько минутъ полюбуешься имъ, а потомъ уже спрячешь его въ свою сумку.

Изслѣдовавъ альпійскую область горъ Джахаръ, Пржевальскій рѣшилъ не идти далѣе къ югу, а возвратиться черезъ Гуйдуй на Куку-норъ. На слѣдующій же день экспедиція вышла изъ горъ и могла насладиться теплomъ, которое было особенно пріятно послѣ холода и сырости, испытанной въ горахъ.

Мимоходомъ переводчикъ узналъ, что въ восточномъ Тибетѣ недавно родился новый Далай-лама, которому повѣрили на мѣстѣ его родины. Другіе же тибетцы не хотѣли признать новорожденнаго, считая по прежнему истиннымъ Далай-ламою того, который живетъ въ Хлассѣ. Начались раздоры, дошедшіе до кровавыхъ столкновеній, въ нихъ приняли участіе китайскіе войска, но по слухамъ, китайцы были побиты, а новый Далай-лама увезенъ своими приверженцами и спрятанъ въ горахъ.

Въ Гуй-дуѣ путешественниковъ опять встрѣтилъ посланецъ отъ Сининскаго амбаня съ предложеніемъ не ходить на Куку-норъ, но на него, разумѣется, не обратили никакого вниманія.

Переправившись черезъ Хуанъ-хэ по прежнему въ баркѣ, караванъ 23 Іюня выбрался изъ глубокихъ ущелій Хуанъ-хэ и вступилъ на плато Куку-нора. Съ юга это плато окаймляется южно-куку-норскимъ хребтомъ, съ сѣвера — хребтомъ Амасургу, на протяженіи котораго, въ сѣверо-западномъ направле-

ніи, стоятъ новыя горы, отдѣляющія плато Куку-нора отъ бассейна сининской рѣки.

Продолжительные дожди размыли глину въ ущельяхъ и образовали грязь, доходившую мѣстами до колѣнъ. Деревьевъ и кустарниковъ не было, мокрый аргалъ не горѣлъ, приходилось употреблять для топлива палки отъ верблюжьихъ сѣделъ и довольствоваться полусваренной говядиной. Ливни уничтожили также множество пищухъ, которыя валялись повсюду мертвыя. По степи летали вороны, коршуны и орланы, собирая легкую добычу.

На берегу Куку-нора экспедиція расположилась на отдыхъ. Не смотря на высокое положеніе мѣстности и дождливую погоду, здѣсь была масса комаровъ и мошекъ, которые изрядно донимали и людей и животныхъ. Жертвою этихъ чудищъ сдѣлался знаменитый баранъ, по прозванію «Еграй», который купленъ былъ еще въ Тибетѣ и съ тѣхъ поръ ходилъ вожакомъ вновь пріобрѣтаемыхъ барановъ. Бѣдный Еграй ослѣпъ отъ укушенія мошекъ и былъ оставленъ на мѣстѣ стоянки. Убить его не хватило духу. Другой баранъ прошелъ изъ Цайдама взадъ и впередъ по сѣверному Тибету, выходилъ три мѣсяца на верховьяхъ Желтой рѣки, исполняя обязанность вожака. На пути отъ Куку-нора по пустынѣ Гоби на пятой тысячѣ верстъ, онъ сильно подбилъ копыта на галькѣ и отданъ былъ монголамъ.

Флора Куку-нора небогата разнообразіемъ видовъ. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчается «джума», извѣстная въ Европѣ подъ названіемъ гусиной лапки, бедренца, столистника. Это растеніе даетъ маленькіе, удлиненной формы, съѣдобные клубни, которыхъ при одномъ корнѣ бываетъ нѣсколько. Сырые клубни вкусомъ напоминаютъ свѣжіе орѣхи, а вареные — фасоль или молодой картофель. Приправленные масломъ и солью они очень вкусны и питательны. Тангутскія женщины дѣлаютъ большіе запасы джумы, выкапывая ее раннею осенью, когда жизнедѣятельность растенія пріостанавливается.

Изъ куку-норскихъ пернатыхъ замѣчателенъ горный гусь, называемый также индѣйскимъ. Онъ очень красивъ и бѣгаетъ чрезвычайно быстро. Обыкновенно нѣсколько выводковъ собираются вмѣстѣ, чтобы общими силами охранять свою безопасность. Стадо ходитъ по берегу, пощипывая траву и завидѣвъ опасность, торопливо бросается въ озеро и отплываетъ вдаль. Желая добыть нѣсколько экземпляровъ для коллекціи, Пржевальскій и Коломейцевъ отправились на одно изъ мелководныхъ озеръ, которыми изобилуютъ окрестности Куку-нора. Увидавъ стадо штукъ въ 70, Пржевальскій пошелъ къ нему по неглубокому, но довольно топкому дну озера. Коломейцевъ обошелъ съ другой стороны. Когда Пржевальскій выстрѣлилъ, гуси всполошились, бросились, было, къ противоположному берегу, но увидавъ тамъ Коломейцева, остановились и закружились на одномъ мѣстѣ. Словно растерянные, они то подплывали къ непріятелямъ, то снова сбивались въ кучу. Только послѣ 12-го выстрѣла, они словно опомнились и побѣжали спасаться въ камыши. Убитыхъ оказалось 21 штука.

Сдѣлавъ съемку озера Куку-нора съ того мѣста, гдѣ заканчивалась съемка 1873 г., Пржевальскій съ товарищами снялся съ бивуака 6 Іюля и двинулся въ обратный путь.

На восьмыя сутки экспедиція пришла въ кумирню Чейбсонъ, гдѣ была встрѣчена очень радушно старыми знакомыми.

«Съ приходомъ въ Чейбсонъ», говоритъ Пржевальскій, «окончилась маршрутно-глазомѣрная съемка, которую я велъ отъ самой рѣки Урунгу. Предстоявшій теперь путь черезъ Алашань до Урги былъ снятъ еще въ 1873 г. Всего въ теченіи нынѣшней экспедиціи снято было мною 3,850 верстъ. Если приложить сюда 5,300 верстъ, снятыхъ при первомъ путешествіи по Монголіи и сѣверному Тибету, 2,320 верстъ моей же съемки на Лобъ-норѣ и въ Чжунгаріи, то въ общемъ получится 11,470 верстъ проложенныхъ вновь на карту центральной Азіи».

Въ Чейбсонѣ путешественники нашли новинку, нѣсколько водяныхъ молелень, по монгольски «хурды», устроенныя на ближайшей рѣчкѣ. Такія молельни, довольно обыкновенныя у буддистовъ, состоятъ изъ большаго желѣзнаго цилиндра, укрѣпленнаго на деревянномъ столбѣ фута въ три вышиною. Столбъ утвержденъ вертикально въ обыкновенномъ мельничномъ колесѣ,

Водяная молельня (Хурды).

положенномъ горизонтально. Струя воды, приводя въ движеніе колесо, вертитъ цилиндръ, куда богомольцы бросаютъ написанныя на бумажкахъ или тряпкахъ молитвы, которыя, находясь непрерывно въ движеніи, какъ бы постоянно взываютъ къ Богу.

Передневавъ возлѣ Чейбсона и завербовавъ проводника, экспедиція отправилась прежнимъ путемъ въ горы Южно-тэтунгскія, куда пришла въ два перехода. Сверху, съ горъ, насколько хваталъ глазъ, виднѣлось густое осѣдлое населеніе. Поля, прекрасно обработанныя, не орошаются здѣсь арыками, такъ какъ лѣтнихъ дождей въ этой мѣстности черезъ чуръ довольно.

Въ началѣ Августа экспедиція достигла кумирни Чертынтонъ, гдѣ нашла также радушный пріемъ. Кумирня Чертынтонъ не такъ богата какъ Чейбсонъ, но зато расположена въ мѣстности чрезвычайно живописной, на лѣвомъ берегу Тэтунга, подъ громадными отвѣсными скалами, на которыхъ мирно пасутся кукуяманы. При кумирнѣ, въ глиняныхъ фанзахъ, живутъ до 800 ламъ. Передъ кумирней разстилается большой лугъ, который можно было бы обратить въ прекрасный садъ, еслибъ ламы не были такъ лѣнивы. На противуположномъ берегу Тэтунга горы покрыты вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ водятся всѣ сорта грибовъ, извѣстные намъ боровики, березовики, рыжики, волнушки. Но тангуты грибовъ не ѣдятъ, считая ихъ погаными. Въ этихъ лѣсахъ, почитаемыхъ священными, охота запрещена, почему здѣсь много звѣрей и птицъ.

Населеніе Тэтунгскихъ горъ составляютъ тангуты, мало чѣмъ отличающіеся отъ другихъ своихъ собратій. Они занимаются скотоводствомъ и сученіемъ яковой, рѣже бараньей шерсти для одежды и палатокъ. Сученіе это производится какъ мужчинами такъ и женщинами на длинной палкѣ съ рогулькою, черезъ которую проходитъ нитка съ висячимъ веретеномъ. Подобная работа производится даже походя, причемъ сучильная палка втыкается за воротъ верхней одежды. Иные занимаются точеніемъ деревянной посуды.

Покинувъ 2-го Августа кумирню Чертынтонъ, экспедиція направилась къ перевалу черезъ сѣверно-тэтунгскія горы, за

которыми залегала утомительно однообразная пустыня верстъ на 1000 въ поперечникѣ. Съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ Пржевальскій съ перевала на открывавшуюся передъ нимъ па-

Тангутка (Си-фани) изъ Гань-су.

нораму. Его, какъ и всякаго любителя природы, охватывало чувство благоговѣнія при видѣ величія, въ виду котораго человѣкъ невольно становится чище и лучше.

На сѣверо-тэтунгскихъ горахъ путешественники не нашли прежняго безлюдья; здѣсь почти вездѣ кочевали тангуты, а черезъ перевалъ взадъ и впередъ ѣздили Китайцы. По долинѣ Чагрыкъ-гола мѣстами разставлены были пикеты, охранявшіе главный путь сообщенія Западнаго Китая съ при Тяньшанскими землями.

Спустившись 9-го Августа съ вышеописаннаго хребта, экспедиція остановилась на дневку близь гор. Даджинъ. Мѣстность понизилась на 6,400 футъ. Недавняя прохлада горъ замѣнилась теперь жаромъ и сухостью атмосферы. Вся природа совершенно измѣнилась, точно путешественники перенеслись Богъ вѣсть на какое разстояніе. Только что они разбили свой бивуакъ, какъ поднялась сильная буря, наполнивъ воздухъ тучами удушливой пыли; то былъ привѣтъ пустыни...

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ пустыня на душу путника. Бредетъ онъ со своимъ караваномъ по сыпучимъ пескамъ, или по обширнымъ, глинисто солончаковымъ площадямъ и день за днемъ встрѣчаются одни и тѣже пейзажи, одно и тоже мертвенное запустѣніе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ вдали робкая хорасульта, юркнетъ въ нору испуганный тушканчикъ, глухо просвиститъ песчанка, затрещитъ на саксаулѣ сойка, или съ своимъ обычнымъ крикомъ пролетитъ стая больдуруковъ... Затѣмъ, по цѣлымъ часамъ не слышно ни единаго звука, не видно ни единой живой твари, кромѣ безчисленныхъ ящерицъ...

А между тѣмъ лѣтнее солнце печетъ невыносимо и негдѣ укрыться отъ жары; ни кустика, ни деревца. Развѣ случайно набѣжитъ облачко и на минуту прикроетъ путника отъ палящихъ лучей. Въ мутной, желтовато-сѣрой атмосферѣ не колыхнетъ вѣтерокъ; развѣ появится вихрь и закрутитъ горячій песокъ и соленую пыль...

Вплоть до заката жжетъ неумолимо солнце пустыни; нѣтъ прохлады и ночью. Раскаленная почва дышетъ жаромъ до слѣ-

дующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывается дневное свѣтило и быстро накаляетъ все, что хотя немного успѣло остыть въ теченіе ночи.

Зимою, на смѣну жаровъ являются полярные холода при частыхъ буряхъ еще больше усиливающихъ ледяную стужу. Отъ этихъ невзгодъ трудно спасаться человѣку, не имѣющему прочнаго жилья и древеснаго топлива.

Недешево обходится перелетъ черезъ пустыню и пернатымъ странникамъ. Наиболѣе сильные изъ нихъ: лебеди, журавли и гуси въ одинъ махъ стараются перенестись черезъ Гоби и потому летятъ обыкновенно чрезвычайно высоко, въ облакахъ. Но болѣе слабыя птички принуждены дѣлать перелетъ станціями, низко надъ землею, отъискивая удобные уголки для отдыха и покормки. Такими мѣстами служатъ колодцы, возлѣ которыхъ бываетъ обыкновенно розлито немного водицы при водопоѣ скота. Въ особенности плохо бываетъ перелетнымъ птицамъ, если ихъ захватитъ буря; они гибнутъ тогда въ большомъ количествѣ. На одномъ изъ переходовъ путешественники наткнулись на большую стаю дупелей. Птицы были такъ изнурены, что ихъ можно было ловить руками.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ караванъ прошелъ 283 вер. и 24 августа прибылъ въ г. Дынъ-юань-инь. Старый князь уже умеръ и его мѣсто занималъ старшій его сынъ. Порядки измѣнились къ худшему. Князья обременяли народъ поборами, торговали чинами и наконецъ придумали давать представленія, въ которыхъ сами принимали участіе. Даже достопочтенный гыгенъ не стѣснялся отплясывать на подмосткахъ въ присутствіи вѣрующихъ. На такія представленія населеніе допускалось не иначе какъ за плату деньгами, а за неимѣніемъ ихъ скотомъ или продуктами.

2-го сентября экспедиція выступила изъ Дынъ-юань-иня, чтобы слѣдовать въ Ургу. На границѣ Ала-шаньской земли ле-

житъ аймакъ монголовъ-уротовъ, вдавшійся узкимъ клиномъ между Ала-шанемъ и Халхою. Какъ по внѣшности, такъ и по внутреннимъ качествамъ, уроты мало чѣмъ отличаются отъ своихъ соплеменниковъ монголовъ.

Аймакъ уротовъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ появляются ильмовыя деревья, составляющія въ средней Азіи большую рѣдкость.

Въ концѣ сентября экспедиція вступила въ среднюю часть Гоби, по которой предстояло пройти болѣе 1000 верстъ.

Эта часть Гоби разнится отъ прежде пройденной тѣмъ, что грунтъ ея состоитъ не изъ песку, а изъ щебня и мелкой гальки. По счастью, наступала осень, время самое удобное для переходовъ по пустынѣ. Изо дня въ день, въ теченіи болѣе полутора мѣсяца, шли путешественники по пустынѣ и наконецъ 19 октября открылась передъ ними широкая долина р. Тола, а въ глубинѣ ея на бѣломъ фонѣ только что выпавшаго снѣга чернѣлся священный для монголовъ городъ Урга. Еще два часа ходьбы и вдали замелькало зданіе русскаго консульства. Быстрая Тола катила свою свѣтлую еще незамерзшую воду, вправо на горѣ чернѣлъ нетронутый лѣсъ. Обстановка пустыни круто измѣнилась; словно иной міръ являлся передъ глазами. Близился конецъ 19-ти мѣсячнымъ трудамъ и лишеніямъ; повѣяло чѣмъ-то Европейскимъ, роднымъ. Грязные монголы, встрѣчавшіеся на пути, казались теперь еще противнѣе. Ежеминутно подгонялись уставшіе верблюды; нетерпѣніе росло съ каждымъ шагомъ.

Но вотъ, наконецъ, путешественники въ воротахъ русскаго дома, слышатъ родную рѣчь... Всѣ невзгоды позабыты и весьма недавнее прошлое кажется грезами обманчиваго сна.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ радостной встрѣчи, Николай Михайловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ.

«Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ *)...

Отдохнувъ пятеро сутокъ, путешественники отправились на монгольскихъ почтовыхъ въ Кяхту. Тарантасъ, въ которомъ они ѣхали, везли два верховыхъ верблюда. Для этого къ концамъ оглобель привязана была поперечная жердь. Двое верховыхъ взяли концы ея въ руки и пустились вскачь, при чемъ экипажъ прыгалъ по всѣмъ встрѣчнымъ кочкамъ и камнямъ. Каждые полчаса верховые монголы смѣнялись другими, для чего при экипажѣ скакало человѣкъ десять всадниковъ.

Наконецъ, послѣ полудня 29 октября, показались бѣлыя шпицы кяхтинскихъ церквей и путники «со слезами на глазахъ привѣтствовали этотъ первый символъ своей родины». Пограничный комиссаръ и нѣсколько кяхтинскихъ купцовъ встрѣтили пріѣхавшихъ передъ городомъ, проводили въ заранѣе приготовленную квартиру и окружили истинно родственною заботливостью.

Во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ Пржевальскій: Вѣрномъ, Семипалатинскѣ, Омскѣ, Оренбургѣ—вездѣ ему устраивались торжественныя встрѣчи. «Чествованія такія, писалъ онъ, какихъ я никогда не смѣлъ ожидать».

Въ день Рождества Христова, онъ обнялъ въ Москвѣ братьевъ и близкихъ, съѣздилъ въ Смоленскую губернію и 7 Января 1881 года прибылъ въ Петербургъ.

За всѣ три путешествія: Монгольское, Лобъ-Норское и настоящее пройдено было Пржевальскимъ 22,260 верстъ.

---

*) Дубровинъ, ст. 347.

Глава XII.

Возвращеніе Николая Михайловича въ Петербургъ сопровождалось большими овиціями. Члены географическаго общества съ вице-президентомъ Семеновымъ во главѣ, академики, ученые, литераторы, словомъ всѣ тѣ, которые успѣли узнать о возвращеніи знаменитаго путешественника, собрались его встрѣтить на желѣзную дорогу. Семеновъ сказалъ прочувствованную рѣчь и сообщилъ Пржевальскому объ избраніи его почетнымъ членомъ имп. геогр. общ. Глубоко тронутый Пржевальскій отвѣчалъ «что именно въ сочувствіи русскихъ ученыхъ къ его дѣятельности и въ сознаніи, что за нимъ слѣдятъ на родинѣ, онъ черпалъ энергію и рѣшимость». Слова эти были покрыты рукоплесканіями и криками «ура»!.

Въ тотъ же вечеръ Пржевальскій приступилъ къ составленію записки начальнику главнаго штаба, въ которой онъ счелъ долгомъ прежде всего просить о награжденіи его спутниковъ. Ходатайство это было вполнѣ уважено: весь персоналъ экспедиціи получилъ пожизненную пенсію и сверхъ того былъ награжденъ знаками военнаго ордена за мужество, выказанное въ борьбѣ съ природою и враждебностью туземцевъ, выразившеюся въ Тибетѣ открытымъ нападеніемъ. Пржевальскому пожалованъ орденъ Владиміра 3-й степени и пожизненная пенсія въ 600 руб. сверхъ той, которую онъ уже получалъ.

Множество писемъ и телеграммъ получалось Пржевальскимъ. Всѣ поздравляли его съ громаднымъ успѣхомъ трудовъ его на пользу науки всѣхъ объединяющей и на славу русской предпріимчивости. 10 января Пржевальскій представлялся Императору Александру II и Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ Царствующему Государю Императору). 14 Января было чрезвычайное торжественное собраніе И. Р. Г. О. въ залѣ Ея Высочества Великой

Княгини Екатерины Михайловны подъ предсѣдательствомъ самого Августѣйшаго президента Великаго Князя Константина Николаевича. Петербургъ избралъ Николая Михайловича своимъ почетнымъ гражданиномъ, а вслѣдъ за нимъ и родной его городъ Смоленскъ. Многія ученыя общества, какъ здѣсь, такъ и за границей, избрали его почетнымъ членомъ.

Весь этотъ почетъ не легко доставался Николаю Михайловичу. Отъ визитовъ, собесѣдованій и приглашеній отбою не было, между тѣмъ приходилось усиленно заниматься, чтобъ привести въ порядокъ собранный научный матеріалъ. За недостаткомъ времени, Пржевальскій долженъ былъ отказаться отъ весьма лестныхъ для него предложеній прочитать нѣсколько лекцій за границей.

Кромѣ посѣщеній лицъ оффиціальныхъ и друзей, масса народа являлась къ Пржевальскому съ различными просьбами: дать портретъ для иллюстрированныхъ изданій, написать свою автобіографію. Иные просили оказать пособіе, похлопотать о доставленіи мѣста или производствѣ въ слѣдующій чинъ. Одна барыня просила даже отъискать ей пропавшую собачку, вполнѣ увѣренная, что для Николая Михайловича все возможно. Въ этомъ случаѣ оправдалась пословица, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ.

Разобравшись съ коллекціями, Пржевальскій поднесъ въ даръ императорскому ботаническому саду свою богатую ботаническую коллекцію, а зоологическую — подарилъ академіи наукъ.

Для ознакомленія публики съ результатами плодотворныхъ путешествій Пржевальскаго устроена была въ мартѣ мѣсяцѣ изъ его коллекцій Академіей Наукъ особая выставка. Входная плата пошла на образованіе капитала, имени Пржевальскаго, проценты съ котораго предназначались на пополненіе зоологическаго музея Академіи.

Выставка привлекла массу посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Пржевальскій въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу результаты своихъ путешествій, причемъ онъ имѣлъ счастіе поднести коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ.

Окончивъ эти собесѣдованія, Пржевальскій уѣхалъ въ деревню, купилъ имѣніе и въ тиши уединенія занялся описаніемъ своего послѣдняго путешествія. Въ январѣ 1883 г. сочиненіе было окончено, и Пржевальскій отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы заняться его печатаніемъ и подготовить почву для новой экспедиціи.

«Теперь, писалъ онъ совѣту географическаго общества, когда результаты совершенной экспедиціи воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи. Внутри азіатскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета все еще остается площадь болѣе 20,000 кв. геогр. миль почти совершенно неизслѣдованная. Большую западную часть такой terra incognita (неизвѣстной земли) занимаетъ поднятое на страшную абсолютную высоту (отъ 14,000 до 15,000 ф.) плато сѣв. Тибета; меньшая восточная половина представляетъ собою грандіозную альпійскую страну переходныхъ уступовъ отъ Тибета къ собственному Китаю».

«Если пустятъ насъ въ Хлассу», говорилъ Пржевальскій, «мы пойдемъ; а если нѣтъ — то и въ сторонѣ оставимъ; но до озера Тенгри-нора добраться постараемся».

Все что просилъ Пржевальскій: крупную денежную субсидію, служебныя льготы своимъ спутникамъ, все ему было даровано. Сверхъ того для научныхъ работъ даны были инструменты и для всѣхъ членовъ экспедиціи оружіе и боевые припасы въ изобиліи.

Наслѣдникъ Цесаревичъ подарилъ Пржевальскому подзорную трубу изъ аллюминія, чрезвычайно легкую и этотъ драгоцѣнный даръ Николай Михайловичъ берегъ какъ зеницу ока.

Зная по опыту, какъ затруднительно въ путешествіи таскать за собою большой багажъ, Пржевальскій предполагалъ устраивать этапные пункты, чтобы оставлять на нихъ лишній багажъ подъ присмотромъ казаковъ. Экспедиціонный же, такъ сказать, летучій отрядъ долженъ былъ производить экскурсіи по радіусамъ отъ складочнаго пункта.

Пока разрѣшался вопросъ о новой экспедиціи, вышла книга: «Изъ Зайсана черезъ Хами и т. д.». Книга была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и заслужила лестныя похвалы какъ русской, такъ и заграничной печати.

Въ это же время случилось обстоятельство, сильно огорчившее Пржевальскаго. Эклонъ задумалъ жениться и отказался отъ экспедиціи.

Послѣ лѣта, проведеннаго въ деревнѣ, Пржевальскій сталъ собираться въ путь. Въ началѣ августа 1883 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 26 сентября онъ и его спутники прибыли въ Кяхту. Здѣсь онъ получилъ письмо генералъ-адъютанта Даниловича и драгоцѣнный подарокъ: фотографическую карточку Наслѣдника Цесаревича и Его Августѣйшаго брата.

Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима.

Глава I.

Цѣлый мѣсяцъ пробылъ Пржевальскій въ Кяхтѣ, снаряжая и укомплектовывая свой экспедиціонный отрядъ. Отрядъ состоялъ на этотъ разъ изъ 21 человѣка: самого Пржевальскаго, поручика Роборовскаго, вольноопредѣляющагося Козлова, старшаго урядника Иринчинова, 9 казаковъ, 7 линейныхъ солдатъ и переводчика Абдула Юсупова.

Пока шли приготовленія и закупка необходимыхъ вещей, казаки и солдаты упражнялись въ стрѣльбѣ. Имъ было объявлено, что хорошая стрѣльба составляетъ залогъ успѣха экспедиціи и они лѣзли вонъ изъ кожи. Тѣмъ временемъ урядникъ Иринчиновъ посланъ былъ въ Ургу для закупки верблюдовъ.

21 Октября, послѣ обѣда, даннаго кяхтинскими старшинами путешественникамъ, ровно въ 3 часа, верблюды были навьючены и выстроены на улицѣ. Тамъ собрались въ большомъ числѣ провожавшіе ихъ родственники и посторонніе зѣваки. Начались прощанія, напутствованія... у многихъ на глазахъ были слезы. Наконецъ, караванъ двинулся и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на китайской землѣ.

Въ придачу къ 56 верблюдамъ въ Ургѣ было куплено 7 лошадей и пополнено продовольствіе. Здѣсь же Пржевальскій сдѣлалъ распредѣленіе экспедиціонной службы и прочелъ отряду слѣдующій приказъ: «Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ, — великое дѣло! Мы идемъ изслѣдовать Тибетъ и сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждой смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тѣмъ службу, какъ для науки, такъ и для славы дорогого отечества».

Получивъ въ Ургѣ китайскій паспортъ, экспедиція 8-го Ноября двинулась далѣе. Началось четвертое путешествіе Пржевальскаго по центральной Азіи. Снова лежало передъ нимъ неизвѣстное будущее, снова ожидали его труды и лишенія; но онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду и подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ, сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ»...

Въ караванѣ состояло 40 навьюченныхъ верблюдовъ, 14 подъ верхомъ для казаковъ, 2 запасныхъ и 7 верховыхъ лошадей. Багажа набралось болѣе 300 пудовъ. Всѣ вьючные верблюды были раздѣлены на 6 эшелоновъ, сопровождаемыхъ каждый, двумя казаками. Остальные казаки ѣхали частью въ срединѣ каравана, частью въ арьергардѣ, гдѣ постоянно находился Роборовскій. Пржевальскій ѣхалъ немного впереди съ Иринчиновымъ и вожакомъ монголомъ. Позади навьюченныхъ верблюдовъ одинъ изъ казаковъ, верхомъ на лошади, гналъ барановъ для продовольствія. Экспедиція отправилась поперегъ Гоби тѣмъ самымъ

путемъ черезъ Ала-шань, которымъ уже шла дважды, въ 1873 и 1880 году.

Съ выступленіемъ изъ Урги начались сильные морозы, доходившіе до замерзанія ртути. Снѣгъ лишь тонкимъ слоемъ покрывалъ землю, да и то не вездѣ. Верстъ за 150 отъ Урги снѣгъ окончательно исчезъ и стало гораздо теплѣе. Дневокъ сначала не дѣлали, такъ какъ на пройденной уже ранѣе мѣстности не предвидѣлось никакихъ научныхъ открытій. Рѣкъ или рѣчекъ въ этой мѣстности не попадалось вовсе, но довольно часто встрѣчались колодцы и ключи; одинъ изъ нихъ считается цѣлебнымъ и лѣтомъ возлѣ него живутъ больные монголы.

По пути, экспедиція встрѣчала богомольцевъ монголовъ, гнавшихъ скотъ на продажу. Кромѣ того, встрѣтился караванъ ала-шанцевъ, везшихъ на продажу рисъ и просо.

На девятнадцатый день по выходѣ изъ Урги, экспедиція оставила за собою степную часть сѣверной Гоби и вступила въ настоящую пустыню, залегающую съ востока на западъ, черезъ всю центральную Азію до горъ Гань-су.

Почти цѣлый мѣсяцъ тащился караванъ по этой пустынѣ. Погода стояла ясная, но пыльныя бури случались часто. Бури въ пустынѣ производятъ тоже дѣйствіе, что текучая вода въ нашихъ странахъ; онѣ совершенно измѣняютъ рельефъ почвы. Нужно видѣть во очію всю силу разгулявшагося въ пустынѣ вѣтра, чтобъ оцѣнить вполнѣ его разрушительное дѣйствіе. Не только пыль и песокъ наполняютъ въ это время атмосферу, но въ воздухѣ крутится мелкая галька, а болѣе крупные камешки катятся по поверхности почвы. Случается, что камни, величиною въ кулакъ, попадаютъ въ углубленіе скалъ и вращаемые тамъ бурею, производятъ глубокія выбоины, и даже просверливаютъ насквозь двухфутовыя глыбы.

Во время движенія черезъ Гоби, экспедиціи удалось полюбоваться на великолѣпную зарю, до тѣхъ поръ ни разу ни наблю-

давшуюся. Послѣ яснаго зимняго дня, передъ закатомъ солнца, чаще тотчасъ послѣ его захода, на западѣ появлялись мелкія перистыя облачка. Вслѣдъ за тѣмъ весь западъ освѣщался ярко бланжевымъ свѣтомъ, который вскорѣ, сверху становился фіолетовымъ, изрѣдка испещреннымъ тѣневыми полосами. Въ это время съ востока поднималась полоса ночи внизу — темно-лиловая, вверху — фіолетовая. Между тѣмъ, на западѣ, фіолетовый цвѣтъ исчезалъ, вблизи же горизонта появлялся на общемъ, свѣтло-бланжевомъ фонѣ, въ видѣ растянутаго круга, ярко-оранжевый цвѣтъ, переходившій иногда въ свѣтло-багровый, а иногда въ темно-багровый или кровяно-красный. На востокѣ, тѣмъ временемъ фіолетовый цвѣтъ пропадалъ и все небо становилось мутно-лиловымъ.

Среди измѣняющихся переливовъ свѣта, на западѣ ярко, словно брилліантъ, блестѣла Венера, скрывавшаяся за горизонтомъ почти одновременно съ исчезаніемъ зари, длившейся послѣ захода солнца цѣлые полтора часа. Почти все время эта дивная заря отбрасывала тѣнь и особеннымъ, какимъ то фантастическимъ свѣтомъ освѣщала всѣ предметы пустыни.

Утренняя заря часто бывала не менѣе величественна, только переливы цвѣтовъ шли въ обратномъ порядкѣ.

Третьяго Января новаго 1884 года путешественники пришли въ Дынь-юапъ-ишъ, а на слѣдующій день имѣли свиданіе съ владѣтельнымъ княземъ и двумя его братьями. Встрѣтились какъ старые знакомые, хотя, конечно, радушной встрѣчѣ не мало способствовали и привезенные подарки; одинъ гыгенъ былъ радъ непритворно. Онъ выказалъ много гостепріимства и, къ удивленію путешественниковъ, угостилъ ихъ шампанскимъ. Оказалось, что князья познакомились съ этимъ напиткомъ въ Пекинѣ и стали выписывать его; старшій князь даже слишкомъ къ нему пристрастился, какъ передавали Пржевальскому по секрету.

Князья, по обыкновенію, выклянчивали у путешественниковъ все, что могли, вывѣдывая притомъ черезъ переводчика, какія у нихъ имѣются вещи. Стараго своего пріятеля, ламу Сорджи, Пржевальскій не засталъ уже въ живыхъ.

Въ Дынь-юанъ-инѣ путешественники прикупили верблюдовъ, пополнили продовольственные запасы и 10 Января двинулись далѣе, направляясь прежнимъ путемъ черезъ южный Ала-шань къ предѣламъ Гань-су. На перевалѣ черезъ сѣверно-тэтунгскій хребетъ нѣкоторыя мѣста до того обледенѣли, что пришлось посыпать ихъ пескомъ, иначе верблюды не могли бы пройти. Тѣмъ не менѣе, караванъ прошелъ вполнѣ благополучно и верблюды еще разъ доказали, что при умѣломъ обращеніи, они могутъ переходить самыя высокія горы.

Вслѣдъ за спускомъ съ главнаго хребта, путешественники вошли въ чрезвычайно живописное ущелье, гдѣ водилось много птицъ и въ особенности фазановъ. Охотясь за фазанами, Роборовскій набрелъ на пещеру, въ которой жилъ буддійскій отшельникъ. Встревоженный выстрѣлами, отшельникъ началъ что-то бормотать, сильно размахивая руками; потомъ снялъ туфлю и отрясъ съ нея прахъ въ сторону чужеземца, видимо проклиная его за нарушеніе своего покоя. Жилища подобныхъ аскетовъ изрѣдка встрѣчаются въ горахъ Гань-су и Куку-нора.

13 Февраля путешественники вышли на рѣку Тэтунгъ-голъ и расположились бивуакомъ противъ кумирни Чертынтонъ.

Выше было говорено, что охота въ окрестностяхъ кумирни запрещена туземцамъ, но Пржевальскій получилъ отъ управляющаго кумирней разрѣшеніе поохотиться въ священныхъ горахъ и такимъ образомъ имѣлъ возможность пріобрѣсти для своей коллекціи нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ.

27 Февраля караванъ снялъ свой бивуакъ и двинулся по ущелью рѣки Рангхта къ южно-тэтунгскимъ горамъ. Переваливъ

черезъ этотъ хребетъ, онъ пришелъ къ кумирнѣ Чейбсонъ и на знакомомъ лугу расположился бивуакомъ.

Кумирня Чейбсонъ значительно обстроилась и слѣды Дунганскаго нашествія почти исчезли. Путешественникамъ пришлось быть свидѣтелями интересной буддійской процессіи, въ которой принимали участіе до 200 ламъ. Ламы шествовали съ молитвами и трубными звуками, а тутъ же, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, собаки пожирали трупъ только что умершаго мальчика и никто на это не обращалъ вниманія.

Между тѣмъ вернулись люди, посланные въ Сининъ, для предъявленія китайскаго паспорта. Съ ними вмѣстѣ пріѣхалъ китайскій чиновникъ, наговорившій Пржевальскому много любезностей. Изъ его словъ можно было заключить, что Сининскій амбань понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и уже не пытается останавливать движеніе экспедиціи на Куку-норъ и въ Цайдамъ, но отсюда до содѣйствія было еще очень далеко. Амбань прямо отказалъ въ проводникѣ на истоки Желтой рѣки подъ предлогомъ, что его люди не знаютъ туда дороги. При этомъ, для наблюденія за путешественниками, но подъ видомъ почета, амбань прислалъ нѣсколько десятковъ солдатъ, при двухъ офицерахъ, и всѣ увѣренія Пржевальскаго, что ему никакой охраны не нужно, не привели ни къ чему.

Простоявъ четыре дня у кумирни, Чейбсонъ экспедиція двинулась на Куку-норъ тою же дорогою, по которой шла въ Іюлѣ 1880 года.

Отъ Чейбсона до Куку-нора лежитъ мѣстность, довольно густо населенная тангутами, дунганами и китайцами. Иныя фанзы стоятъ отдѣльно, иныя сгруппированы вмѣстѣ и составляютъ деревню. Кое-гдѣ встрѣчаются жилища, выкопанныя въ лёссовыхъ обрывахъ.

Всѣ холмы и даже частью горы здѣсь обработаны. Поля идутъ плоскими террасами, чтобы вода не смывала земли. Во

время прохода экспедиціи, въ половинѣ Марта, земледѣліе уже началось; по полямъ развозили удобреніе изъ пережженаго дерна, который добывается въ мѣстахъ, недоступныхъ для обработки. Обиліе лѣтнихъ дождей устраняетъ необходимость искусственной поливки и даетъ возможность увеличить площадь обработанной земли.

Во всѣхъ попутныхъ деревняхъ жители высыпали на дорогу посмотрѣть на невиданныхъ людей; на бивуакахъ назойливо лѣзли впередъ, а по уходѣ путешественниковъ, какъ коршуны, бросались подбирать всякую брошенную дрянь.

Въ одномъ мѣстѣ экспедиція набрела на старинное китайское кладбище, гдѣ сохранились каменныя ворота и нѣсколько такихъ же столбовъ, увѣнчанныхъ грубыми изваяніями лошадей и бурхановъ *). У первыхъ отбиты были ноги, у вторыхъ — головы. Сдѣлано это было, по объясненію китайцевъ потому, что каменные бурханы пасли на ближайшихъ поляхъ своихъ каменныхъ лошадей. Поселяне обращались съ жалобою къ начальству и получили разрѣшеніе изувѣчить каменныхъ воровъ.

Миновавъ большую Дунганскую деревню Бамба́, экспедиція вошла въ горы и верстахъ въ четырехъ отъ деревни, на берегу р. Рако-голъ, расположилась бивуакамъ. Въ этой мѣстности, находящейся на высотѣ 11,200 ф. горы покрыты низкорослымъ лѣсомъ и густыми зарослями облепихи и барбариса. Здѣсь во множествѣ водятся фазаны, но охота за ними была крайне затруднительна, потому что за охотникомъ ходила по пятамъ толпа зрителей.

Впрочемъ, дунгане Бамба́, сильно угнетаемые китайцами, выказывали большое сочувствіе путешественникамъ. Мѣстный дунганскій начальникъ, человѣкъ весьма почтенный, нѣсколько разъ украдкою пріѣзжалъ къ Пржевальскому и горько жаловался

*) Идоловъ.

на злосчастную судьбу своихъ единовѣрцевъ. Симпатіи этого дунганина къ русскимъ были такъ велики, что онъ хранилъ какъ святыню, добытый гдѣ то портретъ Императора Александра II.

Солдаты Китайскаго конвоя, отъ которыхъ Пржевальскому не удалось отдѣлаться добромъ, вели себя отвратительнѣйшимъ образомъ. Проходя по дунганскимъ деревнямъ, они грабили жителей и всячески безчинствовали. Въ одномъ мѣстѣ завязалась драка и нѣсколько дунганъ было ранено. Тогда Пржевальскій послалъ нарочнаго къ Сининскому амбаню съ просьбою убрать солдатъ. Не получивъ удовлетворенія, онъ самъ отдѣлался отъ нихъ крайнею мѣрою—угрозою стрѣлять, если они не уберутся во свояси. Угроза подѣйствовала и экспедиція отдѣлалась отъ несносныхъ спутниковъ.

За деревней Бамба кончался районъ осѣдлаго земледѣльческаго населенія; необходимо было надолго запастись продовольствіемъ. Для этой цѣли Роборовскій командированъ былъ въ городъ Донкыръ и по его возвращеніи экспедиція двинулась далѣе.

Лишь только оканчивается гористая область Гань-су и начинаются высокія степи Куку-нора, какъ появляется въ необыкновенномъ изобиліи пищуха. Звѣрекъ этотъ, дѣлая норки не глубоко отъ поверхности, такъ дырявитъ землю, что ѣзда въ этихъ мѣстахъ положительно опасна; лошадь постоянно спотыкается, проваливаясь въ норки. Сами звѣрьки безпрестанно снуютъ подъ ногами, перебѣгая изъ норки въ норку, или сидятъ неподвижно у отверзтія тѣхъ же норъ. Изъ иныхъ норокъ выглядываетъ головка любопытнаго звѣрька, который, то испуганно спрячется, то вылѣзетъ съ тѣмъ, чтобъ погрѣться на солнцѣ. Какъ четвероногіе, такъ и крылатые хищники охотно лакомятся пищухами. Тибетскіе медвѣди, волки, лисицы, барсуки очень искусно выкапываютъ ихъ изъ норъ; орлы, коршуны и соколы ловятъ ихъ съ налета. Этихъ хищниковъ можно назвать благодѣтелями, такъ

какъ пищухи приносятъ большой вредъ растительности. Онѣ выѣдаютъ не только траву, но и корни, такъ что большія луговыя площади становятся совершенно голыми. Въ такомъ случаѣ звѣрьки перекочевываютъ на новыя мѣста, а когда старыя заростаютъ, они снова возвращаются туда. Роборовскій, во время своихъ разъѣздовъ, встрѣтилъ цѣлое стадо такихъ кочевниковъ штукъ въ полтораста.

Съ высокаго ущелья Рако-голъ экспедиція спустилась къ самому берегу Куку-нора, на устье р. Балема. Не смотря на конецъ марта, озеро было еще покрыто льдомъ и только у береговъ начало оттаявать. Горные гуси устроили уже себѣ гнѣзда и сидѣли на яйцахъ. Возлѣ гусыни находился обыкновенно и гусь. Сосѣднія пары прилетали иногда въ гости другъ къ другу. Присутствія людей гуси совсѣмъ не стѣснялись; зато имъ приходилось зорко слѣдить за воронами. Путешественники видѣли, какъ однажды, двое изъ этихъ нахаловъ, воспользовавшись тѣмъ, что гусыня слетѣла съ гнѣзда, мигомъ бросились къ нему, схватили въ клювы по яйцу и пустились на утекъ. Замѣтивъ покражу, гуси погнались за грабителями, но вороны поспѣшно спрятали украденныя яйца въ разсѣлины скалъ и улетѣли.

Во время стоянки на рѣкѣ Балема былъ убитъ великолѣпный экземпляръ Тибетскаго медвѣдя. Прежде чѣмъ издохнуть, раненый звѣрь пролежалъ въ кустахъ часа три и въ это время изгрызъ и съѣлъ поврежденную пулею переднюю лапу и часть другой лапы здоровой.

На рѣкѣ Бухайнъ-голъ путешественники встрѣтили пасху и 1 мая прибыли къ хырмѣ Дзунъ-засака. Здѣсь Пржевальскій предполагалъ оставить лишній багажъ и производить экскурсіи на легкѣ. Пройдено было въ теченіи шести мѣсяцевъ отъ Кяхты до Хырмы Дзунъ-засака 2,400 в., сдѣлано 119 переходовъ. Теперь предстояло пополнить количество верблюдовъ: сбитыхъ замѣнить свѣжими и найти проводника. Дзунъ-засакъ началъ

ломаться, по обыкновенію, и не хотѣлъ давать ни того, ни другого. Тогда Пржевальскій объявилъ, что если въ четырехдневный срокъ онъ не будетъ удовлетворенъ, то прибѣгнетъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ.

Дзунъ-засакъ, посовѣтовавшись съ своимъ сосѣдомъ Барунъ-засакомъ привелъ на продажу десятка два никуда не годныхъ верблюдовъ и столько же плохихъ барановъ. Относительно проводника послѣдовалъ полный отказъ. Тогда Пржевальскій, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, посадилъ Дзунъ-засака подъ арестъ въ своей палаткѣ, возлѣ которой приставилъ вооруженнаго часоваго. Помощникъ князя, едвали еще не большій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся, во время осмотра верблюдовъ, ударить переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такая мѣра возъимѣла желаемое дѣйствіе не только на Дзунъ, но и на Барунъ-засака, у котораго отъискались и верблюды, и бараны, и проводникъ.

Получивъ желаемое, арестованныхъ отпустили на свободу. Барунъ-засакъ согласился даже устроить складъ въ своей хырмѣ, возлѣ которой кормъ для верблюдовъ былъ очень хорошій. Перебравшись 8 мая на новое мѣсто, путешественники разсортировали свой багажъ и къ оставляемому назначили шесть казаковъ подъ командой Иринчинова. Двое казаковъ должны были, по очереди, пасти верблюдовъ, а остальные находиться при складѣ; для развлеченія имъ оставлены были книжки. Читать казаки были большіе охотники; нѣсколько безграмотныхъ, бывшихъ въ отрядѣ, научились во время похода читать и писать. Остальные 14 человѣкъ съ переводчикомъ, знавшимъ Китайскій языкъ отправились въ экспедицію, которая должна была продлиться три — четыре мѣсяца.

Какъ ни старался Пржевальскій сократить свой караванъ, но это удалось ему только до извѣстной степени. Направлялись

въ страну съ населеніемъ враждебнымъ, приходилось запастись продовольствіемъ и боевыми патронами въ достаточномъ количествѣ. Все это, вмѣстѣ съ препаратами и ящиками для коллекцій, потребовало 29 верблюдовъ и 15 верховыхъ лошадей. Слѣ-

Цайдамскій князь Дзунъ-Засакъ (въ срединѣ) и его приближенные.

довало принять во вниманіе, что въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать 6—7 пудовъ.

Снарядившись такимъ образомъ, караванъ тронулся въ путь 11-го Мая.

Глава II.

Въ рѣдкихъ случаяхъ доводится путешественнику стоять у порога столь обширной невѣдомой площади, какая разстилалась теперь передъ нашими предпріимчивыми изслѣдователями. Въ эту мѣстность, за исключеніемъ лишь небольшой ея части, никогда еще не ступала нога Европейца, да и самимъ Китайцамъ она мало извѣстна. Начиная съ глубокой древности, дѣлались попытки къ отъисканію истоковъ Желтой рѣки, но получались только отрывочныя и сбивчивыя свѣдѣнія, не приносившія никакой пользы наукѣ.

Чтобы напасть на плато Тибета, путешественники должны были перевалить черезъ хребетъ Бурханъ-Будда. Названіе это объясняется слѣдующей легендой: Много лѣтъ тому назадъ, Далай-лама послалъ своего батырь *)-ламу на сѣверъ разъискать двухъ гыгеновъ; одного изъ нихъ оставить въ Богдо-курени **), другаго же привезти въ Тибетъ. Послѣдняго, если онъ будетъ еще ребенокъ, строго на строго приказывалось во все время пути держать на рукахъ и не садить ни разу на землю. Пріѣхавъ на Куку-норъ, посланный лама собралъ всѣхъ Цайдамскихъ и Кукунорскихъ ламъ съ ихъ учениками. Затѣмъ, посадилъ всѣхъ собравшихся на землю и вынувъ саблю, принялся этою саблею наносить каждому легкій ударъ въ грудь. При этомъ у одного юнаго ламы сердце сильно забилось, и батырь призналъ въ немъ гы-

*) Богатырь.
**) Урга.

гена. Распустивъ собраніе, посланникъ повезъ своего избранника въ Богдо-курень и водворилъ тамъ кутухтою. Затѣмъ онъ отъискалъ такимъ же способомъ другого гыгена мальчика и повезъ его въ Тибетъ. Встрѣтивъ здѣсь много звѣрей, батырь лама, будучи охотникомъ, вздумалъ на нихъ поохотиться. Такъ какъ этого нельзя было сдѣлать, имѣя на рукахъ ребенка, батырь посадилъ его на камень и когда возвратился, то нашелъ, что гыгенъ приросъ къ камню и оторвать его было невозможно. Отрубивъ верхнюю часть туловища, онъ повезъ его въ Тибетъ, а остальная окаменѣла и её будто бы можно и теперь видѣть въ горахъ, получившихъ по этому названіе Бурханъ-Будда, т. е. Богъ-Будда.

Желтая рѣка, подъ именемъ Алтынъ-гола, беретъ свое начало въ горахъ Баянъ-харъ-ула и, принявъ въ себя попутно нѣсколько рѣчекъ, проходитъ обширную, болѣе 150 верстъ въ окружности, котловину, наполненную ключами и извѣстную подъ названіемъ «Одонъ-тала», т. е. звѣздная степь. Глядя съ высоты на эту болотную котловину, мѣста чистой воды отъ безчисленныхъ родниковъ дѣйствительно напоминаютъ звѣзды, разбросанныя по небосклону. На пути своемъ Алтынъ-голъ проходитъ два озера, принимаетъ еще нѣсколько рѣчекъ и входитъ въ предѣлы Китая, пробѣжавъ передъ этимъ 1200 верстъ. Въ Китаѣ рѣка принимаетъ названіе Хуанъ-хэ, т. е. Желтой рѣки, вслѣдствіе желтоватаго цвѣта своей воды. На сѣверо-восточной окраинѣ Одонъ-тала, тамъ, гдѣ изъ сліянія двухъ главныхъ истоковъ родится Желтая рѣка, стоитъ невысокая гора, на вершинѣ которой сложенъ изъ камней маленькій «обо», гдѣ ежегодно приносятся жертвы духамъ, питающимъ истоки великой рѣки. Для этой цѣли наряжается изъ Синина, по распоряженію амбаня, чиновникъ въ рангѣ генерала съ нѣсколькими меньшими чинами. Они пріѣзжаютъ въ Цайдамъ, забираютъ съ собою хошунскихъ князей или ихъ повѣренныхъ и въ седьмомъ мѣсяцѣ, по нашему

въ Іюлѣ или въ Августѣ, всѣ вмѣстѣ отправляются въ Одонъ-тала. Сюда же, къ этому времени, стекаются цайдамскіе монголы и окрестные тангуты. Прибывшее посольство всходитъ на священную гору, становится возлѣ «обо» и читаетъ присланную изъ Пекина и написанную на желтой бумагѣ, за подписью богдыхана, молитву, которою духи Одонъ-тала упрашиваются давать воду Желтой рѣкѣ, питающей около сотни милліоновъ китайцевъ. Потомъ приносится жертва изъ бѣлой лошади, бѣлой коровы, девяти бѣлыхъ барановъ, трехъ свиней и девяти бѣлыхъ куръ. Мясо дѣлится между богомольцами и тѣмъ церемонія заканчивается. Отдохнувъ два-три дня, посольство возвращается обратно.

Въ это время на Куку-норѣ тоже происходитъ моленіе, но совсѣмъ по другой причинѣ: въ началѣ прошлаго столѣтія, гласитъ преданіе, китайскій императоръ Канъ-си послалъ въ Тибетъ своего дядю, который на пути былъ убитъ разбойниками. За то, что императоръ мало печалился о дядѣ, половина его трона внезапно потемнѣла. Принявъ это знаменіе за гнѣвъ Божій, императоръ приказалъ дважды въ годъ совершать за покойнаго моленіе на Куку-норѣ.

Послѣ смерти Канъ-си, моленіе это стало производится одинъ разъ въ году. Къ этому времени на Куку-норъ съѣзжаются хошунскіе князья и множество богомольцевъ, на угощеніе которыхъ отпускается изъ Пекина 1000 ланъ серебра. Изъ Пекина же высылается желтое съ дракономъ знамя, молитва и награды хошунскимъ князьямъ отъ богдыхана.

Утромъ 17 Мая экспедиція перешла въ бродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ и на ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонъ-тала, разбила свой бивуакъ.

«Такимъ образомъ», пишетъ Пржевальскій, «давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь воочію таин-

ственную колыбель великой китайской рѣки и пили воду изъ ея потоковъ. Радости нашей не имѣлось конца»...

Рыбы въ рѣкѣ было видимо-невидимо. Въ небольшой бредень попадало заразъ пудовъ отъ 6 до 10. Во время протягиванія бредня, куча метавшейся рыбы чуть не сбивала съ ногъ вошедшихъ въ воду казаковъ. Безъ труда можно бы было наловить въ теченіи дня нѣсколько сотъ пудовъ. Здѣшней рыбы, вѣроятно, съ сотворенія міра никто не ловилъ, такъ какъ для китайцевъ это далеко, а монголы и тангуты не ѣдятъ рыбы.

Поднявшись на жертвенную гору, чтобы обозрѣть окрестность, Пржевальскій и Роборовскій увидали, какъ на ладони, Одонъ-тала, усѣянную ключевыми озерками, ярко блестѣвшими подъ лучами заходившаго солнца. Вдали виднѣлось озеро довольно значительныхъ размѣровъ. Для обслѣдованія этого озера, Пржевальскій съ двумя казаками отправился въ разъѣздъ. Проѣхавъ 17 верстъ и встрѣтивъ хорошее кормное мѣстечко, путники сдѣлали привалъ. Позавтракавъ и поставивъ одного казака на караулъ, Пржевальскій задремалъ, но вскорѣ былъ разбуженъ караульнымъ, указавшимъ ему двухъ медвѣдей, спокойно прогуливавшихся невдалекѣ. Схвативъ ружья, Пржевальскій съ казакомъ Телешовымъ подкрались къ медвѣдямъ и убили двухъ на повалъ. За ними оказался еще третій, который бросился на утекъ, но съ перепугу набѣжалъ на бивуакъ, гдѣ и былъ убитъ оставшимися тамъ казаками. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, пріобрѣтены были для коллекціи три шкуры великолѣпныхъ тибетскихъ медвѣдей.

На всемъ сѣверномъ Тибетѣ медвѣдь встрѣчается весьма часто. Туземцы называютъ его Божья собака и не преслѣдуютъ. Сердце и жолчь этого звѣря считаютъ драгоцѣннымъ лекарствомъ, вылечивающимъ даже отъ слѣпоты. Нравъ тибетскаго медвѣдя трусливый; только медвѣдица при дѣтяхъ бросается иногда на охотника. Медвѣдь же, хотя бы и раненый, всегда уди-

раетъ. Медвѣдь питается пищухами, рыбою и кореньями касатика и крапивы. На крупныхъ животныхъ не нападаетъ и не рѣдко случается встрѣчать его на томъ же лугу, гдѣ пасется стадо хулановъ или другихъ животныхъ.

При медвѣдицѣ ходятъ иногда двое, а иногда и болѣе медвѣжатъ. Случается, что она оставляетъ при себѣ прошлогоднихъ дѣтенышей, а иногда принимаетъ на попеченіе сиротъ, лишенныхъ, по какому либо случаю, матери.

Непреслѣдуемый человѣкомъ, медвѣдь крайне неосторожен. Попавъ подъ выстрѣлъ, онъ не сразу соображаетъ въ чемъ дѣло и остается на мѣстѣ.

Ночью застала путниковъ гроза, которая закончилась снѣжною мятелью. Пржевальскаго, спавшаго на войлокѣ въ ложбинѣ, совершенно занесло снѣгомъ и подъ такою покрышкою было хоть и тепло, но несовсѣмъ пріятно; отъ дыханія снѣгъ таялъ и подтекалъ подъ шею и подъ бокъ. Казаки, дежурившіе по очереди, сильно мерзли. Мятель не унималась до утра, а такъ какъ люди и лошади озябли, то и рѣшено было вернуться къ бивуаку.

Двое сутокъ пришлось простоять у Одонъ-тала въ ожиданіи пока снѣгъ, такъ некстати выпавшій 20-го Мая, не растаетъ. Но такъ какъ верблюды не находили себѣ корма, то поневолѣ пришлось выступить. Шли черепашьимъ шагомъ. Ледяная кора ломалась подъ тяжестью животныхъ и рѣзала имъ въ кровь ноги. Кормъ при этомъ былъ крайне плохой: по болотамъ попадалась только ощипанная яками прошлогодняя осока, твердая какъ проволока. Животныя до того изнурились, что одного верблюда и одну лошадь пришлось бросить. Не менѣе страдали и люди. Отъ разрѣженнаго воздуха чувствовалась усталость, одышка и кружилась голова. У казаковъ на лицѣ появилась какая то сыпь, которую пришлось прижигать разведенною карболовою кислотою.

На седьмыя сутки по выходѣ изъ Одонъ-тала, экспедиція пришла къ водораздѣлу Хуанъ-хэ (Желтой) и Ды-чу (Голубой рѣки).

Миновавъ водораздѣлъ двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ, путешественники вступили въ альпійскую область. Климатъ сразу же измѣнился; появились лужайки и цвѣты. Къ сожалѣнію проводникъ не зналъ дороги и пришлось идти на угадъ по берегу маленькой рѣчки. Вскорѣ эта рѣчка влилась въ большую рѣку, а впереди виднѣлись скалы и тѣснины, неудобныя для верблюдовъ. Послана была партія на развѣдки и на слѣдующій день она вернулась въ сопровожденіи тангутскаго старшины и 20 человѣкъ свиты. Сначала посѣтители вели себя нахально, но когда увидали, что съ ними шутить не станутъ — присмирѣли и повели караванъ внизъ по рѣкѣ Бы-чю, что на мѣстномъ языкѣ значитъ: «рѣка букашекъ». Дѣйствительно, Пржевальскій собралъ здѣсь множество жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Отношенія путешественниковъ къ тангутамъ улучшились на столько, что послѣдніе согласились продать нѣсколько лошадей, барановъ и масло дикаго яка. Особенно любезенъ сдѣлался старшина послѣ небольшого подарка и угощенія русскимъ спиртомъ. Онъ согласился быть проводникомъ, но на вопросы о странѣ отвѣчалъ уклончиво и увѣрялъ, что на верблюдахъ перебраться черезъ Ды-чу невозможно. Пришлось повѣрить этому заявленію, увидавъ, какъ тангуты брали верблюжій пометъ, чтобъ показать его домашнимъ.

По Ды-чу можно было пройти не далѣе 15 верстъ. Затѣмъ приходилось дѣлать обходъ по горамъ и ущельямъ, гдѣ часто попадались черныя тангутскія палатки. Трава была поѣдена домашнимъ скотомъ, дорога крайне утомляла верблюдовъ и одного изъ нихъ пришлось бросить.

Вскорѣ старшина распростился съ путешественниками и вернулся домой, а на мѣсто себя оставилъ проводникомъ своего род-

ственника, умнаго и словоохотливаго старика. «Я былъ такой удалый въ молодости», разсказывалъ старикъ, «что одинъ бросался на сотню враговъ. Также неустрашимо сражался я и съ звѣрями. Однажды, раненый якъ рогами распоролъ мнѣ животъ, а я схватилъ его за другой рогъ и саблею перерѣзалъ ему горло; затѣмъ лишился чувствъ». Рану зашили шерстяными нитками и больной выздоровѣлъ, хотя съ тѣхъ поръ плохо владѣетъ ногами.

Десятаго Іюня путешественники спустились въ красивое ущелье р. Ды-чу, составляющей здѣсь начало знаменитаго Янъцзы-цзяна или Голубой рѣки и разбили свой бивуакъ въ прекрасномъ мѣстечкѣ подъ скалами.

Пржевальскій вмѣстѣ съ Роборовскимъ отправились на возвышенность, чтобы полюбоваться на Голубую рѣку и сдѣлать съемку. Вдругъ раздался выстрѣлъ и пуля взрыла песокъ у самыхъ ногъ путешественниковъ. Вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла и пули пролетѣли по сосѣдству. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ путешественниковъ; сами же разбойники прячутся за скалы. Лишь спустя немного, показалось нѣсколько человѣкъ, перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой и Пржевальскій пустилъ въ нихъ нѣсколько пуль изъ бывшей съ нимъ берданки. Были ли убитые — неизвѣстно.

Случай этотъ показалъ, что кругомъ враги и что мѣры предосторожности необходимы. Бивуакъ былъ перенесенъ изъ подъ скалъ на открытое мѣсто и ночной караулъ усиленъ. Остальные спали не раздѣваясь и съ оружіемъ на готовѣ.

Тангуты горной области Ды-чу значительно отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ въ Гань-су и на Куку-норѣ. Они гораздо ближе стоятъ къ егряямъ и голыкамъ. Они носятъ общее названіе камъ, китайцы же зовутъ ихъ хунъ-морлъ, т. е. краснокожіе. Нѣкоторые изъ нихъ своими физіономіями и длинными

волосами, разсыпанными по плечамъ, дѣйствительно напоминаютъ краснокожихъ индѣйцевъ сѣверной Америки. Всего же болѣе эти тангуты походятъ на цыганъ, съ примѣсью монгольскаго типа.

Ихъ одежда состоитъ изъ бараньей шубы, надѣтой на голое тѣло. Шуба подвязана такъ, что образуетъ спереди мѣшокъ; за поясомъ заткнута сабля. Сапоги шьютъ изъ цвѣтной шерстяной ткани съ сыромятными подошвами. На головѣ—войлочная шляпа съ узкою тульею и широкими полями, но чаще голова остается непокрытою. Живутъ тангуты въ черныхъ палаткахъ, неопрятныхъ и вонючихъ; ѣдятъ молоко, чай и дзамбу. Наша пословица: «мало каши ѣлъ», у нихъ выражается такъ: «даже дзамбы не умѣешь еще замѣсить».

Нравственными качествами тангуты-камъ недалеко ушли отъ животныхъ. Замѣчательно, что они, подобно многимъ звѣрямъ, не выносятъ пристальнаго взгляда и сейчасъ же опускаютъ глаза, или отворачиваютъ голову. Привѣтствуя лице важное, тангуты-камъ, такъ же какъ и тибетцы, высовываютъ языкъ; при прощаніи же съ пріятелемъ стукаются головами.

Другое тангутское племя, обитающее въ томъ же сѣверо-восточномъ углу Тибета, это голыки, промышляющіе исключительно грабежомъ. Китайцы боятся проникать къ голыкамъ и не пускаютъ ихъ въ Хлассу. Если же голыкъ встрѣтится тамъ среди богомольцевъ, его сажаютъ на соломенное чучело лошади и возятъ по улицамъ.

Глава III.

Цѣлую недѣлю провели путешественники въ бивуакѣ на Дычу, производя экскурсіи по ближайшимъ окрестностямъ. Они собирали растенія, стрѣляли птицъ и ловили рыбу; тангутовъ больше не видали.

Ды-чу въ этомъ мѣстѣ стѣснена горами и очень глубока. Теченіе весьма быстрое; мѣстами — рѣка бѣшено скачетъ по камнямъ, загромождающимъ русло. Плаваніе здѣсь въ лодкахъ совершенно невозможно.

18 Іюня навьючили верблюдовъ и повернули назадъ къ истокамъ Желтой рѣки съ тѣмъ, чтобы заняться изслѣдованіемъ большихъ озеръ съ верхняго теченія. На этомъ пути пришлось много повозиться съ купленными у тангутовъ баранами. Привыкшія лазить по горамъ, глупыя животныя ни за что не хотѣли идти въ хвостѣ каравана и безпрестанно убѣгали въ сторону. Связали ихъ за рога попарно, но и это мало помогало. Пришлось убить нѣсколькихъ, самыхъ упорныхъ; двое ушли въ горы и пропали безслѣдно. Таковы были, впрочемъ, всѣ бараны, покупаемые у тангутовъ; монгольскіе же, наоборотъ, вели себя смирно и отлично шли дорогою.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней шли сильные дожди, которые страшно затрудняли движеніе каравана. Вода въ рѣчкахъ прибыла такъ сильно, что переправы въ бродъ были далеко не безопасны. Въ одной изъ такихъ рѣчекъ чуть было не утонулъ Роборовскій. Отыскавъ мѣсто для брода, караванъ переправился на другую сторону, оставивъ за собою барановъ. Когда послѣднихъ вогнали въ воду, ихъ понесло внизъ по теченію. Роборовскій и нѣсколько казаковъ бросились въ рѣку, чтобъ перехватить барановъ. Двое изъ нихъ со всего размаха ударились въ лошадь Роборовскаго, которая, вмѣстѣ съ всадникомъ повалилась въ воду. Къ счастію Роборовскій успѣлъ освободить ноги изъ стремянъ; иначе — ему бы не миновать гибели. Лошадь скоро оправилась и вышла на берегъ, Роборовскій же барахтался изо всѣхъ силъ и никакъ не могъ справиться съ быстриною тѣмъ болѣе, что перевязь винтовки, висѣвшей у него за плечами, сползла ему на руки и мѣшала плыть. Раза два, три Роборовскій погружался съ головою въ мутную воду и срывался съ камней, за которые

хотѣлъ уцѣпиться. Казаки, находившіеся по ту и по другую сторону рѣки, бросились, было, ему на помощь, но испуганныя лошади не хотѣли идти въ воду, веревки же ни у кого не было. Въ ту минуту, когда Роборовскій, въ борьбѣ съ волнами, приблизился къ берегу, гдѣ воды было меньше, одинъ изъ казаковъ сбѣжалъ въ воду и вытащилъ его.

Утромъ, 3-го Іюля, путешественники поднялись прежнимъ путемъ на водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ и вошли опять на плато Тибета. Температура мало напоминала лѣтнюю пору, дожди чередовались съ снѣгомъ; по ночамъ часто былъ морозъ.

«Сырость была ужасная», пишетъ Пржевальскій. «Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло; собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить».

При постоянномъ ненастьѣ достать сухого аргала было невозможно, а сырой не горѣлъ. Приходилось просушивать его урывками на изрѣдка выглядывавшемъ солнышкѣ и чтобы вскипятить воду при такомъ топливѣ, требовалось много времени. Не смотря на всѣ эти невзгоды, члены экспедиціи держали себя бодро и свято исполняли возложенныя на нихъ обязанности.

Озера, черезъ которыя проходитъ Желтая рѣка, Пржевальскій окрестилъ русскими именами: восточное, онъ назвалъ «Русскимъ», западное — «Экспедиціи». Выйдя изъ озеръ, Желтая рѣка тотчасъ же увеличивается въ размѣрахъ и сдѣлавъ крутую дугу для обхода хребта Амне-Мачинъ, прорываетъ поперечныя горы Куэнь-луня и направляется въ предѣлы собственнаго Китая.

11 Іюля путешественники разбили свой бивуакъ не далеко отъ озера «Экспедиціи», откуда предполагалось сдѣлать нѣсколько экскурсій для болѣе подробнаго изслѣдованія озеръ. Вернувшись съ одной изъ такихъ экскурсій, Роборовскій сообщилъ, что видѣлъ верстахъ въ 12 большую партію тангутовъ, распо-

ложившихся на ночлегъ. Пржевальскій не обратилъ вниманія на это заявленіе, предполагая, что встрѣченные тангуты ничто иное какъ проходящій караванъ. Ночь прошла совершенно спокойно; только лаяли собаки, но сторожъ этимъ не тревожился, думая, что кругомъ бродятъ дикіе яки. На разсвѣтѣ, когда казаки стали вставать, вдругъ послышался конскій топотъ и часовой увидалъ толпу всадниковъ, скакавшихъ прямо на бивуакъ. Другая толпа неслась сзади.

«Нападеніе»! крикнулъ дежурный казакъ и выстрѣлилъ. Тангуты громко загикали и пришпорили лошадей.

Въ одинъ мигъ, всѣ члены экспедиціи выскочили изъ палатокъ и открыли по разбойникамъ учащенную пальбу. Неожидавшіе такой встрѣчи и разсчитывавшіе вѣроятно напасть въ расплохъ, тангуты бросились въ розсыпную. Къ сожалѣнію, утро стояло сѣрое и еще мало разсвѣло; прицѣливаться вдаль было трудно, но пальба продолжалась вслѣдъ утекавшимъ разбойникамъ. Видно было, какъ тангуты падали съ лошади, но ихъ ловко, на лету, подхватывали товарищи и увозили съ собою. Таковъ обычай у промышляющихъ грабежемъ тангутовъ. По ихъ повѣрьямъ, если убитый не будетъ привезенъ въ свою палатку, (гдѣ трупъ его все таки выбросятъ на съѣденіе волкамъ и грифамъ), то его душа станетъ вредить всему хошуну. Надъ товарищами убитаго наряжается въ данномъ случаѣ строгое слѣдствіе.

Одного убитаго тангуты всетаки не успѣли подобрать. Его трупъ и двѣ убитыя лошади остались у бивуака.

Восемь лошадей экспедиціи, испуганныя пальбой и крикомъ, сорвались съ привязи и убѣжали за тангутами. Одна лошадь оказалась раненою въ животъ и ее пришлось пристрѣлить.

Выбравшись изъ линіи огня, разбойники раздѣлились на нѣсколько группъ и съ вершинъ ближайшихъ холмовъ стали наблюдать. Путешественники же вычистили винтовки, напились чаю,

завьючили верблюдовъ и рѣшились сами напасть теперь на разбойниковъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ окончательно. Лишь только караванъ двинулся, разбойники быстро поскакали къ своему стойбищу.

«Мы продолжали медленно туда подвигаться, пишетъ Пржевальскій, съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ. Вьючные верблюды и уцѣлѣвшія лошади шли плотною кучею. Когда мы приблизились къ стойбищу версты на двѣ, то въ бинокль видно было, какъ вся ватага, человѣкъ въ 300 выстроилась въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты рѣшились дать намъ отпоръ; но не тутъ то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну — удирать. Но такъ какъ позади нихъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они принуждены были двинуться наискось, мимо насъ, въ разстояніи около версты. Видя, что тангуты уходятъ и догнать ихъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и мы пустили 14 залповъ. Не смотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые по болоту не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлы самаго дальняго полета нашихъ пуль и мы прекратили стрѣльбу. Раздѣлавшись съ тангутами, мы раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и козаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ офицеры и урядники».

Изслѣдуя озеро «Русское», экспедиція напала на такую массу гусей, что въ полчаса настрѣляла 85 штукъ. Пятьдесятъ было взято съ собою, а остальное съѣли медвѣди.

Въ караванѣ было всего 7 лошадей и 24 верблюда, изъ которыхъ многіе были плохи. Чтобъ облегчить вьюки, пришлось бросить часть дзамбы и, по очереди, идти пѣшкомъ. На случай новаго нападенія, усилены были мѣры предосторожности. Разъѣзды не посылались, чтобъ не раздѣляться, бивуакъ располагался

тыломъ къ какому нибудь непроходимому мѣсту, болоту или рѣкѣ.

Такія мѣры оказались не лишними, такъ какъ при изслѣдованіи озера «Русскаго» экспедиція подверглась нападенію голыковъ, живущихъ по Желтой рѣкѣ въ количествѣ 14,000 палатокъ *):

Замѣтивъ враждебныя намѣренія голыковъ, Пржевальскій рѣшился вызвать нападеніе днемъ, чтобы пустить въ дѣло берданки. Передъ полуднемъ, когда подходило время остановиться на отдыхъ, замѣчено было нѣсколько конныхъ голыковъ, которые видимо слѣдили за движеніями экспедиціи. Пржевальскій предпринялъ маневръ, имѣвшій цѣлью показать голыкамъ, что русскіе ихъ боятся. Маневръ вполнѣ удался. Тройка удальцовъ проскакала мимо бивуака, спросила у переводчика сколько всѣхъ людей и ускакала въ горы.

Часа черезъ два, казаки, пасшіе караванныхъ животныхъ, замѣтили трехъ другихъ всадниковъ, выѣхавшихъ изъ ущелья. Подозрѣвая недоброе, казаки стали подгонять къ бивуаку верблюдовъ и лошадей. Тогда одинъ изъ голыковъ, подскакавъ поближе, началъ кричать и дѣлать знаки, чтобъ животныхъ не угоняли, но казаки продолжали дѣлать свое дѣло.

Когда животныя были пригнаны, показалась изъ того же ущелья шайка человѣкъ въ 300 и направилась къ бивуаку. Путешественники уже успѣли приготовиться; верблюдовъ привязали, а лошадей крѣпко стреножили. Озеро обезпечивало тылъ, впереди же лежала довольно широкая равнина, окаймленная горами.

Между тѣмъ разбойники, приблизившись на разстояніе около версты, съ громкимъ гиканьемъ бросились въ атаку. Гулко раздавался по глинистой почвѣ топотъ коней, частоколомъ замель-

*) Также тангутское племя.

кали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась эта дикая, кровожадная орда.

А противъ нея, съ прицѣленными винтовками стоялъ маленькій отрядъ въ 14 человѣкъ, для котораго не было иного исхода, какъ побѣдить или умереть.

Когда разбойники приблизились на 500 шаговъ, Пржевальскій скомандовалъ: пли! и полетѣлъ залпъ, за которымъ послѣдовала учащенная стрѣльба. Тангуты продолжали скакать какъ ни въ чемъ не бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки, вдоль озера, громкими криками ободряя своихъ подчиненныхъ. Черезъ нѣсколько мгновеній, лошадь подъ этимъ командиромъ была убита и самъ онъ, вѣроятно, раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники спѣшились и, защищенные уваломъ, открыли пальбу на разстояніи 300 шаговъ. Пржевальскій задумалъ выбить ихъ изъ засады штурмомъ и тѣмъ рѣшить сраженіе; иначе тангуты могли изъ засады перестрѣлять путешественниковъ, или принявъ ихъ бездѣйствіе за трусость, снова броситься въ атаку. Теперь же роли перемѣнились: въ атаку шли русскіе и смѣлостью своей выкупали свою малочисленность.

Оставивъ для прикрытія бивуака Роборовскаго съ пятью казаками, Пржевальскій съ семью остальными отправился выбивать тангутовъ. Увидавъ, что небольшой отрядъ бѣжитъ къ нимъ, тангуты открыли частую пальбу, которая вдругъ стихла. Когда же урядникъ Телешовъ взбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть во время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошло не мало суматохи, чѣмъ воспользовался отрядъ, чтобъ занять увалъ и оттуда открыть пальбу по разбойникамъ. Нѣсколько человѣкъ было убито; но какъ и прежде, тангуты подхватили на скаку

раненыхъ и убитыхъ и увезли ихъ съ собою за второй увалъ. Воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, русскіе молодцы протерли мокрыми тряпками закоптѣлые, сильно нагрѣвшіеся стволы винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ на увалъ переводчикъ китаецъ, тотъ самый, который при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки и не хотѣлъ выходить оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ еще ведро воды для питья.

Засѣвшіе за вторымъ уваломъ тангуты, вскорѣ опять открыли пальбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить незанятымъ увалъ, иначе — отрядъ могъ оказаться отрѣзаннымъ отъ бивуака.

Оставшись самъ третей на увалѣ, Пржевальскій послалъ вольноопредѣляющагося Козлова съ четырьмя казаками впередъ на небольшую горку и засѣвшіе разбойники пальбою берданокъ были прогнаны снова.

Между тѣмъ, шайка человѣкъ въ 50, полагая, что бивуакъ остался безъ прикрытія, бросилась туда, но была встрѣчена пальбой и отбита. Тогда, видя вездѣ неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ, останавливаясь за бугорками и небольшими увалами. Отрядъ провожалъ негодяевъ пальбою, пока только могли достать пули берданокъ. Наконецъ вся орда выбралась изъ сферы выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась вѣроятно для перевозки раненыхъ. Отрядъ, разбитый на три партіи, долго еще оставался на своихъ мѣстахъ и только при наступленіи сумерекъ, увидавъ, что разбойники направились къ тому же ущелью, изъ котораго вышли, вернулся къ своему бивуаку. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Никто изъ отряда не пострадалъ. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ; выпущено было около 800 пат-

роновъ; разбойниковъ же выбыло, по общему заключенію, человѣкъ 30 *).

Съ большею вѣроятностью можно было ожидать нападенія ночью, и отрядъ продежурилъ всю ночь на пролетъ. Дождь лилъ почти не переставая, бушевалъ сильный вѣтеръ, тьма стояла кромѣшная. Однако разбойники такъ были удовольствованы днемъ, что не рѣшились сдѣлать нападеніе ночью, хотя ночная тьма доставляла имъ больше шансовъ избѣжать прицѣла дальнобойныхъ винтовокъ.

Дождь продолжалъ идти и на слѣдующій день. Пришлось поневолѣ оставаться на мѣстѣ. Къ полудню немного разъяснѣло и со стороны, противуположной вчерашнему нападенію, опять появилось нѣсколько верховыхъ тангутовъ и направилось прямо на бивуакъ. Только что отрядъ приготовился встрѣтить ихъ съ честью, какъ они замахали руками и шляпами. Оказалось, что это были передовые большого каравана, слѣдовавшаго съ товарами на 500 вьючныхъ якахъ. Вскорѣ пришелъ и караванъ въ сопровожденіи 160 тангутовъ, вооруженныхъ фитильными ружьями, саблями и стрѣлами.

Узнавъ о нападеніи разбойниковъ, караванъ сильно струсилъ и послалъ въ ближайшіе горы разъѣзды. Въ ожиданіи извѣстій, тангуты сообщили путешественникамъ, что въ теперешнюю большую воду переправиться на верблюдахъ черезъ Желтую рѣку невозможно; яки же идутъ вплавь.

Въ виду этого экспедиціи пришлось отказаться отъ прежде намѣченнаго пути и пойти обратно къ Цайдаму, гдѣ былъ оставленъ складъ.

По пути путешественники видѣли слѣды конныхъ партій, которыя, вѣроятно, слѣдили за ними и потому должны были

*) За это дѣло Пржевальскій выхлопоталъ всѣмъ своимъ товарищамъ по экспедиціи знаки военнаго ордена.

устраивать ночныя дежурства, раздѣлившись на двѣ смѣны. Наступившая не надолго хорошая погода облегчила эту обязанность.

Переходъ до Цайдама составлялъ 300 верстъ. Погода опять испортилась; чувствовалось приближеніе осени. Въ одномъ мѣстѣ путешественники наткнулись на партію золотопромышленниковъ и были свидѣтелями до какой степени неумѣло добывается здѣсь золото. Земля копалась неглубоко, маленькими деревянными совочками, или разворачивалась рогомъ яка. Золотоносную почву клали въ корытца и подставляли ихъ подъ струю воды, которая вымывала землю и вмѣстѣ съ нею золотой песокъ, оставляя только болѣе крупные кусочки золота. Золотопромышленники увѣряли, что золота, на сѣверо-востокѣ Тибета, вездѣ много и что въ день можно добыть отъ 7 — 8 золотниковъ.

Съ переходомъ черезъ хребетъ Бурханъ-будда погода измѣнилась къ лучшему: стало сухо и тепло. Спустившись въ ущелье Хату-голъ, около хырмы Барунъ-засака, путешественники рѣшились подольше отдохнуть. Въ складѣ все оказалось благополучно; разбойники, грабившіе окрестности, ни разу не рѣшились напасть на хырму, верблюды отдохнули и откормились; 16-же пришедшихъ съ экспедиціею верблюдовъ требовали отдыха и поправки.

Для покупки десятка хорошихъ верблюдовъ посланъ былъ Иринчиновъ съ тремя казаками верстъ за 200. Съ ними пошла, купленная у монголовъ, собака Дырма. Послѣ благополучнаго перехода до мѣста, бѣднаго Дырму порядочно погрызли собаки и онъ одинъ махнулъ назадъ, сдѣлавъ 50 верстъ по безводной пустынѣ. На другой день онъ уже былъ у бивуака на Хоту-голѣ.

Такія путешествія черезъ пустыню, предпринимаются, какъ оказывается, не одними псами, но и особами прекраснаго пола. Одна ала-шаньская дама, вышедшая замужъ за цайдамца, такъ соскучилась по родинѣ, что тихомолкомъ осѣдлала лошадь своего

супруга и смѣло, безъ всякаго вожака, махнула верстъ за 300 въ Ала-шань.

Въ теченіи двухнедѣльнаго отдыха къ бивуаку часто пріѣзжали монголы, караулившіе перевалъ Бурханъ-будда отъ разбойниковъ-тангутовъ, по мѣстному — оронгынъ.

Постоянные грабежи этихъ оронгынъ до того довели несчастныхъ цайдамцевъ, что они собрались просить разрѣшенія переселиться на Алтай.

Глава IV.

Изслѣдованіемъ сѣверо-восточнаго угла Тибета закончился первый актъ настоящаго путешествія. Дальнѣйшій путь намѣчался теперь въ таинственное урочище Гасъ, о которомъ еще раньше такъ много слышалъ Пржевальскій.

Часть пути по южному Цайдаму, отъ хырмы Дзунъ-засака до р. Найджинъ-голъ пройдена была еще въ 1880 г. при возвращеніи изъ Тибета. Теперь рѣшено было дойти до Гаса, въ теченіи зимы заняться изслѣдованіемъ его окрестностей, къ веснѣ же, перекочевать на Лобъ-норъ.

Скомплектовавъ караванъ въ 75 верблюдовъ, забравъ коллекціи и запасшись продовольствіемъ почти на полгода, экспедиція, 26 Августа, двинулась въ путь. На дорогѣ заболѣли верблюды и пришлось остановиться до ихъ выздоровленія. Они оказались зараженными болѣзнью «хаса», которая появляется эпидемически и состоитъ въ опухоли ступни и голени. Болѣзнь эта поражаетъ въ Цайдамѣ какъ крупный, такъ и мелкій скотъ, исключая лошадей, длится она около трехъ недѣль, но смертные случаи очень рѣдки. Почти одновременно таже болѣзнь постигла тангутскій караванъ головъ въ 2000.

Мѣстность, гдѣ остановились путешественники, была та самая, въ которой они бивуакировали въ 1879 г. Сюда пришли

теперь, для откармливанія хармыкомъ, тибетскіе медвѣди. Они такъ были углублены въ самоупитываніе, что забывали всякую осторожность. Двое казаковъ убили такимъ образомъ медвѣдя, подойдя къ нему совсѣмъ незамѣченными.

Спустя три недѣли верблюды поправились, но они были еще такъ слабы, что вьючить ихъ надлежащимъ образомъ было нельзя, пришлось принанять 45 лошадей и 15 Сентября экспедиція могла двинуться въ дальнѣйшій путь.

Часть южнаго и весь западный Цайдамъ составляютъ хошунъ (округъ) Тайджинерскій. По типу, тайджинерцы много разнятся отъ другихъ монголовъ; они очень напоминаютъ тюркскій типъ и у нихъ ростутъ борода и усы. Но по внутреннимъ качествамъ, они тѣ же ханжи, лѣнтяи и плуты; точно такъ же грязны и нечистоплотны. Когда Пржевальскій упрекнулъ ихъ, что въ купленномъ у нихъ маслѣ много шерсти и грязи, они пренаивно отвѣчали: «Нужно жить какъ велитъ Богъ. Онъ посылаетъ грязь, ее слѣдуетъ и принимать. Хорошій, праведный кочевникъ долженъ, въ теченіи года, съѣсть фунта три шерсти отъ своихъ стадъ, а земледѣлецъ — столько же земли съ своего поля».

У тайджинерцевъ существуетъ оригинальная легенда о происхожденіи русскихъ. «Жилъ гдѣ-то въ пещерѣ святой лама, проводившій время въ молитвѣ. Къ этому мѣсту прикочевала семья номадовъ, состоящая изъ матери и дочери. Дочь, пасшая скотъ, случайно наткнулась на пещеру, въ которой лежалъ больной лама. Добрая дѣвушка стала приносить ему пищу, ухаживать за нимъ, и когда онъ выздоровѣлъ, то изъ благодарности женился на ней. Когда царь той страны узналъ, что лама нарушилъ свой обѣтъ безбрачія, онъ послалъ войско, чтобъ убить ламу. Увидавъ войско, святой нарвалъ метелокъ тростника, понатыкалъ ихъ вокругъ своего жилища и всѣ метелки превратились въ солдатъ. Три раза царь посылалъ свое войско, но войско ламы все увеличивалось, такъ какъ каждый солдатъ

натыкалъ метелокъ, которыя въ свою очередь дѣлались солдатами. Наконецъ царь долженъ былъ отступиться. Лама, однакожъ, не пожелалъ оставаться на землѣ и улетѣлъ на небо въ верхнее отверзтіе своей юрты вмѣстѣ съ дымомъ очага, оставивъ жену правительницей сотвореннаго имъ народа, отъ котораго и произошли русскіе. У нихъ тѣло бѣлое и волосы русые, потому что метелки тростника свѣтлыя».

Слѣдуетъ оговориться, что туземцы почти всѣхъ иностранцевъ называютъ русскими, или общимъ именемъ янъ-гуйза. Немногіе умѣютъ различить именно русскихъ и тогда говорятъ: оросъ-хунъ, т. е. русскій человѣкъ.

19 Октября экспедиція праздновала годовщину своего выступленія изъ Кяхты, а въ концѣ мѣсяца достигла урочища Гасъ.

Это мѣсто оказалось ничѣмъ не лучше другихъ мѣстъ Цайдама, но монголы и тангуты почему то особенно имъ восхищаются. У нихъ сложилась о немъ довольно поэтичная пѣсня.

«Бѣлый гасынскій дырисунъ колышется вѣтромъ. Данджикъ*) отправляется къ сѣверу. Вѣтеръ, сбрасывающій верхніе войлоки юрты, онъ за вѣтеръ не считаетъ. Дождь, промачивающій шубу — дождемъ не считаетъ. Обширную безводную глину, на которой устаетъ хуланъ — глиною не считаетъ. Туманъ, въ которомъ теряется лебедь — туманомъ не считаетъ».

Близъ урочища Гасъ путешественники нашли два ключа, которые били изъ земли фонтаномъ, образуя кругомъ себя озерки. Отъ одного изъ нихъ шелъ сильный запахъ сѣры. Туземцы боятся этихъ ключей и увѣряютъ, что сюда даже звѣри не приходятъ. Послѣднее оказалось вздоромъ, такъ какъ невдалекѣ, въ тростникѣ расплывшейся рѣчки, Роборовскій наткнулся на медвѣдицу съ пятью медвѣжатами и убилъ одного изъ нихъ.

*) Фантастическій монгольскій герой, воевавшій будто бы противъ Китая.

Въ окрестностяхъ водятся большіе табуны хулановъ, которые, къ веснѣ, съѣдаютъ весь кормъ до чиста.

Пржевальскому хотѣлось непремѣнно отыскать дорогу на Лобъ-норъ, о которой онъ слышалъ уже давно. Для этой цѣли посланы были два разъѣзда. Одинъ долженъ былъ пробыть въ отсутствіи двѣ недѣли, другой — три дня. Послѣдній вернулся въ назначенное время, осмотрѣвъ мѣстность верстъ на 70 и привезъ съ собою нѣсколько антилопъ-оронго на мясо. На одного изъ казаковъ бросился раненый оронго и повредилъ ему ногу. Попади онъ немного выше и казакъ могъ бы поплатиться жизнью.

На двѣнадцатыя сутки вернулся другой разъѣздъ и привезъ радостную вѣсть: путь къ Лобъ-нору былъ найденъ, хотя и съ большимъ трудомъ. На протяженіи 50 верстъ по гребню Алтынъ-шага казаки лазили во всѣ ущелья, спускались по другую сторону хребта, однимъ словомъ — шарили вездѣ, пока не напали на желанный путь. Этотъ путь открывалъ экспедиціи дверь въ бассейнъ Тарима, гдѣ еще не бывали европейцы со времени Марко-поло.

«Знаменитый Куэнь-люнь», пишетъ Пржевальскій, «этотъ «позвоночный столбъ Азіи» до послѣдняго нашего путешествія оставался совершенно неизвѣстнымъ. Онъ лежитъ на 12° по долготѣ, считая отъ меридіана цайдамской рѣки Найджинъ-голъ до меридіана оазиса Кэрія въ восточномъ Туркестанѣ. Нынѣ намъ удалось пройти вдоль этой невѣдомой полосы древнѣйшаго изъ хребтовъ Азіи и, до нѣкоторой степени, выяснить топографическій рельефъ главнаго его кряжа».

По возвращеніи разъѣздовъ, въ урочищѣ Чонъ-яръ устроенъ былъ складъ, при которомъ остались Иринчиновъ, шесть казаковъ и переводчикъ Абдулъ-Юсуповъ. Въ отрядъ включено было 25 верблюдовъ и 4 лошади; продовольствія взято на два мѣсяца.

Остающіеся страшно завидовали отъѣзжающимъ, такъ какъ послѣднимъ предстояла новизна и разныя приключенія, а первымъ — однообразная жизнь изо дня въ день.

19 Ноября отрядъ тронулся въ путь. На слѣдующій день пришли къ рѣкѣ Зайсанъ-сайту, которая замѣчательна тѣмъ, то два раза скрывается подъ землею, въ одномъ мѣстѣ на разстояніи цѣлыхъ 20 верстъ и потомъ снова выходитъ на поверхность. Отрядъ направился вдоль рѣки, гдѣ было достаточно подножнаго корма и топлива. Но все это сразу миновало, лишь только миновали ключевыя истоки рѣки. Впереди открылась голая пустыня, которой не видно было конца. Отправившись въ разъѣздъ, Пржевальскій, къ великой радости, нашелъ пропавшую рѣку и передвинулся туда съ караваномъ. Оказалось, что мѣстность на протяженіи 23 вер. повышалась на 800 ф. и рѣка, бѣдная водою, не одолѣвъ подъема, скрылась подъ землею.

Черезъ два перехода отъ Зайсанъ-сайту путешественники вновь взошли на плато Тибета. Передъ ними лежала обширная безплодная равнина, сливавшаяся съ горизонтомъ; къ югу залегали холмы, далѣе виднѣлись горы, а за ними поднимался снѣжный хребетъ. Мѣстность представляла неодолимыя трудности для вьючныхъ животныхъ и потому рѣшено было повернуть назадъ и идти къ западу отъ р. Зайсанъ-сайту.

Одиннадцатаго января 1885 г. отрядъ вернулся къ мѣсту склада, пробывъ въ отсутствіи 54 дня, обойдя 784 в. и обогативъ науку открытіемъ многихъ хребтовъ и озеръ, невѣдомыхъ дотолѣ. Стояла суровая зима и морозъ не разъ превышалъ 30 градусовъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ во все время пути держался бодро, выносилъ безропотно всѣ невзгоды и лишенія, которыхъ было не мало, особенно въ виду того, что продовольствія было взято въ обрѣзъ и его приходилось экономить.

По возвращеніи въ складъ, гдѣ погода была гораздо теплѣе, началась стрижка, умыванье, словомъ, приведеніе себя въ образъ

человѣческій. Затѣмъ путники хорошо закусили и почувствовали себя такъ прекрасно, какъ будто никакихъ невзгодъ и не бывало.

Трое сутокъ употреблено было на переустройство багажа, просушку коллекцій, составленіе дневника и прочее. Затѣмъ бивуакъ былъ снятъ и экспедиція отправилась на Лобъ-норъ, куда и прибыла 28 января.

Зима на Лобъ-норѣ была въ этомъ году суровая и на озерѣ лежалъ еще сплошной ледъ; но появившіяся утки и лебеди уже возвѣщали весну. Люди еще прятались по своимъ жилищамъ и только поднимавшійся по временамъ изъ береговаго тростника дымокъ, обозначалъ присутствіе человѣка.

Впослѣдствіи оказалось, что лобъ-норцы тотчасъ замѣтили гостей, но не зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, притаились.

Пржевальскій послалъ переводчика съ урядникомъ въ деревню Абдалъ, резиденцію лобъ-норскаго правителя Кунчиканъ-бека, но посланные нашли деревню пустою; только послѣ многократнаго приглашенія переводчика, жители рѣшились выглянуть изъ тростника. Узнавъ въ чемъ дѣло, они чрезвычайно обрадовались, поспѣшно поѣхали на встрѣчу экспедиціи и даже вынесли только что испеченный хлѣбъ.

Съ прибытіемъ на Лобъ-норъ замкнулась третья линія путешествій Пржевальскаго по центральной Азіи. Всѣ эти линіи ведутъ на Тибетъ съ Китайской границы у Кяхты. Первая направлялась черезъ Ургу, Ала-шань, Гань-су, Куку-норъ и Цайдамъ; вторая—изъ Кульджи, черезъ Юлдусъ, Курла, Лобъ-норъ; третья—изъ Зайсана черезъ Хами, Са-чжеу и Цайдамъ. Наконецъ, въ томъ же 1885 г. прибавился еще одинъ путь въ Тибетъ изъ предѣловъ Семирѣчья, черезъ Аксу и Хотанъ.

Глава V.

О географическомъ положеніи Лобъ-нора было говорено уже въ предыдущемъ путешествіи. Пржевальскому, послѣ венеціанца

Марко-Поло, выпала счастливая доля быть первымъ изслѣдователемъ этого невѣдомаго уголка земного шара.

Рѣка Таримъ одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ Центральной Азіи. Она течетъ на протяженіи почти 500 верстъ, принимаетъ много рѣкъ и въ нижнемъ своемъ теченіи дѣлается очень широка и быстра. По обоимъ берегамъ и притокамъ нижняго Тарима залегаютъ болѣе или менѣе обширныя болота и озера. Послѣднія, почти всѣ вырыты нарочно для цѣлей рыбоводства и скотоводства. На эти озера и арыки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители занимаются хлѣбопашествомъ, расходуется много воды Тарима. Убыль пополняется частью отъ дождей, а частью отъ таянія снѣговъ въ горахъ. Прежде чѣмъ разлитіемъ своимъ образовать Лобъ-норъ, Таримъ проходитъ черезъ озеро Кара-буранъ, отстоящее отъ Лобъ-нора на 15 верстъ; нижняя часть рѣки вполнѣ судоходна. Впадая въ Лобъ-норъ, Таримъ течетъ вдоль западнаго его берега и это теченіе ясно обозначено, пока оно не теряется въ разливѣ.

Флора и фауна Лобъ-нора такъ же какъ и Тарима небогаты, но рыбы въ рѣкѣ достаточно. По словамъ лобъ-норцевъ, рыба совершаетъ ежегодно періодическіе переходы: лобъ-норская отправляется вверхъ по Тариму, таримская же идетъ въ Лобъ-норъ. Послѣдняя всегда бываетъ менѣе жирна.

Нынѣшнее населеніе Лобъ-нора мало сохранило преданій о своемъ происхожденіи. Изъ китайскихъ же источниковъ извѣстно, что еще за столѣтіе до Рождества Христова, при открытіи сношеній Китая съ бассейномъ Тарима, на Лобъ-норѣ существовало небольшое государство Лэу-лань, позднѣе называвшееся Шанъ-шанъ. Проходившій здѣсь въ концѣ XIII в. Марко-Поло повѣствуетъ о большомъ городѣ Лобъ *), населенномъ магометанами

*) Имя «Лобъ» означаетъ: мѣсто соединенія водъ.

Лобъ-норцы изъ деревни Абдалъ.

и принадлежащемъ великому хану *). Въ этомъ городѣ караваны отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ.

Въ первой четверти XV столѣтія изъ Герата въ Китай проѣхало черезъ Лобъ-норъ посольство шаха Рако, сына знаменитаго Тимура; а въ одной изъ китайскихъ книгъ XVIII ст. говорится уже только о двухъ селеніяхъ на Лобъ-норѣ, оба въ 500 дворовъ.

Въ той же книгѣ сообщается, что лобъ-норцы ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ не занимаются, а только рыболовствомъ. Кромѣ того, ткутъ холстъ изъ дикой конопли и дѣлаютъ шубы изъ лебяжьяго пуха. Ѣсть не могутъ ни хлѣба, ни мяса, подобно другимъ людямъ, потому что ихъ желудокъ извергаетъ эту пищу; питаются только рыбою; говорятъ языкомъ тюркскимъ.

Слѣды города Лобъ и окружавшаго его оазиса видны и понынѣ верстахъ въ 30 отъ озера. На берегу рѣчки Джахансай-дарья, среди совершенной пустыни, торчатъ глиняные остовы сакель, стѣнъ и башенъ. Эти развалины тянутся верстъ на шесть въ поперечникѣ и въ окружности имѣютъ до 15 верстъ.

Нынѣшнее населеніе Лобъ-нора и нижняго Тарима очень немногочисленно; оно не превышаетъ, какъ говорятъ, 400 душъ обоего пола. Лобъ-норцы носятъ названіе Кара-курчинцевъ, а таримцы—Кара-кульцевъ. Управляются они двумя беками, которымъ платятъ дань деньгами, мѣхами и скотомъ. Беки, въ свою очередь, посылаютъ дань Хамійской ваньшѣ, а отъ нея получаютъ шелковыя матеріи.

Типъ лобъ-норцевъ тюркскій съ примѣсью монгольскаго; вообще, они не дурны собою, имѣютъ носъ правильный, иногда съ горбомъ и большіе черные глаза. Голову брѣютъ, но усы и бороду, у кого она ростетъ, оставляютъ. Здоровьемъ пользуются хорошимъ; обыкновенную болѣзнь глазъ и язвы скоро излечи-

*) Въ тѣ времена, какъ извѣстно, въ восточномъ Туркестанѣ властвовали потомки Чингисъ-хана.

ваютъ; лихорадокъ и горячекъ — не знаютъ. Страшный бичъ здѣшнихъ мѣстъ, осенная эпидемія, посѣщаетъ и лобъ-норцевъ. Эта болѣзнь наводитъ такой ужасъ на жителей, что они бросаютъ заболѣвшихъ на произволъ судьбы, а вся деревня перекочевываетъ на новое мѣсто.

Главнымъ матеріаломъ для одежды туземцевъ служитъ холстъ изъ кендыря, изъ котораго шьютъ халаты, рубашки и панталоны, которыя носятъ какъ мущины, такъ и женщины. Болѣе цивилизованные лобъ-норцы шьютъ халаты изъ цвѣтной дабы, иногда изъ сукна, сотканнаго изъ бараньей или верблюжьей шерсти. Зимою богатые носятъ шубы, бѣдные—подбиваютъ свои халаты утиными шкурками. Голову покрываютъ зимою мѣховою шапкою, лѣтомъ—войлочною или матерчатою тибютейкою. Женщины носятъ зимою шапочки изъ утиныхъ шкурокъ, лѣтомъ — повязываютъ голову холщевымъ платкомъ на манеръ нашихъ бабъ. Бумажный пестрый платокъ считается большимъ щегольствомъ. За московскій платокъ въ 10, 15 коп. китайцы дерутъ по барану, который здѣсь цѣнится въ 4 — 5 руб. Обувью лобъ-норцамъ служатъ чирки, башмаки изъ звѣриной шкуры; верхняя часть ноги обматывается онучами. Щеголи и щеголихи носятъ сапоги съ каблуками. Лѣтомъ—почти всѣ ходятъ босые.

Всѣ обитатели Лобъ-нора и нижняго Тарима живутъ въ тростниковыхъ жилищахъ, называемыхъ «сатма». Такое жилье представляетъ квадратную загородку въ 5—6 с. длины и 3—4 ширины. По угламъ, а иногда по срединѣ, вкопаны корявые, неочищенные отъ коры стволы туграка, поддерживающіе всю постройку. За неимѣніемъ дерева, ставятъ плотно связанные снопы тростника. Внутренность жилища раздѣлена одной или нѣсколькими перегородками, смотря по зажиточности хозяевъ. Самое большое отдѣленіе предназначается для постояннаго пребыванія семьи и для пріема посѣтителей; поменьше — для кухни и кладовой. Иногда кухня ставится отдѣльно. Вмѣсто полокъ,

около внутренней стѣны подвѣшиваются обломки лодокъ. Вокругъ очага настланъ для сидѣнья тростникъ; онъ же служитъ и постелью. Изрѣдка, впрочемъ, употребляются для постелей метелки отъ тростника и утиныя перья. У болѣе зажиточныхъ, близъ сатма, дѣлаются крытые загоны для скота. Случается, что жилища устраиваются прямо на болотѣ; тогда на почву настилается толстый слой тростника.

Группа сатма составляетъ деревню, которая, по мѣрѣ надобности, переносится на новое мѣсто. Тростниковыя жилища. при ремонтѣ, могутъ прослужить 4—5 лѣтъ, но, къ сожалѣнію, здѣсь нерѣдки пожары, отъ которыхъ погибаютъ цѣлыя деревни, Почти у каждаго семейства есть лодки и снасти для рыболовства,

Деревня Абдалъ представляетъ нѣчто въ родѣ столицы лобъ-норскаго района. Жители здѣсь болѣе цивилизованы, чѣмъ монголы и болѣе опрятны и чистоплотны. Лѣтомъ они часто купаются, зимою — постоянно умываются. Посуду содержатъ въ чистотѣ, пищу тоже приготовляютъ чисто; до и послѣ ѣды моютъ руки.

Жители Кара-курчина, напротивъ того, грязны, оборваны и сильно пахнутъ рыбою. Этотъ запахъ, преобладающій въ ихъ селеніяхъ, по вѣтру слышенъ очень далеко. Дѣйствительно рыба составляетъ здѣсь главный продуктъ питанія: она варится, жарится и сушится; изъ нея же добывается жиръ, который употребляется вмѣсто масла.

Абдалинцы сѣютъ пшеницу, которую мелютъ на своихъ маленькихъ водяныхъ мельницахъ. Кара-курчинцы хлѣба не сѣютъ, а многіе изъ нихъ и ѣсть его не могутъ. Зато они ѣдятъ мясо пеликановъ и выпей, которое, будто-бы, напоминаетъ кабанье; ѣдятъ поджаренные корни кендыря, а весною—молодые побѣги тростника, которые считаются даже лакомствомъ.

По слухамъ, жители Абдала развиваются очень быстро. Они уже почти сдѣлались осѣдлыми; кромѣ пшеницы, сѣютъ ячмень, кукурузу, хлопокъ; разводятъ огородныя овощи, арбузы, дыни.

Въ противуположность монголамъ, у которыхъ женщина является вьючнымъ скотомъ, здѣсь всю тяжелую работу справляютъ мущины; а женщины сидятъ дома и занимаются хозяйствомъ и дѣтьми.

Брачныя условія заключаются родителями. Женихъ, лѣтъ за 5 до свадьбы, слѣдовательно еще мальчикомъ, поступаетъ къ отцу невѣсты для домашнихъ работъ и приноситъ съ собой, въ видѣ приданаго, лодку, сѣти, пленки для ловли утокъ, сушеную рыбу, рыбій жиръ и связки кендыреваго волокна; у абдалинцевъ прибавляютъ еще корову, лошадь или осла. Наканунѣ свадьбы, женихъ подноситъ невѣстѣ двѣ лисьихъ шкуры, немного хлѣба печенаго, или въ зернѣ и пучекъ связанныхъ косичекъ сѣрой цапли, называемыхъ «кашъ».

Свадьба совершается въ жилищѣ невѣсты. Молодые садятся у входа, противъ задней стѣнки; справа, отъ жениха, помѣщаются мущины, слѣва, отъ невѣсты — женщины и дѣвушки. Отецъ невѣсты угощаетъ гостей рыбой, утками, а если есть — бараниной и хлѣбомъ. Послѣ трапезы, отецъ невѣсты закрываетъ молодыхъ двумя халатами и ахунъ, или лице его заступающее, читаетъ молитвы. Всѣ въ это время стоятъ. По прочтеніи молитвы, обрядъ вѣнчанія считается оконченнымъ.

На другой день, новобрачные отправляются съ визитами по деревнѣ и имъ дарятъ, смотря по достатку, рыбу, холстъ, домашнюю утварь. По возвращеніи въ свою палатку, жена подноситъ мужу дюжину рубахъ и дюжину панталонъ, а тесть — лодку, снасти, домашнюю утварь; въ Абдалѣ и скотъ.

Празднуется свадьба всего одинъ день. Устраиваются гонки на лодкахъ, скачки на лошадяхъ. Молодые тоже принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ.

Въ семьяхъ, мальчики находятся преимущественно на попеченіи отца, дѣвочки—матери. Дѣтей учатъ молитвамъ и прави-

ламъ вѣжливости и уваженія къ старшимъ. Въ Абдалѣ есть даже школа. Мальчики пасутъ барановъ, помогаютъ отцу ловить рыбу. Дѣвочки прислуживаютъ матери и обучаются домашнему хозяйству.

Обращеніе съ умершими, въ особенности у абдалинцевъ, совсѣмъ иное, чѣмъ у монголовъ. Обмывъ покойника, одѣваютъ его въ пять бѣлыхъ рубахъ изъ которыхъ одна длиннѣе другой и послѣдняя уже покрываетъ босыя ноги. Сперва покойника несутъ къ ахуну, который читаетъ молитвы, потомъ на кладбище. Здѣсь уже приготовлена яма въ кубическую сажень и въ одной стѣнѣ устроена ниша, куда и кладутъ покойника, лицомъ къ западу, головой къ югу. Нишу задѣлываютъ, яму засыпаютъ. На могилѣ втыкаютъ шестъ съ привязаннымъ къ нему хвостомъ яка или цвѣтной тряпочной. У кара-курчинцевъ умершаго кладутъ въ лодку, покрываютъ другою и ставятъ въ густые тростники, а это мѣсто обтягиваютъ сѣтями. На первый, третій, седьмой и сороковой день справляютъ поминки, ходятъ на могилу, а дома угощаютъ друзей и родственниковъ.

Вдовецъ и вдова владѣютъ имуществомъ умершаго супруга пожизненно и дѣти дѣлятъ наслѣдство только по смерти обоихъ родителей. При дѣлежѣ сыновья получаютъ поровну и отъ каждой своей доли отдѣляютъ девятую часть сестрамъ.

Встрѣчаясь другъ съ другомъ лобъ-норцы дѣлаютъ видъ, что гладятъ бороду, хотя бы ее и не было, затѣмъ наклоняются немного впередъ и сложивъ руки на груди, говорятъ: «ассаляумаликэмъ»; на что привѣтствуемый отвѣчаетъ: «валикемъ-ассалямъ». Обращаясь съ просьбою передать что нибудь, лобъ-норецъ непремѣнно прибавитъ: «доакль», т. е. сдѣлай одолженіе.

Дама окажетъ большую любезность кавалеру, если, обращаясь къ нему за какой нибудь услугой, похлопаетъ его слегка по спинѣ между лопатками, приговаривая: «чикъ, чиракъ, якъ». Въ буквальномъ переводѣ это значитъ: «выходи и зажги свѣ-

тильникъ», а по смыслу — тоже: сдѣлай одолженіе. Если же мущина проситъ услуги у женщины, то кромѣ обычнаго: доакль, онъ еще прибавляетъ: «джинимъ сангá» т. е. готовъ пожертвовать собою для тебя.

Въ свободное время лобъ-норцы ходятъ другъ къ другу въ гости: мущины къ мущинамъ, женщины къ женщинамъ. При особыхъ торжествахъ тѣ и другіе сходятся вмѣстѣ. Во время пріемовъ, хозяинъ сидитъ съ гостями, но не ѣстъ; хозяйка прислуживаетъ. Игръ и плясокъ нѣтъ; нѣтъ и музыки. Пѣсни поются рѣдко, больше при плаваніи въ лодкахъ; мотивъ ихъ заунывный. Сидятъ обыкновенно лобъ-норцы на пяткахъ, а не скрестивъ ноги, какъ монголы или тангуты.

Языкъ лобъ-норцевъ тюркскій, съ примѣсью монгольскаго; но между собой они объясняются какимъ то особымъ говоромъ, котораго не понималъ переводчикъ экспедиціи. Вѣроятно это было ничто иное какъ тотъ же языкъ, только искаженный.

По религіи, лобъ-норцы магометане сунниты, но они не фанатики; ѣсть же съ чужеземцами не гнушаются, въ злого духа не вѣрятъ, суевѣріемъ не заражены. Высокочтимая святыня всего Лобъ-нора, это «мазаръ»—небольшое кладбище, невдалекѣ отъ Абдала.

Шагахъ въ 50 отъ берега, на выровненномъ бугрѣ, сдѣлана сажени въ три квадратныхъ тростниковая загородка съ крышею. Въ этой загородкѣ закопана въ землю великая святыня, мѣдная чаша и священный красный флагъ. У одной изъ стѣнъ, на подмосткахъ, разложено нѣсколько маральихъ роговъ, головы харасультъ и домашнихъ барановъ, хвосты и рога яковъ. Возлѣ большой загородки есть загородка малая для склада подобныхъ же приношеній.

По мѣстному преданію, въ давнія времена, проходили здѣсь шестеро святыхъ съ собакою. За какую то услугу святые подарили предку Кунчиканъ-бека, нынѣшняго правителя лобъ-нор-

цевъ, мѣдную чашу, а потомъ прислали флагъ и бумагу на владѣніе этою драгоцѣнностью. Эта бумага, завернутая въ шелковую матерію, лежитъ въ ящикѣ грубой работы, стоящемъ на возвышеніи между маральими рогами. Когда святые ушли съ Лобъ-нора, ихъ пустились преслѣдовать монголы, отыскивая по слѣдамъ собаки. Чтобъ скрыть слѣды, святые обрубили собакѣ ноги, но она все таки продолжала бѣжать. За эту преданность къ святымъ, собака и до сихъ поръ лежитъ окаменѣлая у входа въ пещеру, гдѣ жили святые.

Въ умственномъ отношеніи лобъ-норцы и таримцы, какъ вообще тюрко-монголы, стоятъ выше чистыхъ монголовъ и на самомъ Лобъ-норѣ замѣтно большое различіе между умственными способностями абдалинцевъ и кара-курчинцевъ: абдалинцы смѣтливы и плутоваты, кара-курчинцы ограничены и простоваты. Тѣсный кругъ понятій кара-курчинца не переходитъ за берега родного озера. Остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждой сдѣлала его апатичнымъ; онъ почти никогда не смѣется. Вообще же, всѣ лобъ-норцы миролюбивы, гостепріимны и живутъ согласно между собою. Нерѣдко достаточные помогаютъ бѣднымъ, чему подаетъ примѣръ самъ Кунчиканъ-бекъ. Крупныя преступленія здѣсь крайне рѣдки, убійство неизвѣстно.

Лобъ-норцы очень любознательны, слыхали о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, воздушныхъ шарахъ и даже о Макарьевской ярмаркѣ, что крайне удивило Пржевальскаго. Не чужда имъ и удаль физическая. «Мы радуемся, когда настанетъ лѣто и намъ вдоволь можно ѣздить на лодкахъ», говорятъ они.

Кунчиканъ-бекъ, что въ переводѣ значитъ «восходящее солнце» — старикъ 73 лѣтъ, но еще вполнѣ бодрый. Это человѣкъ рѣдкой нравственности и безконечной доброты. Своихъ подданныхъ онъ любитъ какъ отецъ дѣтей; никакихъ поборовъ не требуетъ, кромѣ поставки дровъ и подмоги при посѣвѣ и уборкѣ

хлѣба. При всякой нуждѣ помогаетъ неотложно и поэтому самъ живетъ въ большой бѣдности. Китайцы, дерущіе взятки съ лобъ-норцевъ, не щадятъ и правителя ихъ. Недавно вышелъ приказъ носить косы, но это такъ не понравилось лобъ-норцамъ,

Правитель Лобъ-нора Кунчиканъ-бекъ съ сыномъ.

что правитель ихъ поѣхалъ въ Курля, отдалъ тамошнимъ властямъ послѣднія деньги и добылъ разрѣшеніе себѣ и своимъ подданнымъ брить головы. Въ другой разъ китайцы вздумали переселить лобъ-норцевъ на новое мѣсто и увели уже туда Кунчиканъ-бека съ семействомъ; но лобъ-норцы стали умолять китай-

цевъ возвратить имъ отца родного и получили на это согласіе за большую взятку.

Характерную черту Кунчиканъ-бека составляетъ еще то, что онъ терпѣть не можетъ городовъ и чуждается всякаго рода начальства. Во всю свою жизнь, онъ всего раза два, три былъ въ Курля, далѣе Чархалыка не ѣздилъ и ни одинъ крупный начальникъ его въ глаза не видалъ. Въ случаѣ требованія явиться, Кунчиканъ-бекъ уѣзжаетъ обыкновенно съ посланнымъ, но на дорогѣ незамѣтно выпиваетъ слабый растворъ табаку. Дѣлается головокруженіе и рвота, болѣзнь на лицо, и Кунчиканъ-бекъ благополучно возвращается назадъ.

Старшій сынъ Кунчиканъ-бека исполняетъ должность мѣстнаго ахуна, а младшій — Джаханъ будетъ его наслѣдникомъ.

Лобъ-норцы такъ любятъ своего начальника, что сложили про него пѣсню, въ которой воспѣваютъ всѣ его добродѣтели и несуществующее богатство. Послѣднимъ, вѣроятно, они бы его и надѣлили, еслибъ это было въ ихъ власти.

«Восходящее солнце», поется въ пѣснѣ, «солнце нашъ господинъ. Облагодѣтельствовалъ ты весь міръ. Какъ голосъ ласточки, лелѣешь ты слухъ всѣхъ. Заперъ ты въ загонѣ 30 коней (у него всего на всего одна кляча), но не отказываешься помогать сиротамъ. Во дворѣ твои бараны; что можетъ сравниться съ ними! Постели хорошую постель, окутайся дорогой шубою. Не объѣхать твои поляны (у него только нѣсколько десятинъ), не сосчитать твоего хлѣба. Надѣнь на себя латы, иди воевать въ Румъ (Турція). Просѣйте муку, напеките хлѣбовъ на дорогу. Живешь ты въ большомъ богатствѣ, сидишь на коврѣ (просто на циновкѣ), халатъ на тебѣ — цвѣта полной луны (изъ холста, окрашеннаго въ желтый цвѣтъ корою джиды)»; и все въ этомъ родѣ. Пѣсня очень длинная.

Въ 1860 году на Лобъ-норъ нежданно пришло четверо русскихъ, изъ которыхъ двое вскорѣ ушли. Мѣсяцевъ восемь спустя,

явилась партія человѣкъ въ сто съ женами и дѣтьми. Всѣ они отлично говорили по киргизски и объяснили, что выселились изъ Алтая вслѣдствіе гоненія на ихъ вѣру. Поселились эти старовѣры на рѣкѣ Джахансай близъ развалинъ стараго Лоба и въ Чарха-лыкѣ, гдѣ выстроили себѣ деревянный домъ, а по свидѣтельству иныхъ нѣсколько домовъ. Съ туземцами они жили въ согласіи, но другъ другу не помогали, черезъ это многіе впали въ нищету и должны были просить милостыню.

Не долго пришлось новымъ колонистамъ пожить на Лобъ-норѣ. Черезъ годъ по ихъ прибытіи явилось китайское войско и разорило поселеніе старовѣровъ. Четыре семьи ушли въ Са-чжеу, гдѣ мущины были казнены, а съ женщинами неизвѣстно что сдѣлалось. Остальные уцѣлѣвшіе старовѣры разбрелись въ разныя стороны.

Глава VI.

Въ противуположность другимъ мѣстностямъ, орошаемымъ водою, способствующей растительности, окрестности Лобъ-нора и нижняго Тарима почти безплодны. Причиною тому почва, состоящая изъ черезчуръ соленой лессовой глины или песку. Берега рѣкъ и озеръ почти вездѣ состоятъ изъ солончаковъ, за которыми лежитъ дикая пустыня, а на югѣ встаетъ громадный хребетъ также почти безплодный. Съ пустынь часто приносятся бури, а атмосфера здѣсь постоянно пыльная, окрашенная солнцемъ въ бурый цвѣтъ. Во время же самой бури здѣсь наступаетъ полнѣйшая мгла.

Еще болѣе унылый видъ принимаетъ эта мѣстность зимою, когда холодъ угонитъ на югъ перелетныхъ птицъ, а зеленѣющій тростникъ пожелтѣетъ и засохнетъ. Покроется озеро льдомъ и даже рыбный ловъ прекратится. Только кой-гдѣ бродятъ кабаны, да волки и лисицы, подкарауливающіе зайцевъ и мелкихъ гры-

зуновъ. Изрѣдка, по солончакамъ пробѣжитъ харасульта или дикій верблюдъ.

Издали все кажется мертво и только мѣстами поднимающійся изъ тростника дымокъ свидѣтельствуетъ о существованіи человѣческаго жилья.

Экспедиція пришла сюда въ концѣ Января 1877 года и расположилась бивуакомъ близъ деревни Новый Абдалъ. Вскорѣ послѣ прихода путешественниковъ, тигръ задавилъ караванную собаку и двѣ коровы туземцевъ. Караулили звѣря, но не укараулили. Днемъ онъ не приходилъ, а ночью было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Такъ звѣрь и ушелъ безнаказанно. Спустя десять дней экспедиція откочевала на берегъ Тарима къ селенію Старый Абдалъ, гдѣ было удобнѣе наблюдать перелетъ птицъ и охотиться за ними.

Время проходило незамѣтно. Занимались коллекціями, препаровкой птицъ, охотою, знакомились съ туземцами. Въ продовольствіи не было недостатка. Ѣли барановъ, птицъ и пшеничный хлѣбъ, который пекла изъ мѣстной муки жена Кунчиканъ-бека. Отдыхъ и обильная пища благотворно подѣйствовали на здоровье.

Раньше уже было говорено, что въ первое посѣщеніе Пржевальскимъ Лобъ-нора, жители, получившіе инструкціи отъ китайскаго правительства, выказывали путешественникамъ большое недовѣріе. Теперь же было совсѣмъ другое: или китайцы не успѣли прислать инструкцій, или туземцы сами приглядѣлись къ своимъ гостямъ, но они были крайне вѣжливы и предупредительны. Они не скрывали своей ненависти къ китайцамъ и выказывали пламенное желаніе освободиться отъ китайскаго гнета. Угодливость путешественникамъ доходила даже до лести. Разсказывали, напримѣръ, что одинъ изъ туземцевъ видѣлъ сонъ: будто бы на него надвигается цѣлая туча мелкихъ звѣздъ съ большою звѣздою посрединѣ. Мѣстные гадальщики объяснили,

что сонъ означаетъ приходъ русскихъ подъ начальствомъ офицера.

Прежде туземцы совсѣмъ не показывались и всячески избѣгали встрѣчи, теперь же, они охотно приходили, дружились съ казаками, приносили имъ хлѣбъ и рыбу и сами принимали угощенье. Кунчиканъ-бекъ бывалъ почти постоянно и съ большой охотой исполнялъ всякое желаніе членовъ экспедиціи. Словомъ, непритворное радушіе показывалось на каждомъ шагу, что было особенно пріятно въ виду встрѣчаемой повсемѣстно въ этой дикой странѣ враждебности. Туземцы откровенно отвѣчали на всѣ вопросы и на перебой просили фотографій. Дружба дошла до того, что они позволили Пржевальскому взять изъ своего «мазара» пару маральихъ роговъ для коллекціи. Какъ только начала ловиться рыба, ежедневно стали приносить въ подарокъ путешественникамъ лучшіе экземпляры. И путешественники съ своей стороны старались быть какъ можно ласковѣе, щедро за все платили и дѣлали подарки старшинамъ. Кунчиканъ-беку были подарены карманные часы и стереоскопъ. Старикъ былъ въ восторгѣ. Похвастившись этимъ подаркомъ передъ приближенными, онъ живо шмыгнулъ въ лодку и въ укромномъ мѣстѣ на берегу Тарима закопалъ подарки. Такъ поступаютъ почти всѣ лобъ-норцы относительно сколько-нибудь цѣнныхъ вещей.

Однако не безпечально продолжалось сближеніе путешественниковъ съ туземцами. Одинъ парень, для изготовленія капкана, укралъ три желѣзныхъ колышка отъ палатки и былъ пойманъ казакомъ на мѣстѣ преступленія. Не только Кунчиканъ-бекъ, но и вся деревня Абдалъ, родина виновнаго, были до крайности возмущены этимъ поступкомъ. Тотчасъ собрался судъ старшинъ и единодушно приговорилъ воришку къ смерти. Только заступничество Пржевальскаго спасло ему жизнь; онъ былъ наказанъ палками и высланъ въ отдаленныя мѣста Лобъ-нора. Судъ, приговоръ и исполненіе заняли не болѣе трехъ часовъ.

Вскорѣ послѣ этого возвращены были изъ Курля письма путешественниковъ, отправленныя въ Россію черезъ посредство Кунчиканъ-бека, а сей послѣдній получилъ отъ своего начальника письменный выговоръ слѣдующаго содержанія:

«Кунчиканъ-беку отъ Насыръ-бека.

Вы свои распоряженія оставьте. Вы послали пакетъ отъ Русскихъ для отправленія въ Кульджу, я посылаю этотъ пакетъ вамъ назадъ. Вы нашли себѣ новаго да-женя (начальника); наши начальники — Китайцы. Кульджею управляютъ они-же. Когда есть наши начальники Китайцы, вы не должны слушаться русскихъ. Пріѣхало 20 русскихъ, хотя бы пріѣхало 2000—намъ все равно. Какъ смѣли вы служить имъ самовольно, зная русскія мысли. Получивъ это письмо, поѣзжайте ко мнѣ день и ночь отдать отчетъ, не дальше трехъ сутокъ. Насыръ-бекъ Кадырисъ».

Кунчиканъ-бекъ не поѣхалъ, но послалъ довѣренное лице, по возвращеніи котораго разъяснилось, что вѣсть о прибытіи русскихъ разнеслась повсюду и экспедиція выросла уже въ огромное войско, пришедшее воевать съ Китаемъ. Туземцы охотно повѣрили этому слуху и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовы были уже произвести возстаніе. Китайцы струсили не на шутку. Къ Пржевальскому посланъ былъ китайскій чиновникъ съ переводчикомъ, который, увидавъ китайскій паспортъ, нѣсколько успокоился, но не переставалъ отговаривать путешественниковъ идти въ Хотанъ, предлагая имъ возвратиться въ Кульджу.

Въ Февралѣ начался перелетъ птицъ. Пернатые странники останавливались на отдыхъ въ болотахъ и на озерѣ Лобъ-норѣ. Всюду, близъ воды, глазъ наблюдателя могъ видѣть движеніе и суету; цѣлый птичій базаръ. Но далеко не было того птичьяго веселья, какое бываетъ у насъ весною. Воздухъ весьма мало оглашался пѣніемъ; пернатыя точно чувствовали, что здѣсь для нихъ временная станція и что впереди лежитъ дальній, тяжелый путь.

Охота на утокъ въ эту пору чрезвычайно легка. Походитъ охотникъ часа два, три и набьетъ ихъ цѣлую кучу. Казакъ придетъ съ бивуака и сложитъ добычу въ мѣшокъ. Иногда самъ охотникъ обвѣшается утками такъ, что едва до дому добредетъ. Но для настоящаго оходника такая охота не интересна и скоро надоѣдаетъ, такъ какъ это не охота, а бойня.

Туземцы ловятъ утокъ въ петельки и налавливаютъ ихъ столько, что въ теченіи весны приходится среднимъ числомъ по сотнѣ или по двѣ на человѣка. Въ петельки же ловятъ и другихъ птицъ. Много вредятъ мѣстнымъ охотникамъ вороны, орлы и кабаны, которые часто съѣдаютъ попавшихся въ петельки птицъ. Молодыхъ гусей и утокъ, пойманныхъ живыми, туземцы удачно приручаютъ и откармливаютъ къ зимѣ. Случается, что птицы попадаются съ зажившими ранами отъ дроби; это гости изъ Европейскихъ странъ.

«Черезъ это мы давно знаемъ, что птицы улетаютъ въ ваши края» говорили лобъ-норцы путешественникамъ.

Въ концѣ февраля, Таримъ и Лобъ-норъ вскрылись и охота сдѣлалась гораздо интереснѣе. Приходилось устраивать засаду въ тростникахъ и выжидать птицъ до заката солнца. Удача такой охоты зависитъ во многомъ отъ ловкости охотника.

Къ началу марта отлетъ птицъ усилился; ночью, почти постоянно слышался въ вышинѣ шумъ ихъ спѣшнаго полета. Вскорѣ птицъ не осталось и десятой доли противъ прежняго количества. Нѣкоторыя, впрочемъ, остались вить гнѣзда на Лобъ-норѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, погода стояла хорошая, даже жаркая, какъ лѣтомъ. Природа оживилась, и птицы запѣли какъ будто веселѣе. Появились комары, которые въ лѣтнее время сильно одолѣваютъ туземцевъ.

20 марта экспедиція уже готова была къ выступленію въ дальнѣйшій путь. Грустно было разставаться съ тѣмъ мѣстомъ,

гдѣ путешественники встрѣтили столько радушія и доброты. Туземцы, чуть ли не поголовно, пришли проститься съ ними. Тяжелый на подъемъ Кунчиканъ-бекъ самъ вызвался быть провожатымъ на нѣсколько дней.

Глава VII.

Открывался третій періодъ странствованій Пржевальскаго, обнимающій собою движеніе по восточному Туркестану до конца экспедиціи. Эта часть путешествія была уже тѣмъ легче, что приходилось идти среди населенія дружелюбно настроеннаго, хотя враждебность китайцевъ оставалась таже самая. Но на послѣднее Пржевальскій не обращалъ вниманія.

Спустя три дня, экспедиція пришла въ Чархалыкъ, отстоящій отъ Лобъ-нора на сто верстъ.

Чархалыкъ—большая деревня, при рѣкѣ того же имени съ населеніемъ около 150 душъ обоего пола. На этомъ мѣстѣ, говорятъ, въ древности стоялъ городъ. Кэрійскіе охотники напали на развалины этого города и въ развалившихся сакляхъ нашли много прялокъ. Прялка, по тюркски «чархъ», отсюда названіе: Чархалыкъ. Населеніе занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ садахъ ростутъ абрикосы, персики, сливы, виноградъ и гранаты; почва плодородна.

Въ Чархалыкѣ почитается память мѣстнаго святого, который будто бы спасъ населеніе отъ холеры, принявъ ее на себя. Онъ умеръ, а болѣзнь прекратилась.

Въ Чархалыкѣ путешественники отпраздновали свѣтлый праздникъ, причемъ пригласили Кунчиканъ-бека и хорошо угостили его. Здѣсь же съ нимъ и разстались. Но въ день, назначенный для ухода, поднялась такая буря, что нечего было и думать выступать въ путь. Воздухъ мгновенно наполнился тучами пыли и наступила такая мгла, что на разстояніи двухъ шаговъ

не было видно даже бѣлыхъ палатокъ. Послѣднія едва держались подъ напоромъ вѣтра, не смотря на то, что были обложены тяжелыми вьюками и привязаны къ нимъ. На багажъ и на людей нанесло такой слой пыли, что утромъ едва можно было продрать глаза. Пыль набилась и въ ротъ и въ уши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ при бурѣ, стало такъ холодно, что

Женщины Черчена.

р. Чархалыкъ покрылась льдомъ, хотя весна была уже въ полномъ разгарѣ и все кругомъ зеленѣло.

Двинувшись въ путь, путешественники, черезъ четыре перехода, пришли въ урочище Вашъ-шари, сдѣлавъ отъ Чархалыка 77 верстъ. Въ семи верстахъ отъ урочища видны слѣды древняго города, въ которомъ еще сохранились остатки глиняныхъ сакель. Тутъ же валялись черепки глиняной посуды и человѣче-

скія кости. Попадались мѣдныя монеты и кой-гдѣ торчали изсохшіе пни плодовыхъ деревьевъ. Какому народу и къ какой эпохѣ принадлежатъ эти развалины—туземцамъ неизвѣстно.

Сыпучіе пески являются самымъ страшнымъ врагомъ культуры средней Азіи и занимаютъ собою все большее и большее пространство. Многія процвѣтавшія въ древности мѣстности уничтожены и вообще районъ площадей доступныхъ обработкѣ, уменьшается болѣе и болѣе. Причина столь рокового явленія заключается въ общемъ усыханіи средней Азіи, начавшемся еще съ тѣхъ поръ, когда оба здѣшніе бассейна Ханъ-хайскій и Туранскій были покрыты водами внутренняго азіатскаго моря. Старики еще помнятъ многія, нынѣ не существующія рѣчки, а тѣ, которыя остались, были по ихъ словамъ, гораздо многоводнѣе. Объ уменьшеніи живительной влаги и объ успѣхѣ мертвящихъ силъ пустыни свидѣтельствуютъ засыпанные пескомъ нѣкогда цвѣтущіе оазисы и города. Про многіе изъ нихъ извѣстно изъ китайскихъ лѣтописей, остатки нѣкоторыхъ путешественники видѣли сами. По словамъ туземцевъ, въ старину, на площади между Хотаномъ, Аксу и Лобъ-номъ лежало 23 города и 360 селеній, нынѣ не существующихъ. Еще и теперь есть любители откапывать древнія поселенія; увѣряютъ, будто тамъ находятъ золото и серебро и драгоцѣнные камни. Замѣчательнѣе всего то, что тамъ встрѣчается битое стекло, доказательство, что изобрѣтеніе его древнѣе нежели мы думаемъ. Попадается и одежда, но она отъ прикосновенія разсыпается въ прахъ.

Искатели отправляются пѣшкомъ; на верблюдахъ же, а иногда на собственныхъ плечахъ несутъ шесты съ привязанными къ нимъ яркими тряпочками, чтобы втыкая ихъ на возвышенностяхъ, обезпечить себѣ обратный путь.

За урочищемъ Вашъ-шари начались сыпучіе пески, которые до сихъ поръ тянулись по лѣвому берегу р. Черченъ, а теперь перешли на другую сторону и залегли до Алтынъ-тага. Держась

берега р. Черченъ-дарья, экспедиція 14 апрѣля достигла Черчена и была встрѣчена мѣстными властями: хакимомъ (уѣзднымъ начальникомъ) и аксакаломъ (волостнымъ старшиной). Не доходя версты до главной части оазиса, путешественники, въ тѣни ивовыхъ деревьевъ разбили свой бивуакъ.

Черченскій оазисъ заключаетъ въ себѣ около 600 дворовъ и отъ 3 до $3^1/_2$ тысячъ жителей. Основанъ онъ 90 лѣтъ тому назадъ выходцами изъ Хотана, Кэріи, Кашгара и Аксу. Одни выходцы принадлежали къ племени «Мачинъ», другіе — къ племени «Ардбюль». Мачинцы считаютъ себя коренными жителями восточнаго Туркестана и очень напоминаютъ монгольскій типъ, тогда какъ Ардбюль очень походятъ на Семитовъ. Тѣ и другіе говорятъ тюркскимъ языкомъ.

Разсказываютъ, что есть еще племя «Хурасанъ», пришедшее, будто бы, въ глубокой древности, изъ Авганистана. Это племя отличается особою красотою. Вообще же можно сказать, что во всемъ восточномъ Туркестанѣ нѣтъ однороднаго сплоченнаго типа и между населеніемъ объединенія не существуетъ. Оно называется именами городовъ и оазисовъ безъ обозначенія общей національности.

Глиняныя сакли Черченцевъ расположены, какъ въ большинствѣ оазисовъ отдѣльными фермами, между которыми лежатъ поля, отлично обработанныя. Все это орошено арыками, которые также какъ и сакли обсажены ивою, джидою, тугракомъ и тополемъ. Кромѣ того вездѣ сады съ плодовыми деревьями. Когда путешественники пришли въ Черченъ, деревья развернули уже листья, фруктовыя деревья цвѣли, а на абрикосахъ были плоды съ орѣхъ величиною.

Всей обработанной земли въ Черченѣ наберется до тысячи десятинъ — пространство слишкомъ ничтожное въ сравненіи съ количествомъ населенія. За то поля воздѣланы какъ огороды;

урожай даютъ большой, хотя его хватаетъ только для продовольствія семьи; избытокъ же на продажу бываетъ очень рѣдко.

Черченскія власти, не смотря на внѣшнюю любезность, оказались очень несговорчивыми, когда дѣло коснулось продовольствія и проводника. Пришлось прибѣгнуть къ испытанному средству и припугнуть ихъ. Тогда они откровенно сознались, что имъ запрещено китайцами, подъ страхомъ смертной казни продавать что-либо русскимъ или входить въ сношеніе съ ними. Сверхъ того приказано во всемъ обманывать чужеземцевъ и если нельзя будетъ отказать въ проводникѣ, то вести ихъ самою трудною дорогою. Какъ раньше, такъ и теперь крутыя мѣры подѣйствовали и путешественники получили за деньги, конечно, все, что имъ было нужно.

Рядомъ съ Черченскимъ оазисомъ лежитъ засыпанный пескомъ оазисъ, гдѣ еще можно видѣть остатки сакель, башенъ и арыковъ. По туземному преданію здѣсь существовало два города. Древнѣйшій изъ нихъ былъ уничтоженъ 3000 л. тому назадъ богатыремъ Рустемомъ Дагестаномъ. Другой—900 лѣтъ назадъ былъ раззоренъ монголами подъ начальствомъ Алтамыша. Первый изъ этихъ городовъ особенно процвѣталъ при царѣ Сіявушъ-ханѣ, который считался потомкомъ Ноя въ седьмомъ колѣнѣ. По приказанію этого царя былъ выкопанъ въ городѣ огромный прудъ, въ который напускалась вода изъ Черченъ-дарья, а вокругъ пруда были сады, цвѣтники, бесѣдки, статуи. Здѣсь устраивались пышныя пиршества. Сія-вушъ-ханъ былъ убитъ своимъ тестемъ и на мѣстѣ убійства выросла трава, употребляемая туземцами какъ лекарство. Когда о смерти Сія-вушъ-хана узналъ его другъ Рустемъ-Дагестанъ, бывшій тогда въ Кабулѣ, онъ собралъ войско и пошелъ мстить за смерть друга. При этомъ онъ покрылъ себя и свою лошадь трауромъ и произнесъ слѣдующую клятву: «не сниму меча и траура, не остригу волосъ, не утру слезы съ глазъ, пока не отмщу».

Онъ такъ удачно отомстилъ, что всю страну покрылъ развалинами.

Жители Черчена тоже занимаются раскопками, въ особенности послѣ бурь, когда вѣтеръ производитъ передвиженіе песковъ и оголяетъ нѣкоторыя мѣстности. При раскопкахъ городовъ попадаются склепы и въ нихъ гробы съ набальзамированными тѣлами, хорошо сохранившимися. Мущины очень большого роста и съ длинными волосами, женщины съ одной или двумя косами. Однажды открытъ былъ склепъ съ 12-ю мущинами въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ найдена была въ гробу молодая дѣвушка, у которой глаза были закрыты золотымъ кружевомъ, а голова, отъ подбородка къ темени, обведена золотой пластинкою. Длинная шерстяная одежда, уже истлѣвшая, имѣла на груди украшенія въ видѣ нѣсколькихъ тонкихъ золотыхъ звѣздочекъ. Вмѣстѣ съ человѣческими трупами въ могилахъ попадаются кости лошадей и барановъ.

Здѣсь кстати прибавить свѣдѣнія еще объ одномъ древнемъ городѣ Кутэкъ-шари, очень обширномъ и богатомъ. Нѣкоторыя изъ капищъ этого города были украшены колоннами изъ чистаго золота. Одинъ изъ проповѣдниковъ ислама, явившійся въ Кутэкъ-шари за тѣмъ, чтобъ обратить жителей на путь истинный, до того разгнѣвался на ихъ нечувствительность къ его ученію, что наслалъ бурю, засыпавшую пескомъ городъ. Жители однако не погибли. По преданію, они живутъ и до сихъ поръ, питаясь кореньями кендыря. Живы даже куры и изъ подъ песка иногда слышится пѣніе пѣтуховъ.

25 апрѣля экспедиція вышла изъ Черчена и направилась въ оазисъ Нія. Въ этотъ оазисъ ведутъ двѣ дороги: болѣе короткая, нижняя, идущая по равнинѣ и верхняя — по горамъ. Весною предпочитаютъ послѣднюю, такъ какъ на ней воды больше, а комаровъ и мошекъ меньше. За то приходится переходить глубокія ущелья рѣкъ, что очень тяжело для вьючныхъ

животныхъ. Этотъ переходъ стоилъ путешественникамъ нѣсколькихъ верблюдовъ.

Верстахъ въ 15-ти къ югу отъ верхней Черченской дороги въ ключевой долинѣ находится гробница, гдѣ погребена сестра весьма почитаемаго въ восточномъ Туркестанѣ святого Джаферъ-садыка. Сюда стекаются въ большомъ числѣ богомольцы не только изъ ближайшихъ оазисовъ, но даже изъ Кашгара.

По преданію, сестра святого, преслѣдуемая мачинцами, желавшими ее убить, убѣжала въ горы, которыя разступились, чтобы пропустить ее и за нею сомкнулись снова; но сомкнулись такъ неудачно, что прищемили ногу спасенной. Кончикъ этой ноги, торчащій изъ скалы и понынѣ показываютъ вѣрующимъ. Изъ той же скалы бьетъ ключъ, вынося мелкіе известковые камешки краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. Правовѣрные говорятъ, что это слезы святой, которая плачетъ о людскихъ грѣхахъ и берегутъ эти камешки какъ святыню.

Идя далѣе, экспедиція пришла къ ключу Сугетъ, около котораго находится старинное кладбище, замѣчательное ивами громадной величины. Эти ивы, въ количествѣ двадцати штукъ, почти у самой земли развѣтвляются на множество стволовъ, которые коснувшись почвы, пускаютъ корни. Одно изъ этихъ деревьевъ съ пятью изогнутыми и наклоненными къ землѣ стволами, покрываетъ площадь въ 135 шаговъ въ окружности. По всей вѣроятности, описываемыя деревья могутъ считать свой возрастъ вѣками.

Вскорѣ за ключемъ Сугетъ дорога удаляется отъ горъ въ сторону и почва дѣлается болѣе безплодною.

Въ 36 верстахъ отъ оазиса Нія, на рѣкѣ Чижганъ, путешественники разбили свой бивуакъ. Сюда выѣхалъ ихъ встрѣтить хакимъ Ніи, Надимъ-бекъ съ нѣсколькими приближенными. По мусульманскому обычаю, они привезли дастаръ-ханъ, т. е.

угощеніе, состоящее изъ шепталы, изюму, булокъ и т. п. Посидѣвъ съ часъ, встрѣчавшіе уѣхали обратно.

Оазисъ Нія расположенъ на абсолютной высотѣ 4600 фут. по обѣ стороны рѣки того же имени.

Обитателей его, мачинцевъ, насчитывается здѣсь до 6000 душъ обоего пола. Занимаются они земледѣліемъ и скотоводствомъ; многіе уходятъ на золотые пріиски. Орошеніе оазиса скудное, растительность бѣдная.

Путешественники были встрѣчены жителями радушно и пробыли въ оазисѣ недѣлю. Была половина мая; фрукты только еще наливались. Поспѣла бѣлая и черная шелковица, которую въ изобиліи приносили мальчишки для продажи. Эти ягоды сперва не нравились Европейцамъ, но мало по малу они къ нимъ привыкли и ѣли ихъ съ удовольствіемъ.

Оазисъ Нія начинаетъ собою на юго-востокѣ Таримскаго бассейна, длинный рядъ такихъ же оазисовъ, которые съ большими или меньшими промежутками тянутся вдоль подошвы Кузнь-луня, Памира и Тянь-шаня. Всѣ они лежатъ по окраинѣ таримской котловины, тамъ, гдѣ притекаетъ съ горъ вода, необходимая для орошенія. Поэтому, величина каждаго оазиса зависитъ прежде всего отъ мѣстнаго количества воды. На главныхъ рѣкахъ восточнаго Туркестана расположены и наиболѣе обширные оазисы; на малыхъ же рѣчкахъ и ручьяхъ лежатъ оазисы небольшіе. Такъ какъ необходимо, чтобъ вода текла съ мѣстъ возвышенныхъ, то её приходится иногда проводить издалека. Чтобы вода не смывала посѣвы и не уносила плодородную землю, поля обрабатываются грядками и вода напускается въ борозды, между ними. Поля идутъ террасами и орошаются по очереди, которая строго соблюдается. За порядкомъ орошенія наблюдаетъ особый старшина. Рисъ сѣется на мѣстахъ болѣе низкихъ и почти постоянно находится подъ водою. Въ каждую саклю, въ каждый садъ и огородъ, даже къ каждому большому

дереву проведены маленькія канавки, которыя отпираются и запираются по мѣрѣ необходимости. При теплѣ и влагѣ, деревья ростутъ съ такой поразительной быстротой, что спустя 7—8 лѣтъ тополь даетъ строевое бревно, а лѣтъ черезъ 30-двумъ человѣкамъ его не обхватить. Каждая палка, воткнутая въ землю въ свѣжемъ видѣ, укореняется.

Какъ ни очаровательны съ виду всѣ, вообще, оазисы, особенно при рѣзкомъ переходѣ къ нимъ отъ пустыни, но въ большей части изъ нихъ царитъ бѣдность и нужда; многолюдство, при небольшомъ количествѣ земли тому причиною. Земельный надѣлъ на 5—6 душъ не превышаетъ 1—1½ десятины; бываетъ и еще меньше. Отчасти недостатокъ этотъ пополняется двойнымъ посѣвомъ, отличнымъ урожаемъ и умѣренностью туземцевъ въ пищѣ; но многосемейнымъ дворамъ перебиваться все-таки очень трудно. Случается видѣть, какъ хозяинъ срываетъ нѣсколько, раньше поспѣвшихъ колосьевъ, и несетъ семьѣ на продовольствіе.

Не легче и животнымъ. Имъ часто приходится довольствоваться листьями ивы, которыя палкою сбиваетъ для нихъ хозяинъ, а они, идя за нимъ, подбираютъ ихъ. Не мало способствуетъ бѣдности самоуправство китайцевъ, которые безжалостно обираютъ туземцевъ.

Отъ Ніи до Кэріи, куда направился теперь караванъ, было всего 93 версты. Переходъ предстоялъ безводный и очень тяжелый, но по счастью на пути лежала деревушка Ясулгунъ, гдѣ путешественники могли отдохнуть во ожиданіи возвращенія переводчика, заболѣвшаго въ Черченѣ.

Деревня Ясулгунъ представляетъ собою отрадный уголокъ среди пустыни. Здѣсь всего восемь дворовъ, скученныхъ на берегу пруда, въ которомъ можно купаться. Фруктовъ въ садахъ изобиліе: нѣкоторыя фруктовыя деревья достигаютъ громадныхъ размѣровъ.

Жители въ Ясулгунѣ, мачинцы, добродушны и привѣтливы. Ихъ ребятишки — веселые и живые — бѣгаютъ безъ всякаго костюма. Любимая игра здѣшнихъ дѣтей — подражаніе земледѣльцамъ. Они устраиваютъ маленькія пашни, арыки и мельницы; съ ловкостью обезьянъ лазятъ по деревьямъ и достаютъ шелковичныя ягоды.

Путешественники пробыли здѣсь пять дней, снимали фотографіи съ мачинцевъ, знакомились съ ихъ бытомъ. По вечерамъ казаки играли на гармоникѣ, что всегда производило большой эффектъ. Слухъ о столь удивительномъ инструментѣ зачастую предшествовалъ путешественникамъ и нерѣдко, выѣзжавшіе къ нимъ на встрѣчу старшины просили прежде всего послушать музыку.

Туземцы сообщили много интересныхъ подробностей относительно трусости китайцевъ и ихъ козней. Не только запрещалось туземцамъ входить въ сношенія съ европейцами и продавать имъ что либо, но еще велѣно было угнать верблюдовъ и лошадей въ горы, а чтобъ скрыть слѣды животныхъ, прогнать стадо барановъ. Узнавъ, что путешественники хотятъ пройти изъ Кэріи въ Тибетъ, амбань приказалъ разрушить мостъ и испортить дорогу. Тотъ же амбань отобралъ у жителей Кэріи запасный хлѣбъ, сложилъ его въ восьми сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ихъ въ случаѣ возстанія жителей по приходѣ русскихъ. Самъ же онъ, боясь внезапнаго нападенія, въ теченіи нѣсколькихъ ночей кряду, выѣзжалъ изъ города и ночевалъ въ палаткѣ. У всѣхъ туземцевъ отобрали ножики и обломали у нихъ острые концы. Китайцы были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, въ которыхъ возились коллекціи, спрятаны солдаты.

Выслушавъ все это, Пржевальскій понялъ, что ему ни коимъ образомъ не удалось бы пробраться изъ Кэріи въ Тибетъ и поздравилъ себя съ мыслью начать путешествіе отъ Кяхты.

Въ Ясулгунѣ отпразднована была шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно по средствамъ, имѣющимся на лицо, устраивались послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

Въ теченіи всего мая погода стояла облачная и только передъ выходомъ экспедиціи изъ Ясулгуна прошелъ хорошій дождь, пыль улеглась и путешественники ясно увидали очертаніе горъ съ снѣговыми вершинами. Большую же часть времени эта прекрасная панорама была скрыта отъ ихъ глазъ пыльною завѣсою.

1 іюня экспедиція выступила изъ Ясулгуна въ Кэрію и не доходя 15 верстъ до этого города была встрѣчена туземными властями вмѣстѣ съ китайскими чиновниками. Появился неизбѣжный достаръ-ханъ, который вездѣ здѣсь подается на русскихъ подносахъ. На берегу Кэрія-дарья путешественники раскинули свой бивуакъ, пройдя отъ Лобъ-нора 870 верстъ.

Глава VIII.

Кэрія есть главный городъ оазиса того же имени. Въ немъ пребываютъ китайскія власти, выстроена крѣпость (глиняный валъ) и имѣется базаръ, гдѣ продаются русскіе ситцы, кумачъ, плисъ и т. п. Изъ мѣстныхъ произведеній, кромѣ предметовъ одежды, много бываетъ мыла и съѣдобныхъ продуктовъ, которые впрочемъ не дешевы. Пржевальскій не отказался отъ мысли пробраться изъ Кэріи на ближайшее плато Тибета и только въ случаѣ невозможности привести этотъ планъ въ исполненіе, рѣшилъ ограничиться обслѣдованіемъ ближайшихъ горъ.

Китайцы, по обыкновенію, вели себя враждебно и запрещали туземцамъ продавать продукты путешественникамъ. Тогда Пржевальскій объявилъ, что если ему не дадутъ продуктовъ за

деньги, онъ возьметъ ихъ силою. Амбань испугался и на другой же день явился съ визитомъ.

Посѣщеніе это было обставлено большой церемоніей. Китаецъ ѣхалъ въ двухколесной телѣгѣ, запряженной муломъ, въ сопровожденіи свиты, верхами. Позади телѣги шествовалъ отрядъ солдатъ, одѣтыхъ въ форменныя, красныя и синія кофты и вооруженныхъ трезубцами, сѣкирами и нѣсколькими заржавленными пистонными ружьями. Здѣсь же несли знамена, красный зонтикъ (знакъ извѣстнаго достоинства) и мѣдный бубенъ, въ который немилосердно колотили. По временамъ, солдаты что то кричали, вѣроятно, нѣчто вродѣ нашего «ура».

На другой день Пржевальскій, въ сопровожденіи Роборовскаго, переводчика и нѣсколькихъ казаковъ, отдалъ визитъ Китайцу. Пріемъ былъ самый пышный. Собраны были всѣ власти Кэріи и въ воротахъ губернаторскаго дома путешественниковъ салютовали тремя выстрѣлами и музыкой. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ имъ чай.

Эти любезности не мѣшали сдѣлать подъ рукою распоряженіе, чтобы туземцы не смѣли посѣщать русскихъ. Кромѣ того, китайцы преднамѣренно испортили дорогу, въ чемъ путешественники имѣли возможность убѣдиться тотчасъ же по выходѣ изъ Кэріи.

Встрѣчавшіеся мачинцы подтвердили это обстоятельство; они то и портили дорогу по приказанію китайцевъ, а теперь, по приказанію русскихъ, должны были чинить. Послѣднее они дѣлали весьма охотно и вообще вездѣ, гдѣ могли, выражали ненависть къ китайцамъ.

«Прикажи, говорили старшины Пржевальскому и мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ». Тоже самое слышали путешественники и въ Кэріи. Вездѣ, гдѣ туземцы могли украдкою бесѣдовать съ русскими, они говорили: «мы ничего не желаемъ какъ только быть подъ властью Бѣлаго царя. Мы слышали, какая справедли-

вость водворилась теперь въ Туркестанѣ, а у насъ каждый китайскій чиновникъ, даже каждый солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ дерутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго вынести подобнаго положенія. У многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе: нѣтъ головы, руководителя. Дай намъ хоть простаго казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ».

Верстахъ въ 20 отъ Кэрійскаго оазиса недавно, выкопанъ, отъ праваго берега Кэрія-дарья большой арыкъ, который, какъ говорятъ, тянется верстъ на 7 и можетъ обводнить площадь земли, годную для поселенія 5 — 6000 семействъ. Предполагается расположить здѣсь городъ и, при проходѣ экспедиціи, уже начинали строить на новомъ мѣстѣ лавки и сакли.

Рѣка Кэрія течетъ въ глубокомъ ущельѣ, гдѣ она дико бурлитъ и клокочетъ. Во время высокой воды, каковая стоитъ въ теченіи всего лѣта, переправы въ бродъ не бываетъ и туземцы переправляются по канату, высоко натянутому съ одного берега на другой. На этомъ канатѣ скользитъ кольцо, къ которому прикрѣпляется пассажиръ и его перетягиваютъ веревками. Подобный способъ переправы практикуется во многихъ горныхъ мѣстностяхъ Тибета.

Во время прохода экспедиціи, вода сильно убыла въ Кэріи и оказалась возможность перейти рѣку въ бродъ. Въ иныхъ мѣстахъ, рѣка течетъ какъ бы въ траншеѣ, отвѣсныя стѣны которой высятся на 40 — 50 сажень.

Рѣка Кэрія очень богата нефритомъ, который у многихъ восточныхъ народовъ почитается талисманомъ. Извѣстно, что еще въ глубокой древности камень этотъ игралъ большую роль въ торговлѣ и даже политическихъ сношеніяхъ Китая съ Хотаномъ. Нефритъ находится въ горахъ въ видѣ наслоеній и въ рѣкахъ, въ видѣ валуновъ. Промышленники добываютъ его са-

мымъ первобытнымъ способомъ, выламывая изъ прослоекъ. Въ Китаѣ, этотъ камень очень дорого цѣнится.

Нефритъ бываетъ трехъ родовъ: желтый, молочно-бѣлый и желтовато маслянистаго цвѣта. Самымъ цѣннымъ считается молочно-бѣлый безъ трещинъ и жилокъ. Не задолго до прибытія экспедиціи, въ Кэрійской рѣкѣ былъ найденъ кусокъ молочно-бѣлаго нефрита пяти четвертей въ длину, двухъ въ ширину и столько же въ толщину. Китайцы цѣнятъ такую находку въ 100 ямбовъ серебра, т. е. въ 10,000 нашихъ металлическихъ рублей.

Изъ нефрита дѣлаютъ табакерки, блюдца, чашечки, ларчики, серьги, браслеты. Браслетъ, надѣтый на руку покойника, предохраняетъ, по мнѣнію туркестанцевъ, трупъ отъ гніенія.

Повернувъ съ Кэрійской рѣки вверхъ по ея лѣвому притоку Курабъ, экспедиція встрѣтила колонію Полу въ 50 семействъ. По происхожденію своему, полусцы,— выходцы изъ Тибета, а по характеру—народъ веселый и добродушный. Пѣсни, музыка и пляска составляютъ ихъ любимое развлеченіе.

Полусцы занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; держатъ коровъ и лошадей; послѣднихъ, впрочемъ, очень мало, такъ какъ китайцы, занявъ по смерти Якубъ-бека восточный Туркестанъ, озаботились уничтоженіемъ лошадей, чтобы лишить туземцевъ возможности, въ случаѣ возстанія, дѣйствовать быстро. Не успѣвъ забрать всѣхъ лошадей въ свою пользу, китайцы уничтожали несчастныхъ животныхъ всевозможнымъ образомъ: однѣхъ разстрѣливали, другихъ топили въ рѣкѣ или, на морозѣ, обливая водой, замораживали.

Въ одной верстѣ отъ Полу, на холмѣ, находится мазаръ, а подъ нимъ пещеры въ которыхъ временно поселяются желающіе спасаться отъ мірскихъ суетъ. Еще подальше, видны остатки мачинскаго города.

Въ Полу путешественники пробыли пятеро сутокъ и очень подружились съ жителями. Послѣдніе разсказали, какъ ихъ запугивали китайцы, увѣряя, что русскіе дурные люди и пришли сюда съ злымъ умысломъ. Убѣдившись, что все это клевета, туземцы не знали какъ услужить путешественникамъ, продали все, что требовалось, дали проводника, а китайцамъ хитро отписали:

«Мы не можемъ исполнить вашихъ приказаній, такъ какъ русскіе грозятъ намъ силою. Сами мы сопротивляться не въ состояніи. Если вы сильнѣе русскихъ, то придите сюда и расправтесь съ ними».

Дружба русскихъ съ жителями Полу дошла до того, что послѣдніе дважды устроили для казаковъ танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. Мѣстомъ для залы былъ избранъ просторный дворъ сакли, устланный войлоками. Музыка состояла изъ инструмента вродѣ гитары, бубна и простаго русскаго подноса, въ который колотили по временамъ. Всѣ гости сѣли по бокамъ; для Пржевальскаго и его товарищей отведены были почетныя мѣста. На средину выходили танцующіе — мущина и женщина. Послѣдняя приглашалась кавалеромъ вѣжливо, съ поклономъ.

Пляска состоитъ изъ довольно вялыхъ движеній руками и ногами въ тактъ музыки. Зрители выражаютъ свое одобреніе крикомъ во все горло. Иногда же, въ дополненіе къ музыкѣ, зрители подпѣваютъ. Казаки тоже принимали участіе въ общемъ веселье и лихо отплясывая подъ звуки гармоники, которая приводила въ восторгъ туземцевъ.

Въ антрактахъ между танцами появлялись скоморохи: одинъ, наряженный обезьяной, другой—козломъ, третій—женщиной на лошади; выдѣлывали—они очень искусныя штуки. Сначала присутствіе офицеровъ стѣсняло туземцевъ, которые извинялись, что ихъ женщины не могутъ хорошо нарядиться, такъ какъ лучшее платье,

вслѣдствіе навѣтовъ китайцевъ, спрятано въ горахъ. Но потомъ всѣ освоились и веселились отъ души.

Когда путешественники уходили, полусцы разставались съ ними съ сожалѣніемъ, а женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: «Уходятъ русскіе молодцы; скучно намъ безъ нихъ будетъ».

Разспросами въ Полу, Пржевальскій узналъ, что вверхъ по ущелью р. Курабъ, существуетъ проходъ въ Тибетъ, но что дорога эта крайне трудная, да притомъ недавно еще умышленно испорчена китайцами. Не вполнѣ довѣряя показаніямъ туземцевъ, Пржевальскій сдѣлалъ рекогносцировку и убѣдившись, что все сказанное справедливо, рѣшился отказаться отъ намѣренія пройти въ Тибетъ по Курабу. Взамѣнъ того, рѣшено было направиться къ западу вдоль высокихъ снѣговыхъ горъ и поискать тамъ болѣе доступнаго прохода, а наступившій іюль провести въ Кэрійскихъ горахъ.

Та наружная часть западнаго Куэнь-люня, которая лежитъ между рѣками Кэрія и Юрунъ-кашъ *), не имѣетъ одного общаго названія. Но такъ какъ эти горы состоятъ въ кэрійскомъ округѣ и своими водами питаютъ Кэрійскіе оазисы, то всего удобнѣе будетъ назвать этотъ хребетъ Кэрійскимъ.

Верхняя горная область состоитъ изъ громадныхъ недоступныхъ массъ, покрытыхъ вѣчными ледниками. Поясъ предгорій представляетъ собою сбѣгающія отъ высокихъ горъ къ пустынѣ гривы холмовъ и уваловъ, раздѣленныхъ продольно глубокими рѣчными ущельями. Благодаря обильному лѣтнему орошенію, высокія предгорья покрыты хорошими лугами, на болѣе же низкихъ, гдѣ дождей меньше, растительность слабая. На окраинѣ

*) Извѣстно, что Куэнь-люнь, въ указанномъ районѣ представляетъ собою двойной кряжъ высокихъ снѣговыхъ горъ. Одинъ наружный хребетъ служитъ высокою оградою Тибета въ таримской впадинѣ; другой стоитъ на самомъ Тибетскомъ плато.

предгорій, по берегамъ рѣчекъ, лежатъ земледѣльческія деревни мачинъ.

По типу, кэрійскіе мачинцы представляютъ смѣсь монгольской расы съ арійской, съ преобладаніемъ послѣдней. Мущины брѣютъ голову, женщины заплетаютъ косы. Встрѣчаются модницы, которыя дѣлаютъ себѣ на вискахъ букли или подстригаютъ чолку. Всѣ почти женщины румянятся и наводятъ брови, соединяя ихъ надъ переносьемъ. Въ отличіе отъ монголовъ, мачинцы чистоплотны, часто моются и пищу приготовляютъ чисто.

Въ оазисахъ и городахъ мачинцы живутъ въ сакляхъ изъ глины или сырого кирпича. Горные же мачинцы выкапываютъ себѣ помѣщенія въ лёссѣ.

Для устройства такого жилья, выбираются подходящія къ тому мѣста: балки, обрывы, или крутыя склоны холмовъ, обращенные къ югу. Здѣсь выкапывается помѣщеніе со сводомъ, подъ который иногда, въ видѣ потолка, настилаются жерди. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ устраивается очагъ съ выводной трубой наружу; въ другой стѣнѣ дѣлается ниша, для склада одежды и войлоковъ. Рядомъ съ главной комнатой выкапывается еще двѣ три, служащія спальнями и кладовыми. Вдоль стѣнъ, изъ лесса же, устраиваются скамьи для спанья и сидѣнья. Лёссовая почва—смѣсь глины съ известью—очень клейкая и не грозитъ разрушеніемъ, подобно обыкновенной глинѣ. Лёссовое жилище лѣтъ 40 держится безъ ремонта; зимою въ немъ тепло, лѣтомъ — прохладно. Около жилья дѣлается яма для храненія аргала и загонъ для скота.

Въ одномъ изъ такихъ жилищъ, Пржевальскій видѣлъ огромный камень въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ, который висѣлъ какъ разъ надъ срединою жилья, держась лишь въ верхней своей половинѣ. Ежеминутно онъ могъ упасть и раздавить присутствующихъ, но объ этомъ, повидимому, никто не заботился. Хозяйка объяснила, что ихъ семья живетъ здѣсь благополучно уже

14 лѣтъ и хотя за это время падали съ потолка крупные камни, но никого не задавили. На маленькіе же камешки, которые валятся довольно часто, никто не обращаетъ вниманія.

Каждая семья мачинцевъ имѣетъ обыкновенно нѣсколько подобныхъ же, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ жилищъ, куда и перекочевываетъ, сообразуясь съ пастбищами для скота. Мачинцы держатъ рогатаго скота мало, но барановъ и козъ много. Изъ козьяго пуха приготовляютъ въ Хотанѣ извѣстныя кашмирскія шали и матерію дака. Остригаютъ козью шерсть очень коротко, потомъ отдѣляютъ пушистый подшерстокъ и, очистивъ его варкою, пускаютъ въ работу.

Говорятъ, что мачинцы занимаются, втихомолку, добычею золота, котораго въ Кэрійскихъ горахъ очень много.

Пьянство мачинцамъ неизвѣстно, но табакъ они курятъ и кромѣ того курятъ одуряющее наши, приготовляемое изъ сѣменной пыли конопли. Похвальную черту этого народа составляетъ любовь къ дѣтямъ и вообще, любовь родственная; при нуждѣ они всегда помогаютъ другъ другу. Родители и старшіе весьма здѣсь уважаются. Мачинцы очень сообщительны, любятъ ходить другъ къ другу въ гости и устраивать общія увеселенія. Пѣсни, музыка и танцы составляютъ любимѣйшее развлеченіе, даже въ самыхъ дикихъ горахъ. Часто рабочіе берутъ съ собою въ поле тотъ или другой инструментъ и поютъ пѣсни во время работы. Музыкальные инструменты ихъ довольно разнообразны: дапъ — бубенъ съ кольцами внутри, дутаръ — родъ балалайки съ двумя струнами шелковыми или изъ кишекъ, играютъ на нихъ пальцами. Ситэръ — также родъ балалайки о 6 — 7 струнахъ; играютъ смычкомъ. Рабабъ — три струны мѣдныхъ и три — изъ кишекъ; играютъ съ помощью небольшой деревяшки. Калупъ — вродѣ большой цитры, много струнъ желѣзныхъ и мѣдныхъ; играютъ костяжкою, надѣвая ее на большой палецъ.

Сурна — вродѣ мѣдной флейты; гиджакъ — вродѣ скрипки; маленькая труба изъ тростника — вродѣ свирели.

Грамотность у мачинцевъ развита мало. Лишь болѣе достаточные посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ школы, которыя заведены во всѣхъ подгорныхъ деревняхъ, не говоря уже объ оазисахъ и городахъ.

Мачинцы-магометане, секты суннитовъ; вѣрятъ въ колдовство и въ злого духа, который пребываетъ, по ихъ мнѣнію, въ пещерахъ, темныхъ углахъ жилищъ и въ мрачныхъ мѣстахъ вообще. Сильная болѣзнь и сумасшествіе считается навожденіемъ злого духа. Мачинцы увѣряютъ, что если человѣкъ съѣстъ ослиные мозги, то непремѣнно поглупѣетъ.

Похоронные и свадебные обряды здѣсь чисто мусульманскіе. Отличіе въ томъ, что послѣ похоронъ родственники умершаго должны жить 40 дней на его могилѣ. Но этотъ обычай соблюдается только отчасти. Въ четвергъ каждой недѣли, родственники посѣщаютъ могилу умершаго, молятся ему и просятъ его помощи. Приносятъ съ собою пищу, чаще всего масляныя лепешки и оставляютъ ихъ на могилѣ. Этою пищею пользуются бѣдные.

Глава IX.

Движеніе экспедиціи вдоль Кэрійскаго хребта продолжалось около мѣсяца. Постоянные дожди увеличивали трудности пути и часто задерживали въ дорогѣ. Лошади, нанятыя въ Кэріи, никогда не ходившія подъ вьюкомъ, оказались никуда не годными. Онѣ, то брыкались во время вьюченья, то ложились съ вьюкомъ на землю, то убѣгали въ сторону щипать траву, то, наконецъ, непривыкшія къ горамъ, обрывались съ кручи. Казаки шли пѣшкомъ, а ихъ верховыхъ лошадей, для облегченія остальныхъ, тоже пришлось завьючить. По счастью, мѣстные

жители доставляли дрова и продовольствіе, иначе — положеніе могло бы оказаться критическимъ.

Всего труднѣе на этомъ пути было переходы ущелій, достигавшихъ иногда до тысячи футовъ глубины. Не одинъ разъ лошади скатывались съ кручи и одна изъ нихъ убилась до смерти. Почти въ каждомъ ущельѣ мчится потокъ, переходъ черезъ который и при убылой водѣ не безопасенъ; при сильной же прибыли воды прямо невозможенъ.

Случается, что гдѣ нибудь далеко, въ горахъ, прошелъ дождь, а вы о томъ и не подозрѣваете; надъ вами сіяетъ солнце. Вдругъ страшный шумъ возвѣщаетъ о приближеніи воды. Грязный, желтовато-сѣрый потокъ бѣшено мчится внизъ, волны съ грохотомъ наскакиваютъ одна на другую, разсыпаются брызгами и пѣною, растираютъ въ песокъ мелкую гальку, катятъ огромные валуны и уносятъ все, что попадается на пути. Много скота, застигнутаго врасплохъ, погибаетъ такимъ образомъ.

Невзгоды труднаго пути не окупались даже посредственною научною добычею. Птицъ было мало и онѣ въ это время линяли; немногіе звѣри держались въ недоступномъ верхнемъ поясѣ; цвѣтущихъ растеній такъ же было очень мало. Постоянные дожди мѣшали экскурсіямъ. Въ виду всего этого, Пржевальскій рѣшилъ спуститься съ горъ на Кэрійско-хотанскую дорогу и 12 Августа пришелъ съ караваномъ въ оазисъ Чира, гдѣ и разбилъ свой бивуакъ въ тѣни абрикосовыхъ деревьевъ.

Оазисъ Чира славится фруктами. Путешественники видѣли дерево грецкаго орѣха и другое айвы, имѣющія каждое по двѣ сажени въ окружности, при вышинѣ 10—12 сажень. Мѣстные старики говорятъ, что этимъ деревьямъ по 85 лѣтъ. Дешевизна фруктовъ здѣсь необыкновенная; за 220 отличныхъ персиковъ путешественники платили гривенникъ на наши деньги. Столько же они платили и за чарыкъ (18 фунтовъ) винограда. Дыни и арбузы также были очень дешевы.

Роборовскій и Козловъ были посланы въ Кэрію, за оставленными тамъ багажемъ и верблюдами. Черезъ восемь сутокъ они вернулись и привезли все въ исправности.

16 Августа экспедиція тронулась въ путь, располагая идти въ Хотанъ, Аксу и далѣе за Тянь-шань въ родные предѣлы. Не смотря на продолжительный отдыхъ, верблюды мало поправились, многіе издохли и Пржевальскій отправилъ черезъ Кашгаръ семирѣченскому губернатору письмо съ просьбою прислать въ Аксу въ половинѣ Октября 40 свѣжихъ верблюдовъ.

Мѣстность отъ Чира до оазиса Сампула, на разстояніи 40 верстъ, представляетъ безводную пустыню. Сампула — оазисъ очень обширный, населенный мачинцами. Въ одномъ только округѣ живетъ племя Хонгуй, происходящее, будто бы, отъ Рустемъ-дагестана. По преданію, Рустемъ-дагестанъ, отправляясь воевать, оставилъ въ нынѣшнемъ восточномъ Туркестанѣ жену и малютку сына. Прошли года, ребенокъ сталъ юношею и чтобъ прокормить себя и мать занялся воздѣлываніемъ дынь. Возвратившись послѣ долгаго отсутствія, Рустемъ не могъ отыскать жену и сына, но ему помогъ случай. Продолжая поиски, онъ встрѣтилъ юношу, вступилъ съ нимъ въ ратоборство, побѣдилъ и хотѣлъ убить, какъ вдругъ услышалъ слѣдующія слова: «пощади сына Рустемъ-дагестана». Такимъ образомъ отецъ нашелъ своего сына, отъ котораго пошло вышеописанное племя.

Въ семи верстахъ отъ Сампула, путешественники были встрѣчены аксакаломъ и старшинами съ обычнымъ достарханомъ. Аксакалъ предложилъ проводить экспедицію до оазиса и къ великому удивленію путешественниковъ повелъ ихъ черезъ засѣянныя поля, которыя и были помяты. Оказалось, что все это было сдѣлано въ угоду китайцамъ для того, чтобы вооружить туземцевъ противъ русскихъ. Разобравъ въ чемъ дѣло, Пржевальскій послалъ собрать свѣдѣнія объ убыткахъ, понесенныхъ жителями и щедро заплатилъ за нихъ, хакима же, отдавшаго это приказа-

ніе и его помощника велѣлъ арестовать. Ихъ обоихъ казаки привязали къ деревьямъ и поставили часового съ ружьемъ. Вѣсть, что хакимъ сидитъ на привязи, быстро облетѣла ближайшія деревни и толпы народа сбѣжались посмотрѣть на невиданное зрѣлище, хотя дѣлали это украдкою изъ за угла. Вечеромъ пришли старшины и многіе почетные туземцы просить Пржевальскаго, чтобы онъ отпустилъ виновнаго. Явились и китайскіе чиновники «узнать о здоровьѣ», но не были приняты.

Тѣмъ не менѣе, нелѣпые слухи о враждебности русскихъ успѣли распространиться и такъ напугали туземцевъ, что на пути своемъ путешественники почти никого не встрѣчали.

Съ приближеніемъ къ Хотану мѣстность становилась болѣе и болѣе населенною; оазисы шли почти безъ перерыва. Глиняныя сакли утопали въ сплошной зелени. Кругомъ разстилались отлично воздѣланныя поля, дающія урожай самъ 20 — 30. Въ одинъ годъ снимается два хлѣба. Послѣ ячменя идетъ кукуруза, а послѣ пшеницы — просо. Сады, кромѣ фруктовъ, изобилуютъ цвѣтами. Кромѣ того, цвѣты садятъ на крышахъ, на заборахъ, надъ воротами и даже на глиняныхъ стойкахъ молочныхъ лавокъ.

Хотанъ, главный городъ обширнаго оазиса того же имени, считается довольно значительнымъ центромъ торговли восточнаго Туркестана съ Россіей, Индіей и Китаемъ. Хотанъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Юрунъ-кашъ и состоитъ изъ тѣсно скученныхъ сакель и узкихъ улицъ между ними.

Главный элементъ хотанскаго населенія составляютъ мачинцы. Въ небольшомъ числѣ встрѣчаются ардбюль, а также пришлые авганцы, индусы и другіе. Монголовъ и вообще буддистовъ нѣтъ; все магометане-сунниты.

При большой скученности населенія, дешевизна рабочихъ рукъ въ Хотанѣ невообразимая. Обыденная плата годовому рабочему при готовомъ содержаніи 3 р. 20 к. на наши деньги. Женщины же идутъ въ работницы изъ за хлѣба и одежды. Про-

дажа въ рабство практикуется въ довольно большихъ размѣрахъ. Покупаютъ дѣтей у бѣдныхъ болѣе достаточные изъ туземцевъ, кромѣ того пріѣзжіе купцы и китайцы.

Въ Хотанъ экспедиція прибыла 26 Августа, а вышла изъ него 5 Сентября на Аксу. Цѣлый мѣсяцъ шли путешественники, изнемогая отъ жары, которая не спадала даже до конца Сентября. Незадолго до поворота Хотанской дороги ихъ встрѣтилъ аксакалъ изъ Аксу и съ нимъ двое киргизовъ, вожаковъ верблюдовъ, высланныхъ изъ Семирѣчья. Въ Аксу, куда путешественники прибыли 16 Октября, ихъ радушно встрѣтили торговцы сарты, русскіе подданные. Здѣсь проданы были уцѣлѣвшіе 37 верблюдовъ, сдѣлавшихъ 7000 верстъ и завьючены 40 свѣжихъ.

29 Октября экспедиція достигла перевала черезъ Бедель, гдѣ пролегаетъ пограничная черта Россіи съ Китаемъ. На самомъ перевалѣ, на высотѣ 13,700 ф., Пржевальскій поздравилъ своихъ спутниковъ съ окончаніемъ путешествія и подарилъ казакамъ винтовки, съ которыми они два года путешествовали. Затѣмъ сдѣланъ былъ залпъ изъ берданокъ и револьверовъ и Николай Михайловичъ прочелъ своему отряду слѣдующій приказъ:

«Сегодня для насъ знаменательный день; мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пустились тогда въ глубь Азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь только одного союзника, отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа, и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Ала-шаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачныхъ высотахъ. Мы жили два года какъ дикари подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ и переносили то 40-градусные морозы, то еще большіе жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому, по временамъ, прибавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая

вражда туземцевъ: вспомните какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно враждебно относились къ намъ китайцы.

«Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія, ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ большей части которыхъ еще не ступала нога европейца. Честь и слава вамъ, товарищи! О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили и отъ имени родины, которую мы прославили.

Глава X.

Въ первыхъ числахъ ноября, экспедиція прибыла въ Каракол, гдѣ Пржевальскій былъ осчастливленъ поздравительною телеграммою Наслѣдника Цесаревича, а 16 ноября Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Каракола и черезъ Вѣрный и Омскъ направился въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ милостиво принятъ Государемъ Императоромъ и произведенъ въ генералъ-маіоры.

Осыпанный царскими милостями, онъ былъ далекъ отъ мысли приписывать себѣ одному блестящіе результаты своихъ путешествій. Въ докладѣ Генеральному Штабу онъ прямо заявлялъ, что безъ отваги, энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу его сподвижниковъ, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сдѣлано.

По ходатайству Николая Михайловича, всѣ его сподвижники были щедро награждены. Одни получили единовременныя пособія, другіе — пенсіи; всѣ, безъ исключенія, знаки военнаго ордена.

Пробывъ въ Петербургѣ до конца Марта, Пржевальскій уѣхалъ въ свое Смоленское имѣніе «Слободу», гдѣ собирался заняться описаніемъ своего послѣдняго путешествія. Онъ работалъ усердно, а ради отдыха занимался охотою, рыбною ловлею и садоводствомъ. Его очень интересовали результаты посѣва дынь и арбузовъ, привезенныхъ изъ Хотана. Онъ любовался ими и жалѣлъ, что возлѣ него не было его товарищей Роборовскаго и Козлова. Первый готовился къ поступленію въ академію генеральнаго штаба, а второй былъ въ юнкерскомъ училищѣ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Пржевальскій вернулся въ Петербургъ и принесъ въ даръ музею Академіи Наукъ свою орнитологическую коллекцію; того же мѣсяца, 29 числа, онъ присутствовалъ на годовомъ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, гдѣ удостоился такихъ почестей, какія выпадаютъ на долю только блестящихъ двигателей науки.

Въ началѣ 1887 г. готовилось для него новое торжество—выставка его коллекцій для публики. 2 Февраля, въ день открытія, выставку посѣтили Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими сыновьями. Его Величество нѣсколько разъ благодарилъ Николая Михайловича и остался выставкою очень доволенъ.

Вслѣдъ за этимъ Пржевальскій уѣхалъ въ деревню и снова принялся за сочиненіе. Въ тоже время онъ разработывалъ планъ новаго путешествія.

«Думаю, писалъ онъ Фатѣеву въ Ноябрѣ 1887 г., еще разъ сходить въ Тибетъ, посмотрѣть теперь Далай-ламу. Нужно 20—30 стрѣлковъ и головой ручаюсь, что буду въ Хлассѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пржевальскій представилъ совѣту Императ. Русск. Географ. Общества программу своего будущаго «пятаго» путешествія и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ. Срокомъ для путешествія онъ назначалъ два года и

исходнымъ пунктомъ г. Караколъ въ Семирѣчьѣ. Отсюда, осенью 1888 г., онъ предполагалъ двинуться черезъ Тянь-шань на Аксу, а по Хотанской рѣкѣ въ г. Хотанъ. Далѣе, черезъ Кэрію въ Черченъ и въ Гасъ, гдѣ разсчитывалъ устроить складъ.

Весна и лѣто 1889 г. назначались для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета, къ югу и къ западу отъ Гаса. Возвратившись затѣмъ къ складу и переснарядивъ экспедицію, Пржевальскій располагалъ раннею осенью двинуться къ Хлассѣ. Осенью 1890 года путешествіе должно было закончиться.

Для выполненія этой программы, Николай Михайловичъ считалъ необходимымъ имѣть въ составѣ экспедиціи: двухъ офицеровъ, двухъ препараторовъ, двухъ переводчиковъ, 15 солдатъ и 7 казаковъ. Усиленный составъ требовался для охраненія складовъ. Расходы на экспедицію были разсчитаны въ 48,520 р., кромѣ получаемаго по службѣ содержанія. Всего же, съ курсовою разницею, съ прогонами и содержаніемъ членамъ экспедиціи было отпущено изъ государственнаго казначейства 80,335 р.

Получивъ разрѣшеніе предпринять новое путешествіе, Пржевальскій сталъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду. Съ большимъ трудомъ удалось добыть китайскій паспортъ, въ которомъ долго и упорно отказывали китайцы. Наконецъ послѣ безконечныхъ переговоровъ и убѣжденій нашего посланника въ Пекинѣ, что путешествіе Пржевальскаго предпринимается съ чисто научной цѣлью, паспортъ былъ выданъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Пржевальскій получилъ извѣстіе, что неизмѣнный его спутникъ Иринчиновъ отказывается отъ экспедиціи. Иринчиновъ говорилъ, что онъ слабъ, не надѣется на свои силы и сознаетъ, что если пойдетъ въ экспедицію, то назадъ не вернется.

Это извѣстіе огорчило Пржевальскаго, но онъ не сѣтовалъ на Иринчинова за его отказъ. Онъ самъ далеко не чувствовалъ прежняго увлеченія и собираясь въ путь, не могъ отдѣлаться отъ грустнаго, вовсе ему не сроднаго расположенія духа.

Свое мрачное настроеніе Пржевальскій объяснялъ грустью разлуки съ няней, которую не чаялъ больше увидать. Прощаясь съ родными и домашними онъ плакалъ, чего никогда съ нимъ прежде не бывало. Пятаго Августа 1888 г. Николай Михайловичъ оставилъ свою «Слободу», а 10 Августа былъ уже въ Петергофѣ, гдѣ представлялся Государю Императору.

«Пріемъ былъ такой милостивый, писалъ онъ Денисову *), о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали какъ родного.

18 Августа былъ назначенъ отъѣздъ Пржевальскаго изъ Петербурга. Не смотря на его старанія скрыть этотъ день, о немъ протрубили всѣ газеты и на станцію Николаевской ж. д. собралась масса публики и множество газетныхъ репортеровъ.

Переѣздъ изъ Европы въ Азію былъ сдѣланъ на этотъ разъ по новой Закаспійской жел. дор. и 7-го Сентября Пржевальскій былъ уже въ Самаркандѣ.

23 Сентября черезъ Ташкентъ онъ прибылъ въ Пишпекъ, гдѣ предстояло пріобрѣсти вьючныхъ животныхъ. Куплено было 120 верблюдовъ и 15 лошадей. Изъ Пишпека Николай Михайловичъ съѣздилъ въ Вѣрный для покупки китайскаго серебра и сформированія отряда. 3-го Октября онъ вернулся въ Пишпекъ, 8-го выѣхалъ въ Караколъ, куда и прибылъ 10 Октября. Пріѣхавшіе вслѣдъ за нимъ Роборовскій и Козловъ тотчасъ же занялись пріисканіемъ мѣста для бивуака и нашли его около устья Каракольскаго ущелья на площадкѣ, орошаемой

*) Управляющій Слободою.

рукавомъ р. Каракола. Это мѣсто очень понравилось Николаю Михайловичу и онъ самъ указалъ гдѣ разбить палатки, юрты и проч.

14 Октября экспедиція перебралась на бивуакъ, а на слѣдующій день Николай Михайловичъ жаловался что ему нездоровится.

Болѣзнь съ каждымъ днемъ ухудшалась; 18 Октября, больной, по совѣту доктора, былъ перевезенъ въ Каракольскій больничный баракъ, гдѣ онъ и скончался.

Николай Михайловичъ умеръ въ полной памяти, сдѣлавъ самыя подробныя распоряженія относительно своего имущества и погребенія.

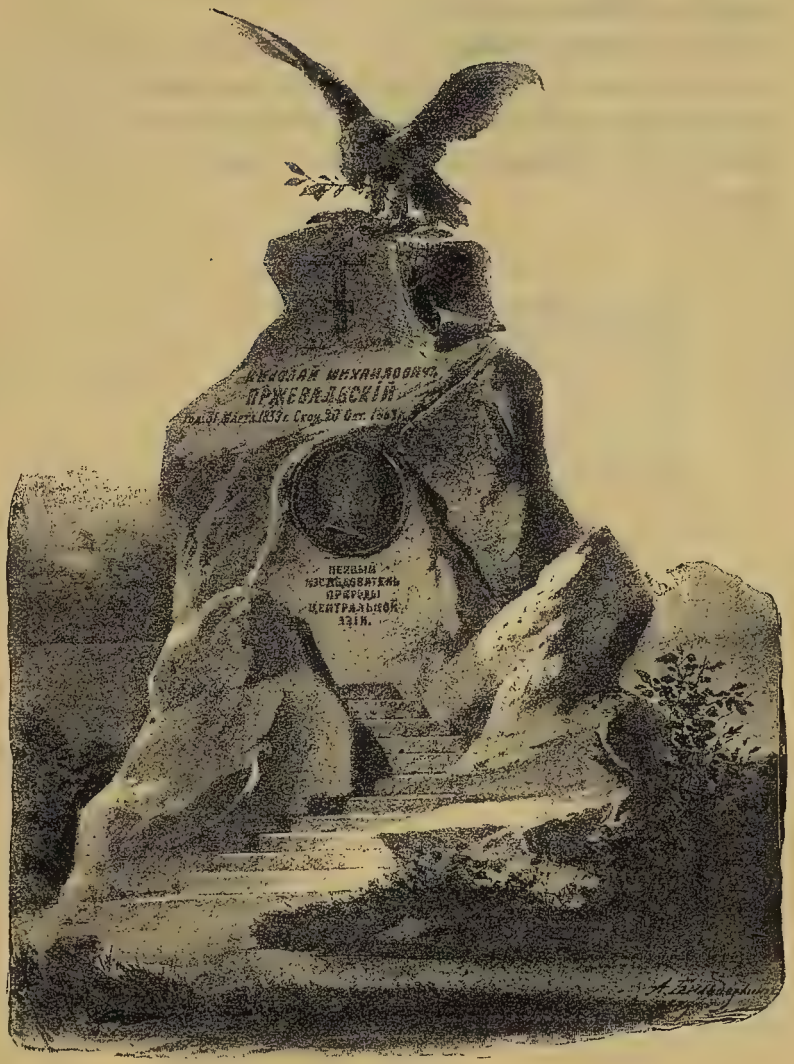
По волѣ усопшаго, тѣло его было предано землѣ на берегу озера Иссыкъ-куль, а на могилѣ водруженъ крестъ съ надписью: Путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Родился 1839 года Марта 31. Скончался 1888 г. Октября 20-го.

Задушевное желаніе покойнаго было исполнено: тѣло его осталось навсегда въ Азіи и могила его находится у подножія Небесныхъ горъ.

Нѣсколько времени спустя, командующій войсками Омскаго военнаго округа, генералъ Колпаковскій, ходатайствовалъ о переименованіи города Каракола, Семирѣченской области, въ Пржевальскъ, на что и послѣдовало соизволеніе Государя Императора 11 Марта 1889 г.

Въ томъ же году Высочайше одобренъ былъ проэктъ памятника, представленный товарищемъ и другомъ Пржевальскаго, Бильдерлингомъ.

Памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня, на гидравлическомъ цементѣ. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ, — символъ ума, силы и безстрашія. Подъ ногами орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ; въ клювѣ — оливковая вѣтвь — эмблема мирныхъ завоеваній



ПАМЯТНИКЪ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО

НА МОГИЛѢ ЕГО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА ИССЫКЪ-КУЛЬ.

науки. На лицевой сторонѣ скалы бронзовый крестъ, подъ нимъ надпись, высѣченная на камнѣ.

Подъ надписью вставлена, въ увеличенномъ видѣ, бронзовая медаль, выбитая въ честь Пржевальскаго Академіею Наукъ, а подъ ней высѣчена на камнѣ надпись, помѣщенная на оборотной сторонѣ медали: «Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи».

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
„ .... “ ..... 193 г.

КАРТА ПУТЕШЕСТВІЙ
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО
ПО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
ПУТЕШЕСТВІЯ
Монгольское
Лобъ норское и Чжунгарское
1-е Тибетское
2-е Тибетское
КАРТОГР ЗАВ А ИЛЬИНА С.ПБ

[illegible]

Изданія А. Ф. ДЕВРІЕНА въ С.-Петербургѣ.

Съ сѣвера на югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. **Н. Н. Каразина.** Съ 6-ю хромолитографіями, 5-ю фототипіями и 99 политипажами въ текстѣ по рисункамъ автора. Въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 5 р.

Исторія маленькой дѣвочки. Повѣсть для юношества **Е. А. Сысоевой.** Съ рисунками В. А. Табурина и др. 2-ое изданіе. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества **В. П. Желиховской.** Съ рисунками В. А. Табурина. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 руб.

Изъ давняго прошлаго. Очерки и картинки быта польской Украйны XVIII столѣтія. **А. П. Смирнова.** Съ рисунками Е. Е. Баумгартенъ. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 р. 75 к.

Юрій Збигонь, молодой чехъ. Повѣсть для юношества **М. А. Лялиной.** Съ рисунками Е. Е. Баумгартенъ. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 руб.

Афрайя герой лапландцевъ. Разсказъ изъ жизни прошлаго столѣтія на крайнемъ сѣверѣ. Передѣлано для юношества **Отто Гофманомъ** изъ романа **Ѳ. Мюгге.** Перев. съ нѣмецкаго **О. Шмидтъ-Москвитиновой.** Съ шестью хромолитографированными рисунками. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Розанчикъ. Волшебная сказка. **В. П. Желиховской.** Съ 4-мя хромолитографіями и другими иллюстраціями Н. Н. Каразина. Въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Избранныя сказки **Г. Х. Андерсена.** Въ пересказѣ для дѣтей **О. И. Роговой.** Съ четырьмя хромолитографическими картинами К. Оффтердингера и съ 26 рисунками въ текстѣ in 4°. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. По премированному французской академіей сочиненію Эмиля Дебо: «Le jardin de M-lle Jeanne» передѣлала для русскихъ дѣтей **Анна Хвольсонъ.** Съ 90 рис. въ текстѣ, въ иллюстрир. переплетѣ. Цѣна 2 руб.

Почитать-бы! **Н. И. Познякова.** Съ рисунками М. Михайлова и М. Фольбаума. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 1 р. 75 к.

Русскіе богатыри. Главнѣйшія русскія былины въ пересказѣ для юношества **О. И. Шмидтъ-Москвитиной.** Одинъ большой томъ въ 4°. Съ 8-ю хромолитографированными рисунк. Н. Н. Каразина. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 3 р. 50 к.

Ласточкино гнѣздо и другіе разсказы для дѣтей. **О. И. Роговой.** Съ рисунками В. Крюкова, И. С. Панова, Н. Богданова и В. Михайлова. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 руб.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Новое изданіе для юношества, обраб. **А. Н. Энгельгардтъ.** Съ 6-ю хромолитогр. и съ рисунк. въ текстѣ, въ иллюстриров. переп. Цѣна 3 руб.

Одиссея Гомера. Разсказанная для дѣтей **А. Лярскимъ.** Съ 34 рисунками Ф. Преллера, гравир. Брендамуръ. Большой томъ in folio въ иллюстриров. переплетѣ. Цѣна 4 р. 50 к.

Дѣтскіе разсказы **П. Незванова.** Со многими рисунками художника Н. Лосева. Второе изданіе, въ иллюстрированномъ переплетѣ. Спб. 1889 г. Цѣна 2 руб.

Путешествіе д-ра Гулливера въ лиллипутамъ и въ страну великановъ. Передѣлано по Свифту для русскаго юношества **О. И. Шмидтъ-Москвитиновою.** Съ 12-ю хромолитографированными рисунками и въ иллюстрированномъ переплетѣ. 2-е изд. Цѣна 1 р. 75 к.

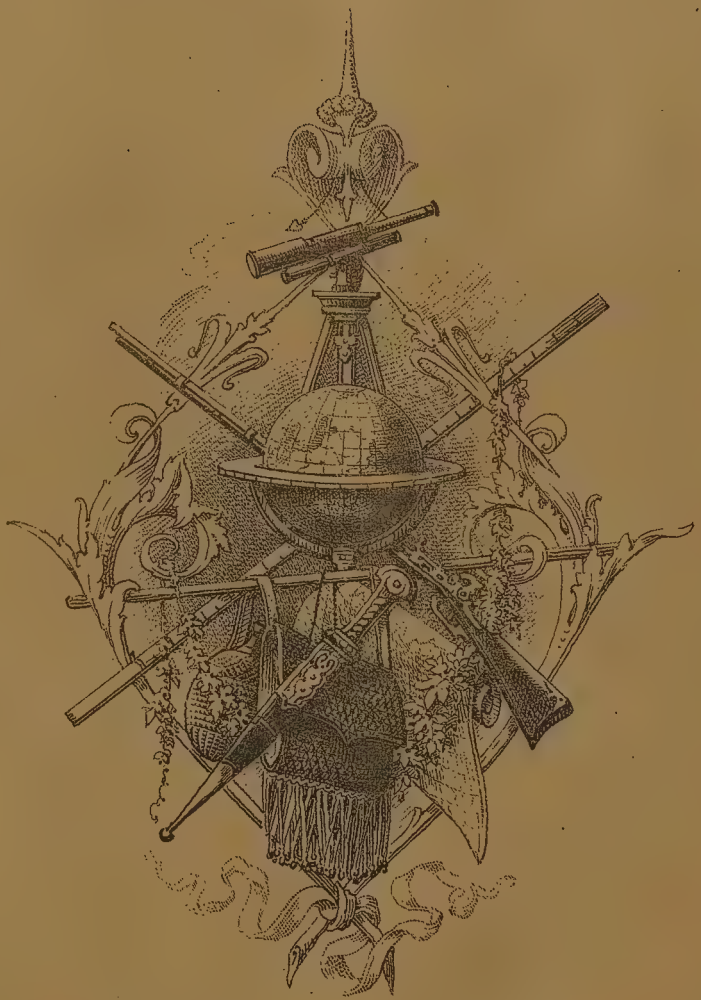
Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена. Перед. для русскаго юношества **О. И. Шмидтъ-Москвитиновою.** Съ 6-ю хромолитогр. рисунками и въ иллюстрир. переплетѣ. 2-е изд. Цѣна 1 р. 75 к.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Перед. по Сервантесу для русскаго юношества **О. И. Шмидтъ-Москвитиновою.** Съ 6-ю хромолитограф. рисунк. и въ иллюстриров. переплетѣ 2-е изд. Цѣна 1 р. 75 к.

Сказанія Европейскихъ народовъ. Составила для юношества по разнымъ источникамъ **О. И. Шмидтъ-Москвитинова.** Съ 6-ю хромолитограф. рисунк. и въ иллюстрир. переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Робинзонъ Крузоэ. Его странствія и приключенія на водѣ и сушѣ. На просвѣщеніе и поученіе юношества по разсказу **Дефоэ,** составлено **О. Гёкеромъ.** Переводъ со второго нѣм. изданія. Съ 100 раскрашенными рисунками въ текстѣ. Въ иллюстриров. каленкоровомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Полный каталогъ изданій А. Ф. Девріена, въ С.-Петербургѣ, высылается по требованію безплатно.



1-75
mm